ЖАКЛИН ПАСКАРЛЬ
КАК Я БЫЛА ПРИНЦЕССОЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО АМФОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей автобиографической книге Жаклин с подкупающей откровенностью рассказывает о личной трагедии, которая когда-то взволновала весь мир.

- Жаклин Паскарль
  -
  -
  - Предисловие
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- Эпилог
- От автора
- Глоссарий

- notes
  - 1

Жаклин Паскарль
Как я была принцессой

Jacqueline Pascarl
Once I was a Princess

Издательство выражает благодарность Mainstream Publishing и Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

© Jacqueline Pascarl, 1999
© Пандер И., переводна русский язык, 2008
© Издание на русском языке, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2010

* * *

Моим детям Аддину и Шахире
Целую вас миллион, биллион, триллион раз и люблю бесконечно…

Это всего лишь правдивый рассказ о том, как члены одной королевской семьи в одной отдельно взятой стране и в один отдельно взятый отрезок времени пытались сделать из меня настоящую мусульманку. Он ни в коем случае не задуман как обвинение против всех мусульман вообще или против ислама. Я глубоко убеждена в том, что в основе любой религии лежит добро. Зло появляется, только когда люди, искушенные в манипуляциях, пытаются использовать ее в своих политических или иных целях.

Предисловие

Когда мне впервые предложили написать книгу о том кошмаре, в который превратилась моя жизнь в 1992 году, после похищения детей, я испугалась, потому что была уверена, что никогда не смогу связно рассказать об этом. Но потом, возвращаясь мысленно к этому предложению, я начала понимать, что настанет день, когда Аддин и Шахира захотят из первых рук узнать о том, что случилось с ними, и о причинах, заставлявших меня принимать те или иные решения. Желание рассказать им правду придало мне силы, и все-таки я не без опасения села за компьютер и попыталась из кусков и обрывков воспоминаний составить более или менее связный рассказ о своей жизни. Идея написать автобиографию в тридцать лет казалась смехотворной даже мне самой, но я знала, что должна сделать это ради своих детей.

Иногда писать становилось слишком больно. В такие дни я просто забиралась в постель и старалась ни о чем не думать. В другие – какой-нибудь неожиданный поворот событий заставлял меня надолго откладывать книгу и опять вступать в бой за Аддина и Шахиру. Но тем не менее постепенно я поняла, что эта работа нужна не только моим детям, но и мне самой. Она дала мне возможность заглянуть в себя и под всеми слоями боли, обиды и горечи разглядеть наконец, кем же я стала после всего, что случилось. Одна из самых важных вещей, которой я научилась за это время, – это умение даже в отчаянии обретать надежду, и я очень хочу, чтобы и мои дети умели это делать, хотя я и не смогу научить их сама.

Живу надеждой…

Пролог

От страшного крика лопается голова, меня захлестывают волны отчаяния и ужаса, паника сковывает тело. Я чувствую, как меня обнимают чьи-то руки, слышу чей-то голос, слова… Но крик продолжает звучать в ушах, и ужас не отпускает, хотя я уже понимаю, что это был мой собственный крик и что мне опять приснился кошмар – тот самый, что снится почти каждую ночь, тот самый, из-за которого я боюсь ложиться в постель по вечерам и не решаюсь задремать днем.

Мои дети, мои малыши с их сияющими мордашками, нежными телами и худенькими ручками и ножками никогда не улыбаются мне в этом сне. Они пустыми глазами смотрят прямо перед собой и видят только зеркальную стену. В отдельных комнатах, в которых нет ни дверей, ни окон, они сидят на своих кроватках, и я вижу, как беззвучно двигаются их губы, произносящие слово «мама». Они повторяют его снова и снова, испуганно и растерянно, но я слышу не их, а чьи-то чужие голоса. Я пытаюсь разбить эту стеклянную стену, пытаюсь крикнуть, что спешу к ним, что люблю их и что все будет хорошо, но дети не слышат меня. Не слышат и продолжают звать.

А потом начинается смех: издевательский, злой и такой знакомый. Так смеется мой бывший муж. Янг Амат Мауля (то есть Его Высочество принц) Раджа Камарул Бахрин Шах ибн Янг Амат Мауля Раджа Ахмад Бахаруддин Шах. Или проще – Бахрин.

Мои сны похожи на страшный фильм, который, не успев закончиться, тут же начинается с самого начала. Они всегда одинаковые и всегда ужасающе реальные. Я просыпаюсь оттого, что меня обнимают руки моего спасителя, и пытаюсь бессвязно рассказать обо всем, что видела, словно хочу и его затащить в это непрекращающееся безумие. Я дрожу и всхлипываю, а он гладит и покачивает меня, и сознание начинает постепенно возвращаться, а за окном уже брезжит рассвет. Это всего лишь сон… ночной кошмар… кошмар, в который превратилась моя жизнь… плата за выбор, сделанный в семнадцать лет. Плата за то, что однажды я была принцессой.

1

Мои первые воспоминания относятся, по утверждению надежных источников, к семимесячному возрасту. Я помню, как с наступлением сумерек сгущались тени на стенах в комнате моей матери. Помню, как жаркими вечерами, какие бывают только в Австралии, соседи поливали из шлангов свои садики и аромат тек в дом через открытые окна и жалюзи. Главным предметом в маминой спальне был громоздкий белый комод, на котором красовались большое круглое зеркало, несколько расписных сувенирных тарелочек, мамины четки и ее драгоценный транзисторный приемник. Кроме того, вдоль стен, одна напротив другой, стояли две узкие кровати, накрытые когда-то темно-лиловыми, но уже выцветшими вышитыми покрывалами. При взгляде на них мне всегда делалось грустно – они казались такими же усталыми и блеклыми, как моя мама.

Отчетливо помню, как меня укладывают на ту кровать, что напротив окна, и мама наклоняется надо мной, неумело пытаясь поменять пеленку. Ее лицо с голубыми глазами и вполне галльским носом, в обрамлении темно-русых, заколотых кверху волос, в моих детских воспоминаниях связано с болезнью и отчужденностью. Оно никогда не приближалось ко мне настолько, чтобы я могла потрогать его или исследовать своими пухлыми младенческими пальчиками. Тот давний вечер особенно часто вспоминался мне, когда много лет спустя мне самой пришлось делать выбор между пеленками и одноразовыми подгузниками. Проблема была однозначно решена в пользу подгузников с их фиксирующими липучками. Дело в том, что в тот раз мама умудрилась булавкой пришпилить чистую пеленку прямо ко мне. Естественно, я испустила возмущенный вопль. Моя молодая, неопытная мать перепугалась и бросилась за помощью, а я осталась лежать на кровати в пеленке, пристегнутой прямо к коже у меня на животе. Помню, что, оставшись одна, я на секунду перестала кричать и успела сообразить, что на самом деле мне не так уж и больно, но потом набрала в грудь побольше воздуха и заорала снова. А потом в спальню прибежала бабушка и спасла меня. Мне кажется, что именно с этого памятного эпизода с булавкой в моих отношениях с мамой образовалась трещина, которая с годами становилась все шире и шире.

Я родилась в больнице имени Джесси Макферсон в Мельбурне 5 июля 1963 года в восемь сорок восемь утра. При этом знаменательном событии совершенно точно присутствовала моя мама, но кто кроме нее приветствовал мое появление на свет,

мне неизвестно. Думаю, что, увидев меня впервые, мама пережила большое разочарование. Будучи голубоглазой и светловолосой австралийкой англосаксонского происхождения, она ошибочно предполагала, что и я буду выглядеть примерно так же. Совершенно безосновательная надежда, учитывая тот факт, что мой отец был китайцем. Вместо белокурого ангелочка маме вручили кареглазое и темноволосое вопящее существо, не похожее ни на одного другого младенца в родильном отделении больницы. Уже тогда было совершенно ясно, что меня никогда не пригласят сниматься в рекламе душистого мыла.

Моего отца звали Чуан Хуат, он приехал в Австралию из Малайи (так тогда называлась Малайзия), чтобы учиться в университете, и, судя по рассказам, шикарно одевался. Боюсь, что больше всего он напоминал помесь азиатского Марлона Брандо с Чарли Чаном[1] (в белом костюме и туфлях) и, кажется, в период ухаживания за мамой даже разъезжал на мотоцикле. После довольно бурного и продолжительного романа мои родители поженились в сентябре 1962 года. Я, судя по всему, была зачата во время медового месяца. Согласно семейной легенде, отец женился на маме, не удосужившись поставить в известность своих родителей, и те совсем не обрадовались, узнав о моем грядущем появлении на свет. Я вошла в жизнь своего отца точно в назначенное время, а он навсегда исчез из моей спустя пять дней после моего рождения.

К сожалению, я мало, вернее, почти ничего не знаю об отце. После того поспешного бегства он так никогда и не вернулся в Австралию. Удобным поводом для внезапного отъезда стала серьезная болезнь его брата; тот, кстати, действительно умер вскоре после возвращения отца в Малайю, но я все-таки подозреваю, что подлинной причиной стала неуемная мамина страсть к сценам и драматическим эффектам, которыми он к тому времени, вероятно, успел наесться досыта. Отец задержался в Мельбурне ровно настолько, чтобы один разочек взглянуть на меня и придумать мне имя. Иногда мне кажется, что и мой пол сыграл немалую роль в его решении спастись бегством. Возможно, все сложилось бы по-другому, окажись у меня под пеленками небольшой, но важный отросток.

У бедной мамы после его бегства началась депрессия и, как ее следствие, затянувшийся на многие годы роман с психотропными препаратами. Ее материнские обязанности пришлось взять на себя моей бабушке. Ирэн Розалин Паскарль. Бабушка, крошечный сгусток энергии и несгибаемой воли, делала все, что могла, для скрепления нашей маленькой семьи и попутно, как я сейчас понимаю, в зародыше задушила все

материнские инстинкты собственной дочери.

Детство бабушки могло бы стать прекрасной иллюстрацией к истории Австралии после 1901 года, то есть после образования федерации. Она была одной из четырех детей, рожденных Фиби Анной Клариссой от ее мужа-ирландца. Мои прабабушка и прадедушка познакомились, едва юный мистер Стаффорд спустился с корабля, доставившего его в Австралию из ирландского графства Голуэй (хотя в брачном свидетельстве и записано, что он родился в австралийском городке Уорнамбул – обычная в те дни уловка, для того чтобы скрыть отсутствие у вновь прибывшего документов на право проживания в колонии), и устроился плотником в имение родителей Фиби. В пятнадцать лет моя будущая прабабушка была избалованной и весьма своевольной барышней, единственным ребенком в семье. Среди ее предков, принадлежавших к английской и французской аристократии, насчитывался как минимум один герцог и один маршал Франции. В отличие от большинства тогдашнего населения Австралии, прибывшего в страну на кораблях, набитых ссыльными преступниками, предки Фиби приехали сюда добровольно и сразу же заняли видные административные посты в самой молодой английской колонии (вполне традиционная карьера для младших отпрысков аристократических домов). Романтическое увлечение не по годам темпераментной барышни и ее последующее бегство с предметом ее страсти – наемным работником без роду и племени – наделали страшный переполох в семье и несколько десятилетий оставались тщательно охраняемой тайной.

Союз, заключенный без родительского благословения и, главное, без приданого, был обречен с самого начала. Когда дела молодой семьи пошли совсем плохо, моя бабушка Ирэн, два ее брата Гордон и Лайонел и совсем маленькая сестренка Эйлин были отданы в приемные семьи, а их мать Фиби вернулась к родителям, в богатый дом, из которого когда-то сбежала. Впоследствии, нарушив закон, она вышла замуж вторично и не видела своей дочери, а моей бабушки до тех пор, пока той не исполнилось двадцать лет. Второй муж моей прабабки так никогда и не узнал ни о ее первом браке, ни о детях, от которых та отказалась. Скандал удалось надежно похоронить при помощи немалых денег и связей.

Отношение к усыновлению перед Первой мировой войной сильно отличалось от сегодняшнего. Тогда братьев и сестер, не задумываясь, разделили и бабушку с дядей Гордоном отдали в одну католическую семью, дядю Лайонела – в другую, а крошку Эйлин – в третью, состоятельную и протестантскую. Религиозные

предрассудки в то время были еще довольно сильны, вследствие чего бабушка потеряла всякую связь с Эйлин и впервые увиделась с ней, когда они обе уже стали взрослыми. Но и тогда пропасть между ними оказалась такой глубокой, что две сестры никогда не стали по-настоящему близкими. Какая ирония судьбы видится в том, что религия сыграла столь драматическую роль в жизни детей, среди предков которых имелись и евреи, и французские гугеноты, и ирландские католики, и английские протестанты!

Детские годы бабушки трудно назвать счастливыми. Еще совсем маленькой она стала в своей приемной семье бесплатной прислугой: начиная с пяти утра скребла полы, стирала, готовила, ухаживала за лошадьми и скотиной и при этом еще ходила в школу и сидела с младшими детьми. Ее часто били и никогда не ласкали. В четырнадцать лет бабушку отдали на фабрику, где она клеила коробки, а все ее скудное жалованье забирала приемная мать.

Ей еще не исполнилось двадцати лет, а она уже была модисткой, когда на танцах в церковной общине, объединенных с праздником по поводу выигрыша местной футбольной команды, бабушка познакомилась с моим дедушкой. Затем последовали короткий роман и очень-очень долгая помолвка, во время которой, как позже рассказывали мне родственники, дедушка очень старался «нагуляться как следует». Просто поразительно, как многое он успел сделать за спиной у ничего не подозревающей бабушки. Поженились они только через десять лет, перед самым началом Второй мировой войны. Предполагалось, что во время помолвки дедушка построит для молодой семьи дом, а бабушка позаботится о своем «сундуке с приданым». Я потом часто дразнила ее тем, что за десять лет приданого можно было наготовить достаточно не для сундука, а для целого магазина. Моя мама стала единственным ребенком бабушки и дедушки; они разошлись, когда ей исполнилось пятнадцать, и с тех пор виделись только однажды – на свадьбе моих родителей.

Судя по всему, отношения между бабушкой и маленькой мамой были неровными и довольно трудными. С точки зрения сегодняшней психологии, считающей, что недостаток родительской заботы и насилие над ребенком могут нанести тому психологическую травму, подчас влияющую на всю его жизнь, приходится признать, что бабушка, не успевшая к тому моменту справиться с собственными демонами, оказалась мало подготовленной к роли матери и воспитателя.

Она возлагала весьма честолюбивые надежды на своего единственного ребенка. Уже в самом раннем возрасте мама

участвовала в каких-то детских радиопередачах, брала уроки пения, уроки дикции, носила пышные кружевные платьица, локоны и училась в частном, хоть и недорогом, католическом колледже для девочек.

Как и бабушка, мама рано оставила учебу и начала работать. Она устроилась в небольшую химическую компанию секретарем-машинисткой и оставалась там до тех пор, пока в двадцать один год не вышла замуж за моего отца. Хотя пару лет до этого мама и прожила в «общежитии для молодых леди», готовить и вести хозяйство она так и не научилась и, по всей видимости, до самой свадьбы оставалась девственницей. Об отце до самого его отъезда в Австралию заботились его мать и слуги, но девственником он, насколько я понимаю, не был.

Родители не спали и не жили вместе ни одного дня до свадьбы, поэтому проблемы начались в первые же часы семейной жизни. Они даже не пробовали решать их и совсем не старались понять друг друга, а просто устраивали вечеринку за вечеринкой, стараясь как можно реже оставаться наедине друг с другом. Делать это стало гораздо труднее, когда семья отца, владевшая в Малайе нефтяными танкерами, вдруг перестала высылать ему деньги и когда мама с папой вдруг обнаружили, что один плюс один равняется трем, если не пользоваться контрацептивами.

Когда-то богатому и элегантному молодому человеку пришлось бросить университет и устроиться рабочим на лакокрасочную фабрику, чтобы обеспечить себе и своей беременной жене тот образ жизни, к которому они успели привыкнуть. Вскоре родители обнаружили, что бытовые трудности и культурные различия являются отличным поводом для взаимных обвинений и ссор. К тому моменту, когда я появилась на свет, дни их брака были уже сочтены – их оставалось всего пять.

2

После поспешного папиного отъезда всю ответственность за мое воспитание взяла на себя бабушка. Мой первый день рождения был ознаменован чудесным тортиком с глазированной уточкой наверху, который испекла моя крестная, тетя Конни. Она и крестный, дядя Кевин, в детстве служили для меня главным источником радости, счастливых впечатлений и единственной связью с нормальной жизнью.

Мой второй день рождения ознаменовался маминой «смертью». После папиного отъезда она ежедневно глотала массу таблеток из числа тех, что отпускаются строго по рецепту врача, и в тот день, вероятно, немного перестаралась. Она зашла в гости на свою прежнюю работу, спокойно пила там кофе и болтала, а потом без всякого повода вдруг потеряла сознание и упала лицом на стол. Сердце остановилось, мама перестала дышать, и друзья срочно запихали ее в машину и отвезли в больницу Святого Винсента, которая, к счастью, находилась за углом. После семи минут пребывания в состоянии клинической смерти ее удалось оживить.

У мамы была эмболия – состояние, при котором кровь свертывается и в ней образуется пузырек воздуха, проникающий в мозг (а иногда в легкое), что и вызывает смерть. После маминой «смерти» и воскрешения у нее оказалась пораженной левая височная доля мозга, что привело к нарушениям речи, некоторым расстройствам умственной деятельности и вдобавок ко всему к эпилепсии. Ей пришлось заново учиться писать, пользоваться ножом и вилкой и восстанавливать некоторые провалы в памяти. Первый эпилептический припадок случился у нее сразу же после возвращения из больницы. Потом они повторялись, всегда неожиданно и без всякого предупреждения. Она валилась на пол и начинала судорожно дергаться, а глаза закатывались так, что были видны одни белки. При этом мама скрипела зубами и иногда прикусывала язык. Бабушке пришлось учиться оказывать ей первую помощь при таких приступах.

Когда мама заболела, я стала проводить много времени на молочной ферме у моих крестных родителей. Она находилась в Гипсланде, в небольшой долине, окруженной горными хребтами, на склонах которых под безжалостным солнцем росли только одинокие, похожие на призраки эвкалипты. Ближайшие соседи жили в нескольких милях от нас, а почту доставляли раз в неделю и бросали в старый молочный бидон, прибитый к воротам, до которых от дома надо было идти минут тридцать. Целыми днями

мои крестные родители доили коров, вычищали навоз из хлева, заготавливали сено, а я с удовольствием им помогала и на своих коротких пухлых ножках едва поспевала за дядей, когда он взбирался по склонам холмов, разыскивая отбившуюся от стада скотину. А кроме того, я лазила по деревьям и играла в прятки со своей собачкой Грошиком, таким же странным гибридом, как и я сама, – помесью гончей и фокстерьера, и эти счастливые занятия заполняли все мои дни и надежно ограждали меня от наркотического тумана, в котором проходила жизнь моей матери.

Став немного постарше, я начала понимать, что скорее всего моя мама никогда не станет похожей на тех матерей, которых я видела по телевизору. Мы никогда не будем вместе печь всякие вкусности, и она никогда не будет играть со мной. И я могу только мечтать о такой жизни, в которой мамы расчесывают волосы своим дочкам и читают им на ночь сказки.

К тому моменту, когда мне исполнилось четыре года, мама существовала в отдельном, совершенно изолированном мире своей болезни, и иногда за несколько дней или даже недель я ни разу не видела ее. Дверь в ее комнату с блестящей, слишком высокой для меня хромированной ручкой всегда была плотно закрыта и приотворялась лишь на секунду, чтобы впустить или выпустить бабушку.

Мы с бабушкой жили в соседней комнате, маленькой и вытянутой, больше похожей на обувную коробку, с единственным окном, выходящим на старый, выцветший забор. Бабушкина кровать стояла прямо у этого окна, и она категорически отказывалась открывать его в зимнее время после четырех часов вечера и до восьми утра, так как была убеждена, что ночной воздух немедленно проникнет ко мне в легкие и я заболею. Бабушка твердо верила, что на свете нет ничего опаснее простуды. Ее любимой фразой было пожелание: «Смотри не простудись», и она с удовольствием рассказывала мне о предстоящих страшных последствиях, если простуда перекинется на почки. Много позже я как-то с ужасом поймала себя на том, что, мрачно качая головой, повторяю ту же фразу своим детям, и тут же испытала острый укол вины, потому что на самом деле никогда не разделяла бабушкиных страхов.

В ногах наших кроватей стояла пара исполинских резных шкафов, в которых бабушка хранила все свои сокровища. Из них она извлекала всякие бесконечно интересные вещи, если надо было занять меня чем-нибудь в дождливые дни. Большинство предметов хранилось в шкафах с тех пор, когда у бабушки был собственный галантерейный магазин. В них имелась масса шкатулочек и коробочек с самыми разнообразными пуговицами:

сделанными из перламутра, кожи и дерева, золотыми, искусно вырезанными в форме цветка и самыми простыми – белыми и гладкими. По заданию бабушки я сортировала их по форме, размеру или цвету и даже нашивала на картонки, которые она специально собирала для этой цели; иногда я делала из них себе украшения. Подозреваю, что одни и те же пуговицы я сортировала по многу раз, потому что бабушка специально снова смешивала их и таким образом обеспечивала мне постоянное развлечение в ненастные дни.

Еще в шкафах хранился лисий мех – остаток от дней бабушкиного процветания в тридцатых – сороковых годах. Мех сильно пах нафталином и затхлостью. Я шикарно закутывалась в него и гордо расхаживала по дому. Этот мех очень забавно застегивался: во рту лисицы имелись маленькие крючочки, которые цеплялись за петельки на ее хвосте. Оставленные на шкуре лапки при этом болтались на груди и спине дамы или у нее по плечам. Бабушка уверяла, что в «ее дни» это считалось верхом элегантности. Я часто раздумывала над тем, как тогдашние модницы во время званых обедов умудрялись не окунать лапки погибшего животного в суп и не оставлять на масле следов когтей, если наклонялись над столом.

Когда я была маленькой, бабушкины шкафы с сокровищами часто снились мне в ночных кошмарах. Их дверцы страшно хлопали, а черное пустое нутро зияло и надвигалось на меня, стремясь проглотить (тогда мне казалось, что шкафы питаются маленькими девочками). Я просыпалась и, дрожа от страха, перебиралась на бабушкину кровать, ища у нее тепла и защиты. Но я никогда не рассказывала ей, что именно меня напугало: мне казалось, что шкафы могут подслушать и тогда разозлятся на меня еще больше. Я и до сих пор очень не люблю распахнутых дверц шкафов.

Между двумя нашими кроватями стоял бабушкин туалетный столик, уставленный безделушками и всякими религиозными сувенирами: образками с изображением Девы Марии и Пресвятого Сердца, четками, фарфоровыми тарелочками, хрустальными вазами и кружевными салфетками. На зеркале висели цветастая подушечка для иголок со всеми бабушкиными брошками, самодельный держатель для писем, сооруженный из старой коробки из-под мороженого и пальмового шпагата, и колючее готическое распятие.

Таков был мой мир в четыре года. Тогда он казался мне огромным. В него входили еще большой вишневый сад позади дома – бесконечный источник открытий и приключений, и передний двор – защитная зона между мной и «остальным

миром». В четыре года я уже хорошо понимала, что он жесток и такая защита мне необходима.

Я родилась в шестидесятые годы, которые, как я узнала позже, были эпохой больших перемен: противозачаточные средства, Вьетнамская война, «Битлз», бунт молодежи. Но тогда я обо всем этом понятия не имела. Ни в шестидесятые, ни в начале семидесятых дух новой свободы еще не успел пробиться в наше косное пригородное гетто – во всяком случае, настолько, чтобы осязаемо повлиять на нашу жизнь.

3

В четыре года я пошла в школу, а до тех пор никогда не играла и очень мало общалась с другими детьми. Из-за маминой эпилепсии мы жили замкнуто, хотя, по крайней мере с виду, жители нашего пригорода казались людьми дружелюбными и общительными. Они ходили к соседям в гости, обменивались рецептами, сидели с детьми друг друга, но события и перемены, происходящие в большом мире, нисколько их не интересовали и никак на них не отражались.

Все десять лет, что мы прожили в Мурбенне на Блит-стрит, бабушка обращалась к соседям только официально вежливо: «миссис Такая-то» или «мистер Такой-то», однако и сама оставалась для них «миссис Паскарль». Титул «миссис» наши соседки носили гордо, как знак высшего отличия. Ни одна из них не работала, и все они были, казалось, совершенно довольны своими кухонными столами с пластиковыми столешницами и обедами из мяса с гарниром из трех овощей и не желали ничего большего. Мне так и не суждено было узнать, чем они отличаются друг от друга и имеется ли у них индивидуальность или собственное мнение хоть по каким-то вопросам. Они охотно растворялись в тени своих работающих мужей, заботились о детях и по воскресеньям ходили в церковь. И все-таки именно они стали для меня воплощением мечты о безопасности и стабильности, достичь которых, как мне тогда казалось, можно, только выйдя замуж и обретя анонимность под титулом «миссис».

Быть незаметной и быть такой, как все, – вот чего я страстно желала все свои детские годы. Потому что с первого же дня в школе стало ясно, что я «другая». Другая. Жестокий приговор, означающий, что мне не суждено играть с другими детьми на спортивной площадке и получать такие желанные приглашения на дни рождения. Вместо этого все школьные годы я во время большой перемены в полном одиночестве просидела на скамейке, с завистью глядя, как они играют.

И как бы ни старалась бабушка каждое воскресенье водить меня в церковь и каждый вечер накручивать мои прямые волосы на ненавистные папильотки, рядом со своими белокожими и в основном голубоглазыми сверстниками я все равно оставалась другой. Моя внешность, странный брак моей матери, само мое присутствие среди них воспринимались ими как оскорбление и даже как угроза их замкнутой белой касте. Шла Вьетнамская война, и по невежеству они считали, что я явилась к ним из стана «желтых» врагов – тех самых, что каждый день в шестичасовых

новостях убивали австралийских солдат. Мама представлялась им радикалом-предательницей, вышедшей замуж за моего отца специально для подрывания принципов расовой чистоты. А я нарочно старалась проникнуть в круг их детей, чтобы каким-то образом «загрязнить» их.

Они не могли и не хотели понять, что вся эта расовая ненависть направлена против семьи, члены которой всегда служили Австралии и сражались за нее в двух мировых войнах; что мои предки прибыли сюда еще в 1801 году в составе самых первых экспедиций и всегда гордились тем, что именно они создавали и строили эту страну; что из всей семьи только в моих жилах и текла доля азиатской крови. Чтобы доказать им все это, мне пришлось бы постоянно таскать с собой наше родословное дерево и все медали дяди Гордона Энзока. И разве смогли бы они защитить меня? Думаю, что нет.

Невежество, предрассудки и ненависть своих родителей дети неизбежно приносят в школу; это я узнала очень скоро на собственном опыте. Каждого ребенка когда-нибудь дразнят: одних за неуклюжесть, других за отсутствие переднего зуба, третьих за необычное имя. Через какое-то время это всем надоедает и издевательства естественным образом прекращаются. Но только не в моем случае.

С подготовительного по четвертый класс меня дразнили и мучили постоянно. Когда, возвращаясь из школы, я поднималась по тропинке, ведущей к нашему дому, меня почти каждый вечер преследовала группа школьников. Случайному наблюдателю могло показаться, что мы играем в какую-то новую игру, но это было далеко не так. Они жаждали крови, и я стала любимой мишенью для их агрессии и злобы. Летом в меня летели гнилые сливы, шарики из жеваной бумаги и оскорбления. Какой-то умник сочинил стишки, которые они с энтузиазмом выкрикивали хором: «Китайка, японка, вонючая девчонка» или «Китайка, япошка, косая кошка». Все это сопровождалось издевательскими жестами, толчками и ругательствами.

Зимой стишки оставались прежними, но вместо гнилых фруктов в меня летели грязь, камни и глина из мокрых канав. Никакие средства не могли остановить эти издевательства и унижения. Несколько раз бабушка ходила в школу жаловаться, но от этого становилось только хуже. Меня называли ябедой и дразнили еще больше. Как-то один из родителей даже написал директору школы письмо, в котором требовал, чтобы их дочку отсадили подальше от «цветной» одноклассницы.

От всего этого я пряталась в мир, где никто не мог меня обидеть, где я была хозяйкой. Я нашла убежище в книгах и

танцах.

4

Книги открывали для меня мир. Они делали жизнь терпимой, дарили знания, ставили цели и были всегда под рукой, если я нуждалась в утешении. Они развивали воображение и учили фантазией скрашивать реальную жизнь. Когда я начала читать, мне стало легче общаться с учителями, но еще труднее – с моими ровесниками. Они прозвали меня Подлиза.

Я вовсе не собиралась подлизываться – я читала, для того чтобы узнавать. Уже в восемь лет я впитывала знания нетерпеливо и жадно, как губка, и, не успев дочитать одну книгу, тут же бралась за следующую. Книги спасали меня от одиночества; так было всегда, и так будет всегда. Книги – это главные сокровища, накопленные человечеством, самое верное и самое долговечное свидетельство жизни, истории и времени. Попробуйте-ка объяснить все это своему восьмилетнему сверстнику.

У меня имелось и еще одно спасение – танцы. Я танцевала, когда мне было грустно и когда было весело; двигаясь, я начинала верить в себя и забывала о других детях, считающих меня какой-то диковинной уродиной. Танцуя, я становилась собой. Довольно скоро я обнаружила, что танцевать для самой себя гораздо приятнее, чем для других. Я погружалась в музыку, и не важно, что звучало: классический балет, или джаз, или что-то среднее между африканскими ритуальными раскачиваниями и чечеткой – главным было то чувство свободы и силы, которое давали мне музыка и движение. С тех пор ничего не изменилось – стоит мне и сейчас услышать музыку, я тут же начинаю придумывать, как стану танцевать под нее.

Конечно, в начальной школе я еще не понимала всего этого. Я просто радовалась, когда танцевала, и не пыталась анализировать свои эмоции. Ободряемая бабушкой, я старалась выучить как можно больше танцевальных стилей, запоминала все па, которые видела в старых мюзиклах по телевизору, и под ее руководством даже научилась танцевать чарлстон.

Я никогда не обсуждала свое увлечение с другими детьми; мне было достаточно знать, что есть танец, есть я и нам хорошо друг с другом. Я вообще старалась рассказывать о себе как можно меньше: мне казалось, что одноклассники способны превратить мою любовь к танцам в еще один повод для насмешек и издевательств. А кроме того, у меня не было близких друзей. Вернее сказать, у меня не было вообще никаких друзей. За все семь лет в начальной школе меня всего пять раз приглашали на

дни рождения. Я до сих пор помню имена именинников: Леони, Марианна, Кевин, Кэти и Катрина.

Как же мне хотелось войти в замкнутый кружок «золотых детей», стать его частью, заслужить их похвалу, заработав для школы очки в каком-нибудь спортивном состязании, но эти надежды оставались совершенно несбыточными: мячи, бейсбольные биты и я существовали в разных измерениях. Меня включали в команду только в самую последнюю очередь, если не было другого выхода. Но и тогда капитаны еще долго торговались о том, сколько очков форы должна получить та невезучая команда, в которую попаду я.

Всего один раз, теплым и солнечным весенним днем, мне довелось на самом деле поучаствовать в бейсбольном матче. Не помню, почему это произошло: обычно мне разрешали приближаться к игровому полю только в перерыве, для того чтобы угостить игроков апельсинами. Я до сих пор помню, какое тревожное напряжение нависло тогда над стадионом. Казалось, что все собравшиеся смотрят на меня с презрением и недоверием. Краешком глаза я заметила, как незаметно перекрестилась одна из монахинь. Мелькнула мысль, не лучше ли сделать вид, что меня вот-вот стошнит и таким образом избежать неминуемого позора.

У меня дрожали колени и узлом завязывался желудок, а товарищи по команде наперебой выкрикивали инструкции и советы. Из их воплей я с трудом поняла, что должна не только попасть битой по мячу, что, по причине его крошечного размера, казалось мне очень маловероятным, но еще и отшвырнуть биту, а потом бежать на базу. Почему-то отбрасывание биты показалось мне тогда самым важным эпизодом игры. Помня об этом, я шагнула вперед, размахнулась и ударила по мячу. Я действительно попала по нему, чего мне ни раньше, ни позже ни разу не удавалось. Потом, как меня учили, я отшвырнула биту – прямо в толпу игроков за моей спиной.

Когда через несколько дней они оправились от полученных травм, монахини решили, что всем будет лучше, если и в дальнейшем мое участие в игре ограничится раздачей апельсинов.

5

Монахини… В нашей школе распоряжались сестры ордена Введения в Храм, вечные Христовы невесты, которым никогда не суждено узнать, что такое настоящий брак с грузом домашних обязанностей, ответственностью и раскиданной по полу одеждой. Одетые в черное и всегда угрюмые, они не ходили, а плавали по школьным коридорам, будто безногое воплощение скорби. Эти женщины с их накидками, вуалями и вечно постукивающими четками стремились подчинить себе не только наши умы, но и души. Они никогда не ошибались, воплощали собой истину в последней инстанции и всю благость Девы Марии и отлично знали, как уберечь незрелые детские души от искушения и греха.

В один удивительный день директриса, сестра Филомена, вдруг объявила, что отныне мы должны называть ее сестрой Розмари и что все остальные сестры тоже поменяли свои имена. А в следующий еще более удивительный понедельник выяснилось, что у них имеются ноги и даже намек на волосяной покров на голове. Но хоть сестры и обнажили некоторые части своей анатомии, их повадки нисколько не изменились: все с тем же упорством они продолжали вбивать в наши головы христианские догмы и усиленно готовить нас к первой исповеди и причастию. Я не спала ночами, стараясь припомнить грехи пострашнее, чтобы было в чем покаяться на исповеди и поразить нашего приходского священника отца Мерфи. Ничего достойного столь знаменательного события в голову не приходило, поэтому как истинная христианка я решила, что единственный выход – это придумать себе грехи. Однако во время исповеди отец Мерфи почуял что-то неладное и призвал сестру Филомену. Я была уверена, что та немедленно отправит меня в ад, предварительно поставив на лбу клеймо «Ужасная грешница», но вместо этого она прочитала мне лекцию об адских муках и дурной крови, текущей в моих жилах, а потом хорошенько выпорола. Бабушка пришла в ужас. Она молилась о спасении моей души.

А для меня этот день греха, покаяния и последующей кары стал поистине знаменательным, потому что тогда мои одноклассники впервые отнеслись ко мне как к равной и даже с некоторым сочувствием. Если даже вымышленные проступки принесли мне вожделенное общественное признание (в душе я казалась себе кем-то вроде Марии Магдалины), то каких результатов можно достичь, совершая настоящие злодеяния? Я поставила себе задачу выяснить это.

Для начала я решила болтать в церкви – довольно тяжкий

грех, по моему мнению, но сразу же столкнулась с серьезным затруднением: из-за отсутствия подруг болтать мне было не с кем. Потом, во время пения в хоре, я начала издавать всякие странные звуки, но популярности среди одноклассников мне это не прибавило, поэтому я решила задавать вопросы. Например, вопросы о том, что такое «девственница» или откуда стало известно, что вино и хлеб – это кровь и плоть Христа. Я даже осмелилась на некоторый бунт – поспорила с монахинями о плакатах с изображениями жертв аборта, прилепленных к дверям церкви. Результатом всего этого стал визит в наш дом разгневанного священника.

Отец Мерфи сообщил бабушке, что, хоть Церковь и поощряет тягу к знаниям и стремление к самосовершенствованию, нечестивая демагогия и теологические споры, затеваемые девятилетним ребенком, могут привести только к исключению этого самого ребенка из их школы.

Что, разумеется, отбило у меня всякую охоту размышлять о Святых Тайнах и Боге, а также заставило заподозрить католицизм в лицемерии.

6

Я очень рано повзрослела. У меня просто не было другого выхода. Довольно скоро выяснилось, что бабушка плохо приспособлена к уходу за такими больными, как мама. Она имела обыкновение впадать в панику в самые неподходящие моменты. Однажды, во время очередного приступа, пытаясь вставить маме в рот ложку, чтобы та не прикусила язык, бабушка сломала ей передний зуб. Мне пришлось учиться, и учиться очень быстро, помогать ей: во время припадка держать маму за руки или за ноги, всовывать ей между зубов мокрый кусок фланели и даже перетаскивать ее по полу, чтобы придать телу более безопасное положение. А после этого я отправлялась в школу.

Через какое-то время благодаря лекарствам мамино состояние стабилизировалось, а потом она почувствовала себя лучше и даже решила до некоторой степени вернуться к активной жизни. По совету своей подруги Лили она начала работать добровольной помощницей в «католическом» клубе моряков в порту. Вследствие чего в наш дом зачастили ее новые приятели-моряки: Энтон, Феликс, Карл, Эшли. Ни один из них не вызывал у меня симпатии, не потому, что я ревновала к ним маму, а потому, что, когда особо приближенные из них задерживались у нас в гостях, мне, будто бессловесной кукле, приходилось сидеть на коленях у этих чужих и не очень цивилизованных людей, от которых всегда странно пахло морем. Выбранное мамой занятие крайне не нравилось бабушке, и в этот период между ними постоянно вспыхивали мелкие и крупные ссоры, несколько раз даже кончавшиеся рукоприкладством, и в результате мама довольно часто и подолгу отсутствовала на Блит-стрит.

Я хорошо помню, с каким чувством радостного ожидания встречала свой десятый день рождения. Двузначное число, которым теперь обозначался мой возраст, казалось мне символом того, что детство закончилось. Оптимизм переполнял не только меня, но и всю Австралию: в декабре 1972 года лейбористы победили на выборах, и на нового премьера Гофа Уитлэма страна возлагала большие надежды. Бабушка сказала, что теперь нам будет гораздо теплее зимой, и я поняла, что она имела в виду, только когда меня укутали в чудесное золотистое одеяло, купленное на прибавку к пенсии, которую она получила от нового правительства. С наивностью юности я еще много лет после этого обожала Гофа Уитлэма. Прозрение и разочарование пришли гораздо позже.

Новое одеяло казалось мне похожим на бабушку: оно так же

грело, укутывало и защищало от жестокости жизни. А кроме этого бабушка кормила и одевала меня, выкраивая и экономя на всем, что можно. Но были вещи, против которых даже бабушка была бессильна, и самое главное – она не могла защитить меня от мамы.

Даже в благополучных семьях дети тяжело переживают перемены, а то, что произошло в нашей, когда мне исполнилось десять лет, можно назвать даже не переменой, а настоящим переворотом. Мама вдруг оказалась в психиатрической клинике. Ни с того ни с сего, как мне тогда показалось. И задержалась там надолго – на несколько месяцев. Мне объяснили, что она легла туда, чтобы отучиться от лекарств, плохо действующих на ее печень. Но я чувствовала, что это далеко не вся правда. В то время я, конечно, не знала, что такое «метод групповой терапии», о котором все время пыталась рассказать мне мама, и не понимала, почему раз в неделю мне непременно надо ее навещать и подолгу беседовать с этой почти чужой женщиной. Кроме того, я не могла не замечать, что она крайне враждебно относится к бабушке. Я ненавидела эти визиты в клинику и боялась остальных пациентов, которые слонялись по коридорам и украдкой разглядывали нас с мамой, пока мы сидели в кафетерии. У них были трагические выражения лица и плотно сжатые губы. Даже ребенку было понятно, что что-то терзает их изнутри и что клиника является для них одновременно и убежищем, и тюрьмой.

Мама прибыла туда с красивой прической и на высоких каблуках, а когда вышла, то напоминала какую-то заблудшую душу с рок-фестиваля в Вудстоке: босые ноги, отсутствующий взгляд, распущенные по спине нечесаные волосы. К тому же ей вдруг захотелось поиграть в счастливую семью, а для этого мне необходимо было обзавестись папой. И она привела его с собой.

Роджер Баррантес к тому времени успел побывать уже во многих психиатрических клиниках. Это был долговязый, худой мужчина лет сорока с большим крючковатым носом и вечно грязными волосами. Во время одного из сеансов групповой терапии его глаза встретились с мамиными, и это мгновение решило все. Мама вернулась домой вместе с Роджером и прямо с порога объявила бабушке, что той больше нет места в нашей семье и что в течение двадцати четырех часов она должна найти себе новое жилье. Казалось, этот Роджер загипнотизировал мою маму, и она не в силах была возразить ни единому его слову. Следующая новость буквально огорошила меня: я останусь жить с ними в их новом любовном гнездышке.

Бабушка нашла себе жилье в Карнеджи, соседнем с Мурбенной пригороде, а мы с мамой и Роджером переехали в

двухкомнатную квартирку с очень маленькой кухней, микроскопической ванной и окнами, выходящими на железную дорогу. Днем и ночью с регулярными интервалами нас оглушал грохот проходящих поездов. Я была в отчаянии. Единственный островок покоя и стабильности в моей жизни ушел под воду. Мне запретили видеться и даже говорить с бабушкой. Мать объяснила, что это она виновата во всех несчастьях, случившихся в маминой жизни.

Мама явно расценивала все эти перемены в нашем семейном укладе как прорыв к свободе и независимости. Но даже я понимала, как это глупо. Она просто поменяла один вид зависимости на другой. Я очень мало знала ее, еще меньше – Роджера и не испытывала никакого желания узнать его ближе. Мне казалось, что именно он, а также врачи в клинике виноваты в мамином странном поведении. Она неспособна была принять даже самого незначительного решения без одобрения Роджера и постоянно оглядывалась на него, словно спрашивала разрешения.

Первая ночь на новом месте стала одной из самых странных, горьких и страшных ночей в моей жизни. Я думала о приближающемся Рождестве и о том, что мне нельзя даже увидеться с бабушкой. Это будет мое первое Рождество без нее, и она проведет его в полном одиночестве. Я не могла понять, зачем вдруг понадобилась маме и почему Роджер так настаивал на том, чтобы я жила с ними. Я лежала, свернувшись комочком под цветастым покрывалом, которое месяц назад сшила для меня бабушка, и плакала, плакала, плакала. Плакала так сильно, что не слышала, как открылась дверь и в комнату вошел Роджер.

Он присел на край моей кровати и положил руку мне на ногу. Он сказал, что они посоветовались и решили, что он лучше, чем мама, сумеет успокоить и утешить меня. Он сказал, что я веду себя очень неразумно и совершенно напрасно усложняю маме жизнь. Он сказал, что я должна его слушаться; что он живет с нами, потому что этого захотела моя мама, и мне надо подружиться с ним. Он назвал себя микробиологом, и физиком, и почти что доктором (он якобы не сдал только последний экзамен на это звание), а следовательно, я должна в точности делать все, что он мне говорит.

В последующие годы я неоднократно слышала, как Роджер повторял эту легенду самым разным людям, однако все это было чистейшей ложью. Он никогда не учился в университете. Единственным его основанием претендовать на причастность к науке был тот факт, что когда-то он мыл пробирки в исследовательской лаборатории крупной компании, занимающейся производством мороженого, и это, кстати, была

его единственная в жизни постоянная работа.

Я все еще плакала, а он сообщил мне, что бабушка – психически нездоровый человек и что мне лучше держаться от нее подальше. Еще он сказал, что мама ему доверяет и сама попросила, чтобы он помог мне уснуть. Он велел мне лечь на спину, вытянуться и пообещал, что поможет мне успокоиться и расслабиться. Я отказалась, а он опять сказал, что я веду себя неразумно, и что это теперь наш общий дом, и что я должна слушаться. Когда я все-таки перевернулась на спину, он приказал мне закрыть глаза и не шевелиться, пока он будет меня «массировать». А потом он стал трогать меня. Он начал со ступней, а потом двинулся выше и все время повторял, что вот теперь я веду себя разумно.

От напряжения я словно одеревенела, а слезы из-под ресниц продолжали катиться и катиться. В мозгу со скоростью тысяча миль в секунду метались мысли, а в ушах звенел мой собственный беззвучный крик о помощи. Почему он делает это? Почему мама сидит в соседней комнате и разрешает ему? Голова кружилась все сильнее, и наконец я поняла, что не могу больше выносить этого. Я изо всех сил оттолкнула Роджера, бросилась в ванную и заперла за собой дверь. Меня долго рвало в унитаз, а из-за двери я слышала его голос: «Не волнуйся, ты привыкнешь к моему методу релаксации. Твоя мама уже привыкла». Когда я вышла из ванной, в спальне никого не было. Только моя кровать показалась мне незнакомой и чужой. Хотя на подушке по-прежнему сидели медвежонок Тедди, Панда и Овечка. Но она больше не была самым безопасным местом в мире, а я наконец поняла, что случилось с моей жизнью: я стала частью сделки; мама обменяла меня на постоянного партнера.

И еще я поняла, что была права насчет своего десятого дня рождения: детство действительно закончилось.

7

Так мы прожили пару месяцев: мама с Роджером спали в гостиной на раскладном диване, а я – в смежной с ней спальне. Раза два в неделю Роджер заходил ко мне «пожелать спокойной ночи» и каждый раз повторял, что я должна вести себя разумно и соблюдать новые правила семейной жизни. Мама не принимала в этом никакого участия, никогда не вмешивалась и только кивала и рассеянно мне улыбалась. Она была вечно погружена в «поиски себя», ничем, кроме этого, не интересовалась и с удовольствием переложила принятие всех решений и всю ответственность за нашу жизнь на Роджера.

К середине лета такая жизнь ему, судя по всему, надоела, и он вдруг объявил, что уезжает в Северную Викторию, чтобы поработать на сборе фруктов. После его отъезда мама впала в полную прострацию. Она так горевала, что стала неспособна к выполнению даже самых элементарных домашних обязанностей. Целыми днями она лежала в кровати, рыдая и тревожась то за физическое, то за психическое благополучие Роджера. Больше всего ее, кажется, беспокоила его полная беспомощность в финансовом плане. Она поведала мне, что в прошлом он неоднократно сжигал наличные деньги и свои пенсионные чеки. Именно это, а также патологическая ненависть к собственной семье и некоторые расстройства сексуального характера и привели к тому, что он несколько раз попадал в различные психиатрические клиники. Нельзя сказать, что я особенно стремилась вытянуть из нее эти сведения. Они ни в коем случае не успокаивали меня и только усугубляли мои сомнения в правильности сделанного мамой выбора. В конце концов я решила, что все это слишком сложно для меня: мне было всего десять с половиной лет, и я никак не могла понять, что заставило маму из всех мужчин на свете выбрать идиота, который любит устраивать костры из купюр.

Во время отсутствия Роджера мама обращалась со мной не как с дочерью, а скорее как с ровесницей и подругой, а в плохие дни она становилась мне дочерью, я – ее матерью. Нам повезло, что этот период совпал с летними каникулами и я могла находиться рядом с ней целыми сутками. Я ходила в банк, ездила на своем самокате в торговый центр за покупками, готовила как умела (лучше всего мне удавались бараньи котлетки на гриле и картофельное пюре) и платила по счетам. Пару раз, не в силах самостоятельно справиться с мамиными истериками, я вызывала врача. В иных случаях, чтобы ее успокоить, хватало одной

пощечины.

В этот период мама даже ненадолго вернулась к старым привычкам, и в нашей квартире опять появился один из ее бывших приятелей-моряков, огромный и толстый Эшли, который уверял, что в его жилах смешалась английская, бирманская и еще какая-то экзотическая кровь. Несколько ночей он провел на мамином раскладном диване и по ночам с грохотом пробирался через мою комнату в туалет. К счастью, это продлилось недолго и кончилось шумным скандалом и вызовом полиции. Я в это время была в гостях у наших нижних соседей, а мама вопила на всю улицу, уверяя, что Эшли пытался задушить ее. Я не особенно ей поверила, хотя и предпочла держать свои сомнения при себе: нашу миниатюрную бабушку мама тоже нередко обвиняла в попытках удушения.

Роджер, очевидно, по-прежнему представлялся маме прекрасным принцем, и она с величайшим нетерпением ждала его возвращения, вычеркивала дни в календаре и с надеждой смотрела на почтальона, мечтая получить весточку от своего заблудшего сборщика фруктов. А потом он вернулся, так же неожиданно, как и исчез. И наша жизнь тут же вернулась на прежние рельсы. По мнению Роджера, я продолжала вести себя неразумно и изо всех сил портила чудесную семейную жизнь, которая могла бы у нас получиться. Теперь он еще более откровенно пренебрегал мамиными желаниями и мнениями, издевался над ее тупостью, а она за это обожала его еще больше. Она немедленно пресекала любые попытки, мои или ее друзей, критиковать Роджера и, кажется, считала его единственным человеком на свете, у которого имеются ответы на все вопросы.

Когда я закончила начальную школу, встал вопрос, где мне учиться дальше. Роджер постановил, что я отправлюсь не в старшую школу со своими бывшими одноклассниками, а в частный пансион для девочек, находящийся довольно далеко от нашего дома. Я проучилась в нем полтора года, решительно отказываясь резать лягушек в биологической лаборатории и часто прогуливая уроки, чтобы тайком навестить бабушку. И хоть в то время я чувствовала себя очень несчастной, я никогда ей не жаловалась. Я знала, что она ничем не сможет помочь мне и только зря расстроится. Она и без того ненавидела Роджера и все еще не могла смириться с тем, что мама изгнала ее из своей жизни. Я просто зарывалась лицом в ее теплые колени, а она гладила меня по волосам, и я понемногу успокаивалась. Я не могла рассказать ей о том, что происходит у нас дома, – это было слишком стыдно и странно, и я инстинктивно чувствовала, что должна сохранить в неприкосновенности хоть один кусочек

детства, хоть эту единственную связь с нормальной жизнью.

Довольно скоро я заметила, что, когда я болела, Роджер оставлял меня в покое, а кроме того, мне не надо было ходить в школу. После чего я в больших количествах начала поглощать слабительные конфеты. Мама не могла понять, с какой стати у меня вдруг развилась хроническая диарея и почему у Роджера так портилось настроение во время моей болезни. Но, к сожалению, один раз я немного перестаралась со слабительным и заболела чересчур сильно. В результате в моих вещах нашли пустую коробку из-под лекарства, и Роджер тут же объявил маме, что я пыталась покончить с собой. Что было, разумеется, полной чушью: если бы я действительно хотела убить себя, то выбрала бы какое-нибудь средство поблагороднее, чем понос.

Тем не менее мама решила, что меня необходимо показать психиатру. Она добилась направления и записала нас на прием, а перед тем как туда отправиться, они с Роджером усадили меня на маленький стульчик без спинки, обычно стоявший перед туалетным столиком, и с девяти вечера до трех часов ночи читали мне лекцию о том, что случится, если мне придет в голову рассказать психиатру о некоторых вещах, которые происходят в нашей квартире. Меня пугали тюрьмой для лживых девочек, сумасшедшим домом и всеобщим осуждением за неблагодарность, после чего, решив, что я достаточно подготовлена, отпустили спать.

В течение полутора лет мы с мамой более или менее регулярно приходили в неуютный, тускло освещенный кабинет психиатра, и потом я целый час слушала, как мама проливает слезы и жалуется на судьбу, наказавшую ее неразумным ребенком. «Неразумным» Роджер всегда называл мое нежелание мириться с его навязчивыми приставаниями, но, разумеется, об этом мама не говорила врачу ни слова. Время от времени доктор без особого интереса справлялся у меня, что я лично думаю о своем неразумном поведении, причиняющем столько горя моей матери, и, как правило, я мычала в ответ что-то неразборчивое. Мне до сих пор непонятно, как мог он ожидать от меня каких-то откровенных ответов в присутствии мамы. И до сих пор я испытываю горечь, вспоминая о сухом, бездушном и незаинтересованном отношении этого врача к своему пациенту: он предпочитал бичевать мои пороки, вместо того чтобы выяснять истину. Все признаки эмоционального и сексуального насилия явно присутствовали в моем поведении, но он ни разу не выразил ни тени недоверия или удивления столь ненормальными отношениями между ребенком и родителями. Еще более странным казалось мне его требование за каждый сеанс получать

полтора доллара из моих собственных карманных денег. Получалось, что я сама платила за то, чтобы мама имела возможность снова и снова жаловаться на меня. А дома тем временем все оставалось по-прежнему и насилие не прекращалось. Тот врач предал меня, так же как предал свою профессию. Уверена, что и многим другим детям он укоризненно грозил пальцем и глубокомысленно кивал, оставаясь при этом глухим к их беззвучным, но отчаянным мольбам о помощи.

8

Естественно, что при такой семейной жизни я страстно стремилась к независимости и отчасти обрела ее, когда начала после уроков в школе работать моделью и продавщицей в сети универсальных магазинов «Майерс». Кроме того, меня часто приглашали принять участие в демонстрации ювелирных украшений и купальников: в тринадцать лет я без труда выдавала себя за пятнадцати– и даже шестнадцатилетнюю. Мне нравилось работать моделью, но, в отличие от моих товарок, я делала это не только ради удовольствия, но и из необходимости. Работа помогла мне добиться фактической финансовой независимости; теперь я сама покупала себе еду и одежду и даже, по требованию родителей, оплачивала часть счетов за жилье и электричество. До этого нередко случалось, что, наказывая меня за неразумное поведение, Роджер отказывал мне в карманных деньгах, праве пользования телевизором и телефоном и даже в еде. Вскоре мама и Роджер решили, что я должна платить и за их родительскую заботу обо мне. Как правило, деньги я не отдавала им, а вносила оговоренную сумму на счет, с которого Роджер делал ставки в телефонный тотализатор. Ирония ситуации заключалась в том, что, хоть детям и не разрешалось самостоятельно делать ставки на скачках, деньги на них у меня принимали без всяких возражений.

В те годы я не испытывала особого желания учиться, закончить школу и получить диплом. Гораздо более важным мне казалось поскорее освоить какую-нибудь профессию. Школьное образование представлялось мне бессмысленным и ограниченным, а мои одноклассники – наивными до глупости. Я понимала, что бесполезно и даже опасно пытаться рассказать кому-нибудь из них о том, что происходит у нас дома. Что могли подростки из обычных семей понять в том цирке, который творился в нашей? С таким же успехом я могла рассказать об этом инопланетянам: между нами не было и не могло быть ничего общего. И тем не менее я страстно завидовала их простой, безопасной и нормальной жизни. Где-то в середине десятого класса я окончательно и навсегда забросила учебники. Мне было ясно, что они никогда не дадут мне освобождения от мамы и Роджера. Надо было другим способом искать свое место в этом мире.

Любовь к танцу по-прежнему оставалась моим главным и тщательно охраняемым секретом. Мне приходилось скрывать его от мамы из-за ее резко негативного отношения ко всем западным

влияниям в моей жизни. Всегда, сколько я себя помню, мама упорно пыталась вернуть меня к моим азиатским корням. При всякой возможности она напоминала мне, что я чужая среди австралийцев, что я не похожа на них внешне и что комфортно чувствовать себя я смогу только в обществе иностранных студентов, приехавших из Азии. Она внимательно следила за кругом моего общения и, запрещая мне дружить с моими сверстниками-австралийцами, всячески поощряла знакомства с выходцами из других смешанных азиатско-австралийских семей. Ни разу она не обсуждала со мной и уж тем более не поощряла мое увлечение балетом. Единственным танцевальным кружком, который она охотно разрешала мне посещать и даже стала в нем членом родительского комитета, был кружок классического танца Бали и Явы при Австралийско-Индонезийской ассоциации. Общаясь там с другими родителями, мама получила прекрасную возможность заняться наконец своим излюбленным делом: сочинением невероятных сказок о моем происхождении. У нее имелась досадная привычка менять мою этническую принадлежность в зависимости от того, с кем она беседовала в данный момент. К собственному удивлению, я выясняла, что являюсь то наполовину индонезийкой, то тайкой, то малайкой или китаянкой. У меня обнаруживались родственники и в Пекине, и на Суматре. Я очень устала от всей этой интернациональной чехарды.

Как и многие девочки моего возраста, я обожала некоторых актрис и мечтала стать похожей на них, когда вырасту. Самыми моими любимыми были Одри Хепбёрн, Вивьен Ли и Кэтрин Хепбёрн. Я восхищалась их красотой, живостью, элегантностью, а также умом и темпераментом. Но в конце концов мне пришлось с горечью признать, что внешне я никогда не буду похожа на своих идолов. Это стало для меня довольно серьезным ударом. Я ощущала себя австралийкой, я думала как австралийка, я *была* австралийкой, но в то же время понимала, что из-за внешности ко мне всегда будут относиться как к чужой. Подростку очень трудно смириться с этим. У него и так хватает проблем в отношениях с миром, и на их фоне понимание того, что его внешность не соответствует общепринятым стандартам, превращается в настоящую пытку. Кроме того, родители никоим образом не поддерживали и не ободряли меня, и в результате моя самооценка равнялась почти нулю.

Моя первая и единственная встреча с отцом состоялась в 1977 году, когда он уже умирал от рака горла и носа. Я долгие годы мечтала о том, как он спасет меня от мамы и Роджера,

подхватит на руки, унесет прочь от них и я уже никогда больше не буду одинока. Мне часто снился большой мужчина без лица, и я верила, что только он подарит мне ключ к самой себе. Я вся словно открывалась ему навстречу, готовясь принять ту часть себя, которой мне всегда недоставало. Я жаждала задать ему сотни вопросов. Мне не терпелось узнать, кто я, зачем и почему. Но важнее всего мне было услышать от отца, что он хотел, чтобы я появилась на свет. Он так и не сказал мне этого.

В Сингапур я полетела вместе с мамой. Она категорически отказалась отпустить меня вдвоем с кузиной, заявив, что мне неприлично встречаться с отцом наедине. (Я дорого заплатила за то, чтобы эта встреча вообще состоялась: в ночь перед нашим отъездом Роджер и мама обошлись со мной так жестоко, что на «скорой» меня увезли в больницу и там под общим наркозом извлекли из моего тела посторонний предмет, который они туда засунули. Пока это происходило, Роджер распевал какие-то странные заклинания; мама предупредила, что если я расскажу врачам о том, что случилось, то никогда не увижу своего отца.) Все это произошло в тот день, когда умер Элвис Пресли.

Едва мы вышли из самолета, на нас обрушилась волна раскаленного воздуха, и я не могла понять, как люди могут жить в такой жаре и влажности. Когда мы дошли до здания аэропорта, я уже с трудом дышала, судорожно хватая ртом воздух. Нас встретили родственники отца и отвезли в дом моего дяди, где он ждал нас.

Я вошла в комнату, и отец поднялся мне навстречу. В руке он держал двух огромных плюшевых панд, вероятно подарок. Я шагнула к нему, но мама, отодвинув меня в сторону, тут же выступила вперед, подошла к нему первой и довольно холодно и отрывисто поздоровалась. Отец был ошеломлен. Наверное, он совсем не ожидал увидеть ее. К тому же мама нисколько не походила на ту тоненькую девушку, которую он знал раньше. Вместо нее он увидел женщину с усталым и злым лицом, весящую почти девяносто килограммов. Потом отец повернулся ко мне, и у меня замерло сердце. Я почему-то ждала, что он сразу же скажет, что любит меня, что между нами немедленно установится невидимая прочная связь, но ничего подобного не случилось. Стало понятно, что он ожидал увидеть совсем маленькую девочку (поэтому и плюшевые панды) и теперь был разочарован, обнаружив вместо нее долговязого подростка, выглядящего к тому же гораздо старше своих четырнадцати лет. Первые фразы, которыми мы обменялись, вышли сухими и неловкими – в конце концов, мы с отцом были совсем чужими друг другу.

Вообще вся наша поездка для меня обернулась полным

фиаско, а для мамы – чудесной возможностью поупражняться в ее любимом искусстве манипуляции. За все эти дни она ни разу не дала мне остаться с отцом наедине, ни разу не разрешила посидеть с ним рядом в машине, когда мы разъезжали по магазинам. Она сама все время занимала переднее место, считая, видимо, что оно по праву принадлежит ей, и всю дорогу без умолку болтала ни о чем, как будто была простой туристкой, а отец – нашим гидом. Отец неоднократно намекал ей, что хотел бы хоть какое-то время провести со мной вдвоем, но мама прикладывала все усилия, для того чтобы этого не случилось. Весь тот визит вспоминается мне как какая-то сюрреалистическая картина, на которой мы с отцом путаемся и завязаем в сетях непрерывной, безумной болтовни, извергаемой маминым незакрывающимся ртом.

Пытаясь наладить более близкие отношения со мной, отец много возил нас по магазинам. Он покупал мне массу одежды, украшений, всяких милых пустячков для моей комнаты. С большим удовольствием мы с ним обнаружили, что нам нравится одна и та же пища и что у нас совершенно одинаковая форма ступни (немного утиная). Еще он выбрал фасон и заказал для меня мое первое нарядное платье, сказав, что я должна пока отложить его, а когда придет время – надеть и тогда вспомнить о своем отце. Он попросил, чтобы при этом я украсила волосы белыми гарденией, и добавил, что их запах будет пьянить так же, как моя красота, которая, он уверен, скоро придет. Все это папа успел сказать мне в один из редких моментов, когда мамы не было рядом. И эти слова навсегда останутся моим самым драгоценным воспоминанием о нем. В тот момент мы на короткое мгновение из двух чужих друг другу и едва знакомых людей превратились в отца и дочь.

А потом папа снова исчез из моей жизни, а я так и не успела задать ему все те вопросы, которые столько лет копила. Мама с такой параноидальной внезапностью вдруг оборвала наш визит, что мне стало казаться, будто его и вовсе не было. Почему она это сделала? Потому что с какой-то стати решила, что отец собирается продать меня в «белое рабство», как она сама это сформулировала, и потому что Роджер потребовал, чтобы мы немедленно возвращались. Она упаковала вещи, и мы, тайком выскользнув из дома, помчались в аэропорт. Мама даже заставила меня изменить внешность на случай, если отец установил за нами слежку. Только из аэропорта она позвонила родственникам отца и сообщила им о нашем немедленном отъезде. Времени на то, чтобы попрощаться с папой, уже не оставалось.

Больше я никогда его не видела. Через полгода после нашего

отъезда из Сингапура мне позвонили и сообщили, что он умер. Я едва знала его, но, услышав эту новость, почувствовала, как в сердце у меня навсегда потух крошечный огонек надежды.

9

После смерти отца несколько месяцев я металась от одного занятия к другому, почти совсем забросила учебу и общалась в основном с людьми старше себя. Я подружилась с группой студентов университета, которые, кажется, считали меня чем-то вроде своего талисмана, хотя и не предполагали, что мне всего пятнадцать лет. Оглядываясь сейчас на это время, я думаю, что в тот период я отчаянно пыталась определить свое место в жизни, найти себя и обзавестись собственным лицом, которое не стыдно было бы предъявить миру. И мне, наверное, казалось, что, если я буду старше, этот процесс пойдет быстрее. Мама не имела ничего против моего круга общения – наоборот, она поощряла мое знакомство с этими двадцатилетними и старше студентами из Азии, уверяя, что я скорее найду свою нишу среди них, чем среди чистокровных австралийцев. К счастью, никто из них не воспользовался моей псевдозрелостью, и мне удалось остаться девственницей почти во всех отношениях.

Единственным исключением из этого азиатского круга стал Питер Уоллес, студент-медик, который был и до сих пор остается одним из моих самых близких друзей. Все эти годы он был попеременно то плечом, на котором можно выплакаться, то моей совестью, когда он считал, что мне это необходимо. Только Питеру я доверяла настолько, что решилась пригласить его к нам домой; к тому времени ситуация там настолько ухудшилась, что скрыть это было уже невозможно. Питер никогда не пытался выведать у меня подробности о странностях нашего быта; он ничего не сказал, даже когда заметил, что у туалета отсутствует дверь. Роджер снял ее с петель вскоре после того, как мы переехали в эту квартиру, объяснив, что там будет спать собака. На деле же он сделал это для того, чтобы удобнее было подглядывать за мной в те моменты, когда каждому человеку хочется остаться одному. Из всех его издевательств это казалось мне самым жестоким и унизительным.

В этот тяжелый период только танцы помогли мне не сойти с ума и удержаться на плаву. Я взяла себе за правило: «Когда сомневаешься – танцуй», и танцевала всегда, танцевала все что угодно. Двигаясь, я забывала обо всем. Я изучала греческие и хорватские танцы, чечетку, джаз, фламенко, танцы Бали, Китая, Малайи, классические и современные. Но только занимаясь балетом, я чувствовала, как очищается моя душа. Чудесная музыка и дисциплина, присущая классическому балету, дарили спокойствие и уверенность. Я использовала любой повод, для

того чтобы удрать из дому и отправиться на занятия. Мама упрямо продолжала твердить, что классический балет – не для меня, что у меня неподходящие для него сложение и лицо, которое будет странно смотреться на сцене. «Займись чем-нибудь, для чего ты годишься, – требовала она. – Займись балийскими танцами». Поэтому в балетную школу мне приходилось бегать тайком, и я никогда не обсуждала эти занятия дома из страха, что меня высмеют или накажут.

Чтобы побольше зарабатывать, я нашла дополнительную работу, связанную с рекламой нескольких авиалиний, а также сингапурской компании, производящей бижутерию. Моя азиатская внешность в этом случае пришлась очень кстати, и она же помогла мне в дальнейшем получить и постоянную работу.

Это случилось в 1979 году. Я начала работать в мельбурнском представительстве «Авиалиний Малайзии» секретарем в приемной, а также отвечала там за туристическую информацию и за рекламные стенды компании на торгово-промышленных выставках (до сего дня я благодарна бабушке за то, что в свое время та оплатила мое обучение на летних курсах, где я освоила слепую машинопись – умение, которое много лет кормило меня и впоследствии мою семью). Когда при поступлении на работу мне пришлось заполнять анкету, я прибавила себе два года, написав, что родилась в 1961 году. Забавно, но это был единственный случай, когда кто-то усомнился в правдивости этой информации – менеджер отдела кадров заявил, что считал меня гораздо старше!

Когда мне исполнилось шестнадцать, я получила законное право уехать из дому, что и сделала немедленно и с огромным удовольствием. Я поселилась с тремя своими подругами в их доме в тихом пригороде Армадейл. Мне хотелось бы с опозданием поблагодарить их за то, что они приняли меня так великодушно и без лишних вопросов.

Примерно за неделю до этого наши отношения с Роджером достигли критической точки. Он становился все более настойчивым и бесцеремонным и приобрел обыкновение врываться в мою комнату среди ночи, пока мама спала. В трусах и майке он присаживался на край моей кровати и заводил старую песню о том, что хочет помочь мне расслабиться. Он вызывал у меня невыносимое отвращение. «Никогда! Больше никогда!» – хотелось крикнуть мне, и это желание было настолько сильным, что я переставала бояться его угроз. В тот раз что-то как будто щелкнуло у меня в мозгу, и, составив два кулака вместе, я, как дубинкой, со всей силы ударила ими его по голове, крича при этом что-то отчаянное и страшное. Когда, застонав, он поспешно

убрался из моей комнаты, я почувствовала себя почти счастливой. Я знала, что больше Роджер никогда не осмелится прикоснуться ко мне. С этим было покончено.

10

Цветы, цветы и снова цветы. В моей жизни появился Бахрин. Еще накануне у меня были только хорошая, хоть и скучноватая, работа, постоянный парень и моя главная тайна – танцы. И вдруг я оказалась под продуманной и изощренной осадой подлинного мастера, целеустремленного и упорного, как бегун-марафонец. Бахрин (или, как его называли в студенческие годы в Мельбурне, Шах Ахмад) решил, что непременно получит меня не мытьем, так катаньем. Кажется, я возбудила его интерес, когда танцевала в Национальной галерее в сборном концерте Австралийской радиовещательной комиссии. Бахрин обратил на меня внимание, довольно скоро нашел общих знакомых и мимоходом раздобыл у них нужную информацию. Выяснив, где я работаю, он открыл военную кампанию.

Началась она с якобы случайной встречи неподалеку от моего офиса. Бахрин упомянул имена нескольких знакомых мне людей, сказал, что видел, как я танцую, и что мы уже мельком встречались пару лет назад. Он сообщил, что изучает архитектуру в Мельбурнском университете и уже заканчивает четвертый курс. Познакомившись и немного поболтав, мы пошли каждый своей дорогой. Я, хоть и чувствовала себя немного польщенной, не придала этой встрече особого значения и поспешила на занятия балетом. Тогда мне, разумеется, не пришло в голову, что для Бахрина это было только началом.

На следующий день ровно в полдень он появился у меня на работе с охапкой розовых гвоздик и пригласил на ланч. Меня очень удивил этот визит. Разглядев его получше, я решила, что он красивее, чем показался мне в первый раз: стройный, смуглый, довольно высокий, с очень густыми темными волосами и огромными, немного выпуклыми черными глазами, которые смотрели на меня, терпеливо ожидая ответа. Я вежливо отказалась. Он принял отказ безропотно, вручил мне гвоздики и сказал: «Ничего страшного. Я буду приходить до тех пор, пока ты не скажешь „да“». Резко развернувшись на каблуках, он ушел, приведя меня в еще большее изумление.

Вскоре выяснилось, что он не шутил. Ѓольшую часть сентября 1980 года Бахрин регулярно появлялся в моем офисе с букетом гвоздик и приглашал меня на ланч, и я так же регулярно ему отказывала. Но мое сопротивление уже слабело. В семнадцать лет трудно устоять против такого упорного внимания, и в конце концов я капитулировала и приняла приглашение.

Для нашего первого свидания Бахрин выбрал чайный зал

«Хоуптун» в центре «Аркада». «Аркада» – типичное для Мельбурна заведение с викторианской роскошью, пестрыми мозаичными полами, сводчатыми, покрытыми росписью потолками и часто бьющими часами – была мне хорошо знакома: я часто приходила сюда с бабушкой, и та рассказывала мне, что в дни ее молодости, в буйные двадцатые, это было самое модное место. Мы ели сандвичи, болтали о всяких пустяках и постепенно с удивлением и, надо признаться, с удовольствием я выясняла, что Бахрин уже очень многое обо мне знает. Ему было известно, что у меня почти нет родных и что я с подругами живу в Армадейле, пригороде Мельбурна, похожем на знаменитый лондонский Ноттинг-Хилл. Он признался, что я ему нравлюсь и что он находит меня очень красивой и хотел бы как-нибудь вечером пригласить на ужин и дискотеку. Я объяснила, что у меня уже есть парень и поэтому встречаться с ним я не могу. Бахрин не стал настаивать, а вместо этого немного рассказал мне о себе.

Ему исполнилось двадцать шесть лет, он был единственным ребенком в семье и воспитывался своим дедом по материнской линии в Тренгану, одном из султанатов Малайзии. Поскольку меня тоже воспитывала в основном бабушка, мы сразу же решили, что между нами много общего, и начали с удовольствием сравнивать наши воспоминания. Бахрин охотно говорил о необыкновенной мудрости своего деда. Еще он рассказал, что до поступления в университет учился в элитной частной школе в Мельбурне, в которой два семестра отучился принц Чарлз. Я слушала, словно загипнотизированная взглядом его черных глаз и негромким, мягким голосом. Время от времени я вставляла какие-то замечания, но гораздо больше мне нравилось молча наблюдать за тем, как бессознательно играют с краем кружевной скатерти его тонкие пальцы. После того как мы расстались под часами на здании почтамта, я почувствовала какую-то странную эйфорию, которой хватило на весь остаток дня. Теперь я уже с нетерпением ждала, что же случится дальше.

Долго ждать мне не пришлось. Очень скоро я узнала, что Бахрин (или Шах, как я тогда его знала) ничего не делает наполовину.

На следующий день в обеденное время он опять появился в нашем офисе, уже не сомневаясь, что я приму его приглашение на ланч. И он оказался прав. Я пошла с ним, и мне казалось, что ничего не может быть естественнее. После этого в течение целого месяца мы в мой обеденный перерыв ходили в чайный зал «Хоуптун» и болтали там о всякой всячине. Бахрин проявил некоторый интерес к моим занятиям танцем – всего лишь из вежливости, как мне показалось, но все-таки достаточный для

того, чтобы вызвать во мне симпатию. Он охотно и очень серьезно рассказывал о любви к архитектуре, о зданиях, которые он когда-нибудь построит, и все это время, не отрываясь и не мигая, смотрел мне в глаза так, что мне начинало казаться, будто в этом забитом людьми кафе нет никого, кроме нас с ним. В один из дней он сделал поразившее меня признание: оказалось, что Бахрин разведен. Он просто и откровенно рассказал, как его женила на себе девушка по имени Фаузия, приемная дочь Туна Фауда Стефенса, бывшего премьер-министра малазийского султаната Сабах (или Борнео). Их брак продолжался всего год, во время которого она неоднократно изменяла ему и в конце концов бросила ради любовника – австралийского садовника. Бахрин рассказал, какое разочарование и унижение ему пришлось пережить при этом особенно потому, что он женился на ней против воли своей семьи и в результате его ошибка стала очень публичной и совершенно очевидной.

Я должна была бы сообразить, что в семнадцать лет еще не могу разобраться в том, что на самом деле произошло. Я должна была бы, услышав об этом, встать и навсегда уйти из его жизни, пока у меня была еще такая возможность, или, на худой конец, задать себе вопрос, почему жена начала изменять ему с первых же дней семейной жизни. Но ничего этого я не сделала. Вместо этого я смотрела в его молящие и несчастные глаза и изо всех сил сочувствовала и возмущалась вместе с ним. В душе я давала себе клятву никогда не причинять ему боли, как это сделала Фаузия; я знала, как это ужасно – чувствовать себя покинутой. Наверное, Бахрин читал меня как открытую книгу, потому что сразу же воспользовался полученным преимуществом и убедил меня снять запрет на вечерние свидания. Я согласилась, и с этого момента судьба моя была решена.

Он оставался по-прежнему милым, ухаживал за мной со старомодной английской учтивостью: настойчиво, но не позволяя себе ни намека на сексуальное желание. Мы обедали в чудесных, тихих ресторанчиках, подолгу гуляли в Ботаническом саду, ходили на все новые фильмы, на самые модные дискотеки и довольно часто – по магазинам. Одежда от известных модельеров была страстью Бахрина. В общем, он был очень романтичным, и при этом я не чувствовала никакой исходящей от него сексуальной угрозы. Эта последняя черта более чем устраивала меня в то время, потому что, хоть я уже и не была девственницей, всегда до этого в отношениях с мужчинами испытывала немалые трудности, пытаясь удерживать в узде их притязания на мое тело. Джентльменское поведение Бахрина казалось мне знаком того, что наши отношения могут стать серьезными.

Примерно в этот же период карьера танцовщицы вдруг превратилась из мечты во вполне реальную возможность. Во время одного из концертов в Национальной галерее меня заметили и пригласили на пробу в большую танцевальную труппу. Это был самый счастливый момент в моей жизни. Мечта вот-вот должна была стать явью.

Я с притворной небрежностью упомянула эту новость в разговоре с Бахрином. Он едва обратил на нее внимание, поэтому я решила особенно не распространяться на эту тему. Постепенно мне становилось ясно, что он считает мою страсть к танцу капризом, довольно изящным и милым, но несерьезным. А я тем временем начала усиленно тренироваться, каждую свободную минуту бегала в балетный класс, сидела на строжайшей диете и очень волновалась.

11

Стоял теплый весенний вечер, еще только начинало темнеть, и я с большой сумкой через плечо спешила в балетный класс. На сегодня было назначено дополнительное занятие по па-де-де – дисциплине, над которой мне следовало усердно поработать перед просмотром. Бахрин должен был встретить меня после тренировки: мы собирались поужинать где-нибудь в городе. В студии оказалось полно народу, и даже снаружи толпились люди и заглядывали в окна, чтобы рассмотреть танцоров, разминающихся у станка. Педагог-репетитор (не тот, что занимался с нами обычно, а его временный заместитель) включил кассетный магнитофон, стоявший на пианино, и занятия начались. Мой постоянный партнер уже ждал меня. Вот уже несколько уроков мы с ним работали над серией поддержек, в первой из которых партнер должен был поднять меня над головой, а потом коротким броском перевернуть и опустить к полу в позе, напоминающей прыжок «ласточкой»: ноги высоко вскинуты в воздух, а лицо и руки почти касаются земли.

Первые семь тактов все шло благополучно, партнер уже поднял меня над головой и начал опускать вниз, но после броска, вместо того чтобы подхватить под внутреннюю сторону бедра, ошибся, схватился рукой за промежность, испугался и, отдернув руку, уронил меня, будто горячую картофелину. Я приземлилась на правое колено. Боль была такой сильной, что я с трудом сдержала слезы, но все-таки нога сгибалась и на нее можно было опереться. Поэтому я решила, что не случилось ничего серьезного: возможно, я просто выбила коленную чашечку. В те дни австралийские танцоры относились к травмам довольно легкомысленно. Они считали возможным (и, кажется, считают до сих пор) танцевать с усталостными переломами и травмами мышц. Вот и я не придала этому происшествию особенного значения и уж конечно ни в чем не обвиняла своего партнера: нам просто не повезло.

Бахрин пришел в замешательство, увидев, как я хромаю ему навстречу с сильно распухшим коленом. Сразу же стало понятно, что ресторан придется отменить. Вместо этого мы отправились в его дом в Карлтоне – прелестное двухэтажное здание с балконами, выкрашенное в кремовый цвет, с терракотовой отделкой и красивой чугунной оградой с острыми пиками. Мое колено обложили пакетами со льдом, из магнитофона доносилось негромкое пение Ренди Крофорд, мы ели из картонных коробочек принесенную с собой из китайского ресторана еду, болтали о

всяких пустяках, а потом все случилось. Бахрин наклонился и впервые по-настоящему поцеловал меня. До этого он всегда только коротко прикасался губами к моей щеке, но в этот вечер все изменилось, и скоро мы оказались в его спальне наверху.

Наша первая ночь была нежной и приятной, хоть и не слишком страстной, что, возможно, объяснялось моим больным коленом. Но в любом случае чувство интимной близости, возникающее во время секса, значило для меня гораздо больше, чем необузданная чувственность. В ту ночь я не ушла домой; Бахрин настоял, чтобы я осталась у него.

За ночь колено сильно распухло, и утром я еле доковыляла до работы. В душе поселилось тревожное предчувствие беды: я начала подозревать, что моя травма гораздо серьезнее, чем мне показалось сначала. Это подозрение подтвердилось в тот же день к вечеру: рентген показал, что треснула правая коленная чашечка. Теперь я знала – карьера балерины, о которой я так мечтала еще вчера, закрыта для меня.

К тому же у меня совсем не оставалось времени: просмотр должен был вот-вот состояться, и я была уверена, что никого не заинтересует балерина с поврежденным коленом. Подобные травмы лечатся очень долго и сложно и без всякой гарантии, что подвижность колена полностью восстановится.

В последовавшие за этим дни я изо всех сил старалась смириться с крушением своей главной мечты. Если мое тяжелое детство и научило меня чему-то полезному – так это умению выживать и не особенно рассчитывать на удачу. И все-таки я пребывала в глубокой депрессии, бороться с которой мне помогал только мой новый и такой захватывающий роман. Бахрин в это время был очень внимателен и нежен ко мне, и я начинала верить, что по-настоящему люблю его. Вскоре мы решили – вернее, решил Бахрин, – что мне лучше переехать к нему в Карлтон. Идея поиграть в свой дом показалась мне очень заманчивой, и, быстренько упаковав вещи, я уехала из дома, где мы жили с подружками, не потрудившись даже толком объяснить им свой поступок.

Я очень плохо представляла себе, что такое семейная жизнь. Все отрывочные и беспорядочные, хотя и соблазнительные, сведения о ней были, как ни стыдно в этом признаваться, почерпнуты мною в основном из сериалов вроде «Семейка Брейди», «Заколдованные», «Трое моих сыновей» и тому подобных. Во всех этих телевизионных семьях мужчина был солнцем, вокруг которого вращались все остальные планеты, – небезупречная, с точки зрения феминизма восьмидесятых, модель, надо признать, но ничего иного я не знала и никогда не

видела. Она же оказалась и единственно возможной в нашей ситуации. Иное распределение ролей никогда не устроило бы Бахрина. И я поставила себе задачу перещеголять актрису Дорис Дэй в умении «сделать своего мужчину счастливым».

Я с головой бросилась в роман с Бахрином, и это получилось у меня удивительно естественно и легко. С мечтами о карьере танцовщицы пришлось расстаться, и на их место пришли растерянность и неуверенность в себе. Бахрин показался мне в тот момент единственным спасителем. Я смотрела на него и видела только то, что хотела видеть. Наверное, я обманывала себя и обманывала его, а главной ошибкой было то, что я убедила себя, будто люблю Бахрина, хотя в то время понятия не имела о том, что такое любовь.

12

Я была влюблена в саму идею быть влюбленной. Довольно банальное состояние для очень молодых людей, но именно так вернее всего определить то, что я чувствовала к Бахрину в последние месяцы 1980 года. В моей жизни не было ничего важнее его; завтрашний день и более отдаленное будущее нисколько меня не интересовали – я жила только здесь и сейчас.

Бахрин должен был поехать домой на летние каникулы где-то в середине ноября, то есть через несколько недель, после того как мы начали жить вместе. Было решено, что на рождественские каникулы я приеду к нему и он покажет мне свою Малайзию. Тогда я еще не знала, что это определение надо понимать буквально.

Однако к осуществлению этого плана имелось одно серьезное препятствие. Хотя моя работа и давала мне право на бесплатный билет на самолет, но для того, чтобы лететь за границу, нужен был паспорт. До достижения совершеннолетия паспорт я могла получить только с письменного согласия моей матери, а та категорически отказалась его давать, заведя старую песню о «белом рабстве». К тому времени отношения наши сильно испортились. Совсем недавно я отказалась отдавать маме и Роджеру еженедельную плату за хранение в их доме моих детских игрушек и книг. Мне хотелось перевезти эти вещи в свой новый дом, но они требовали за них выкуп. В конце концов мне пришлось обратиться к юристу, которому я и поручила вести переговоры с мамой. Сама я уже давно не могла ни о чем с ней договориться, и только угроза судебного иска и денежные посулы заставили ее подписать наконец заявление. Эти гадкие и унизительные махинации моих родных заставили меня еще больше мечтать о нормальной семье. Главной целью моей жизни стало найти покой, уважение и безопасность, за которые не надо платить наличными, и чем дальше – тем больше мне казалось, что только у Бахрина имеется ключ к этой новой, чудесной жизни.

Бахрин довольно спокойно отнесся к моим семейным неурядицам, он только сказал, что я любой ценой должна получить паспорт, если мы хотим быть вместе. Я как-то робко попыталась объяснить ему мамино поведение, но он только сказал, что моя прежняя жизнь его не интересует и что мы вместе построим нашу общую новую жизнь.

До чего же странную пару мы представляли собой тогда! Мы оба происходили из неполных и несчастных семей, но ни за что

не хотели признать, что у нас нет ни умения, ни навыков для строительства гармоничных отношений. Мы редко говорили друг с другом откровенно; по негласному соглашению мы были всегда вежливы и сдержаны. Я никогда не рассказывала Бахрину о насилии, которому подвергалась в детстве: мне было неприятно и стыдно даже думать об этом, я чувствовала себя запачканной, старалась запереть все эти воспоминания в самом дальнем уголке мозга и поскорее забыть о них.

Уже в первые недели нашей совместной жизни я поняла, что и детство Бахрина было далеко не счастливым и что это наложило отпечаток на всю его жизнь. Это стало ясно уже по тому, как часто он вдруг поворачивал разговор к тому времени, когда был ребенком. Он никогда не критиковал свою мать, отца или деда, но я сама догадывалась о том, чего Бахрин недоговаривал, когда заводил речь о том, как он хотел бы построить свою собственную семью, о какой матери мечтает для своих детей и как важно родителям лично заниматься их воспитанием. Ему нравилась близость, существующая между родителями и детьми в Австралии, и он мечтал об идеальной семье – такой, какую видел на экране. А я не замечала ничего странного в его желании жить придуманной жизнью.

Я и сама с энтузиазмом мечтала о том, как когда-нибудь стану воспитывать своих детей, и твердо верила, что в моей жизни никогда не будет ничего важнее семьи и мужа. Когда Бахрин прямо спросил меня, что я думаю о браке и детях, я без колебаний ответила, что верю в то, что браки заключаются на всю жизнь и что никогда не соглашусь перепоручить воспитание своих детей кому-нибудь другому. Бахрин удовлетворенно улыбнулся: судя по всему, я выдержала какое-то испытание.

Однажды – это случилось в день Кубка Мельбурна, когда вся Австралия берет выходной и отправляется смотреть скачки, – мы с Бахрином поехали покататься под дождем. Немного погодя он остановил машину на обочине напротив парка и начал рассказывать о своем детстве. Он говорил долго и не останавливаясь. Начал он ровным и даже равнодушным голосом, но потом уже не пытался скрыть охватившего его волнения. Он рассказал, что стал первым внуком в семье, что брак между его отцом и матерью был чисто политическим; что в жилах обоих его родителей вот уже пять или шесть поколений течет королевская кровь.

Его мать, Тенку Залия, принцесса Тренгану и любимая дочь султана, в пятнадцать лет была выдана замуж за совершенно незнакомого ей раджу Ахмада, мелкого принца из султаната Перак, выпускника военного колледжа, двадцатитрехлетнего

повесу (позже свекровь рассказывала мне, что в первую брачную ночь пережила ужасное потрясение, так как до этого ровным счетом ничего не знала о сексе и потом только тайком и изредка осмеливалась бросить испуганный взгляд на тело своего мужа; так продолжалось до самого их развода). Рождения Бахрина с нетерпением ожидал его дед – султан, бывший какой-то период и королем всей Малайзии (после того как в пятидесятых годах страна получила независимость, короля на пятилетний срок выбирали главы султанатов из своего числа).

В старом султанском дворце Истана Мазия, стоящем у самого устья реки Тренгану, все было подготовлено для стодневного «лежания» будущей матери. Специально для принятия родов ее отец пригласил английского врача. Долгожданный внук появился на свет в тот момент, когда солнце стояло в зените и по всей стране раздавался призыв к молитве. Это случилось в пятницу – самый священный день мусульманской недели и особенно удачный для рождения ребенка. Все это Бахрин рассказал мне серьезно и взволнованно.

Мы сидели в его крошечной «хонде-сивик», по окнам бежали струйки дождя, и до меня постепенно доходило значение его слов. Значит, он совсем не простой студент из Малайзии по имени Шах Ахмад, как я привыкла думать. И семья его тоже далеко не простая. Только теперь я поняла, что означала большая фотография на каминной полке, на которой были запечатлены пожилые джентльмен и леди, сидящие на троне. Выходит, это его дед и бабка.

По словам Бахрина, его дед сразу же решил, что новорожденный будет жить на территории дворца отдельно от родителей и воспитывать его будет он сам. Мать ребенка никогда физически не заботилась о нем, не кормила его грудью, не сменила ни одной пеленки; всем этим занималась его няня Зайнаб. Несколькими годами позже во дворце султана, в том же крыле, что и Бахрин, поселились и два его младших кузена, Зейнуль и Ихсан. Они росли так же, как и он сам: отдельно от отца и матери и под опекой самого султана. Никто из родителей, похоже, не возражал против такого порядка или, по крайней мере, не осмеливался высказывать свои возражения вслух. Судя по описанию Бахрина, он рос избалованным и в то же время одиноким ребенком, а его редкие попытки бунта немедленно подавлялись либо няней, либо самим султаном.

Бахрин продолжал рассказ о своей семье, а я лихорадочно пыталась вспомнить все, что мне известно о королевском доме Малайзии. Оказалось, что я не знаю о нем практически ничего. Я слышала, что в Индии принцы королевской крови считаются

сотнями и что титул в наши дни не подразумевает ни королевского стиля жизни, ни богатства. Но так ли обстоит дело в Малайзии, я понятия не имела. Я увлекалась европейской историей, и все «королевское» в моем сознании было тесно связано именно с этим континентом: союзы и договоры, наука, архитектура, искусство, балет, культура, законы, легенды и мифы, великие битвы, эпоха Возрождения и интриги дипломатов – все это принадлежало Европе, а не Азии.

Я никак не могла сообразить, как эти удивительные новости повлияют на наши отношения. Может, Бахрин намекает, что теперь я должна здороваться с ним, приседая в реверансе? Мне требовалось время, чтобы все обдумать. А кроме того, из его рассказа стало совершенно очевидно, что у Бахрина было печальное и одинокое детство, без нежности и любви, которую мне посчастливилось получить хотя бы от бабушки. По моей шкале ценностей этот факт значил гораздо больше, чем все остальное.

К счастью, время на раздумья у меня было, потому что через несколько дней после этого разговора мой новоявленный принц, как и собирался, уехал на родину. До его отъезда мы так и не успели ничего обсудить.

13

Наконец-то я была свободна! По крайней мере, так мне казалось, когда наш самолет оторвался от земли Мельбурна. Я смотрела в иллюминатор на знакомый, все уменьшающийся пейзаж с силуэтами домов, но думала уже только о другом, экзотическом городе, название которого было напечатано в билете.

Я улетала в канун Рождества, и в самолете итальянской авиалинии едва нашлось свободное место. Почти все из трехсот его пассажиров возвращались домой, в Рим. Но только не я. Я наизусть выучила свой маршрут. Сначала я летела до Сингапура, а там должна была пересесть на рейс до Куала-Лумпура, столицы Малайзии. Первый отрезок этого путешествия я навсегда запомнила как самый странный полет в своей жизни. Причиной тому стало весьма необычное поведение итальянского экипажа. Едва пассажиры успели занять места, как им в руки стремительно сунули подносы с едой, а потом столь же стремительно собрали их, практически выдергивая из рук. Сразу же после этого свет в салоне потушили, и все стюарды и стюардессы буквально испарились и так ни разу и не появились, несмотря на отчаянные призывы и звонки пассажиров. Спустя пару часов большинство моих попутчиков отказались от надежды когда-нибудь снова увидеть их и уснули, но мне не давало спать любопытство, а кроме того, я очень хотела пить, поэтому решила отправиться на разведку. Осторожно пройдя между креслами с дремлющими пассажирами, я подошла к портьерам, отделяющим салон первого класса, и услышала доносящиеся из-за них звуки музыки и пьяного веселья. Заглянув в щелочку между шторами, я обнаружила, что за ними бушует самая настоящая вечеринка. Тут меня заметил стюард по имени Паоло (о чем свидетельствовала таблички с именем, висящая у него на груди) и, схватив за руку, проворно втянул в салон. Выяснив, что я тоже работаю в авиакомпании, Паоло и его друзья настояли, чтобы я вместе с ними отпраздновала приближающееся Рождество. Остаток пути до Сингапура пролетел быстро: мы пили шампанское, распевали итальянские рождественские гимны и очень веселились. Мне было немного жаль всех остальных пассажиров, даже не подозревающих, что они пропускают.

В итоге я почти не помнила, как совершала пересадку в аэропорту Сингапура, в памяти осталось только то, что я все время хихикала, никак не могла расстаться со своими новыми друзьями, на прощанье спела им «Джингл беллз» и едва не

опоздала на самолет до Куала-Лумпура.

К тому моменту, когда он приземлился в Малайзии, я уже совсем протрезвела и очень нервничала. Что, если Бахрин передумал и не встретит меня? Что, если вся эта поездка окажется большой ошибкой? Лучше бы я поехала во Францию и Шотландию, как собиралась сначала. Что, если? Что, если?.. А потом на сомнения уже не осталось времени, потому что с волной остальных пассажиров я быстро прошла иммиграционный и таможенный контроль, получила багаж, пересекла огромный, открытый зал прибытия и, увидев Бахрина, бросилась ему на шею. Тогда я почти не обратила внимания на то, что он едва отвечает на мои объятия; я видела только его улыбку и чувствовала, как испаряются мои страхи. Так в час ночи в рождественскую ночь я оказалась в незнакомой стране, где все говорили на непонятном языке и даже ночью было невыносимо жарко, а воздух пах странно и пряно. Но Бахрин встретил меня, он был мне рад, а все остальное не имело значения.

Еще в машине, на которой мы ехали в дом его отца, Бахрин ласково, но очень твердо объяснил мне, что в дальнейшем я никогда не должна обнимать его на людях, по крайней мере, пока мы находимся в Малайзии, потому что по мусульманским меркам подобное поведение считается крайне неприличным. Про себя я решила, что, пожалуй, не стоит рассказывать ему о моих итальянских друзьях и о том, как весело мы отмечали Рождество в воздухе. Тогда я еще не знала, что таким образом началась моя подготовка к совсем новой жизни.

* * *

Чтобы добраться до дома, принадлежавшего радже Ахмаду, отцу Бахрина, нам пришлось пересечь почти весь Куала-Лумпур – удивительный город, в котором современные небоскребы стояли бок о бок с жалкими хижинами, а величественные, старинные дворцы с белоснежными фасадами, красивыми балюстрадами и минаретами терялись в тени стерильных и безликих «Хилтонов» и «Холлидей-инн», свидетельствующих о расцвете туризма и бизнеса. Чем дальше мы удалялись от центра, петляя по бесконечным лабиринтам улочек, тем скуднее становилось освещение, и я уже почти ничего не могла различить снаружи. Лишь иногда в открытое окно машины врывался дразнящий аромат готовившейся прямо на улице пищи, а через минуту его сменяла невыносимая вонь из открытых сточных канав или от куч мусора, разлагающихся прямо у шоссе. Потом дорога вдруг

начала забирать круто вверх, и мне показалось, что теперь мы едем прямо через джунгли. Незнакомая пышная растительность и лианы сплетались у нас над головой, образуя плотный шатер, сквозь который лишь изредка просвечивала бледная луна.

Пока по узкой, петляющей дороге мы поднимались в гору, Бахрин коротко и довольно сухо рассказал мне о своем отце. Выяснилось, что раджа Ахмад ведет холостяцкий образ жизни и в данный момент проживает в доме со своей любовницей-китаянкой, медсестрой Линой. Бахрин заверил меня, что такое положение дел абсолютно всех устраивает. Лина никогда не появляется со своим любовником ни на каких официальных или светских мероприятиях и не вхожа в его семью, но при этом она следит за порядком в доме, заботится об отце Бахрина и получает за это бесплатное жилье в престижном районе. Мне хотелось спросить, нашлось ли в этих отношениях место для взаимного уважения и любви, но я удержалась, вовремя вспомнив, что нахожусь на чужой территории, где обычаи и мораль, похоже, сильно отличались от тех, к которым я привыкла. Тогда я еще не знала, что начиная с этого вечера мне слишком часто придется сдерживать рвущиеся с языка вопросы.

Вскоре наша машина остановилась перед двухэтажным, довольно запущенным особняком – резиденцией, предоставленной радже Ахмаду правительством. Дом располагался на склоне холма в стороне от дороги, и, казалось, наступающие со всех сторон тропические джунгли должны были вот-вот сомкнуться и поглотить его. Пока Бахрин в свете фар возился с замком и ключами, я пыталась понять, для чего предназначены засовы и толстые решетки на окнах – для того, чтобы помешать грабителям забраться внутрь или – его обитателям выбраться наружу.

Внутри дом оказался сырым и каким-то нежилым. Похоже, он принадлежал страстному охотнику: стены были украшены чучелами раскинувших крылья орлов, на полах лежали тигриные шкуры с головами и стеклянными глазами. Кобра, застывшая в углу в угрожающей позе, свидетельствовала одновременно об искусстве местного таксидермиста и о дурном вкусе хозяев. Бахрин едва успел показать мне мою спальню и объяснить, что мы не сможем спать вместе, пока находимся в этом доме, когда у подъезда раздался хруст гравия, предупредивший нас о прибытии его отца.

Раджа Ахмад, который нетвердо вошел в комнату, опираясь на свою подружку Лину, оказался очень веселым и сильно пьяным человеком лет пятидесяти. У него были осанка отставного военного и выдающийся животик любителя пива. Копна черных

кудрявых волос и такая же борода обрамляли лицо, покрытое сильным загаром, какой приобретается только после многих часов, проведенных на поле для гольфа. Отец Бахрина сердечно приветствовал меня на изысканном английском языке с легким британским акцентом, после чего поспешно удалился в спальню в сопровождении своей подруги. Мы с Бахрином остались в компании с чучелами убитых животных и в полной тишине, если не считать тихого гудения вентиляторов под самым потолком.

14

Пребывание в Куала-Лумпуре вспоминается мне как праздничный и немного сумбурный круговорот достопримечательностей, ночных клубов и развлечений в компании молодых родственников Бахрина, с некоторыми из которых я уже успела познакомиться в Мельбурне. Неожиданно для себя я оказалась в самой гуще кружка «золотой» малазийской молодежи, объединенной королевской кровью в жилах и неуемной жаждой развлечений. Веселой компанией они кочевали от дискотеки к бару, от бара – к ночному клубу, прибывали туда на веренице роскошных автомобилей, одетые по последней моде, и везде ожидали и немедленно получали особый прием. Лесть и подобострастие принимались как должное и служили гарантией того, что никакие плебеи не осмелятся проникнуть в их тесный кружок.

Меня, однако, приняли в него с удивительным радушием. Родственники Бахрина оказались гостеприимными хозяевами: очаровательные, остроумные и веселые, они охотно и с видимым удовольствием сопровождали меня и в прогулках по городу, и в походах по магазинам. Немного озадачило меня поведение женской части этой компании: девушки предавались погоне за удовольствиями с какой-то особой, почти лихорадочной жадностью. О времени, проведенном в Куала-Лумпуре, Сингапуре или Лондоне, они говорили будто о чем-то запретном, почти незаконном и поэтому еще более восхитительном. Такое поведение стало мне понятнее после того, как я увидела их в совершенно иной обстановке – во дворце, где они со скромно опущенными глазами чинно стояли подле своих родителей, одетые в длинные и широкие одежды, сменившие мини-юбки и открытые, обтягивающие платья.

Тренгану… Слово, которое перекатывается во рту, словно камушек, и навевает мысли о жемчужно-белом песке и экзотической природе. Рекламные проспекты сулят обилие кокосовых пальм, бесконечные песчаные пляжи, огромных черепах, гуляющих по берегу, лазоревое море и своеобразную древнюю культуру, передающуюся из поколения в поколение.

Именно в султанат Тренгану мы и направлялись. Бахрин решил, что лучше всего я познакомлюсь с его Малайзией, если к нему на родину мы поедем на машине; путь от Куала-Лумпура до Тренгану занял бы всего шесть часов, если бы по дороге мы не решили задержаться в курортном городе Куантан в султанате Паханг. Мы остановились в фешенебельном Хайат отеле и

провели там несколько восхитительных дней, которые так и остались нашим единственным романтическим путешествием. Бахрин временно снял запрет на публичные физические контакты, и мы, взявшись за руки, гуляли по пляжу, целовались в песчаных дюнах и вместе плескались в море. Правда, к своему удивлению, я обнаружила, что Бахрин никогда не заходит в воду глубже, чем по колено: он не умел плавать, и глубина пугала его. Тогда Бахрин еще нисколько не возражал против того, чтобы я появлялась на людях в купальнике, и постоянно фотографировал меня на пляже своим драгоценным «Пентаксом». Особенно он любил, когда я позировала с открытыми плечами и развевающимися на ветру волосами.

Закаты мы встречали на террасе отеля, выходящей на океан. Бахрин потягивал свой «баккарди» с колой и ломтиком лайма – «поменьше льда», всегда просил он, – а я пила какой-нибудь разноцветный коктейль, который выбирал для меня он. Мы лениво переговаривались, изредка обменивались взглядами и неторопливо строили планы на следующий день – всегда простые, не требующие особых усилий и не уводящие нас далеко от пляжа и моря. Мы почти никогда не упоминали о второй половине путешествия, которое должно было закончиться в Куалу-Тренгану, родном городе Бахрина. Казалось, нам обоим не хочется покидать этот райский уголок. Иногда по ночам я просыпалась и под шум волн, набегающих на песок, со страхом думала о предстоящей неизбежной встрече с матерью Бахрина.

Но наконец наступило утро, когда мне пришлось, собравшись с духом, сесть в машину и отправиться вперед, на встречу с Тенку Залией – дочерью короля и султана, правоверной мусульманкой, совершившей паломничество в святую Мекку, и бывшей женой. К этому времени я уже успела потанцевать с парой наследников престола, подружиться с двоюродными и троюродными братьями Бахрина, познакомиться с несколькими из его дядюшек и тетушек, но все равно совсем не чувствовала себя готовой к встрече с Янг Амат Мауля Тенку Хайя Залия Путери бинти аль-Мархум Дули Янг Маха Мауля Султан Исмаил Наср ад-Дин Шах, матерью моего бойфренда.

Бахрин захотел, чтобы в дорогу я оделась как можно скромнее. К счастью, еще в Австралии я сшила два костюма, напоминающие традиционную малайскую одежду, и привезла их с собой. Для встречи с его матерью мы выбрали простой, темно-красный *баджу-курунг*. Название этой одежды в переводе означает «клетка из ткани», и в моем случае она состояла из пурпурной широкой юбки до полу и надетой поверх нее блузы-рубашки того же цвета длиной до колена, но с белым геометрическим узором, с

длинными рукавами и неглубоким круглым вырезом, сшитой из тонкого и легкого муслина.

С распущенными и расчесанными (тоже по предложению Бахрина) на прямой пробор волосами, одетая в странную и непривычную одежду, я стояла на ступенях отеля и с тоской смотрела, как носильщики укладывают в багажник машины наши вещи. Последний раз я оглянулась на пляж, на затеняющие его пальмы и мысленно пообещала себе, что когда-нибудь мы с Бахрином непременно приедем сюда снова. Тогда я еще не знала, что прошлое нельзя вернуть, что все меняется, как меняемся и мы. Иногда с течением времени воспоминания делаются слаще, а иногда к этой сладости примешивается горечь, которая отравляет все и заставляет нас жалеть о былой наивности. Я села в машину, последний раз оглянулась через плечо, а потом уже смотрела только вперед – навстречу пока неведомому будущему.

15

Мы достигли границы султанатов Паханг и Тренгану примерно через полтора часа езды по очень оживленному шоссе, с одной стороны которого чередовались рисовые поля, бедные деревушки и джунгли, а с другой – сверкало и переливалось Южно-Китайское море. Вместе с нами по шоссе двигалось странное скопище транспортных средств: дряхлые грузовички и мощные лесовозы, нагруженные стволами огромных тропических деревьев, роскошные легковые автомобили и маленькие мотороллеры, на которых иногда размещалась семья из пяти человек, занимая все возможные места от руля до заднего сиденья, будто в цирке, велосипеды и даже козы. После пересечения границы пейзаж заметно изменился: теперь людей на дороге было гораздо меньше, а растительность стала заметно пышнее и гуще. Ее обилие поражало меня: один оттенок зеленого сменялся другим, среди деревьев причудливо переплетались лианы и плющ, и то тут, то там сочную зелень разбавляли яркие островки тропических цветов. Все это буйство зелени и цвета казалось мне ненатуральным, будто пестро раскрашенная театральная декорация, потому что так сильно отличалось от привычного австралийского лета, от коричневой выжженной травы наших равнин с крошечными точками прячущихся в ней диких орхидей, от редких эвкалиптов с их тусклой листвой и серо-белыми стволами, от ни на что не похожего аромата австралийского буша.

Постепенно деревни стали попадаться все чаще, а шоссе сделалось гораздо шире, и наконец мы въехали в пригород Куала-Тренгану. В дороге мы с Бахрином мало разговаривали, предпочитая слушать музыку, но когда слева показалось большое сооружение за высоким сплошным забором из бетона длиной почти в милю, он как-то внутренне подобрался, выпрямил спину, выше поднял голову и, снизив скорость, начал подробно рассказывать мне о здании, мимо которого мы проезжали. Оказалось, что это дворец Истана Бадария, резиденция дяди Бахрина, султана Тренгану, полное имя и титул которого звучали так: Дули Янг Маха Мауля Султан Махмуд ибн аль-Мархум Султан Наср ад-Дин Шах. Сквозь решетку ворот я мельком увидела большое светло-серое строение с развевающимся на крыше флагом. Бахрин объяснил, что территория дворца очень велика и вмещает поле для гольфа, большой спортивный клуб, зал для бадминтона и несколько теннисных кортов, а потом добавил, что за этой неприступной стеной и прошло его детство.

В его голосе я не услышала ни тени ностальгии или сожаления – он просто констатировал факт. Возможно, королевским детям с самого детства прививали сознание того, что на смену одной правящей семье неизбежно придет другая и вместе с ней – новые наследники. Или в глубине души Бахрин все-таки чувствовал обиду на то, что пришлось уступить дворец своим родственникам? Я решила, что это не мое дело, и не стала задавать этот вопрос вслух. И без того я чувствовала себя слишком неуверенно в этой совершенно новой и непривычной для меня ситуации и мысленно пообещала себе, что буду больше слушать, чем говорить, и вообще вести себя очень осторожно, чтобы нечаянно не ляпнуть глупость и не оскорбить никого из новых знакомых. Если я стану во всем слушаться Бахрина, возможно, мне и удастся выжить на минном поле чужих традиций и дворцового этикета.

Он ободряюще сжал мои пальцы и сразу за дворцом повернул машину на неширокую зеленую дорожку. Мы почти приехали. По соображениям приличия я должна была остановиться в доме дяди и тети Бахрина, по соседству с резиденцией его матери.

Чуть погодя дорожка резко повернула влево и закончилась, но прямо перед собой я видела только живую зеленую стену, почти полностью скрывающую дом. Поверх нее выглядывала неровная линия крыши, как мне показалось, вобравшая в себя все известные архитектурные стили.

Дом Янг Амат Мауля Тенку Сери Падука раджи, короче говоря, Тенку Ибрагима – дяди Бахрина с материнской стороны, и его жены, китаянки Розиты, больше всего напоминал особняк из знаменитого американского сериала «Династия» с той только разницей, что его резные деревянные двери украшали строчки из Корана – священной книги мусульман, традиционно призванные охранять дом от злых духов и свидетельствовать о преданности его обитателей Аллаху.

Внутри сверкал паркет и полированный мрамор, радовали глаз драгоценные китайские и персидские ковры, в бесчисленных зеркалах сотни раз отражались огромные хрустальные люстры, а в тех комнатах, где не было кондиционеров, под потолком бесшумно крутились лопасти вентиляторов. В убранстве дома удивительным образом смешались откровенный китч и роскошь. Некоторые комнаты были выдержаны в каком-нибудь едином стиле: итальянском ар-нуво с его позолоченными пальмами и стеклянными столиками или японском с развешанными по стенам старинными кимоно. В отличие от многих других особняков, в которых мне довелось побывать в Тренгану, жилые помещения в доме тети Розиты оказались вполне

комфортабельными, с привычной европейской мебелью, большими мягкими диванами, множеством горшков с цветами и главное – с настоящими ванными комнатами и унитазами, гордо стоящими на высоких пьедесталах, хотя, надо признаться, горячая вода и туалетная бумага имелась далеко не во всех из них.

Позже хозяева прибавили к дому два новых крыла, еще один этаж и огромный бассейн из стеклопластика, который уже в собранном виде доставили из Австралии.

Меня тепло встретили тетя Бахрина, с которой я уже встречалась в Куала-Лумпуре, и ее пасынок и падчерица Насруддин и Алина – оба студенты Мельбурнского университета. На тете Розите, в столице расхаживавшей в коротких платьях от самых известных дизайнеров, на высоких каблуках и с безупречно модной прической, сейчас был надет длинный розовый кафтан из цветастого батика – обычная домашняя униформа членов королевской семьи, как я выяснила позже. Ее приемные дети и родная дочь Сузи носили джинсы, непременный плеер на груди и массу золота и бриллиантов на руках и на шее.

Еще у дверей Бахрин сказал мне, что по правилам местного этикета все входящие в дом должны снимать обувь прямо на пороге; потом я неоднократно забавлялась, наблюдая, как группа гостей, покидающих дом, ползает на коленях, пытаясь отыскать свою недостающую туфлю.

Пожилой слуга подхватил и унес мой багаж, а меня провели в гостиную и предложили чашку чая. Я чувствовала себя очень неловко среди этих почти незнакомых людей, и поэтому Бахрин не покинул нас сразу же, как собирался сначала. Наверное, он заметил выражение испуга на моем лице и задержался, чтобы немножко поболтать и помочь мне освоиться. Но в соседнем доме его ожидала мать, поэтому очень скоро он все-таки попрощался и ушел, и я смотрела ему в след, будто Дороти из «Волшебника страны Оз», прямо на глазах у которой рушится дорога из желтого кирпича.

16

Просто поразительно, как, невзирая на то что в доме тети Розиты и Тенку Ибрагима постоянно проживали семь слуг – повар, две горничные, пожилой лакей-дворецкий, мальчик на побегушках и два шофера, – Бахрину удалось в первую же ночь незаметно пробраться ко мне в спальню, расположенную, к счастью, на первом этаже. Он заранее договорился со своим кузеном Насруддином, и тот в назначенное время открыл, а рано утром опять запер входную дверь. Таким образом, вся остальная семья оставалась в неведении относительно такого вопиющего нарушения приличий. Довольно скоро я поняла, что, по сути, всех беспокоит только их видимое соблюдение.

И вот наконец наступила решающая минута. Вновь облачившись в парадный костюм, в сопровождении Бахрина я шла на встречу с его матерью через сад, разделяющий два дома.

В шестидесятые годы дед Бахрина решил построить особняки для своих любимых детей. Он выделил для этого большой участок земли, прилегающей к дворцу, проложил дорожки между будущими строениями, провел электричество и канализацию. Каждый из его детей и внуков получил в подарок небольшой кирпичный дом с тремя спальнями и помещениями для слуг, расположенный на участке в полгектара. Все дома были выкрашены в белый колониальный цвет и со всех сторон окружены террасами для защиты от проливных муссонных дождей.

По мере того как благосостояние осчастливленных потомков росло благодаря концессиям на экспорт драгоценной тропической древесины или открытиям новых нефтяных и газовых скважин, росли и их жилища. Некоторые из скромных пригородных особняков довольно скоро превратились в настоящие дворцы с десятками спален.

Пока мы с Бахрином шли к дому Тенку Залии, он рассказал мне, что весь этот участок, где проживает семья, принято называть *Кампунг Истана*, что в переводе означает «дворцовая деревня». Надо сказать, то, что я видела вокруг, ничуть не напоминало деревню.

Тенку Залия жила в простом и относительно новом кирпичном доме, ослепительно белом, если не считать выкрашенных в ярко-зеленый цвет оконных рам, и гораздо более скромном, чем особняк ее брата. По сигналу Бахрина я как можно более элегантно скинула туфли и вошла в тускло освещенный, аскетично обставленный дом.

Мать Бахрина, чопорно выпрямив спину, сидела на самом краешке кушетки у себя в гостиной, при моем появлении улыбнулась одними губами и, не вставая, протянула мне руку. В Малайзии женщины, как правило, не обмениваются крепкими рукопожатиями: они только слегка касаются ладонями и чуть-чуть сжимают пальцы друг друга. К счастью, Бахрин успел заранее проинструктировать меня, и я, взяв правую руку принцессы, быстро прикоснулась к ней губами и носом, изобразив при этом нечто среднее между поклоном и реверансом – все, как он меня учил. Лицо Тенку Залии при этом немного оттаяло, и, с видимым облегчением вздохнув, она любезно мне кивнула. Уже много лет спустя свекровь призналась, что очень нервничала перед нашей первой встречей и немного успокоилась, только поняв, что я, во-первых, умею прилично себя вести, а во-вторых, не оказалась «ужасной блондинкой», как она опасалась. Уже тогда мне показалось, что Тенку Залия, босая, одетая в шелковый розовый *баджу-курунг*, с белым муслиновым платком на голове и розовой перламутровой помадой на губах, живет не в реальном, а каком-то своем мире; позже она всегда напоминала мне стареющую английскую герцогиню, которая никак не хочет поверить в то, что эти новые повозки могут ездить без помощи лошадей.

Языковой барьер оказался серьезным препятствием нашему общению. В молодости Тенку Залия неплохо владела английским, но с тех пор успела его забыть и, хотя почти все понимала, была слишком горда и застенчива, чтобы говорить с ошибками. Естественно, непринужденной беседы у нас не получилось, и мы все – Бахрин, его мать, тетя Розита, пара кузенов и кузин и я – сидели, обмениваясь кивками, улыбками и редкими фразами. «Откуда вы родом?» – при помощи тети Розиты спросила меня принцесса. «Вы работаете или учитесь?» – перевела следующий вопрос кузина Алина. Потом Тенку Залия поинтересовалась, сколько мне в лет, но тут в разговор довольно резко вмешался Бахрин, поспешно спросив у своей матери, говорил ли он ей о том, что мой отец родом из Пенанга.

Меня немного раздражало откровенное желание Бахрина скрыть мой истинный возраст, хотя он заранее и предупредил меня о нем. Он объяснил, что как старший среди своих двоюродных братьев и сестер он носит почетный титул *абанг*, означающий «старший брат», и окажется в неловком положении, если выяснится, что он состоит в близких отношениях с немусульманкой, которую к тому же официально еще нельзя считать взрослой. Поэтому он и попросил меня не говорить никому, что мне всего семнадцать лет, добавив, что это никого,

кроме нас с ним, не касается.

Тем временем неловкая беседа в гостиной продолжалась. Либо Тенку Залия, либо я произносили какую-нибудь фразу, и ее тут же подхватывал один из добровольных переводчиков. Больше всего это напоминало партию в теннис, во время которой головы зрителей все время поворачиваются то вправо, то влево и слова перелетают через комнату, как мячики. Обстановка в гостиной была далека от непринужденной; скорее вся церемония походила на пытку чаем и пирожными.

Лед растаял, только когда я преподнесла матери Бахрина привезенную из Австралии огромную коробку шоколада «Кэдбери». Ее заблестевшие глаза и счастливая улыбка не нуждались в переводе – я и так поняла, что вижу перед собой товарища-шоколадоголика, и с этого момента мы с Тенку Залией стали друзьями.

Покончив с официальным визитом, мы с Бахрином и с одним из его кузенов в качестве дуэньи отправились прогуляться по Куала-Тренгану. Вечером того же дня в доме своего дяди Бахрин поздравил меня с тем, как хорошо я справилась. Он говорил о моем успехе так, словно я выполнила опасную миссию в тылу врага и мне вот-вот должны вручить за это медаль. Однако медали не последовало, и я только недоуменно улыбнулась ему в ответ, делая вид, что не понимаю, что он имеет в виду.

Гораздо позже, получше познакомившись с исламскими обычаями, я поняла, что мужчина-мусульманин знакомит женщину со своей семьей, и особенно с матерью, только если у него самые серьезные намерения. Юноши и девушки просто так не заглядывают в гости друг к другу. Бедняжка Залия, конечно, понимала планы Бахрина гораздо лучше, чем я, но скорее всего не сознавала, что мне о них в тот момент еще не было известно.

Я часто мысленно перебираю воспоминания о своей первой поездке в Тренгану. Кое-какие эпизоды я помню с удивительной точностью, другие, менее значительные, совершенно стерлись из моей памяти. Возможно, это случилось потому, что в тот раз я позволила себе подпасть под очарование семьи Бахрина и если видела что-то непонятное или неприятное мне, то предпочитала поскорее забыть об этом или найти какое-нибудь удобное объяснение. В семнадцать лет я еще боялась идти против течения. В тридцать, если потребуется, меня не остановит и цунами.

Две первые недели 1981 года прошли в непрерывных разъездах между Тренгану, Куала-Лумпуром и Сингапуром, так что в конце концов у меня начала кружиться голова. В Тренгану мы осматривали памятники и любовались пейзажами, в Куала-

Лумпуре развлекались, а в Сингапуре ходили по магазинам.

Именно в Сингапуре я познакомилась с правителем султаната Тренгану, дядей Бахрина по материнской линии, и его второй женой, матерью наследного принца Мизана Шарифой Нонг и с остальными их детьми. Мизана, веселого, скромного и немного застенчивого парня, я знала и любила еще в Австралии. У него было красивое, строгое лицо, в котором сочетались арабские и малайские черты, и задумчивые черные глаза, а для меня всегда имелась в запасе теплая, немного неуверенная улыбка. В отличие от Бахрина, он не имел ничего против домашней работы и, навещая нас в Мельбурне, нередко подметал пол или стряпал что-то несложное на нашей кухне. Мне всегда было немного жалко его, потому что он терпеть не мог частную школу Джилонг, в которой он в то время учился и которую раньше закончил и Бахрин. Учение давалось Мизану с трудом, а кроме того, он очень скучал по семье и дому. Однако жизнь наследного принца, который когда-нибудь может стать королем всей Малайзии, не принадлежит ему. Все решения о его карьере, месте жизни и даже будущей официальной жене принимаются на высшем уровне и без всякого его участия.

С другими детьми султана я тоже успела немного познакомиться в Тренгану. Среди них были три девочки, Фарах, Анна и Има, от пятнадцати до двадцати одного года. Старшая, Фарах, тоненькая как тростинка, с изящным личиком в форме сердечка и пухлыми губками, была такой же болтушкой, как и ее мать, обожала сплетничать, всегда навешивала на себя гирлянды драгоценностей и была очень щедра на преувеличенные комплименты, что немного смущало меня.

Анна, напротив, предпочитала молчать и, сидя где-нибудь в уголке, наблюдать и слушать. Она была настоящей красавицей – сексапильной, с длинными черными волосами и изящной, как у сестры, фигурой, но за ее видимой хрупкостью скрывался весьма сильный и довольно вздорный характер.

В семье единодушно считали, что младшей дочери султана Име стоило родиться мальчиком. Внешне она была очень похожа на Мизана: те же точеные черты и черные глаза. Она коротко стригла волосы и, в отличие от сестер, совсем не казалась хрупкой. Джинсы явно нравились ей гораздо больше, чем традиционные малайские наряды, которые ей приходилось носить на публике или в присутствии своего отца – султана, а все официальные церемонии она охотно бы променяла на один хороший футбольный матч. Позже мне нередко приходилось наблюдать, как во время таких церемоний Има быстро опускает веки, пытаясь скрыть мятежный огонек в глазах.

Воспитанием двух младших сыновей султана, похоже, немного пренебрегали в пользу их старших братьев и сестер, поэтому мальчики росли настоящим наказанием божьим. Драки, проказы и розыгрыши, иногда довольно жестокие, были их любимым и главным занятием. Особенно отличался десятилетний Тенку «Беби», как все его называли, – совершенно невыносимый ребенок, один из тех, которые заставляют с благодарностью вспоминать о противозачаточных средствах. Он постоянно мучил домашних животных, кривлялся, врал и уже тогда был умелым манипулятором. Больше всего Беби нравилось издеваться над своим младшим сводным братом Тенку Адиком – он вечно щипал его, бил или чем-нибудь колол его, а потом безудержно хохотал.

Моя первая встреча с правителем Тренгану, Его Королевским Высочеством Султаном Махмудом состоялась в пятизвездочном отеле «Гудвуд-Парк», принадлежащем самому богатому человеку в мире, султану Брунея. В этом лучшем отеле Сингапура султан Махмуд с семьей и свитой остановился на несколько дней, расположившись по приглашению владельца в его личных апартаментах.

Миновав вестибюль, поражающий изысканной и сдержанной элегантностью, способной удовлетворить самый взыскательный вкус, мы с Бахрином прошли по широкому, устланному шелковым ковром коридору и оказались в просторном холле, обстановка в котором больше всего напоминала первый день распродажи где-нибудь в универмаге «Харродс», «Блумингдейл» или «Харви Николз». На полу валялась масса пакетов с логотипами Кристиана Диора, Джорджа Армани и Ив Сен Лорана, друг на друге громоздились бесчисленные коробки с женской обувью и веджвудским фарфором, тут же стояли два или три велосипеда и детский электромобиль – члены королевской семьи Брунея явно походили по магазинам. Я была потрясена. Мне еще никогда не доводилось видеть подобной оргии потребления. А ведь, будучи мусульманами, они даже не праздновали Рождества.

По дороге в помещения, отведенные дяде Бахрина, мы миновали несколько великолепных комнат, некоторые из них были шестиугольными, с огромными окнами, от пола до потолка. Нас сопровождал вышколенный лакей, одетый в обычную форму дворцовых слуг: белый пиджак и брюки, *сампин* – мужской саронг, завязанный на талии поверх брюк, и черный бархатный *сонкок* – овальную, похожую на феску шапочку без полей, украшенную королевским вензелем.

Лакей удалился, и несколько минут мы с Бахрином ждали Его Высочество в одиночестве, а потом к нам присоединились

Мизан и Фарах. Они держались естественно и вполне непринужденно, а Фарах без умолку болтала о прелестях шопинга в Сингапуре.

Вдруг все оживление мгновенно испарилось, и в комнате стало совершенно тихо – мы находились в присутствии султана. Он оказался довольно высоким и грузным человеком, который даже не улыбнулся, когда, приветствуя его, я присела в реверансе, совершила *анкат сумпах* – две сложенные ладони прикладываются ко лбу в знак почтения – и поцеловала протянутую мне руку. После этой процедуры я изо всех сил постаралась слиться с деревянной обшивкой стен. К счастью, султан почти не обращал на меня внимания. Он показался мне немного рассеянным, как будто существовал в каком-то другом измерении. Позже Бахрин рассказал, что его дядя очень изменился после того, как у него обнаружили серьезную болезнь сердца. С тех пор главным его занятием стала забота о собственном здоровье, для чего он испробовал все средства как обычной, так и нетрадиционной медицины.

Все то время, что Его Высочество провел с нами в приемной, двое его старших детей стояли нервно вытянувшись, с опущенными к полу глазами. Впрочем, султан довольно скоро удалился, а вместо него в комнату влетела его вторая жена, Шарифа Нонг. Закутанная в шелка, с глазами, подведенными сурьмой, она была так обильно увешена драгоценностями, что звенела и побрякивала при ходьбе: на каждом ее пальце красовалось по два кольца с бриллиантами, изумрудами или рубинами, а запястья украшали множество золотых браслетов и платиновые часы Пьяже с бриллиантами. На шее висела целая коллекция золотых цепочек, драгоценных кулонов и медальонов с выгравированным на них именем Аллаха. С тихим звоном она присела рядом со мной на диван и сразу же обрушила на меня нескончаемый поток слов, вопросов и сплетен. В присутствии этой женщины всем остальным оставалось только молчать, в то время как ее рот не закрывался ни на секунду. Только теперь я поняла, почему ее дочери жить не могли без сплетен – очевидно, они впитали эту страсть с молоком матери.

Она немедленно объявила, что я очень миленькая, что мне надо немного пополнеть и что кожа у меня гораздо светлее, а волосы гуще, чем у Фаузии, первой жены Бахрина, которую она совсем не любила. Все это тетя Шарифа Нонг выложила мне в первые две минуты нашего знакомства. Интересно, что она наговорила бы, если бы мы были знакомы немного подольше? В конце она пообещала, что мы обязательно станем хорошими подругами. Я стала с нетерпением ждать этого момента.

Наконец, после того как вся семья Бахрина увидела и более или менее одобрила меня, настало время возвращаться домой, в Мельбурн, к работе и нормальной жизни. Утром в день моего отъезда, как только мы с Бахрином проснулись в доме его отца, он вдруг объявил, что уже заказал для меня кольцо. Обручальное. Он не делал мне предложения. Он просто поставил меня в известность.

Все мои вопросы и сомнения Бахрин отмел одной фразой: «Не надо портить эту минуту. Просто возвращайся домой и жди меня там». Так я и сделала. Садясь в самолет, я еще не знала, что таким образом и будут строиться все наши дальнейшие отношения: он говорит – я беспрекословно подчиняюсь.

17

После возвращения домой моя жизнь очень скоро вернулась в обычное русло, и через пару недель мне уже трудно было поверить, что я побывала во всех этих экзотических местах. Бахрин еще не приехал, но я нисколько не возражала против одиночества и даже радовалась ему. Я пешком ходила с работы в наш дом в Карлтоне, наслаждаясь теплом и ласковым летним солнцем, подолгу сидела в нашем крошечном садике, иногда ходила в балетную студию, чтобы не терять формы. Кажется, впервые в жизни я осталась наедине сама с собой и училась получать от этого удовольствие. Я часто задаю себе вопрос, как сложилась бы моя жизнь, если бы Бахрин не вернулся тогда в Мельбурн. Хотя, возможно, я чувствовала себя тогда так спокойно и уверенно только потому, что в моей жизни был Бахрин. Сейчас уже поздно искать ответ. Путь, выбранный в юности, невозможно изменить двадцать лет спустя.

А потом он вернулся и привез с собой обручальное кольцо, море романтики и мое будущее.

Кольцо Бахрин торжественно вручил мне в первый же вечер во время обеда при свечах в нашем любимом ресторане «Бистро Циндоса», сказав при этом: «Три бриллианта: я – люблю – тебя». Я молча приняла его и таким образом согласилась стать его женой. Мне даже не пришлось отвечать «да», потому что Бахрин меня ни о чем не спрашивал.

Романтикой Бахрин буквально завалил меня так, словно все время носил в кармане пособие «Как очаровать девушку». Я не испытывала недостатка в интимных ужинах, во время которых мы почти не разговаривали, а только молча смотрели друг на друга, в долгих поездках на автомобиле без определенной цели, тоже молчаливых, потому что из магнитофона всегда неслась громкая музыка, и, конечно, в цветах.

Цветы были моей слабостью, и Бахрин умело ее использовал. Придя домой 14 февраля 1981 года, я обнаружила, что вся входная дверь скрыта под орнаментом из лент и гвоздик. Прихожая была буквально завалена цветами и «валентинками». Пробравшись между ними, я подошла к лестнице и обнаружила, что она вся увита красными розами: к каждому столбику перил было привязано по цветку. Собирая их на ходу, я поднималась по ступенькам, и на верхней площадке у меня в руках был уже огромный букет, который я с трудом смогла обхватить. Распахнув дверь, тоже украшенную розами и надписью «Я люблю тебя», я

обнаружила Бахрина, спокойного и совершенно невозмутимого, как будто не было ничего особенного в том, что он притащил в дом содержимое целого цветочного магазина. Когда, еще не придя в себя от изумления, я попыталась выразить свой восторг и благодарность, он слегка улыбнулся и сказал: «А что тут такого? Ведь ты – моя будущая жена». В ответ я могла только поцеловать его.

По мере того как развивался наш роман, я теряла связь все с большим числом своих прежних друзей. Центром моей новой жизни стала вновь обретенная любовь, и я почти не замечала, что круг наших приятелей теперь состоит только из родственников Бахрина и его товарищей по университету, да и тех можно пересчитать на пальцах одной руки.

Потом пришел март, и мы не думали уже ни о чем, кроме приближающихся выпускных экзаменов Бахрина. Все произошло в воскресенье восьмого марта. Мы пообедали и смотрели телевизор в кабинете, когда Бахрин вдруг повернулся ко мне и объявил: «Знаешь, на следующей неделе состоится коронация дяди и утверждение Мизана наследником престола и мне придется присутствовать. – А потом быстро добавил: – Думаю, нам лучше поехать в Тренгану вдвоем и там пожениться».

В тот момент я сидела на ковре и так застыла там, не в силах сказать ни слова. От сотни вопросов и лихорадочных мыслей у меня закружилась голова. Раньше мы никогда не обсуждали с Бахрином дату свадьбы. Я полагала, что мы поговорим об этом позже, когда он закончит университет. Мне нравилось просто быть его невестой, и, поскольку я принимала таблетки, мы могли не опасаться нежелательной беременности.

– Но мне ведь только семнадцать лет, – пробормотала я наконец.

– Так что же, значит, ты собиралась только поразвлечься со мной? – зло спросил Бахрин. – Неужели ты думаешь, что я любую ввел бы в свой дом и познакомил с матерью? У меня с самого первого дня были серьезные намерения. Я сразу понял, что хочу жениться на тебе и что ты будешь мне хорошей женой. Почему ты сейчас начинаешь вилять?

– Но ведь это уже через семь дней… – бормотала я, пытаясь выиграть время. – И я не могу выйти за тебя замуж: я несовершеннолетняя. И у меня даже нет свадебного платья, – добавила я, что было довольно глупо.

Этот лепет, казалось, еще больше разозлил Бахрина.

– Ты не забыла, что я член королевской семьи? Ты понимаешь, что это значит? Я могу все устроить. Все будет совершенно законно. Мне надо всего лишь один раз позвонить в

Малайзию. Я – единственный человек, который предложил тебе достойное место в жизни, – продолжал он. – Здесь, в Австралии, тебе нет места. Ты чужая тут, ты выглядишь не так, как они… Впервые в жизни у тебя появилась возможность стать частью настоящей семьи, а ты в ответ только бормочешь какую-то чушь! – уже кричал на меня Бахрин. – Когда ты выйдешь за меня замуж, станет не важно, кем или чем ты была раньше. Ни один человек в Малайзии не осмелится подумать плохо о члене королевской семьи. Здесь ты всего лишь азиатская полукровка. Ты сама рассказывала, как австралийские дети издевались над тобой в школе. В Тренгану ничего подобного никогда не случится. Впервые в жизни у тебя будет настоящая семья. Я предлагаю тебе самую надежную в мире защиту, а в ответ слышу только придирки и капризы!

Я никогда не видела Бахрина таким сердитым и очень испугалась. Возможно, он прав. Возможно, мое место и правда не в Австралии. Возможно, именно в Малайзии я обрету свою истинную родину и обеспечу будущее своим детям. Я совсем не хочу, чтобы они, как и я, чувствовали себя чужими в своей собственной стране.

Я плакала и пыталась объяснить Бахрину все, что пугало и мучило меня, но он не желал ничего слушать. Он продолжал выкрикивать обвинения, разрушая всю хрупкую броню из уверенности в себе, которую я с таким трудом создавала, безжалостно обнажая все мои слабые места, воскрешая все страхи.

– Что ты будешь делать? – вопрошал он. – Куда ты пойдешь?

– О чем ты? – робко спросила я.

– Ну ты ведь понимаешь, что мы не можем по-прежнему жить вместе, если не поженимся? Я не хочу жить со шлюхой! Я мусульманин, и без того мы с тобой совершили грех. Я не желаю продолжать это. Я дал тебе уже достаточно времени, чтобы повзрослеть, а сейчас даю последний шанс стать кем-то, найти свое место в жизни, создать семью, но ты отвергаешь его. Я люблю тебя, но все-таки должен сказать: либо мы поженимся – либо расстанемся.

Я не хотела потерять его. Меня ужасала перспектива остаться одной. Я любила его и не хотела стать такой, как моя мать. Возможно, он прав. Возможно… Голова кружилась так, что путались мысли. Я рыдала, а Бахрин продолжал осыпать меня упреками.

В какой-то момент я собралась с духом и выпалила, что он мусульманин, а значит, может иметь несколько жен. Даже у его дяди, султана, было две жены одновременно. А я не хочу, чтобы

он женился на ком-нибудь еще. Я кричала, что не вынесу этого. Я хочу выйти замуж один раз и навсегда. Я не признаю полигамных отношений и не собираюсь соперничать с другой женщиной.

– Я не буду делить тебя ни с кем! Никогда! – горячо заключила я.

Вместо ответа Бахрин схватил Коран, который всегда лежал у него на каминной полке, опустился на колени и поклялся, что у него никогда не будет другой жены и что мы будем вместе до самой смерти. Он клялся именем Аллаха на книге, святой для всех мусульман. Уже после того, как мы поженились, он повторял эту клятву как минимум три раза, по требованию и в присутствии своей матери и тоже с Кораном в руках.

И я сдалась. Он так твердо заявлял, что мы расстанемся, если я откажусь выйти за него замуж на следующей неделе, что мне пришлось уступить. У меня уже не было сил спорить, и я очень боялась потерять его, если стану настаивать, что нам надо подождать.

Потом мы занимались любовью, и Бахрин неустанно повторял, что никогда не оставит меня, и что будет любить меня вечно, и что теперь мы будем очень-очень счастливы.

Позже он сообщил мне, что решил воздержаться от секса до самой свадьбы; мы будем по-прежнему спать вместе, но не прикоснемся друг к другу до нашей первой брачной ночи. Я решила, что это немного запоздалое решение и что толку запирать двери конюшни, после того как лошадь уже убежала, но не стала возражать. Кто я такая, чтобы оспаривать его решения?

Всего лишь невеста.

18

Я испытующе рассматривала свое отражение в зеркале: большие, обведенные сурьмой глаза, темные блестящие волосы, прикрытые прозрачным шифоновым платком, и руки, нервно играющие с серебряной щеткой для волос. Справа на груди приколота моя драгоценная бриллиантовая брошка, подаренная отцом. Она очень хорошо смотрится на фоне темно-бордового кружева, из которого сшито платье.

Над ним трудились целую ночь, потом час я бегала по магазинам, чтобы найти подходящее к платью белье, и еще час потратила на то, чтобы вымыть и высушить волосы и наложить макияж.

Девушка в зеркале совсем не похожа на ту невесту, какой я воображала себя когда-то в детстве. В мечтах я держала в руках букет из гардений и лилий и была вся в белом.

Сейчас семь часов вечера. Я нахожусь в чужой, почти незнакомой стране и через несколько минут выхожу замуж.

Семь предшествующих этому дней испарились мгновенно, словно кубик льда, брошенный в огонь. Покупки, портнихи, заказ билетов и прочая нервная суматоха не дали мне возможности даже подумать о предстоящей церемонии. Я все предоставила Бахрину, и оказалось, что он не обманул меня: для подготовки к свадьбе ему достаточно было сделать один телефонный звонок в Малайзию.

Сидя в салоне первого класса самолета, уносящего нас в Куала-Лумпур, я думала о бабушке. Накануне вечером мы позвонили ей и рассказали о свадьбе. Она не высказала, по крайней мере вслух, никаких возражений и пожелала нам счастья. Немного огорчало ее только то, что все произошло так быстро и что она не будет присутствовать на свадьбе. Но Бахрин объяснил ей, что в связи с коронацией его дяди сейчас пройдет только короткая официальная церемония бракосочетания, а настоящий праздник состоится позже и она, разумеется, прилетит на него.

В душе я не могла не согласиться с бабушкой. Мне тоже было грустно, оттого что ее не будет на моей свадьбе, и я немного жалела о том, что не принимала никакого участия в организации торжества. Но так пожелал Бахрин, а я не хотела спорить. Я точно знала, что собираюсь прожить с ним всю свою жизнь до самого последнего дня, как бывает в сказках.

Но жизнь не похожа на сказки, и скоро выяснилось, что даже Бахрин не сумел предусмотреть всего. Уже в воздухе он начал

подробно рассказывать мне о назначенной на следующий день церемонии. Она будет вестись на малайском и отчасти на арабском языке, и мне придется произнести несколько фраз и на том, и на другом. Будет гораздо лучше, сказал Бахрин, если я уже сейчас выучу эти фразы и попытаюсь хоть немного освоить трудное арабское произношение.

Поэтому между обедом и ужином, вместо того чтобы смотреть кино, я начала вслед за Бахрином повторять свою первую арабскую фразу: *Ашхаду ан ля илиха илля Ллаху ва Мухаммадун Расулу Ллахи*. Я повторяла ее снова и снова, как испорченная пластинка. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его», – перевел Бахрин. Он пообещал, что этой фразы вполне достаточно, все остальные будут гораздо проще. Я поинтересовалась, зачем мне надо ее заучивать, и он объяснил, что чисто формально мне придется принять мусульманство. Членам королевской семьи не позволено жениться на женщинах, исповедующих другую религию. «Это просто формальность, – добавил он. – На самом деле не важно, во что ты веришь».

Ночь мы опять провели в доме отца Бахрина, а наутро отправились в Куала-Тренгану. Сам раджа Ахмад, много лет назад разведшийся с Тенку Залией, не был приглашен на свадьбу, поэтому утром он выпил за наше счастье бокал пива и, отпустив пару двусмысленных шуточек, проводил нас до машины. Мы должны были снова встретиться с ним через шесть дней, на обратном пути в Мельбурн.

К тому времени, когда мы добрались до столицы Тренгану, я страшно устала и, честно говоря, не чувствовала никакой радости при мысли о приближающейся свадьбе. Да и выглядела я скорее как марафонец, только что закончивший дистанцию, чем как счастливая, сияющая невеста. Однако на то, чтобы засиять, у меня оставалось всего три часа.

Тенку Залия приветствовала меня в своем доме и проводила в отведенную нам комнату, чтобы я могла освежиться с дороги. Судя по всему, она затратила немало усилий на создание парадной спальни для новобрачных в малазийском стиле. Вся богато украшенная мебель из красного дерева была совершенно новой. Деревянные части кровати украшала позолоченная резьба, а спинки скрывались под стеганым канареечно-желтым шелком, таким же, как на обивке мягкой мебели и на портьерах. Сама я, разумеется, ни за что бы не выбрала такую обстановку для своей спальни, но тем не менее меня тронула забота Тенку Залии, и я, как могла, постаралась выразить ей свою признательность.

Через несколько минут в комнату заглянул Бахрин и пригласил меня в столовую. Там всю мебель сдвинули в одну

сторону, а обеденный стол поставили к дальней стене. За столом сидели два человека, один из которых сосредоточенно записывал что-то в большой гроссбух, а другой с важным видом перебирал бумаги. На мое появление они не обратили ни малейшего внимания. На обоих была странная одежда, какую я еще никогда не видела в Малайзии: длинные, до полу, балахоны, похожие на рясы священников, только светлые, на голове – чалмы, а из-под балахонов выглядывали брюки. Это были имамы, священнослужители того же ранга, что наши викарии, облеченные правом регистрировать браки, обучать основам веры и толковать исламские законы. Бахрин представил меня, и я протянула им руку, но они только молча уставились на нее, не делая никакой попытки пожать. Бахрин поспешил прервать возникшую неловкую паузу и объяснил мне, что эти джентльмены пришли сюда, чтобы зарегистрировать наш брак. Ни один из имамов не говорил по-английски, и, похоже, их ничуть не обеспокоил тот факт, что я ни слова не понимаю по-малайски. Бахрин исполнял роль переводчика.

Мужчины о чем-то коротко переговорили между собой, и я услышала свое имя, а вслед за ним – слово «Ясмин». Это было мое новое имя, которое Бахрин выбрал для официальных документов и для того, чтобы меня знали под ним жители Малайзии.

Слегка подтолкнув меня локтем, мой жених прошептал:

– Скажи им то, что ты выучила.

– *Ашхаду ан ля илиха илля Ллаху ва Мухаммадун Расулу Ллахи*, – покорно, хоть и неуверенно, повторила я фразу, заученную в самолете.

– Распишись здесь и распишись здесь, – по-малайски сказал имам Али и ткнул пальцем в страницу большой книги в кожаном переплете. Я поставила подпись под несколькими строчками арабской вязи, и только после этого он впервые мне улыбнулся.

– А что теперь? – спросила я у Бахрина, когда мы направились к выходу.

– Теперь одевайся для свадьбы, – ответил он уже в коридоре. – И, пожалуйста, подними волосы кверху. Так будет гораздо элегантнее.

19

Голос муэдзина, призывающего мусульман к вечерней молитве, ворвался в открытое окно. В свадебном платье я сидела за туалетным столиком и испытующе рассматривала себя в зеркале. В дверь постучали, и в комнату вошел Бахрин. Он уже надел традиционный мужской костюм *баджу-мелаю* – свободную рубашку без воротника с драгоценной застежкой спереди и широкие шелковые шаровары, поверх которых наподобие юбки завязывается вышитая ткань. На голове у него был черный бархатный *сонкок*. Я смотрела на его отражение в зеркале и думала о том, до чего же красив мой будущий муж.

В правой руке Бахрин держал красный бархатный футляр. Подойдя ко мне ближе, он открыл его: внутри оказались тяжелое ожерелье в форме листьев и орхидей из бриллиантов, оправленных в платину и белое золото, и такие же тяжелые и вычурные серьги и браслет.

– Ты чудесно выглядишь, Ясмин, – сказал Бахрин моему отражению в зеркале. – А это – тебе. Надень. Это мой свадебный подарок. Их выбрала моя мать. Я заранее попросил ее об этом. Когда ты станешь моей женой, тебе потребуются достойные украшения. Надень их на свадьбу.

– Все? – испуганно спросила я, с горечью думая о том, как элегантно и стильно выглядела моя единственная брошка на фоне темно-красного кружева.

– Да. Они тебе нравятся?

Я на секунду замялась. Придется солгать ему. Бахрин наверняка обидится, если я признаюсь, что терпеть не могу крупных и вычурных украшений.

– Они изумительны, – соврала я, – но это чересчур роскошный подарок. Совсем необязательно было покупать все это. Хватило бы и простого кольца.

– Жаклин, ты станешь моей женой. Ты не можешь обойтись без украшений. – Он положил руку мне на плечо, по-прежнему глядя в зеркало. – Увидимся позже.

– А что будет дальше? – спросила я, не желая отпускать его.

– Только что в присутствии имамов ты приняла ислам, значит, теперь мы можем пожениться. Все уже почти готово.

– А как же быть с тем, что я несовершеннолетняя?

– Все устроено. Мой дядя, Султан Махмуд, имеет право стать твоим опекуном. Он является религиозным главой султаната и уже дал разрешение на свадьбу.

Он улыбнулся мне и вышел из комнаты.

20

На улице уже стемнело, когда Тенку Зейна, тетя Бахрина, пришла за мной. Из распахнутой двери комнаты в коридор доносились какие-то арабские песнопения.

Вслед за Тенку Зейной я прошла через холл в другую комнату, на ходу поправляя платок. Там не оказалось никакой мебели – только толстый персидский ковер на полу. Она жестом предложила мне сесть на него, показала, как надо скромно поджать под себя ноги, и молча поправила юбку так, чтобы не было видно ни кусочка тела. Вдоль стены в комнате сидело еще несколько женщин – тетки и кузины Бахрина.

В дверях показалась высокая фигура в тюрбане, и я узнала одного из имамов.

– *Сайа терима*, – сказал он мне.

Я вежливо улыбнулась и кивнула в ответ.

– *Сайа терима*, – повторил он, немного раздраженно.

Я смутилась и опять кивнула.

Тенку Зейна нервно хихикнула и сделала какой-то жест рукой.

– *Сайа терима*, – повторила я, наконец сообразив, что от меня требуется.

По комнате пронесся явственный вздох облегчения. Очевидно, я поступила правильно.

Имам протянул мне какой-то документ на арабском. Я поняла только цифру «25» в одной из строчек. Кто-то вложил мне в пальцы ручку. Наверное, я должна расписаться, но только где?

Меня опять выручила тетя Зейна, которая ткнула в документ пальцем, после чего я вывела в нем свое имя. Сразу же после этого имам удалился, и Тенку Зейна последовала за ним. Не понимая, когда же начнется моя свадьба, я оглянулась на родственниц Бахрина в надежде найти моральную поддержку, и они все приветствовали меня радостными улыбками и кивками.

«Большой прогресс, – подумала я. – Его семья уже улыбается мне».

Из коридора послышался какой-то шум, и в дверях показался Бахрин.

– Пошли, Ясмин, – позвал он.

– Сейчас начнется церемония? – спросила я.

– Какая церемония? – удивился Бахрин.

– Перестань шутить, – потребовала я. – Сколько еще все это будет продолжаться?

– Но мы уже женаты, – сообщил мне жених.

– Как женаты? Этого не может быть… Ведь нас никто ни о чем не спрашивал, и мы не произносили клятвы… Я тебя вообще почти не видела сегодня, – растерянно пролепетала я.

– У нас это не принято, – терпеливо, словно дурочке, объяснил мне Бахрин. – Я произнес все клятвы в столовой и взял тебя в жены. Ты здесь сказала *сайа терима*, то есть согласилась с предложенной за невесту ценой.

– С ценой? – прошипела я, с трудом сдерживаясь.

– Да, двадцать пять долларов, как указано в свидетельстве о браке. Ты его подписала. Вообще-то по законам Тренгану полагается всего пятнадцать, но ты так красива, что я решил поднять цену, – пошутил он. – Пошли, нас все ждут. – Он вывел меня в коридор и подтолкнул в сторону гостиной. – Попробуешь орехового соуса. Я специально заказал его для свадебного ужина, потому что ты его любишь.

Я уже даже не пыталась что-либо понять. Похоже, мое присутствие на собственной свадьбе совершенно не требовалось. Странно только, зачем понадобилось наряжаться и столько волноваться?

Свадебного ужина я почти не запомнила. Все разговаривали через мою голову по-малайски, и лишь изредка кто-нибудь переводил мне пару фраз. Насколько я поняла, речь шла в основном о наших будущих детях и о том, какой хорошей матерью я стану. Кроме того, оживленно обсуждалось завтрашнее торжество – утверждение принца в правах наследника. Вся королевская семья, включая и меня, должна была присутствовать на церемонии.

Гости разошлись довольно рано, и в доме остались только мы, слуги и Тенку Залия.

Бахрин намекнул, что пора спать, и я, подойдя к свекрови, улыбнулась и благодарно поцеловала ее в щеку. Похоже, такой физический контакт стал для нее полной неожиданностью, но она тоже улыбнулась, ласково потрепала меня по щеке и, пожелав нам спокойной ночи, ушла к себе.

21

Ну вот я и замужняя женщина. Я улыбнулась своему отражению в зеркале и вытащила шпильки, удерживающие волосы на макушке.

Бахрин ушел в ванную, дав мне время переодеться в шелковую, нежно-розовую ночную рубашку и пеньюар с кружевными вставками, которые я купила специально для нашей первой ночи. Комплект стоил целое состояние, но я не пожалела денег: мне хотелось быть самой красивой для Бахрина.

Наконец он вышел из ванной в легкой пижаме и, не говоря ни слова, уставился на меня так, точно видел впервые. Я почувствовала себя неловко, будто меня оценивал незнакомец.

Потом Бахрин улыбнулся, но выражение его глаз оставалось холодным.

Стараясь развеять странное напряжение, я поднялась со стула и протянула к нему руки. Он подошел ко мне совсем близко и, положив ладонь на мой затылок, запрокинул мне голову, как мне показалось, для того чтобы поцеловать. Я немного расслабилась, когда услышала его шепот:

– Моя красавица-жена…

Вдруг его пальцы с силой впились мне в волосы, он несколько раз обмотал их вокруг руки, резко потянул вниз и выкрикнул мне прямо в лицо:

– Теперь ты принадлежишь мне, ты это понимаешь? Ты принадлежишь мне!

– Пожалуйста, не надо! Мне больно, милый, – взмолилась я и попыталась освободиться.

В ответ на это он заставил меня еще сильнее запрокинуть голову, а другой рукой грубо схватил за запястье.

– Это не смешно! Пожалуйста… Мне больно! Отпусти меня, – продолжала упрашивать я.

– Я могу делать с тобой все что угодно. Ты принадлежишь мне! – прошипел он мне в ухо и изо всех сил толкнул меня на кровать так, что я упала на спину.

Я начала всхлипывать, но Бахрин дал мне пощечину и приказал замолчать. Он схватил мои руки и заломил их у меня над головой, а потом начал срывать с меня ночную рубашку, безжалостно разрывая тонкое кружево. Он обращался со мной так, словно я была не его любимой женщиной, а неодушевленной вещью. Резной край кровати больно врезался мне в спину, и я застонала и еще раз попросила отпустить меня. Вместо ответа он еще несколько раз ударил меня по лицу и грубо приказал

заткнуться.

А потом он с силой вошел в меня и начал насиловать. Мне казалось, я слышу свой беззвучный крик: «Все должно было быть совсем не так!»

Я плакала, но не смела позвать на помощь. Огласка и позор пугали меня еще больше, чем необъяснимая ярость Бахрина.

– Пожалуйста, перестань, мне больно, – умоляла я, но он не слышал и не останавливался.

Снова и снова он входил в меня, будто разрывая пополам, и при этом безостановочно шептал в ухо, что теперь я принадлежу ему, что я его жена, его красавица-жена. У меня это не укладывалось в голове. Я больше не видела лица, нависшего надо мной. Весь окружающий мир превратился в сгусток боли, унижения и страха.

Закончив, Бахрин грубо столкнул меня на пол и, сказав, что я похожа на чучело, велел привести себя в порядок. У него было холодное и жесткое выражение лица человека, который только что выполнил необходимую, но неприятную работу. Я не могла сказать ему ни слова, мозг отказывался служить, мысли путались и меня сильно тошнило. Едва добравшись до ванной, я наклонилась над унитазом, и меня вырвало.

Потом я умылась и, превозмогая непрекращающуюся тошноту, посмотрелась в маленькое зеркало над ванной: на щеках остались отпечатки ладоней, а на запястьях – красные следы его пальцев. Собственное тело казалось мне чужим и грязным. Я осторожно провела рукой по спине и нащупала ссадины там, где в нее впивался острый, резной край кровати. Ночная рубашка, купленная в предвкушении медового месяца, была изорвана в клочья, как и все мои надежды.

Не знаю, как долго я проплакала, сидя на унитазе. Мне было страшно, и я не решалась анализировать поведение Бахрина. Я только старалась утешить себя, мысленно повторяя, что все дело в напряжении из-за свадьбы или во временном помешательстве. Все будет в порядке, как заведенная приговаривала я, все будет хорошо, все образуется. Сейчас надо просто переждать эту ночь.

Когда я вышла из ванной, свет в спальне уже не горел. Ощупью, стараясь не дышать, чтобы не разбудить Бахрина, я добралась до кровати и поняла, что напрасно беспокоилась: он спал, повернувшись на левый бок, и уже громко храпел. Я переоделась в другую ночную рубашку, прилегла на самый краешек кровати, как можно дальше от мужа, и сжалась в комок. «Не плачь. Нельзя плакать, – уговаривала я себя, стараясь дышать ровно. – Я теперь замужняя женщина».

Да, я стала замужней женщиной. Семнадцатилетней

замужней женщиной, только что получившей важный урок. Урок, смысла которого я пока не поняла.

22

Мой первый день в королевской семье начался в четыре тридцать утра, когда слуга постучал в дверь спальни и разбудил нас с Бахрином. Я проснулась и осторожно, еще не зная, чего ожидать, оглянулась на мужа. Но беспокойство оказалось напрасным – Бахрин быстро, хоть и немного рассеянно улыбнулся мне. Вся его вчерашняя злость испарилась без следа. Похоже, этим утром его беспокоило только одно: как с наименьшими потерями провести свою молодую жену через все мели и рифы королевского этикета. Сегодня Мизана должны были официально объявить наследником престола, и всем старшим членам королевской семьи, включая и новобранцев, полагалось присутствовать на церемонии.

Бахрин ни словом не упомянул о нашей более чем странной первой ночи, и я тоже не решилась коснуться этого предмета. Сегодня утром все произошедшее казалось настолько нереальным, что я решила бы, что все это мне приснилось, если бы болезненные ссадины на спине не свидетельствовали об обратном. Я была так растеряна и подавлена, что пока не осмеливалась потребовать от мужа объяснений. Сейчас самым главным было прожить этот день, в который мне предстояло встретиться со всей своей новой семьей в полном составе. То, что случилось этой ночью, больше никогда не повторится, упрямо твердила я себе. Не надо сейчас об этом думать. Надо запереть эти мысли в каком-нибудь дальнем уголке мозга и вернуться к ним позже, когда у меня будут силы во всем разобраться и понять, где я ошиблась. А пока придется прятать свою боль и растерянность за вежливой улыбкой и стараться заслужить одобрение мужа. В конце концов, «главное – это соблюсти приличия», как неоднократно говорил мне Бахрин.

К моему большому огорчению, на свою первую дворцовую церемонию я отправилась, больше всего напоминая своим видом разряженную рождественскую елку. Бахрин с матерью в один голос потребовали, чтобы я была «прилично» одета, и, следовательно, мне пришлось нацепить на себя кружевной свадебный *баджу-курунг* и все драгоценности, которые накануне подарил мне Бахрин.

Пока я одевалась, он снабжал меня наставлениями, инструкциями и советами, касающимися протокола и этикета.

«Не забывай целовать руку всем старшим членам семьи, – напомнил он первым делом. – Это очень важно».

«Никогда не гляди прямо в глаза мужчине, если он не член

семьи, а когда идешь, опускай глаза и смотри только под ноги», – продолжал возлюбленный, а я кивала, делая вид, что понимаю. «Если я буду смотреть под ноги, то как увижу, куда мне идти?» – хотелось уточнить мне.

«Никогда не скрещивай ноги, а уж если скрестила, то лодыжки должны быть плотно прижаты друг к дружке». Я мысленно постаралась представить себе эту картину и порадовалась, что еще сохранила достаточную гибкость.

«Ни в коем случае не протягивай никому левую руку», – строго изрек Бахрин. Я решила, что на всякий случай все время стану держать левую руку за спиной. Должна добавить, что, пока я окончательно не отвыкла пользоваться этой коварной конечностью, мне пришлось нелегко и я успела заработать небольшое искривление позвоночника.

«Никогда не повышай голоса и на людях говори как можно тише», – гласила следующая инструкция.

«Перед сидящим человеком нельзя проходить, выпрямившись в полный рост. Надо немного согнуться, вытянуть вперед правую руку и наклонить голову так, чтобы она была на уровне сидящего». Я попыталась мысленно нарисовать себе эту позу и невольно вспомнила о Чарлзе Лотоне в роли Квазимодо. Слава богу, что я не отличаюсь высоким ростом, а не то пришлось бы мне доживать с горбом на спине.

«Не делай широких шагов при ходьбе и вообще старайся, чтобы ноги всегда тесно соприкасались», – перевел Бахрин пожелание Тенку Залии. Может, в таком случае мне лучше вообще не ходить, а передвигаться прыжками, плотно сдвинув колени?

«Садиться можно только после того, как сели все старшие родственники. Первой садиться можно только в присутствии тех, кто не принадлежит к королевской семье. В этом случае они сами должны стоять, пока ты не сядешь». Мне оставалось только надеяться, что на груди у всех присутствующих будут висеть этикетки с их именами и титулами.

«Не крутись и не ворочайся на стуле и не пытайся разговаривать со мной во время церемонии – в зале будет полно телевизионных камер». Отлично! Значит, в истории навеки останется видеозапись моего позора.

И последнее: «Не нервничай. Ты прекрасно выглядишь. Просто делай, что я тебе говорю, и все будет хорошо».

«Лучше всего вставьте мне в спину батарейки, а потом управляйте мною при помощи пульта», – хотела язвительно предложить я, но так и не набралась храбрости.

Итак, меньше чем через двенадцать часов после собственной

свадьбы я с судорожно поджатым от страха желудком, в сопровождении свекрови и мужа, отправилась во дворец Истана Мазия. «Интересно, что должна делать новоиспеченная принцесса, если чувствует, что ее сейчас стошнит?» – думала я, садясь в машину и поправляя платок, прикрывающий волосы.

Улицы, ведущие в центр города, были забиты народом и богато убраны. Через регулярные промежутки на них установили временные арки, украшенные портретами Султана Махмуда и его первой супруги Тенку Ампуан Бария. Эти фанерные арки, воздвигнутые за счет частных компаний и государственных учреждений, казалось, соревновались между собой в пышности и безвкусице. Надписи из разноцветных лампочек сверкали, подмигивали и желали великому правителю долгих лет жизни и счастливого царствования. Кроме того, на каждом фонарном столбе развевалось по нескольку вымпелов и флагов, а воздух постоянно оглашался воем сирен, возвещающих о прибытии на торжественную церемонию очередного политического деятеля, дипломата или члена королевской семьи.

Мы вышли из машины у ворот Истана Мазия, элегантного дворца в георгианском стиле, построенного прадедом Бахрина и ныне используемого только для торжественных церемоний, свадеб и парадных банкетов. Когда-то он являлся главной королевской резиденцией, но в конце семидесятых был сильно перестроен и расширен, что не лучшим образом сказалось на его внешнем виде. Сейчас все его балконы и портики были скрыты под пышными гирляндами традиционных королевских цветов – белого и ярко-желтого, а над парадным двором натянули тент и превратили его в столовую на открытом воздухе. Пока приглашенные гости станут обедать в прохладных залах, оборудованных кондиционерами, сюда вынесут угощение для публики попроще.

Когда мы подходили к крыльцу, Бахрин на секунду замедлил шаг и показал на четвертое слева окно на втором этаже. «В этой комнате я родился», – гордо сообщил он. Мне очень хотелось поподробнее расспросить об этом факте его биографии, но такой возможности не представилось. Мелко семеня и ужасно нервничая, я уже входила вслед за Бахрином и его матерью в главный дворцовый вестибюль.

Большой холл украшали портреты почивших султанов, огромная хрустальная люстра и современные копии старинных итальянских кресел, расставленных по периметру. Головы всех толпившихся в вестибюле гостей немедленно повернулись в нашу сторону, и пока по широкой лестнице мы поднимались наверх, я слышала сопровождающий нас приглушенный шепот. Огромные

двери, ведущие в тронный зал, были сделаны из прекрасного *кайу-шенгай* – драгоценного местного дерева красновато-коричневого оттенка, и сплошь покрыты изумительной резьбой, изображающей государственный герб Тренгану в окружении цветов и листьев.

Сам тронный зал способен был вместить как минимум полторы тысячи человек. Канареечно-желтый пушистый ковер на полу и стены, скрытые решетчатыми панелями с позолоченной резьбой, буквально ослепляли. С потолка, сплошь покрытого гипсовым цветочным орнаментом, десяток хрустальных люстр бросали разноцветные отблески на лица собравшихся. Посреди зала ровными рядами стояли несколько сотен стульев, обитых светло-оливковой кожей. Стулья с самыми высокими спинками предназначались для членов семьи и иностранных послов, облачившихся для церемонии либо в мундиры, либо в национальную одежду, либо в традиционные утренние костюмы с жилетами и высокими воротничками. Женщины, тоже в национальных костюмах или в вечерних туалетах, буквально утопали в драгоценностях, что показалось мне довольно странным для восьми часов утра.

Рассадка гостей была тщательным образом продумана. На каждом стуле лежала карточка с королевским гербом и аккуратно вписанным именем. Моя гласила: «Леди Ясмин Тенку Бахрин». Не только вся моя жизнь, но и имя стало другим за одни прошедшие сутки. Для тех, кто собрался сегодня во дворце, никакой Жаклин не существовало.

Напротив стульев на возвышении, на которое вели семь символических ступеней, под вышитым золотом желтым балдахином из сотканной вручную шелковой ткани *сонкет* стояли два трона с высокими спинками, обитые ярко-желтым бархатом. Справа был устроен еще один помост, пониже, на котором должны были расположиться дяди и братья султана. Третье возвышение в дальнем конце зала предназначалось для *нобата* – королевского оркестра.

Звук длинных труб и барабанная дробь оповестили всех о появлении в тронном зале Султана Махмуда и его супруги, Тенку Ампуан. Все собравшиеся поднялись на ноги, и в зал вошла королевская чета в сопровождении слуг и помощников. Только когда султан с супругой сели, мы опять опустились на стулья. После зачтения манифеста принц Мизан был официально представлен гостям и вслед за тем объявлен наследником престола.

Мизан, казалось, немного волновался, но держался очень прямо. Для церемонии он надел традиционный *баджу-мелаю*, а

на голове у него был желтый *танджок* – украшенный драгоценными камнями тюрбан. Завершали королевский наряд церемониальный *крис*, то есть кинжал, который носят на поясе за *сампином*, желтые носки и лакированные черные туфли. На остальных мужчинах королевской семьи были похожие костюмы разных цветов; многие надели орденские ленты через плечо и медали, говорящие об их чинах и титулах.

Коронация Тенку Ампуан Барии и Султана Махмуда должна была состояться только в конце этой недели как заключительный аккорд семидневных торжеств, поэтому они еще не могли дополнить свои парадные костюмы из желтого *сонкета* коронами, изготовленными для этого случая в Лондоне личными ювелирами королевы Елизаветы. Тем не менее тиара Тенку Ампуан из белых бриллиантов поражала воображение, как и ожерелье, и прочие драгоценности.

Вся процедура заняла больше трех часов; за это время принц не произнес ничего похожего на присягу или клятву верности султану и вообще ни разу не обратился прямо к нему; отец ни разу не посмотрел на сына и не кивнул ему; только в самом конце Мизан, опустившись на колени, поцеловал правителю руку в знак покорности. Из всех сидящих на возвышениях только Тенку Ампуан позволила себе приветливо улыбнуться нам в тот момент, когда по окончании церемонии мы покидали зал, сопровождаемые слугами и ревом труб.

Только опять оказавшись в вестибюле, я немного расслабилась и с облегчением вздохнула. Кажется, мое первое появление в свете сошло вполне благополучно. Среди толпящихся в вестибюле людей я заметила тетю Розиту и Тенку Ибрагима и осторожно помахала им рукой. Какая-то пожилая пара в парадном одеянии приближалась к нам. Следуя примеру свекрови и Бахрина, я поклонилась и поцеловала им руки, а потом с вежливой улыбкой слушала разговор, в котором не понимала ни слова.

Кто-то потянул меня за рукав, я обернулась и увидела улыбающуюся незнакомую женщину. Решив, что теперь-то я знаю, что делать, я присела в реверансе и поцеловала ее руку. Только когда женщина смущенно захихикала, а все окружающие недоуменно уставились на нас, я поняла, что совершила ошибку. Бахрин, видевший, что произошло, дернул меня за руку и прошипел прямо в ухо:

– Что ты делаешь?! Она даже не из королевской семьи. Это просто жена *датука*, придворного!

– Откуда мне знать? – сильно покраснев, прошептала я в ответ. – Я думала, это какая-то тетушка.

– Никогда больше так не делай, – потребовал Бахрин. – Ты ставишь меня в идиотское положение.

Расстроенная и смущенная, я постаралась слиться с обоями и стояла так, пока к крыльцу не подъехал наш автомобиль. В душе я клялась себе никогда больше не допускать подобных промахов. Я научусь вести себя так, чтобы Бахрин мог гордиться мною. Вот только сегодняшней короткой лекции оказалось явно недостаточно для того, чтобы я уверенно чувствовала себя в высшем свете.

Преображение Жаклин началось. Ее место постепенно занимала леди Ясмин Тенку Бахрин.

23

Коронационные торжества продолжались, и следующие пять дней слились для меня в одно суетливое и пестрое целое. Церемонии, фейерверки, банкеты и религиозные ритуалы сменяли друг друга, оставляя нам с Бахрином совсем мало времени для личной жизни. Все эти дни мы общались друг с другом церемонно вежливо и отстраненно, скорее как коллеги, чем как молодожены. Ночью мы лежали в кровати уже без сил, и никто не выказывал желания пересечь разделяющее нас пространство белой прохладной простыни.

Пять дней неуверенности, страха, попыток разобраться в хитросплетениях незнакомого этикета и протокола довели меня до того, что единственной оставшейся у меня потребностью было желание угодить моей новой семье.

Уже на второй день торжеств остро встала проблема моего гардероба, вернее, его скудости. Бахрин и его тетки с ужасом обнаружили, что для торжественных случаев у меня имеется всего один *баджу-курунг*. Три портнихи были срочно призваны, чтобы в течение двадцати четырех часов изготовить наряды, которых должно было бы хватить на всю коронационную неделю. К счастью, в семье Бахрина у всех женщин имелись обширные запасы текстиля, и именно из них черпались шелк, шифон и крепдешин для моего нового гардероба. Когда мать и тетки Бахрина закутывали меня в эти ткани и обсуждали с портнихами фасон и цвет каждого наряда, я ощущала себя чем-то вроде Барби-переростка.

Содержимое моего ларца для драгоценностей тоже внушало родственницам беспокойство. Тем не менее было решено, что пока придется ограничиться гарнитуром, подаренным Бахрином, хотя общество несомненно обратит внимание на мое бедственное положение в смысле бриллиантов. В ближайшее время мне необходимо будет серьезно заняться пополнением своей ювелирной коллекции, а самый короткий путь к этому – получше ублажать супруга, намекнули мне тетки. Пока я не стану обладательницей длинных «оперных» жемчугов с соответствующим браслетом и серьгами, а также комплекта из сапфиров или рубинов, жизнь, очевидно, нельзя считать удавшейся. Пока же в самых торжественных случаях мне приходилось украшать уши парой принадлежащих Тенку Залие элегантных сережек с солитерами, в которых было так много карат, что я постоянно думала только о том, как бы не потерять

их. Я была искренне благодарна своим новым родственницам за всю эту заботу, но все-таки подозревала, что они беспокоятся не столько обо мне, сколько о чести семьи.

В конце нашего короткого пребывания в Тренгану мне довелось присутствовать на *истиадат берсирам* – церемониальном омовении нового султана и его супруги. Церемония происходила под открытым небом, на территории, прилегающей к дворцу Истана Мазия. В отличие от коронации и объявления наследника в ней не было и следа современного западного влияния. Она представляла собой слияние древней малайской традиции с догматом внутренней и внешней чистоты, характерным для ислама. Новый султан перед началом своего правления как бы смывал с себя все прошлые грехи, очищаясь душой и телом.

Мы прибыли в Истана Мазия минут за двадцать до начала и заняли отведенные нам места на газоне. На синем небе не было ни облачка. Прямо перед нами возвышалась открытая ротонда с куполом, занавешенная великолепными полотнами желтого шелка, которые сейчас были отодвинуты и слегка колыхались под легким бризом. В просветы между колонами ротонды я видела, как река, чуть подернутая рябью, вливается в Южно-Китайское море, а на мелководье плавно покачиваются рыбацкие лодки. На секунду мне страстно захотелось тоже окунуться в прохладные волны, но я решительно прогнала неуместные мысли и продолжала терпеливо сидеть под палящим солнцем в ожидании назначенного часа. Температура воздуха уже приближалась к сорока градусам, и я чувствовала, как по лицу начинают катиться капельки пота и как душит меня новое платье из темно-лилового шифона на сплошной ярко-синей подкладке. Больше всего мне хотелось сейчас поднять подол и обмахнуть им разгоряченное лицо. Под взятыми взаймы бриллиантами невыносимо чесалась шея, словно протестуя против всего этого блеска и роскоши, совсем неуместной в девять часов утра.

Прочие гости, тоже нарядно одетые, сверкающие золотыми аксельбантами, медалями и драгоценностями, оживленно переговаривались. На другой стороне газона играл духовой военный оркестр. Мы с Бахрином сидели молча.

Наконец раздался уже знакомый мне рев труб *нобата*, и весь город словно замер в ожидании. Этот устрашающий звук означал, что королевская процессия вышла из дверей дворца. Все поднялись на ноги и в молчании наблюдали за тем, как медленно она двигается по расстеленной для такого случая желтой ковровой дорожке.

Вся эта языческая пышность отныне станет основным

содержанием моей жизни, с пугающей ясностью вдруг поняла я. Мне представился бесконечный ряд церемоний, которые еще предстоит посетить, и я почувствовала сосущую пустоту в груди. Однако пока все это было мне внове и поэтому вызывало живой интерес.

Сначала я заметила над морем голов ярко-желтые шелковые зонтики, отороченные сверкающей на солнце золотой бахромой и водруженные на десятифутовые шесты из красного дерева. Одетые в парадную форму лакеи несли их над головами султана и его супруги как знак королевского отличия и к тому же как некоторую защиту от палящего солнца. Их сопровождала огромная свита: служанки в красно-белых *баджу-курунгах*, украшенных королевским вензелем; охрана и знаменосцы в одежде из алого вышитого *сонкета*, несущие символы королевской власти – золотой церемониальный кинжал *крис*, меч и печать; представители армии и полиции в парадной форме; и, наконец, – играющие на ходу музыканты королевского оркестра *нобат*, облаченные в черные *баджу-мелаю*.

Сама королевская пара была по малайским стандартам одета довольно просто – в тончайшие костюмы из кремового цвета шелка, которые, впрочем, как оказалось при более близком рассмотрении, были сверху донизу расшиты узором их крошечных золотых бляшек. Его Королевское Высочество, получивший когда-то военное образование, шел четким и ровным шагом, расправив плечи и устремив взгляд прямо перед собой, как и положено на параде. Жена, отступив на один шаг, следовала за ним. На лице султана я не смогла заметить ни тени какой-либо эмоции. О чем бы ни думал будущий правитель, готовясь занять трон своего отца, он явно предпочитал держать эти мысли при себе.

Султан Махмуд с супругой поднялись в ротонду, и их немедленно окружил десяток придворных, которые, вытянув руки, заслонили их со всех сторон полотнами ткани, устроив что-то вроде душевой кабины. После чего на полностью одетую царственную чету вылили сотни литров воды, смешанной с соком лайма, известного своими мистическими охранительными свойствами. Вода, выливаемая из древних медных сосудов, ручейками сбегала по ступенькам ротонды и моментально впитывалась в газон. Я смотрела, открыв рот, зачарованная этой освященной веками церемонией, в которой ислам смешался с язычеством, а вера – с суеверием. Когда омовение было закончено, к супругам подошел главный имам и, воздев к небу ладони, попросил у Аллаха защиты и покровительства для нового правителя. После этого шелковые занавески ротонды были

опущены, чтобы очистившиеся султан с супругой могли переодеться в сухое платье.

Вскоре они появились уже в новых нарядах из белого *сонкета*, и вся королевская процессия под аккомпанемент *нобата* и криков «*Даулат туанку*!» (Да здравствует король!) вернулась во дворец.

Я оставалась сидеть, когда все остальные гости начали сбиваться в кучки и обсуждать только что закончившуюся церемонию. Мне казалось, будто я только что перенеслась на несколько веков назад – к тем временам, когда верования и культура были до примитивности просты. Я начинала понимать, что, несмотря на полученное образование и на приверженность ко всем новейшим достижениям комфорта и роскоши, семья Бахрина предпочитает жить и верить так же, как жили и верили их предки.

В дальнейшем, чем больше я буду узнавать свою новую семью, тем чаще мне придется сталкиваться со странными переплетениями религии, старинных легенд, суеверий и современных технологий. Мне еще многое предстояло узнать.

24

Стоило нам с Бахрином вернуться в Мельбурн и оказаться за тысячу миль от его царственной родни, как жизнь вернулась в свое нормальное русло. Мы с удовольствием и особо не задумываясь играли приятную роль беззаботных молодоженов, ходили по магазинам и вечеринкам, веселились, учились и работали. Единственной заметной переменой, произошедшей в моей жизни после свадьбы, оказался мой новый статус на работе: директор «Авиалиний Малайзии» вдруг стал со мной очень вежлив и частенько задерживался у моего стола, чтобы поболтать, причем делал это таким тоном, будто нам с ним известен какой-то общий секрет. Конечно, ситуация получилась довольно странной: с одной стороны, я оставалась одним из низших служащих компании, а с другой – стала женой человека, к которому мой директор обязан был относиться как к VIP-персоне.

Бахрин в том году заканчивал университет и довольно много занимался, поэтому иногда мы с трудом выкраивали часы для развлечений, которые, надо признаться, никогда не были особенно интеллектуальными. По нашему общему решению (то есть Бахрин решил, а я молча согласилась) я не стала возобновлять занятия балетом. Все свободное время мы проводили, обследуя бутики в самой фешенебельной части города. Бахрин очень интересовался последними новинками в мире мужской моды и постоянно читал такие журналы, как «GQ», «Вог» и «Плейбой», причем последний, по его утверждению, покупал исключительно ради статей. Когда дело касалось одежды, Бахрину требовалось только самое лучшее. Лучшие обувь, галстуки и ткани приводили его буквально в экстаз. Цена не имела значения. Вечером в пятницу и всю первую половину дня в субботу мы, взявшись за руки, обычно ходили из магазина в магазин в поисках идеально сидящих брюк или рубашки с каким-нибудь особым фасоном воротника. Реакция Бахрина на дизайнерскую одежду была почти чувственной: он гладил понравившуюся шелковую сорочку так, точно она была живой. Об этой его страсти к элегантной одежде хорошо знали в некоторых магазинах, торгующих итальянскими и английскими марками, и он считался там особо ценным клиентом. Главной его слабостью были Пол Смит, Хьюго Босс, Берберри и Валентино. Я же питала особое пристрастие к обуви и товарам для дома. Сначала я долго изучала картинки в архитектурных журналах Бахрина, а потом с наслаждением выбирала мебель, ткани и всякие мелочи для нашего гнездышка.

Мне вообще очень нравилась моя новая роль хозяйки, и я с энтузиазмом училась готовить. Рано утром по субботам мы с Бахрином ездили на местный рынок и закупали там недельный запас продуктов. Для Бахрина такая хозяйственная деятельность была внове, и он, казалось, с удовольствием принимал участие в этих гастрономических экспедициях, хотя его интерес к покупке и приготовлению пищи был чисто антропологическим. На первых порах самым моим удачным кулинарным экспериментом считались спагетти болоньез оригинальные, и Бахрин всегда расхваливал соус из фарша с красным вином, травами и чесноком. Вопросы диеты нас тогда особенно не волновали, и он, хоть и был мусульманином, никогда не возражал против блюд, в которых использовался алкоголь, и даже признавался, что в школе Джилонг с аппетитом ел на завтрак яичницу с беконом.

Бахрину, выросшему во дворце, еще никогда не приходилось самостоятельно заниматься хозяйством, и мы с ним, как дети, с радостью осваивали взрослый мир, благо денег нам вполне хватало: помимо наследства муж получал дивиденды от акций, принадлежащих королевской семье. Только сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что для Бахрина этот короткий период был не настоящей жизнью, а лишь короткой интерлюдией, отдыхом от строгой дисциплины королевского двора.

Антропологический интерес и активное участие – это две совершенно разные вещи. Мой муж изредка заходил на кухню только для того, чтобы достать их холодильника какой-нибудь напиток, но зато он с удовольствием стоял в дверях, комментировал мои хлопоты и вдыхал аппетитные запахи готовящихся на плите блюд. А я в то время и понятия не имела о равном разделении домашних обязанностей и с радостью делала все сама, даже не пытаясь попросить Бахрина о помощи. У меня наконец появились своя семья и свой дом, мне нравилось быть в нем хозяйкой, и я испытывала бесконечную благодарность к мужу, который сделал это возможным.

В эти первые после свадьбы месяцы отношения между нами продолжали оставаться весьма романтичными: мы каждую неделю отмечали «наш юбилей» в «нашем ресторане» и после ужина со свечами отправлялись либо на любимую дискотеку, либо в кино. Часто и без всякого повода Бахрин дарил мне розы – штрих, который завершал образ «идеальной пары». Я хочу быть честной и поэтому должна признать, что в те дни я чувствовала себя абсолютно счастливой и у меня не возникало ни тени сомнения в том, что наш брак заключен на небесах, а Бахрин – лучший из мужчин и всегда прав. Мы никогда не вспоминали о нашей первой брачной ночи и никогда не обсуждали сколько-

нибудь отдаленное будущее. Интимные отношения были по-прежнему ровными и нежными, и хоть в них, возможно, и недоставало всепоглощающей страсти, меня в том возрасте это вполне устраивало. Конечно, я что-то слышала о набирающем тогда силу движении за равные права для женщин, но никогда не считала, что оно имеет какое-то отношение ко мне. Я выбрала брак как естественное завершение своего первого серьезного романа и как безопасную гавань, о которой мечтала всю жизнь. Сейчас, оглядываясь на 1981 год, я понимаю, что это были самые безмятежные и счастливые дни нашей жизни с Бахрином, нисколько не похожие на те, что скоро пришли им на смену. Я любила его и чувствовала себя любимой.

Круг нашего общения в то время был довольно узок. В основном его составляли двоюродные братья Бахрина, с которыми он разговаривал на особом языке, малопонятном для непосвященных, даже когда они беседовали по-английски – что-то вроде особого королевского кода, основанного на общих воспоминаниях детства. Чаще всего они обсуждали ужасные последствия, неминуемые в том случае, если семье станет известно об их западном образе жизни в Австралии. Настоящих друзей у Бахрина тогда не было – только знакомые или приятели по университету; он охотно проводил с ними свободное время, но все-таки держал их на расстоянии. Мои же друзья, которых я успела завести до замужества, довольно быстро куда-то исчезли. Бахрин сыграл в этом исчезновении немалую роль: он с самого начала ясно дал мне понять, что все наши контакты с окружающими должны инициироваться только им. Он мастерски создавал такие ситуации, в которых у меня не оставалось возможности для компромисса или для поддержания неугодных ему отношений. И я не видела в этом ничего странного. Весь мой мир вращался тогда вокруг желаний Бахрина.

Недавно я после многолетнего перерыва встретилась с Шерли, любимой подругой мой ранней юности, и она наконец открыла мне глаза на то, почему так внезапно исчезли тогда из моей жизни все старые друзья. Характерным примером может служить один осенний вечер 1981 года, когда Шерли и еще одна наша общая подруга решили заглянуть к нам с Бахрином домой, чтобы выпить кофе и поболтать. Я не виделась с ними после свадьбы, и им, конечно же, хотелось узнать о моей новой жизни и о планах из первых рук. Дверь им открыл Бахрин, вернее, не открыл, а всего лишь приотворил, причем явно неохотно. Шерли рассказывала, что из дома до них доносились громкая музыка и запах жарящегося мяса. В щелочку она успела заметить мою сумку в прихожей и сделала справедливый вывод, что я дома.

Однако Бахрин сообщил им, что они пришли в неудачное время и что меня сейчас нет. Когда Шерли проявила настойчивость и попросила его назначить время, удобное для визита, Бахрин очень вежливо сказал ей, что, по его мнению, «от этой мысли вообще лучше отказаться». Он объяснил, что я начала новую жизнь и «вращаюсь сейчас совсем в других кругах» и что, выйдя замуж, я сделала выбор и решила порвать со всеми старыми знакомыми. В обычной ситуации, добавил он, все эти объяснения они получили бы от кого-нибудь из слуг, но, поскольку сейчас он живет в чужой стране, ему самому приходится выполнять эту неприятную обязанность. По словам Шерли, подобный прием получили не только она, но и большинство моих старых приятелей.

Мой ближайший друг Питер Уоллес относился к Бахрину неоднозначно. Еще до первой моей поездки в Малайзию он по дороге в Таиланд, где должен был проходить медицинскую практику в лагере для беженцев, на несколько дней заехал в Тренгану и остановился в доме у Бахрина. Питер всегда относился ко мне как старший брат и поэтому решил проверить все лично. Как он рассказывал гораздо позже, после этого визита у него появилось опасение, что Бахрин не совсем тот человек, которым хочет казаться, но, хорошо зная мое упрямство, он предпочел оставить свое мнение при себе.

В 1981 году священный исламский месяц рамадан пришелся на зимний, холодный июнь. Время ежедневного поста, продолжающегося от восхода солнца до его заката, используется каждым мусульманином для покаяния в грехах, совершенных им в прошедшем году. В светлую часть суток они не имеют права ни есть, ни пить и весь месяц должны воздерживаться от секса и от любой другой формы ублажения плоти, вплоть до ковыряния в носу. От поста освобождаются только больные, немощные, беременные женщины, а также женщины на время месячных, но все они обязаны соблюсти его в другое время. Бахрин постился только четыре последних дня рамадана, а я бы, наверное, вообще не заметила поста, если бы не приезд в Австралию тети Зейны и двух ее взрослых детей, Дианы и Зейнуля.

Тетя Зейна решила провести конец рамадана в Мельбурне и посмотреть на город, где учились два ее старших сына и множество племянников и племянниц. Ее дочь Диана, приехавшая вместе с ней, недавно поступила в Политехническую школу в Лондоне. Диана, самая молодая и европеизированная в семье, была энергичной, веселой и обладала отличным чувством юмора. Мы с ней сразу же подружились, что порадовало Бахрина, который любил ее больше остальных своих кузин. Кроме того, она

отличалась независимым характером и постоянно спорила со своей матерью по поводу образования, этикета и одежды. Готовясь к их приезду, я сверху донизу перемыла весь дом и забила холодильник едой.

Тетя Зейна, присутствовавшая на нашей с Бахрином свадьбе, относилась ко мне с неизменной теплотой и симпатией все годы, что я прожила в Малайзии, и даже позже. У нее была очень милая и довольно странная для пятидесятилетней женщины и к тому же принцессы манера смущенно хихикать каждый раз, когда она сталкивалась с чем-то новым и незнакомым. Она не говорила по-английски, и нам с ней приходилось общаться с помощью моего англо-малайского словаря или Бахрина в роли переводчика. Из одного такого разговора я узнала, что моя свекровь Тенку Залия получает все мои письма и читает их с огромным удовольствием; с не меньшим удовольствием их читают и обсуждают все ее сестры и домашние.

Вернувшись из Малайзии после свадьбы, я сразу же решила, что сделаю все возможное для установления теплых отношений с матерью Бахрина. Мне показалось, что лучший способ продемонстрировать, что я учу ее язык, – это писать ей письма. Поэтому, вооружившись словарем и основами грамматики, я каждую неделю старательно рассказывала Тенку Залие обо всех событиях, происходящих в нашей с Бахрином жизни. Конечно, писала я с ужасными ошибками, и мой уровень грамотности был тогда не выше, чем у шестилетнего ребенка, но тем не менее свекровь оценила мои усилия и через несколько месяцев начала отвечать мне своим крупным, детским почерком. Она писала эти письма самым простым языком, чтобы я могла прочитать их без посторонней помощи, и когда я впервые увидела, что она подписалась Мак – в семье Бахрина это слово означало «мама», – то поняла, что мои труды были не напрасны. Сам Бахрин никогда не писал своей матери и звонил ей очень редко, только для того, чтобы дать какие-нибудь распоряжения относительно денег или акций. Мои старания забавляли его, и он, кажется, искренне не понимал, зачем мне это надо.

В последний день рамадана, Хари-Рая, я открыла в характере своего мужа новую черту, которая обеспокоила и напугала меня. Чтобы отпраздновать окончание поста, Бахрин пригласил своих родственников в модный ночной клуб «Инфляция». В тот вечер большой зал оказался забитым людьми. Тетя Зейна была в восторге от такого приключения, хотя все-таки не решилась выйти на танцпол. Она постоянно вслух удивлялась собственной смелости и умоляла нас сохранить такое вопиющее нарушение приличий в тайне от ее брата, султана.

Через пару часов я заметила в массе танцующих знакомое лицо. Бахрин потягивал свой баккарди с колой, и я, сказав ему, что хочу поздороваться с приятелем, пошла на другой конец зала, с трудом пробираясь через танцпол. Подойдя поближе, я увидела, что не ошиблась: это действительно был мой друг Саймон, с которым мы не виделись почти два года. Мы обнялись, и я поцеловала его в щеку, а потом коротко рассказала о своем замужестве, работе и решении отказаться от занятий балетом.

Мы поболтали с ним всего несколько минут, но когда я вернулась за наш столик, то обнаружила, что Бахрин буквально вне себя от злости. Он грубо схватил меня за руку и потащил к лестнице, ведущей на первый этаж, обзывая по дороге шлюхой и проституткой. На площадке мне удалось вырваться и развернуться к нему лицом, и я тут же получила одну, а потом и вторую пощечину, настолько сильную, что упала на колени. Совершенно не понимая, чем вызвана такая ярость, я попыталась понять что-то в потоке оскорблений, которыми Бахрин осыпал меня. Он называл меня шлюхой и «маленькой гадкой сукой», которая позорит его в присутствии семьи.

– Только шлюхи бросаются на шею незнакомым мужчинам и целуют их на глазах у всех! – крикнул он мне вслед, когда я бросилась вверх по лестнице.

– Ты говоришь о Саймоне? – Я остановилась и опять повернулась к нему лицом. – Но я знаю его с десяти лет. Я дружила с пятью его сестрами, – постаралась объяснить я.

– Ты такая же грязная австралийская шлюха, как все, что собрались здесь! – продолжал обличать Бахрин, словно не слыша меня.

Я никак не могла понять, почему то, что я и все в Австралии привыкли считать обычными, вежливыми и дружелюбными отношениями между двумя приятелями, стало вдруг грязным и непозволительным.

– Но я не сделала ничего плохого, Бахрин! Саймон – мой старый друг, и к тому же он гей, – уговаривала я мужа, но тот по-прежнему ничего не слышал. Крепко держа за руку, он протащил меня через фойе ночного клуба и под любопытными взглядами других посетителей грубо вытолкал на Кинг-стрит, а там остановил такси и запихал меня в него. Мы уехали, оставив его родственников в клубе. Я плакала на заднем сиденье и старалась отодвинуться как можно дальше от Бахрина, а он только молчал, яростно поглядывал на меня и сжимал подлокотник с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев. Едва за нами закрылась дверь дома, он опять начал осыпать меня оскорблениями; я была «бесполезной, тупой сукой,

ничтожеством». Он орал на меня, пинал мебель, сбросил на пол все книги с полки и все карандаши и ручки со своего письменного стола. Сжавшись в комочек, я забилась в угол кабинета и с ужасом наблюдала за ним оттуда.

Я больше не могла выносить всего этого. Не могла выносить его злости и крика. Я боялась, что он никогда не перестанет, и не знала, как заставить его замолчать. Внезапно я вспомнила, какой сегодня день – Хари-Рая, конец поста и месяца рамадан, день, когда мусульмане обязаны прощать все грехи и нанесенные им обиды.

На четвереньках я подползла к Бахрину, прикоснулась лбом к его туфлям и попросила прощения за все, чем невольно прогневила его в святой день Хари-Рая. Всхлипывая, я произнесла традиционную формулу покорности: «*Сайа мааф захир дан батин*» – и испытала огромное облегчение, когда Бахрин вдруг прервал свою гневную тираду, начал дышать ровнее и немного успокоился. На всякий случай я, оставаясь на полу, все-таки постаралась отодвинуться подальше от него. Бахрин наклонился ко мне, и я испуганно вздрогнула, но он только взял меня за локоть и заставил подняться.

– Теперь в знак уважения ты должна поцеловать мужу руку, – холодно велел он.

Я подчинилась, надеясь, что теперь он совсем успокоится. Так и вышло. Бахрин окончательно сменил гнев на милость и улыбнулся мне, а я замерла, не зная, чего ожидать дальше. Следующие его слова поразили меня.

– Дорогая, ты должна думать, прежде чем сделать что-то, что может рассердить меня, – спокойно и даже ласково сказал он. – А я должен сердиться на тебя, когда ты совершаешь ошибки. Иначе ты никогда не научишься.

К этому моменту у меня оставалось только одно желание – любой ценой сохранить мир. Мне было очень страшно; я, запинаясь, бормотала извинения и чувствовала себя так, будто балансировала на туго натянутой, тонкой проволоке: с одной стороны, я надеялась, что мое раскаяние будет благосклонно принято, но в то же время готовилась к новому взрыву неудовольствия, в случае если оно не покажется Бахрину достаточно искренним. А в глубине души при этом я презирала и ненавидела себя за то, что у меня не хватило смелости дать мужу отпор, а его за то, что он заставляет меня извиняться за преступление, которого я не совершала.

* * *

Пятого июля мне должно было исполниться восемнадцать лет, и Бахрин решил, что по этому поводу мы пригласим гостей, но я должна пообещать, что буду вести себя осторожно и ни разу не упомяну своего настоящего возраста. Мы решили, что будем говорить только о моем совершеннолетии. Он заказал в знаменитой кондитерской «Паттерсон» мой любимый трехслойный торт из шоколадного суфле, а я потратила немало времени на то, чтобы записать музыку для вечеринки и приготовить закуски.

Платье для меня тоже выбрал Бахрин в магазине «Дигби»: сшитое из ярко-розового креп-жоржета, длинное и с длинными рукавами, с расшитым бисером корсажем, оно показалось мне ужасно элегантным, хотя и немного старило меня. Еще он захотел, чтобы я подняла волосы и закрутила их узлом на затылке, однако мне все-таки удалось уговорить его, и довольно неохотно, но он разрешил оставить их распущенными.

Ни один из моих друзей не был приглашен к нам в тот вечер. Пришли только товарищи Бахрина по университету, несколько его преподавателей, пара моих коллег из «Авиалиний Малайзии», чьи кандидатуры одобрил муж, один из моих бывших учителей и двоюродные братья Бахрина. В самом начале вечера я выпила несколько бокалов шампанского, но все-таки продолжала чувствовать себя чужой на собственном празднике, а кроме того, окончательно запуталась с тем, сколько же мне исполнилось лет. Кузены Бахрина знали, что мне восемнадцать, мои коллеги считали, что двадцать, а товарищи Бахрина по университету решили, что мне исполняется двадцать один год. Поэтому, когда все запели «С днем рождения», произошла некоторая путаница в цифрах, которую умело замял Бахрин и о которой потом все забыли.

Этой ночью я плохо спала и все время видела себя то в семь, то в восемнадцать, то в пятьдесят лет, и эти образы сливались и перетекали один в другой, а потом я смотрелась в зеркало и не узнавала своего отражения, потому что видела только фигуру, у которой не было лица.

25

Во второй половине 1981 года мы с Бахрином все свободное время посвящали его дипломному проекту. Обычно я возвращалась домой чуть позже, чем он, мы торопливо обедали, недолго смотрели телевизор, а потом принимались за работу. Бахрин за рабочим столом мастерил макет задуманного им здания, а я, скрестив ноги, усаживалась на полу и на машинке, установленной на шатающуюся картонную коробку, перепечатывала тезисы, с трудом разбирая его абсолютно непонятный почерк. В тот период мы жили очень дружно. Бахрин много и с удовольствием рассказывал мне о своем проекте Государственной библиотеки для штата Виктория и о тех зданиях, которые он собирается построить, когда получит диплом архитектора. Он интересовался моим мнением о макете, который при помощи клея и острого как бритва ножа постепенно строил из белого строительного картона, фиксируя каждый этап строительства на фотопленку.

Макет казался мне прекрасным: там были портики, коридоры, полные естественного света, причудливо вырезанные оконные проемы и изящная линия крыши – здание получалось простым и внушительным, но при этом нисколько не похожим на мавзолей. Скоро я научилась помогать мужу в этом строительстве, и мне было доверено придерживать всякие детали конструкции, пока Бахрин клеил или вырезал в них дверные проемы.

Наш дом находился совсем близко от университета, и иногда в хорошую погоду мы с Бахрином для разминки делали несколько кругов по беговой дорожке университетского стадиона, а на обратном пути ели мороженое или заходили поужинать в наше любимое кафе. Я изо всех сил старалась ничем не сердить мужа, и наша жизнь текла вполне мирно.

В честь свадьбы принца Чарлза и леди Ди мы с Бахрином решили пригласить к нам нескольких друзей и устроить пикник как раз во время телевизионной трансляции церемонии. В Австралии этой свадьбы ждали с энтузиазмом и большим, хоть и не всегда доброжелательным, интересом. Предстоящее событие самым подробным образом освещалось телевидением, а австралийские газеты почти ежедневно посвящали ему целые развороты. Бары, в названиях которых присутствовало что-нибудь королевское, вроде «Принца Уэльского» или «Королевского герба», устраивали на своей территории свадебные вечеринки, и идея имела такой успех, что даже стоячие места раскупались заранее. Казалось, вся Австралия была заворожена этой сказкой

про современную Золушку.

Пикник состоял в том, что мы, обнявшись, сидели на полу перед телевизором, пили шампанское и апельсиновый сок и ели тосты с копченой лососиной – все это под внимательным взглядом деда Бахрина, покойного короля Малайзии, который наблюдал за нами с фотографии, стоящей на камине. В тот вечер мы много шутили и смеялись, словно через телеэкран заразились оптимизмом тысяч британцев. Вместе с пятистами миллионами человек, следящих за трансляцией по всему миру, мы с волнением наблюдали за тем, как невеста несмело приближается к алтарю, и как по воле принца она превращается в Ее Королевское Высочество, и потом они оба – уже как муж и жена – вновь появляются на ступенях собора, и толпа приветствует их, а они верят, что будут жить долго и счастливо. Мне было интересно и немного странно со стороны смотреть на то, как еще одна девушка входит в королевскую семью, и я помню, что мысленно пожелала принцессе Диане удачи в трудном деле освоения протокола.

В августе мы с Бахрином ненадолго слетали в Малайзию и на пару дней остановились в Куала-Лумпуре, для того чтобы с некоторым опозданием купить для меня обручальное кольцо. Бахрин остановил выбор на перстне из желтого золота с двадцатью двумя бриллиантами, образующими цветок. Оно было таким большим, что сразу же бросалось в глаза, и мне очень нравилось смотреть, как солнечный свет разбивается в нем на тысячи брызг, но все-таки я еще долго не могла привыкнуть к такой тяжести на безымянном пальце и постоянно цеплялась им за одежду, волосы и дверные ручки (сейчас я ни за что не надела бы такое крупное кольцо – я предпочитаю маленькие украшения или вовсе обхожусь без них).

Вместе с подарком я получила и новое наставление: оказывается, в Малайзии я должна была носить его на правой руке, а не на левой, как принято во всем западном мире. Для меня это не имело особого значения, поскольку мой новый перстень совсем не напоминал традиционное обручальное кольцо, что немного меня огорчало. Но, когда я намекнула на свое разочарование Бахрину, тот ответил, что семья косо посмотрит на него, если вместо перстня с бриллиантами он подарит мне простой золотой ободок. Я промолчала, хотя в глубине души и считала, что его семье не должно быть никакого дела до того, что я ношу на пальце, и при выборе обручального кольца вряд ли стоит принимать в расчет чужое мнение.

Из Куала-Лумпура мы отправились в Тренгану, где нам предстояло обсудить все подробности *берсандинга* – свадебной

церемонии, назначенной на Новый год. До этого мы с Бахрином просто официально зарегистрировали наш брак, а теперь, согласно протоколу, должна была состояться настоящая королевская свадьба – пышный и строго расписанный обряд. Прежде всего мы должны были выбрать и утвердить цвет и узор для *сонкета* – особой шелковой ткани, из которой будут сшиты наши свадебные наряды. Ее изготовление занимает несколько недель, поэтому заказ надо было сделать заранее.

Шофер подвез нас как можно ближе к ткацкой фабрике, но по деревне нам пришлось идти пешком, распугивая по дороге коз и куриц, свободно разгуливающих между банановыми и кокосовыми пальмами. Большой бетонный колодец в центре служил, очевидно, единственным источником воды для живущих здесь десяти или двенадцати семей. Больше всего меня поразило то, что в деревне, со всех сторон окруженной буйным тропическим лесом, не росло ни одного стебелька травы. Дети всех возрастов, босые и оборванные, играли прямо в пыли посреди улицы или в крошечных островках тени под стенами домов. Как и в любой группе детей, среди них имелись и робкие молчуны, и бойкие ребятишки, которые, нисколько не стесняясь, с любопытством рассматривали нас. Быт этой деревни так сильно отличался от образа жизни семьи Бахрина, что я никак не могла оправиться от изумления. Туалетом здесь служили кусты, растущие всего в нескольких метрах от домов, двери кухонь были гостеприимно распахнуты для мух, а о холодильниках здесь, вероятно, никогда не слыхали. Бахрин, судя по всему, находил эту нищету и антисанитарию вполне естественными и нисколько им не удивлялся. Он шел вперед, не глядя по сторонам, высокий и прямой, в своем безупречном костюме, который стоил, вероятно, больше, чем запас продуктов, которого всем жителям хватило бы на месяц.

В здании фабрики – маленьком деревянном домике на сваях, стоящем посреди деревни, – оказалось невыносимо жарко и душно. Мы сидели на пестрых плетеных ковриках и вели беседу под мерный «клик-клак» ткацких станков. Изготовление *сонкета* – второе после рыбалки занятие местного населения – это искусство, которое нередко передается из поколения в поколение. Та фабрика, на которую мы пришли, поставляла шелковую ткань королевскому двору столько лет, что никто уже и не помнил, когда это началось.

Вдоль стен стояли станки со свисающими с них незаконченными полотнами ткани разнообразных оттенков голубого, красного, а также строгого черного цвета – особый цвет для каждого официального повода. Пока начальник

демонстрировал нам с Бахрином образцы и фотографии, ткачихи, молодые девушки от тринадцати до двадцати лет, тайком с любопытством разглядывали нас. Я улыбнулась им, и некоторые застенчиво ответили на мою улыбку, а потом захихикали и поспешно сделали вид, что полностью погружены в работу. Все они были одеты в полный *баджу-курунг* и косынки, скрывающие волосы и шею. Открытыми оставались только лица, кисти рук и ступни. Я даже представить себе не могла, как должны были они страдать от жары в этой маленькой комнате без всякой вентиляции.

После долгого обсуждения мы с Бахрином остановились на пурпурном *сонкете* с черными полосами и современным геометрическом узором из вплетенных в него золотых нитей. Пятнадцать метров этой ткани будут через несколько недель доставлены к портному, который сошьет из нее традиционные свадебные наряды. Цена, названная хозяином, показалась мне вполне приемлемой, но Бахрин решил поторговаться. Я, помня о том, что девушкам несколько недель придется трудиться над нашим заказом в этой духоте, чувствовала себя очень неловко, но он все-таки добился своего.

Когда мы опять оказались в прохладном салоне автомобиля, оснащенного кондиционером, я попыталась осторожно выведать у Бахрина, что он думает обо всем, увиденном нами в деревне. По его словам, жители в ней зарабатывали в среднем около двухсот малазийских ринггитов, или тридцати двух фунтов стерлингов. В остальных деревнях дело обстояло примерно так же. В большинстве из них не было ни электричества, ни водопровода, не говоря уж о канализации. «Они всегда так жили и вполне довольны, – заявил Бахрин. – Они ведь просто *оранг дарат* – деревенщина, бедняки. Не беспокойся за них – им такая жизнь кажется совершенно нормальной. И в любом случае тебя это не касается», – твердо заключил он и закрыл тему для обсуждения.

Я начинала понимать, что мой муж совершенно сознательно закрывает глаза на вопиющий контраст между роскошью, в которой живет его семья, и очевидной нищетой этих людей. И еще я начала понимать, что разрыв между богатыми и бедными в Малайзии больше похож на бездонную пропасть, через которую никто не собирается перекидывать мост.

В этот наш приезд мать Бахрина относилась ко мне с явным расположением и несколько раз приглашала меня в гости, чтобы немного поболтать, правда, всегда при помощи переводчика. Мы обсуждали с ней предстоящую церемонию и наряды, а кроме того, она дала мне целый список вещей, которые следовало купить в

Австралии для *хантар-беланджара* – традиционного обмена подарками между женихом и невестой. Еще Тенку Залия попросила передать моей бабушке официальное приглашение на церемонию и добавила, что будет очень рада познакомиться с ней. В знак особого расположения она подарила мне свои любимые серьги с солитерами и настояла, чтобы я немедленно их надела, и это стало для всей остальной семьи знаком, что Тенку Залия принимает меня. Меня все это очень порадовало: значит, я не напрасно старалась быть внимательной и каждую неделю писала ей письма. Сама я испытывала искреннюю симпатию к этой молчаливой женщине с мягким характером. Установившиеся между нами теплые отношения позволяли надеяться, что моя жизнь в Малайзии сложится благополучно, в чем я совсем не была уверена раньше. Теперь я знала, что всегда могу рассчитывать на помощь свекрови.

26

Все мое прошлое было пронумеровано, обернуто в мягкую бумагу и упаковано в тридцать шесть коробок. Там находились Медвежонок Тедди, Панда и Овечка, ждущие того часа, когда их полюбит мой ребенок. Все книги, прочитанные мною за восемнадцать лет жизни, слишком дорогие мне, чтобы расстаться с ними, лежали в коробке рядом со старыми фотографиями, моими пуантами и другими памятными мелочами. Наша рождественская елка и украшения к ней тоже переезжали в более теплый климат в одной коробке с пуховыми одеялами и зимней одеждой. Пусть я сама и отправляюсь в Малайзию, но Австралия поедет туда вместе со мной.

Покидая в ноябре 1981 года свою родину, я не испытывала ни тени колебаний или сомнений. Я твердо знала, что мое будущее – там, где мой муж, а кроме того, Бахрин убедил меня, что мы просто перенесем нашу австралийскую жизнь в Малайзию, ничего в ней не меняя. Тогда я, наверное, просто не понимала серьезности предстоящего события. Вся суета, связанная с подготовкой к переезду, продажей дома, заказом билетов и упаковкой, не оставляла мне времени для раздумий. К тому же мне было всего восемнадцать, и смена континентов казалась лишь увлекательным приключением.

Я замужем за Бахрином, и мое место – рядом с ним. Мы будем вместе до самой смерти. Если наши отношения волшебным образом не изменились и не стали более откровенными и близкими в тот самый момент, когда меня назвали его женой, то со временем все это исправится, казалось мне. В день нашей свадьбы я еще была большой идеалисткой и верила, что вместе со званием жены мне автоматически вручается ключ к душе моего мужа и что все наши мысли и чувства отныне будут открыты друг для друга. После шести месяцев семейной жизни я все еще пыталась найти объяснения и оправдания для заметного холодка, появившегося в наших отношениях. «На все требуется время, – твердила я себе. – Однажды утром я проснусь, и все то тепло, которое было вначале, вернется. Надо только ждать и верить».

Стоит мне плотно зажмуриться, как перед глазами встают воспоминания о тех первых месяцах, что я прожила в Малайзии. Сначала это просто плоские картинки, словно приколотые к бегущей ленте конвейера, но потом я зажмуриваюсь еще сильнее, и картинки наполняются объемом и цветом, я слышу звуки, обрывки разговоров и возвращаюсь мыслями в далекое прошлое.

Я вижу и себя будто со стороны – не человек, а кусок сырой глины без собственного мнения, вкусов и желаний, из которого стараются вылепить образцовую жену и бессловесного статиста для дворцовых церемоний. А я всеми силами помогаю им в этой задаче и даже не пытаюсь принять участие в собственной судьбе.

Я вижу девушку, почти подростка, закутанную с ног до головы в тяжелые ткани, увешанную драгоценностями и испуганную, которая одиноко сидит на троне. Лопасти вентиляторов медленно гоняют воздух над головами гостей, а те не сводят с девушки глаз и готовы заметить малейший знак протеста, дерзости или неприличной веселости. Но ничего подобного они не видят. Девушка сидит совершенно неподвижно, положив ладони на колени и опустив глаза в пол. К ней, шурша длинными юбками, приближается полная матрона и принимает из рук своей помощницы сосуд со святой водой, в которую опущен золотой венчик, похожий на взбивалку для яиц. Помощница наклоняется к девушке и переворачивает ее руки так, чтобы всем стали видны большие круги, нарисованные хной на ладонях. Кончики пальцев и ногти тоже выкрашены в темный красно-коричневый цвет. Чтобы добиться этого эффекта сегодня девушке уже пришлось несколько часов просидеть неподвижно, погрузив руки в состав, похожий на спитой влажный чай.

Это *истиадат беринай,* или «хенная церемония», символизирующая чистоту невесты и сулящая ей плодовитость. Руки невесты вымазаны хной, сама она одета в жесткое платье из *сонкета* и старинную косынку из тяжелого шелка с золотой нитью. Косынка удерживается на голове цельной золотой тиарой, изображающей восходящее солнце. Тяжелая тиара больно сдавливает голову и впивается в кожу за правым ухом. На протяжении всего ритуала *беринай* девушка должна сидеть совершенно неподвижно и безучастно, как бы не замечая ничего, что происходит вокруг, словно фигура, высеченная из камня.

Толстая матрона опускает золотой венчик в воду и обрызгивает девушку, но та даже не вздрагивает, когда капли попадают ей на лицо, катятся вниз и беззвучно падают на вытянутые ладонями кверху руки. Матрона снова и снова повторяет ритуал, а девушка по-прежнему сидит неподвижно и не моргая смотрит перед собой.

Позже, оставшись одна в своей спальне, девушка долго рассматривает экзотическую незнакомку в зеркале. Темные глаза, обведенные сурьмой, пухлый, красный рот – чужое лицо, лицо Ясмин. Она склоняет голову сначала в одну сторону, потом в другую, недоверчиво изучает себя в зеркале, думает о том, куда же делась Жаклин, и чувствует странную онемелость во всем

теле.

Как трудно мне найти слова для того, чтобы рассказать об этой девушке – невесте, падающей в обморок от голода и жары на собственной свадьбе, в зале, полном наевшихся до отвала гостей. Она так далека и так не похожа на ту женщину, которой я стала теперь.

Через день после ритуала *беринай* должна была состояться *истиадат берсандинг* – официальная свадебная церемония. На нее пригласили более тысячи гостей. На территории, прилегающей к нашему дому, силами Государственного департамента общественных работ был воздвигнут специальный павильон. Увешанный флагами, королевскими вымпелами и сотнями цветных фонариков, наш сад стал напоминать ярмарочную площадь – не хватало только колеса обозрения. В доме, предварительно вынеся из него всю мебель, рабочие соорудили помост и установили на нем два трона для новобрачных под балдахином из шелка с вышитыми на нем золотыми цветами и листьями. Из дворца султана в наш дом доставили множество ящиков с подносами и посудой из золота, украшенной королевскими вензелями.

На заднем дворе еще за три дня до праздника дворцовые повара начали стряпать что-то в огромных котлах, из которых в дом постоянно текли соблазнительные запахи.

Целая армия кузин, тетушек и прочих родственниц Бахрина и жены дворцовых чиновников заполонили наш дом и активно помогали в приготовлениях к торжеству.

За двое суток надо было сварить вкрутую и выкрасить в красный цвет полторы тысячи куриных яиц, которые будут включены в памятные подарки гостям – так называемые *бунга-теллур* (что в буквальном переводе означает «яичный цветок»). На каждой свадьбе – свой особенный *бунга-теллур*; в нашем случае его тщательно обдумывала и выбирала целая команда из родственников Бахрина. Они остановились на элегантных корзиночках из золотой и серебряной филиграни, в каждую из которых положили по одному красному яйцу – символу плодовитости. К ручкам корзиночек желтыми и белыми шелковыми ленточками была привязана карточка с нашими именами, датой свадьбы и словами благодарности. Такие сувениры высоко ценятся в Малайзии, а по их стоимости и изысканности определяют социальный статус и вкус хозяев. За свою жизнь каждый малаец набирает несколько десятков таких *бунга-теллуров* и, как правило, выставляет их все в гостиной, в особой стеклянной горке. Красивые фарфоровые подставки для яиц предназначались для подарков простым горожанам и слугам,

которые придут на нашу свадьбу, хотя и будут отделены от аристократов барьерами – деревянными и социальными.

День *берсандинга* начался с *хантар-беланджара* – церемонии обмена подарками между женихом и невестой. По обычаям двора мы с Бахрином должны были обменяться тринадцатью подносами. Жених обязательно включал в свои подарки поднос с орехами бетель (плоды пальмы катеху, обладающие слабым наркотическим эффектом, который в Малайзии принято жевать), поднос с деньгами, поднос со сладостями и каким-нибудь предметом одежды как символ того, что муж готов обеспечить свою жену всеми земными благами. Обмен подарками происходит в соответствии со строгим ритуалом, и потом они все выставляются на обозрение обеих семей, которые оценивают как их стоимость, так и красоту оформления. Бахрин сам выбирал и то и другое: отрез французского черного шифона с золотыми блесками, уложенный на подносе в виде большого цветка; украшения с бриллиантами; атласные черные туфли на каблуке; набор духов и ароматических масел от Жана Деспре; деньги – десять тысяч ринггитов, из которых на подносе был искусно выстроен традиционный домик на сваях; театральная сумочка из золотистого металла в форме раковины и поднос с орехами бетель и всеми необходимыми аксессуарами: щипцами, коробочкой и чашкой.

Свои подарки Бахрину я покупала, следуя советам Тенку Залии: подарочный набор альбомов по истории архитектуры (мой собственный выбор); портфель из тончайшей темно-бордовой кожи, такой же бумажник и ремень; золотое кольцо с изумрудом; отрез старинного *сонкета* и несколько флаконов Пино Сильвестра, его любимого одеколона. Вскоре после торжественного обмена подарками должна была начаться собственно свадьба.

До принятия Малайзией мусульманства церемонии *хантар-беланджар* и *берсандинг* много веков считались единственной законной формой бракосочетания. Поэтому, хотя мы с Бахрином уже и были официально женаты по законам ислама, наша «вторая свадьба» имела огромное значение для общественного мнения.

По традиции в день *берсандинга* невеста не должна общаться ни с кем, за исключением женщин из своей семьи. Поэтому меня просто заперли в спальне, лишив всякой возможности принимать участие или хотя бы наблюдать за последними приготовлениями к свадьбе. Предполагалось, что все это время я должна потратить на то, чтобы побаловать себя и наилучшим образом подготовить свое лицо и тело к тому самому важному моменту, когда я стану центром общего внимания. Я, однако, не могла думать ни о чем,

кроме сосущего и все усиливающегося голода. Каждый раз, когда мне удавалось привлечь внимание пробегающей по коридору служанки или родственницы, я умоляла ее принести мне что-нибудь поесть, и каждый раз она улыбалась в ответ и заверяла, что поднос с яствами вот-вот будет доставлен ко мне в комнату. Я ждала и ждала, но ничего так и не происходило. Через восемь часов ожидания я начала сомневаться в своем умении говорить по-малайски. Конечно, пока что я владела этим языком не слишком хорошо, но все-таки вряд ли они могли не понять моих отчаянных жестов и не услышать бурчания в пустом животе.

В семь тридцать вечера я была почти готова к церемонии. Подглядывая в щелку между портьерами, я видела, что гости прибывают к дому непрерывным потоком, и слышала отдаленную музыку военного оркестра. Периодически мать и тетки Бахрина заглядывали в комнату, чтобы проверить, как обстоят дела с моим туалетом и моими нервами, но никто из них так ни разу и не принес мне ни кусочка еды.

В семье начался настоящий переполох, когда накануне я решительно заявила, что не доверю свое лицо и волосы профессиональному стилисту, а сделаю все сама. Я и без того чувствовала себя скованно и неловко во всей этой традиционной одежде и новых мучений скорее всего просто не вынесла бы. Все дамы были очень недовольны, но я твердо решила: лицо на свадьбе у меня будет свое.

Бахрин гордился своим королевским происхождением и глубоко любил богатую культуру своего народа. Поэтому он настоял, чтобы мой свадебный наряд шился по самым древним и самым подлинным образцам. Он получился очень элегантным и очень красивым, но крайне неудобным и тяжелым.

На ногах у меня были золотые туфли на высоких шпильках, чтобы добавить мне росту (единственная уступка двадцатому веку), а на щиколотках – тяжеленные золотые браслеты с колокольчиками, которые звенели при каждом моем шаге. Из выбранного нами пурпурного *сонкета* для меня сшили полный *баджу-кебая* на подкладке, состоящий из длинного жакета до колена с отложным воротником и юбки с запахом. На тридцатипятиградусной жаре этот тесный и жесткий чехол оказался настоящим орудием пытки. Под костюм мне пришлось надеть полный корсет с косточками и подложенной кое-где ватой, чтобы *баджу-кебая* сидел как положено. Выполнять во всей этой амуниции простейшие движения – наклоняться, садиться и просто дышать – было практически невозможно. Я с сочувствием вспоминала эпоху королевы Виктории и несчастных девушек, которым для исправления осанки привязывали к спине доску.

На шею мне надели длинный *калонг* – три ряда ожерелий из больших золотых дисков на цепи, а на запястья – тяжелые золотые браслеты, такие же как на щиколотках. На пальцах сверкали взятые взаймы кольца с изумрудами, рубинами и бриллиантами.

К моим собственным волосам добавили шиньон и закрутили все это на затылке в большой пучок, похожий на футбольный мяч. Под руководством целой команды родственниц в пучок воткнули двадцать *бунга-гойанг* – золотых цветочков с пружинками вместо стебельков, от чего все сооружение непрерывно дрожало и переливалось.

Поверх этой прически мне на голову с осторожностью опустили традиционный головной убор невесты и закрепили его таким количеством шпилек, что их хватило бы нескольким парикмахерским на год. Головной убор, тоже сделанный из золотых цветочков на пружинках, имел форму раскрытого веера и начинал дрожать и позванивать каждый раз, когда я шевелилась. Последним штрихом стала лента из тонкой золотой филиграни, которой туго обвязали мне голову над самыми бровями и которая немедленно врезалась мне в виски. Подойдя к зеркалу, я убедилась, что выгляжу во всем этом великолепии точно потрясающе красивая иллюстрация из трактата о средневековых костюмах.

И наконец пришло время выйти к гостям. Поддерживаемая с двух сторон, будто инвалид, я крошечными шажками прошествовала по красному ковру и, поднявшись на помост, заняла свое место на троне по левую руку Бахрина. Мы даже не посмотрели друг на друга, поскольку это строго запрещалось традицией. На протяжении всей церемонии лица жениха и невесты должны оставаться абсолютно безучастными и неподвижными.

С трех сторон мы были плотно окружены слугами в парадной одежде и дочерьми придворных, выполняющими роль подружек невесты, а рядом несли дежурство две пожилые матроны, обязанные следить за неукоснительным соблюдением всех правил.

Специально для нашей свадьбы из дворца прислали огромную деревянную подставку с тремя ярусами, каждый из которых был сделан в форме звезды. Звезды были заполнены желтым клейким рисом, а на нем красиво разложили старинные *бунга-теллуры*, принадлежащие королевской семье. Изготовленные из чистого золота, они имели форму цветка со стеблем и тычинками, а из середины каждого свисало крашеное яйцо.

Когда-то в Малайзии все браки устраивались родственниками, и жених с невестой впервые видели друг друга только на *берсандинге*. Наверное, именно поэтому им и запрещалось смотреть друг на друга в присутствии гостей, чтобы они невольно не выдали своих чувств испуганным или разочарованным возгласом.

Церемония началась с того, что наш союз благословили Султан Махмуд и Тенку Ампуан. Происходило это так же, как и накануне на моем *беринае*: на этот раз нас обоих обрызгали святой водой, а потом еще и осыпали рисом, что сулило богатство и многочисленное потомство. Потом эту процедуру повторили двадцать самых важных гостей: вдова покойного султана, премьер-министр с супругой, родители Бахрина, все его дядюшки и тетушки и моя дорогая бабушка, приехавшая из Австралии на нашу свадьбу.

После того как каждый из тысячи присутствующих гостей медленно прошел перед помостом, внимательно разглядывая жениха и невесту, мы с Бахрином должны были приблизиться к Султану Махмуду и Тенку Ампуан и выразить им благодарность и почтение. Для этого нам предстояло спуститься с помоста и пройти каких-нибудь двадцать метров, но именно эти двадцать метров и доконали меня. В тот самый момент, когда я собиралась присесть и поцеловать руку Его Высочества, мир перед глазами вдруг начал быстро крутиться, а потом потемнел и вовсе исчез. Голод, волнение, жара и тяжелый костюм сделали свое дело: я упала в обморок прямо у ног султана. Наверное, это было удивительное зрелище: разряженная как драгоценная кукла девушка, навзничь лежащая на полу. Правда, довольно скоро я пришла в себя – в тот самый момент, когда к моим губам поднесли стакан воды.

Бахрин казался очень взволнованным, а Его Высочество, похоже, немного растерялся: в его семье женщины, наверное, никогда не падали в обморок публично и уж тем более на своей собственной свадьбе. Меня отвели в прохладную комнату с работающим кондиционером, и скоро я почувствовала себя гораздо лучше, но минут через десять мне начали намекать, что пора выйти к гостям, сказать каждому из них несколько слов и разрезать свадебный торт.

Я плохо помню, как в течение следующего часа сумела лично приветствовать каждого из тысячи гостей, и уж совсем не понимаю, о чем говорила с этими людьми, большинство из которых видела впервые, но, как свидетельствуют фотографии, я все это проделала. После чего Бахрин вывел меня в открытый павильон, где стоял наш свадебный торт, и мы с ним выполнили

нашу последнюю в этот вечер обязанность: разрезали ярко-желтое трехъярусное творение кондитеров, покрытое ужасными розочками из сахарной глазури.

Думаю, судьба этого несчастного торта стала мрачным предзнаменованием того, что случилось потом и с нашим браком: за несколько часов на ужасной жаре он протух и сделался абсолютно несъедобным.

* * *

На следующее утро нас разбудил громкий, непрекращающийся звон. Только минут через двадцать нам удалось обнаружить его источник. Какой-то шутник поставил будильник на семь часов, завел его, упаковал и преподнес нам на свадьбу. Коробка с будильником оказалась на самом дне целой горы из подарков, занявшей всю гостиную и часть коридора. К счастью, к поискам скоро присоединились ближайшие родственники Бахрина, и только с их помощью нам удалось отыскать источник беспокойства.

Когда все подарки были распакованы, стало ясно, что теперь мы с Бахрином легко можем открыть собственный универсальный магазин. Среди прочего нам преподнесли: тринадцать чайных сервизов, девять утюгов, двадцать семь настенных и настольных часов разнообразных форм и размеров, включая и проклятый будильник, который оказался копией старинных фарфоровых часов с целующимися голубками наверху, пятнадцать комплектов постельного белья, тридцать две кастрюли и миски из огнеупорного стекла, четыре медных подноса, комплект серебряных столовых приборов на двадцать четыре персоны, семь кофейных сервизов, два вентилятора «Мистраль», двадцать два отреза ткани, двенадцать мужских саронгов для молитвы, шесть женских саронгов из батика, пятнадцать предметов столового серебра, серебряную вазу для цветов, два медных умывальника, серебряную рамку для фотографий и большую кожаную шкатулку для драгоценностей от Ланвин, двадцать отрезов *сонкета*, четыре таблички со строками из Корана, для того чтобы вешать их над входной дверью, обеденный сервиз фирмы «Норитейк», комплект из двух наручных часов – для него и для нее – от Ланвин, телефонный аппарат в стиле начала века, множество хрусталя, четыре молитвенных коврика, шесть комплектов одежды для младенца (вероятно, в виде поощрения) и как минимум десять тысяч фунтов стерлингов наличными. Кроме того, нам подарили множество золотых украшений, украшений с бриллиантами и

гарнитур с бриллиантами и сапфирами. Больше всего мне почему-то запомнился подарок от пожилых родственников Бахрина – огромные, светящиеся в темноте настенные часы с боем, украшенные по краям строчками из Корана, а посредине с изображением большого парусника, выполненного целиком из болтов и гаек.

Запомнились они мне, вероятно, оттого, что выскользнули у меня из рук, упали на пол и разбились через десять секунд после того, как были распакованы.

27

Очень странно вдруг оказаться в мире, время в котором отмеряется только призывами на молитву, а все дни календаря похожи друг на друга и сливаются в один. Так текла моя жизнь в Тренгану. Я словно застыла в неопределенности, а настоящий мир остался в Австралии и других далеких странах, где времена года отличаются один от другого, а течение времени отмечается Рождеством и другими праздниками.

Здесь мои дни никто не считал и никто не праздновал годовщин и юбилеев. В каком-то смысле я ни на год не постарела с тех пор, как приехала сюда; зато в другом стала мудрой старухой, давно расставшейся со своей былой наивностью.

Первой задачей, вставшей передо мной в Малайзии, стало освоение классического, или «высокого», малайского языка. Именно на этом языке, полном устаревших форм и выражений, общались в королевской семье и в близких к ней кругах. Бахрин приказал, чтобы с ним и остальными родственниками я общалась только на малайском. Он объяснил, что, используя этот метод «полного погружения», я выучу язык в рекордно короткое время. Он оказался прав. Волей-неволей мне пришлось научиться понимать и выражать свои мысли по-малайски, и уже через два месяца я могла поддерживать довольно сложную беседу.

Второй не менее важной задачей было обучение хорошим манерам и местным правилам этикета. От меня как от члена королевской семьи в этом смысле требовалось гораздо больше, чем от обычных жителей Малайзии. Для них и особенно для жителей столицы, Куала-Лумпура, этот неписаный кодекс поведения давно уже не был таким строгим, как в былые времена. Я же должна была ходить, говорить, вставать и садиться, есть и одеваться в соответствии с жестким протоколом. Только иногда, наедине с Тенку Залией или тетей Зейной, я могла на минуту расслабиться и забыть обо всех этих бесчисленных правилах. Метод, выбранный королевской семьей для моей муштровки, оказался довольно суровым: за исключением очень редких случаев, меня не инструктировали заранее, а предоставляли мне учиться на собственных ошибках и промахах. Уже после того как я совершала такую ошибку, кто-нибудь из старших дам строго выговаривал мне, например, за то, что я делаю слишком широкие шаги или указываю на что-то пальцем. Еще больше мне доставалось, если на нарушении приличий ловил меня сам Бахрин. В таком случае мне приходилось выслушивать невыносимо длинную лекцию о том, какое положение я теперь

занимаю и какие обязанности это не меня накладывает.

До сих пор не могу понять, как самые младшие члены семьи умудрились усвоить все эти бесчисленные правила и предписания. Я точно знаю, что никаких специальных уроков этикета они не получали – это было бы сочтено признаком дурного вкуса и буржуазности. Скорее всего, Бахрин и все его кузены и кузины сами научились всему этому еще в детстве, бессознательно подражая старшим и выслушивая постоянные замечания от своих нянек. Все непосредственные проявления эмоций они приберегали до тех пор, когда уезжали учиться в Америку, Англию или Австралию, подальше от критических взглядов придворной челяди.

Сама я раз и навсегда попрощалась с непосредственностью в тот день, когда увидела свой первый тропический ливень. Это случилось в конце января 1982 года. Пришел сезон муссонов и принес с собой немедленное облегчение от невыносимой жары. Наконец-то подул ветерок, взъерошил верхушки кокосовых пальм в нашем саду и проник даже под длинные закрытые одежды, которые женщины носили дома.

В тот день я распаковывала ящики со своими вещами, наконец-то прибывшие из Австралии. Поскольку дома я осталась одна, то решилась надеть старый спортивный костюм на молнии. Распаковывать ящики в нем было удобнее, чем в длинных юбках, на которых обычно настаивал Бахрин. Я с удовольствием рылась в своих старых сокровищах и с помощью нашей горничной Ван Су расставляла на полке книги, когда услышала, как в окна ударили первые капли. Скоро их стук слился в сплошной грохот. Дождь! Замечательный, чистый, освежающий дождь! Я успела почти забыть этот звук и сейчас с наслаждением смотрела, как вода хлещет из водосточных труб и каскадом падает с крыши в сад. К этому времени я уже успела почти смириться с той мыслью, что раз в Малайзии не бывает зимы, то не бывает и настоящих дождей, таких как в Австралии или в Англии.

Я выскочила на открытую веранду и стояла там, любуясь тем, как дождь смывает пыль с цветов и деревьев, и жадно вдыхая мгновенно посвежевший воздух. Мне еще никогда не приходилось видеть такого ливня. Он колотил по пересохшей земле с отчаянной силой, как будто понимал, что иначе не сможет ее промочить. Я высунула руку из-под крыши и удивилась, какая теплая вода льется с неба. Не в силах больше сдерживаться, я выскочила в сад и, смеясь от восторга, танцевала под струями воды, моментально промокнув до последней нитки. Впечатление было такое, будто я танцую под теплым водопадом. Я не чувствовала ни холода, ни надвигающейся опасности, только

удивительную свободу и счастье, какого не испытывала никогда раньше. И вдруг все кончилось: железная рука схватила меня за шею и грубо втащила обратно в комнату, прочь от моего мокрого счастья. Из-за шума дождя я едва слышала голос Бахрина, выкрикивающего ругательства. Только сейчас я заметила, что большинство обитателей соседних домов и их слуги тоже вышли на веранды и с интересом наблюдали за моими безумными танцами под дождем.

Никогда больше за время моей жизни в Тренгану я не позволяла эмоциям выплеснуться наружу, как в тот раз. Я знала, что платить за это придется унижениями и обидой, и у меня тогда еще не хватало смелости или уверенности в себе, для того чтобы наплевать на кажущиеся мне нелепыми условности.

Тот танец под дождем в итоге дорого обошелся мне: в качестве наказания мне пришлось навсегда распрощаться со своим «китайским элементом». Бахрин потребовал, чтобы я предъявила ему для инспекции все мои только что распакованные сокровища. К этой стопке памятных вещиц пришлось по его настоянию прибавить и маленькую старинную фигурку Будды, которую я всегда носила на цепочке на шее. Эту фигурку завещал мне отец, который и сам носил ее до самой смерти. Этот Будда был единственной ниточкой, связывающей меня с отцом; он не имел для меня никакого религиозного значения, как и красное шелковое одеяло, расшитое драконами и птицами, и две китайские картины на шелке. Но Бахрин постановил, что все это следует сжечь на костре, разведенном на заднем дворе, вместе с некоторыми моими нарядами, который он счел неподобающими для хорошей мусульманки. Забавно, что именно этими чересчур смелыми блузками, юбками и вечерними платьями Бахрин как раз больше всего восхищался в то время, когда ухаживал за мной.

Дым от костра окутывал сад, а муж объяснял мне, что это «весенняя чистка» производится для моей же собственной пользы: теперь я стану свободной от всех «нечистых» западных и китайских влияний и смогу полностью погрузиться в свою новую жизнь и религию. Я не могла выговорить ни слова ему в ответ; я только стояла, крепко обхватив себя руками, и наблюдала, как превращается в пепел все, что связывало меня с отцом.

При этом принадлежащая Бахрину коллекция журналов «Плейбой», запрещенных в Малайзии как порнография, так и лежала «неочищенной» в нижнем ящике его письменного стола под томами Корана и сводом исламских законов. Он без всякого колебания дал таможенным чиновникам взятку в виде трех журналов, для того чтобы они не мешали ему провезти остальные. В тот день я начала привыкать к системе двойных

стандартов.

Но еще раньше мне пришлось привыкнуть к тому, что моя частная жизнь не принадлежит больше мне самой – явление, очень характерное для культуры Малайзии. Даже наш семейный быт подчинялся правилам и установкам ислама, требованиям королевской семьи и их постоянной и, похоже, врожденной потребности все знать.

Моя свекровь, Тенку Залия, жила в соседнем с нами особняке. Окна нашей спальни выходили прямо на террасу, где она в компании сестер и слуг проводила целые дни за чаем и разговорами. Естественно, она немедленно узнавала обо всем, что происходило в нашем доме. Вскоре после того как мы переехали в Малайзию, свекровь и ее подруга Че Гу Гайан, религиозная наставница, немного говорившая по-английски, зазвали меня к себе и прочитали лекцию о краеугольных камнях мусульманского брака, одним из которых является гигиена.

Моя главная обязанность, объяснили они мне, – всеми возможными способами ублажать своего супруга. Если он заявит, что луна зеленая в красный горошек, я должна согласиться. Если ему в два часа ночи понадобится массаж ступней, я должна удовлетворить его прихоть со счастливой улыбкой. Я никогда не должна отказывать ему в сексе ни по какой причине, кроме менструального цикла, потому что женщина во время месячных по исламской традиции считается грязной, а кроме того, они верили, что мужчина, испачкавшись менструальной кровью, подпадает под власть жены. Я должна быть хорошей женой, всегда веселой, всегда готовой порадовать мужа его любимыми блюдами. И, самое главное, я должна как можно быстрее забеременеть, чтобы доказать, что он не зря на мне женился. И еще мне следует поменьше болтать: мужчины предпочитают женщин, которые говорят, только когда их спрашивают.

Что же касается гигиены, всем должно быть ясно, что я очень аккуратная женщина. После полового акта, учили они меня, необходимо тщательно вымыться всей – от пальцев на ногах до последнего волоса на голове. То же самое должен сделать и мой муж. Свекровь упрекнула меня за то, что, как ей стало известно, я не подмываюсь каждый раз после того, как воспользовалась туалетом. В малазийском обществе такое поведение считается неприемлемым, добавила она с улыбкой. Чтобы добыть эти сведения, ей пришлось дежурить под окном нашей ванной и слушать, не раздастся ли шум воды из гигиенического душа, специально подведенного к унитазу, перед тем как я спущу воду. Это очень дурная привычка, свидетельствующая о неряшливости, продолжала Тенку Залия, и, хоть они готовы простить меня, делая

скидку на мое варварское западное воспитание, с этого дня я все-таки должна прекратить пользоваться туалетной бумагой, которая, несомненно, является помехой на пути к Аллаху.

Все эти перлы мудрости были сообщены мне заговорщицким шепотом, словно две дамы оказывали мне величайшую услугу, наставляя на путь, ведущий к семейному счастью. Тенку Залия, или Мак, как я теперь стала ее называть, заверила меня, что не сделала бы большего и для собственной плоти и крови, если бы Аллаху угодно было наградить ее дочерью. Она призналась, что сначала с большим сомнением относилась к намерению Бахрина жениться на мне, но сейчас твердо решила поддерживать и помогать мне во всем. Как я могла после этого не выразить свекрови благодарность за такую заботу и не пообещать, что теперь стану жить по ее правилам?

Мать Бахрина нашла для нас служанку по имени Ван Су, которая постоянно жила в доме, занималась уборкой и готовкой и получала за свои труды сто восемьдесят малазийских ринггитов, или тридцать пять фунтов стерлингов, и полвыходного дня в неделю. Другая женщина по имени Зах отвечала за стирку. Моя же обязанность, объяснила мне свекровь, состоит в том, чтобы радовать ее сына, заботиться ради него о своей привлекательности, как можно скорее забеременеть и не забивать себе голову домашними хлопотами. Женщины в их семье, сообщила мне Мак, не занимаются грязной и нудной работой, иначе муж может потерять к ним интерес и начать искать пастбища позеленее. «Предоставь всю черную работу слугам, а сама занимайся только мужем, – внушала мне свекровь. – А кроме того, Бахрину не нравится твоя стряпня. Ему нужна настоящая малайская пища».

Когда я заговорила на эту тему с Бахрином, он более или менее согласился со своей матерью, добавив только, чтобы я ограничила свои кулинарные опыты пирожными, десертами и блюдами из макарон. Я пожаловалась ему на то, что в присутствии слуг чувствую себя очень неловко и мне стыдно, что Ван Су спит у нас в гостиной на полу на тонком матрасике, но Бахрин выругал меня за излишнее мягкосердечие и объяснил, что она наверняка считает за неслыханную роскошь возможность спать под вентилятором.

Я все-таки решилась на небольшой бунт и купила Ван Су раскладушку, а также предоставила ей два выходных дня в неделю вместо обычной половины воскресенья, принятой во всей королевской семье. Эти «австралийские штучки», как окрестили их тетушки, не добавили мне популярности среди наших соседей-родственников, которые дружно заявили, что опасно давать

служанке собственную кровать и так много свободного времени, потому что она обязательно использует его, чтобы сплетничать, и тогда все остальные слуги в королевской семье потребуют таких же условий. Я еще много лет препиралась с нашими родственниками по этому поводу, и меня всегда забавляло, как легко они разделывались с чувствами и потребностями своих слуг при помощи всего одной фразы: «Это же *оранг капунг сахайа*» – «просто деревенщина».

28

Я старалась держаться спокойно, но от очередного приступа боли у меня перехватило дыхание и вырвался крик. Это продолжалось уже тридцать часов, и от моей решимости демонстрировать стойкость почти ничего не осталось. Последние двадцать часов я просидела, скрестив ноги и выпрямив спину на узком смотровом столе в тускло освещенной родильной палате. Единственным предметом, на котором там останавливался взгляд, были настенные часы с изображением святого города Мекка.

Схватки начались накануне вечером, в День святого Валентина, и сначала я легкомысленно решила, что вполне способна вытерпеть эти неприятные, но короткие приступы боли. Теперь мне было смешно вспоминать, однако тогда я самоуверенно полагала, что сумею родить ребенка, не отрываясь от книги, которую как раз начала читать.

Теперь, двадцать восемь часов и несколько сотен схваток спустя, я готова была признаться любому, кто согласился бы выслушать, что я сильно ошибалась и что мне больше не хочется рожать ребенка.

Зато за все это время, проведенное в одиночестве в родильной палате, у меня появилась отличная возможность перебрать воспоминания и поразмышлять над собственной жизнью, хотя, разумеется, время от времени мысли теряли четкость, путались или совсем пропадали.

Подозрения, что я беременна, окончательно подтвердились в мой девятнадцатый день рождения. Я уже год с нетерпением ждала того момента, когда смогу сообщить Бахрину радостную новость, и на этот раз пошла к врачу со смесью страха и надежды. Известие о том, что внутри меня зреет новая жизнь, повергло меня в состояние восторга и изумления. Бахрин принял ее с самодовольной гордостью и с первого же дня преисполнился несокрушимой уверенностью, что я рожу сына. А я горячо надеялась, что с рождением ребенка у нас с мужем появится наконец общий, объединяющий нас интерес, которого так очевидно не хватало последнее время в наших отношениях. Но главное – я просто хотела этого ребенка, хотела всей душой и всем сердцем. Я мечтала о том, как стану любить его, как окружу его заботой и лаской, которых мне недоставало в моем собственном детстве. Весь смысл и содержание моей жизни изменились в тот момент, когда я узнала о предстоящем событии,

и я начала осторожно и загодя готовить Бахрина и его семью к тому, что собираюсь растить своего ребенка в «австралийском стиле».

С первого же дня я твердо заявила, что мне не нужна няня и что я собираюсь сама кормить ребенка грудью – вещь неслыханная в королевской семье. Эта новость им совсем не понравилась, но они предпочли отнестись к ней не как к открытому бунту, а как к простительным капризам беременной женщины.

Несколько месяцев, предшествовавших моей беременности, Бахрин относился ко мне с холодным безразличием, обычно приберегаемым для слуг. Вскоре после нашего *берсадинга* он устроился архитектором в Государственный департамент общественных работ, намереваясь проработать там около года, набраться знаний и опыта, а потом открыть собственный бизнес. Я в это время проходила свой курс обучения и постепенно постигала все премудрости, необходимые для женщины, которой выпало счастье принадлежать к королевской семье.

Раза два или три в неделю ко мне приходил религиозный наставник семьи, Че Гу Али. Он обучал меня мусульманским молитвам, законам Корана и арабскому языку. Али был лысеющим, круглым коротышкой, чрезвычайно гордящимся плодовитостью своей жены, подарившей ему множество сыновей. Он всегда одевался в белый *баджу-мелаю*, клетчатый саронг, сандалии без задников и белую, связанную крючком шапочку типа кипы и имел привычку громко хихикать, когда я, ломая язык, пыталась произнести особо трудную арабскую фразу. Из соображений благопристойности Али старался никогда не оставаться со мной наедине: во время наших занятий обязательно присутствовал кто-нибудь из слуг или, на худой конец, все окна и двери гостиной, где мы сидели, оставались широко распахнутыми.

Чуть лучше познакомившись с постулатами мусульманской веры и с Кораном в толковании Али, я поняла, что подобная щепетильность требовалась вовсе не для того, чтобы защитить мое доброе имя, а для того, чтобы защитить от меня самого Али. Согласно учению ислама, сообщил мне он, женщины являются не только более слабым, но и более склонным к пороку полом, что объясняется отсутствием у них твердых моральных устоев и низко развитым интеллектом. На одном из уроков, проходившем в присутствии Мак, он с удовольствием распространялся о том, что всем женщинам от рождения свойственно пристрастие к греху и разврату, с которым и призвано бороться религиозное

образование. Аллах, продолжал он, позволил женщинам появиться на свет только для того, чтобы служить высшим существам – мужчинам, и, помня об этом, они должны демонстрировать покорность, бороться со злом в себе и стыдливо прятать свои тела, созданные для греха.

Другими словами, он явно считал женщин безмозглыми, ходячими секс-машинами, готовыми перемолоть любого мужчину, и неизбежным злом, существующим лишь для того, чтобы продолжать род мужа и обеспечивать ему некоторые бытовые удобства. Один лишь взгляд на обнаженное женское колено может лишить мужчину разума, прядь волос – вызвать немедленную эрекцию, запах запрещенных духов – вообще стать причиной гибели исламского общества, и одному Аллаху известно, до чего может довести зрелище обнаженного женского плеча.

Больше всего поражало меня то, что Че Гу Али, сын крестьянина, невежественный во всем, кроме Корана и религиозных арабских текстов, считался в королевской семье ученым мудрецом и арбитром почти по всем вопросам. Он обучался в Каирском Исламском университете, для поступления в который не требовалось ни интеллекта, ни эрудиции, ни умения говорить или спорить. Насколько мне известно, в частности из рассказов Али, в университете они никогда не пытались анализировать исламскую доктрину, задавать вопросы или самостоятельно искать на них ответы. Мерилом успеваемости там служили знание Корана и слепая вера. Сомневаться, задавать вопросы или хотя бы трактовать Коран с точки зрения двадцатого века считалось там кощунством. Для постижения ислама, как понимали его в Малайзии и в особенности в королевской семье, не требовалось пытливого ума. Коран надо было учить наизусть, а не стараться понять.

Че Гу Али и сам не разбирался в значении тех арабских слов, которым обучал меня, а я, будучи новообращенной и к тому же женщиной, не имела права задавать ему вопросы. К тому же мой учитель твердо верил в то, что все сомневающиеся отправляются прямиком в ад.

Через несколько недель, однако, я и сама начала потихоньку разбираться в системе мусульманских ценностей. Просто говоря, ее можно назвать системой «плюсов и минусов», сумма которых на момент смерти составляет итог человеческой жизни. Плюсы даются за добрые дела: соблюдение постов, молитвы, скромность, смирение (искреннее или напускное), благотворительность и самоотречение. Все вместе эти плюсы называются *парлар,* и именно они становятся решающим фактором для попадания в

рай. Минусы даются за грехи: жадность, ношение парика, злословие, занятия черной магией, прелюбодеяние, ложь, обман и множество других. Сумма минусов называется *дозар*. В момент смерти *парлар* может перевесить *дозар* или наоборот. Однажды разобравшись в этом, я потом нередко наблюдала, как члены королевской семьи старательно накапливают «плюсы» в надежде, что в решающий день их окажется больше, чем «минусов».

Мусульманский рай, судя по описанию Че Гу Али, представлял собой сад наслаждений, населенный практически нагими, волоокими гуриями – секс-ангелами, готовыми удовлетворить любое желание мужчин, которым посчастливилось попасть туда. Однако я не слышала, чтобы равноценным образом поощрялись и добродетельные женщины. В аду же все существующее на свете зло тысячекратно усиливалось и обрушивалось на головы несчастных грешников в виде непрекращающихся ни на минуту пыток.

У моей свекрови, помимо общепринятого, имелся и свой список «минусов», которые неминуемо должны были привести злополучного грешника в ад. Подобная судьба грозила: мужчине-мусульманину, надевающему на себя любые золотые или серебряные украшения, мусульманину или мусульманке, которым досталось имя, не упоминаемое ни в Коране, ни в других исламских текстах, мусульманину или мусульманке, осмелившимся молиться, не помыв предварительно анальное отверстие, и – самое страшное! – мужчинам, носящим какое-либо украшение вокруг шеи; Мак утверждала, что именно за это украшение грешника схватят, когда будут тащить в адское пламя.

Гены тоже играли немалую роль в вопросе допуска в рай. И Бахрин, и Че Гу Али были совершенно уверены, что у евреев нет ни малейшей надежды на спасение и они обречены вечно гореть в аду. Бахрин оказался таким ярым антисемитом, что даже сжег несколько моих книг, написанных писателями-евреями. При этом он предпочел забыть о том, что моя прабабушка с материнской стороны, хоть и исповедовала католицизм, по рождению принадлежала именно к этой расе, а следовательно, по иудейским законам, еврейкой была и я. Правда, однажды получив от Бахрина пощечину за попытку защитить евреев, я трусливо решила не напоминать ему об этом. Инстинкт самосохранения оказался сильнее гордости.

Чем дольше мы жили в Малайзии, чем больше Бахрин осваивался в роли мусульманина и гражданина исламского государства, тем охотнее он демонстрировал свою ненависть к евреям, китайцам и индусам. Он отзывался о Холокосте как о блестящем примере государственной мудрости и сожалел только,

что Гитлеру не удалось пойти дальше и стереть с лица земли всех американских евреев. Он открыто сочувствовал террористическому крылу Организации освобождения Палестины и пренебрежительно называл индусов, проживающих в Малайзии, *келингами* – слово, в котором содержался намек на то, что впервые они появились здесь в качестве рабов на каучуковых плантациях. О малайских китайцах он отзывался только как о «грязных собаках» и «азиатских евреях».

Бахрин упорно пытался обучить меня и другим премудростям, которые сам усвоил еще в детстве, во дворце султана. Самое главное в жизни, уверял он, это «не терять лицо». Снова и снова муж настойчиво внушал мне, что даже своему злейшему врагу ни в коем случае нельзя демонстрировать свою ненависть, а если он придет к тебе в дом, его надо встретить как дорогого гостя. Рецепт хорошей мести, учил меня он, в том, чтобы улыбаться и выжидать подходящего момента для того, чтобы уничтожить своего врага. Даже если это займет пятьдесят лет. Эту же тактику, по мнению Бахрина, следовало применять к индусам и китайцам. Его принципом было: «Используй их, пока можешь, а потом выброси».

Слушая его, я невольно задумывалась о том, каким образом он собирается использовать меня и что будет, когда я стану ему не нужна.

Перерывы между схватками становились все короче, и теперь боль опоясывала живот и поясницу каждые четыре минуты. Врач уже несколько часов назад проколол пузырь с околоплодными водами, надеясь таким образом ускорить роды, но желаемого результата это не принесло. Мой ребенок не спешил появляться на этот свет.

В палату заглянула акушерка, и, пока она в очередной раз осматривала и ощупывала меня, я мысленно вернулась к тому дню, когда впервые поняла, в какую ловушку попала, приехав в чужую мне страну. Именно тогда мне стало окончательно ясно, что единственное, что в глазах мужа составляет мою ценность, – это мое лицо, отсутствие родственных связей и психологическая податливость, свойственная юности.

Это случилось в один невыносимо жаркий день примерно за месяц до того, как я узнала о своей беременности. У нас гостил раджа Ахмад, отец Бахрина, и по этому поводу к ланчу я заказала его любимого краба с перцем чили. Бахрин и Абах (то есть отец, как я теперь называла его) должны были после пятничной молитвы вернуться из мечети примерно к часу дня. Под *тудум-саджи*, плетеным навесом из ротанга, уже был накрыт стол, а в

кувшины с напитком из сиропа шиповника и молока положен лед.

К трем часам дня они так и не появились. К половине пятого краб, оставленный на жаре, безнадежно испортился, а к половине шестого я уже не только злилась на Бахрина, но и начала беспокоиться. В шесть часов пришли в негодность и приготовленные мною десерты, а я, чтобы успокоиться, решила прогуляться по саду и именно тогда заметила БМВ Бахрина, припаркованный в саду у тети Зейны, через два дома от нас.

Вот тогда-то, придя в ярость, я повела себя совсем не так, как подобает восточной женщине и хорошей мусульманке. Я бросилась в дом к тете Зейне и обнаружила там их обоих: муж и его отец дремали на диванах после сытного ланча, остатки которого еще не убрали со стоящего здесь же стола. Я растолкала Бахрина и объявила ему, что они с отцом – бессовестные эгоисты и что воспитанные люди так себя не ведут. Он вскочил на ноги и пошел вслед за мной к выходу, а я продолжала кричать, что я весь день прождала их дома и им это было известно, что именно по их требованию я приготовила этого чертового краба и что они могли хотя бы позвонить мне, так как отлично знают, что по их дурацким обычаям я не могу съесть ни кусочка, пока не поели мужчины. Именно в этот момент Бахрин и ударил меня кулаком. Я упала на бетонный пол, а когда попыталась подняться, он отвесил мне тяжелую пощечину, а левой рукой схватил за волосы. Только тут я поняла, какую глупость только что совершила. Охваченная праведным гневом, я на минуту забыла о том, как опасно провоцировать Бахрина.

Невзирая на мои крики и сопротивление, он за волосы протащил меня по саду тети Зейны и через разделяющую дома дорожку в наш дом. По дороге он продолжал осыпать ударами мои руки, голову и спину и пинал по ногам каждый раз, когда я делала попытку встать или вырваться. Когда мы добрались до спальни, он швырнул меня на пол, запер дверь, положил ключ в карман и плотно задернул занавески на окне.

Я рыдала и умоляла его отпустить меня домой, в Австралию, а Бахрин повторял, что я принадлежу ему, что мой дом теперь – Малайзия и что он мой хозяин и никогда не позволит мне уехать. Все больше распаляясь, он называл меня всеми известными ему грязными именами, говорил, что я никчемная шлюха и что я назло ему не хочу забеременеть. Еще он кричал, что я глупа и беспомощна, что я и дня не выживу без него, что я сумасшедшая и все узнают об этом, если я стану рассказывать, как он меня бил. Мне казалось, что это продолжалось несколько часов. Я по-

прежнему плакала и просила его отпустить меня домой. Наконец он последний раз ударил меня ногой и, пообещав, что еще продолжит, ушел, а меня запер в темной спальне.

Я боялась, что он вернется, и не решалась включить свет. Мне было ясно, что все жители «дворцовой деревни» наверняка слышали мои вопли и просьбы о помощи, но никто и не подумал хотя бы зайти и поинтересоваться, в чем дело. Я знала: что бы ни случилось, семья всегда будет на стороне Бахрина, а я для них всегда останусь лишь чужачкой, ходячей утробой.

Я понятия не имела, что делать дальше. У меня не было ни паспорта, ни денег, ни друзей, которым я могла бы пожаловаться на Бахрина. Мне все равно никто не поверит, а если и поверит – что пользы? По исламским законам он имеет полное право бить меня, если только от этих побоев не остается следов на лице. Я осторожно приоткрыла окно и прислушалась. Мне казалось, что главное сейчас – спрятаться и переждать эту ночь. Я была уверена, что, как только Бахрин снова увидит меня, ярость его вспыхнет с новой силой. Мысленно поблагодарив судьбу за то, что, в отличие от своих родственников, Бахрин терпеть не мог железных решеток на окнах, я неуклюже перелезла через подоконник, повисла на руках и, стараясь не производить шума, спрыгнула на землю, только чудом не угодив в канаву, проложенную как раз под окном.

Мне хотелось оказаться как можно дальше от дома. Все границы нашего участка были ярко освещены уличными фонарями, и, если бы я попыталась его покинуть, кто-нибудь обязательно заметил бы меня. Поэтому я решила, что самое безопасное – это спрятаться рядом с небольшим старым домом, стоящим в глубине нашего сада у самой ограды. Я добиралась туда минут десять, зигзагами перебегая от дерева к дереву. Едва я присела на ступеньки крыльца, как по улице проехала машина с зажженными фарами, и я испуганно вжалась в густую тень под стеной дома. В темноте я чувствовала себя в относительной безопасности, поэтому решила там и остаться. Так, скорчившись на траве, безнадежно отбиваясь от озверевших москитов, я и провела ночь. Один раз около одиннадцати вечера Бахрин с фонариком прошелся по саду, выкрикивая мое имя. Луч фонарика пробежал по траве совсем рядом со мной, но, к счастью, все обошлось: муж меня не заметил. Его голос был еще хриплым от злости.

Когда утром я наконец осмелилась вернуться домой, Бахрин выбрал новую тактику для того, чтобы окончательно меня сломить. Больше недели он не разговаривал со мной и спал в другой комнате. Его отец уехал домой, так со мной и не

повидавшись. Недели через две, после того как его сын избил меня, раджа Ахмад слег с сильной ангиной и угодил в больницу. Каким-то образом Бахрин обвинил в этом меня и в наказание отправил в Куала-Лумпур ухаживать за отцом. Как ни странно, за те десять дней, что я провела там, мы со свекром прониклись друг к другу искренней симпатией, которая оставалась неизменной и в последующие годы. Абах признался мне, что никогда особенно не любил Бахрина. Он обвинял покойного султана, своего бывшего тестя, в том, что тот своим воспитанием испортил его сына. В глубине души я соглашалась с ним, но вслух высказывать свои мысли не решалась. Я не исключала, что свекор специально вызывает меня на откровенность, чтобы потом доложить обо всем мужу.

Дверь в палату распахнулась, и на пороге появилась вдовствующая Тенку Ампуан – Омар, как все ее звали. Она вплыла в палату и, цокая высокими каблуками, подошла к смотровому столу в тот самый момент, когда у меня началась очередная схватка. Хватая ртом воздух, я пыталась справиться с болью, одновременно удивляясь тому, как нелепо выглядит Омар в своих жемчугах и шелках в родильной палате. Она вообще была большой оригиналкой. Едва овдовев, она наплевала на большинство ограничений и правил, действующих в королевской семье, и завела давшую пищу для множества сплетен нежную дружбу с разбитной дамой-адвокатом. Я восхищалась ею и даже немного завидовала. Освободившись от очень старого мужа, за которого ее когда-то выдали, не спросив согласия, богатая и независимая Омар ни перед кем не отчитывалась, никому не подчинялась и предпочитала не вмешиваться в интриги, составляющие смысл жизни всей остальной семьи.

Она весело потрепала меня по колену, но испуганно отшатнулась, когда я скорчилась от нового приступа боли. Наверное, только сейчас Омар сообразила, что выбрала неподходящее время для светского визита, поэтому быстро пробормотала несколько ободряющих слов и поспешно удалилась, оставив после себя шлейф из аромата французских духов и присевших в реверансе медсестер. Больше всего на свете мне в тот момент хотелось убежать отсюда вместе с ней.

Я откинулась на подушки, размышляя над этим странным визитом и над тем, какие перемены принесет в мою жизнь материнство. Уже во время беременности мне пришлось отказаться от большинства своих увлечений в угоду суевериям и страхам, бытовавшим в королевской семье. Все эти долгие месяцы за каждым моим шагом пристально следили, заботясь главным

образом о том, чтобы я была здорова и хорошо питалась. Я чувствовала себя скорее как дорогая племенная кобыла, чем как женщина, внутри которой зреет новая жизнь.

В Малайзии существует масса самых диких предрассудков относительно вынашивания и рождения ребенка. Им подчиняется все: и диета будущей матери, и ее образ жизни, из которого исключаются все факторы, якобы способные повредить будущему наследнику. Все эти бесконечные ограничения и приметы так и отдают средневековьем и невежеством.

Незадолго до беременности я начала тайком наведываться в королевские конюшни, расположенные на территории нежилого в тот момент дворца наследного принца. Там, неподалеку от пляжа, содержались принадлежащие семье пони для поло. Довольно скоро при помощи нескольких купюр я завела дружбу с конюхами и несколько раз по утрам совершала восхитительные прогулки верхом по самому краю прибоя. К сожалению, в королевской деревне было невозможно долго хранить что-нибудь в тайне, и очень скоро Бахрин со свекровью уже дружно распекали меня за неподобающее поведение и за то, что, катаясь верхом, я уменьшаю свои шансы зачать ребенка. Напрасно я ссылалась на принцессу Анну, принимавшую участие в соревнованиях по верховой езде и даже в Олимпийских играх и тем не менее успешно родившую двух детей; напрасно напоминала им, что сама королева Елизавета II считается отличной наездницей. Никакой пользы это не принесло: дни верховых прогулок для меня закончились. Бахрин и его мать твердо решили защищать мою утробу (а отнюдь не меня саму) любой ценой.

Примерно в то же время я начала посещать и приют для детей-инвалидов на окраине города. Я узнала о его существовании совершено случайно и сразу же решила, что должна по мере сил помочь несчастным ребятишкам, содержащимся там. Раньше в этом здании размещался изолятор для сбившихся с пути женщин, незамужних матерей и преступниц. Потом для них нашли новое помещение, а в доме поселили больных детей – от младенцев до подростков, – собранных со всей Малайзии. В большинстве своем это были дети, от которых отказались родители – оставили их в роддоме или просто бросили на автобусной остановке в надежде, что кто-нибудь о них позаботится. В Малайзии любой физический недостаток или умственная неполноценность становится позором для семьи и поводом для отказа от ребенка. В этом заведении в Тренгану были собраны дети, страдающие самыми разными заболеваниями: от легкой формы церебрального паралича и

небольших физических дефектов до синдрома Дауна или полной слепоты.

Впервые оказавшись в этом заведении, я была поражена тем, что дети там лежали на ужасных резиновых пеленках, прикрытых тонкими саронгами из батика, в лужах собственной мочи. Другие ползали по красному бетонному полу или висели на оконных решетках, потому что в помещении стояла невыносимая духота: единственный ленивый вентилятор под потолком едва шевелил воздух. Здесь не было ни игрушек, ни веселых картинок на стенах – ничего, что хотя бы приблизительно можно было бы назвать визуальной стимуляцией развития. Никто и никогда не пытался научить чему-нибудь этих детей, а о психотерапии здесь просто не слышали. Весь штат приюта состоял из совершенно необученных работников, которые орали на детей и били их, когда те им досаждали.

К собственному удивлению, я узнала, что у этого заведения существует целый совет директоров, в который входят многие знаменитости, светские персонажи и даже один член королевской семьи. Все они не делали ровно ничего, чтобы помочь детям, и согласились на включение своих имен в состав совета только для того, чтобы добавить лишний «плюс» к своему *парлару*. Разумеется, время от времени наведываться в приют с инспекциями было гораздо проще, чем, засучив рукава, оказывать ему практическую помощь. Во время таких визитов они сочувственно цокали языком, качали безупречно причесанными головами, брезгливо подбирали шелковые подолы, когда к ним тянулись детские ручки, и мысленно благодарили Аллаха за то, что их собственные дети ухожены и совершенно здоровы.

Когда я объявила Бахрину и свекрови, что хочу помочь приюту, они не стали возражать, поставив только одно условие: я должна заниматься этим в те часы, когда мой муж находится на работе. Думаю, они согласились так легко только потому, что решили, будто я просто хочу войти в совет директоров. Однако я имела в виду совсем другую помощь.

Я начала почти каждый день ходить в приют, захватив с собой свой старый кассетный магнитофон, чтобы дети могли послушать музыку. Больше всего меня трогало их желание просто прикоснуться ко мне. Эти дети, которых за всю их жизнь никто и никогда не ласкал, не умели ни целовать, ни обниматься, но удивительно быстро учились этому. Особенно я запомнила одну пятилетнюю девочку по имени Мина. У нее были огромные черные глаза, масса темных кудряшек вокруг головы, и каждый раз, увидев меня, она широко улыбалась и тянула кверху маленькие ручки, чтобы я взяла ее на руки. Здесь, с детьми, мне

не приходилось постоянно помнить о строгих правилах протокола, отравляющих мою жизнь в Тренгану. Я могла просто быть самой собой – так же, как и они.

Однако все это прекратилось в тот день, когда я сообщила Бахрину о своей беременности. Первым из его многочисленных запретов стал запрет посещать приют для детей-инвалидов. Я попробовала спорить, но на меня ополчилась вся семья. Я пыталась доказать им, что они неправы, но меня никто не слушал. Я сказала, что все равно буду туда ходить, и Бахрин пригрозил, что запрет меня дома до самых родов. Другие члены его семьи, правда, снизошли до объяснений. Как оказалось, все они твердо верили в то, что внешние впечатления, получаемые беременной женщиной, влияют на младенца в ее утробе. По их словам, только посмотрев на маленького калеку, я тем самым подвергаю риску ребенка, которого вынашиваю. Физическое уродство они считали таким же заразным, как инфекционная болезнь – этот синдром обозначался словом *кенанг*. Я пыталась доказать им, что все это глупые предрассудки, ссылалась на медицинские книги и пособия для беременных, но они твердо стояли на своем и приводили множество доказательств своей правоты. Вот, например, младший сын дяди Бахрина, Тенку Ибрагима, родился с искривленной рукой. Все дело в том, объясняли они, что его мать, тетя Розита, будучи беременной, пнула кошку и повредила ей лапу. И пожалуйста – Зейнуль пострадал от *кенанга*.

Впрочем, их суеверия не ограничивались страхом перед *кенангом*. Мне было сказано, что я ни в коем случае не должна брать в руки и даже смотреть на кукол, особенно на тех, у которых закрываются глаза. Если я не послушаюсь, мой ребенок может родиться слепым, глухим или немым. Для иллюстрации Мак рассказала мне историю нашей прачки Зах: младший сын той родился слепым и глухим, и все потому, что она взяла в руки куклу.

Позже я подробно расспросила Зах об этой трагедии и выяснила, что в самом начале ее беременности в их деревне произошла вспышка коревой краснухи, и Зах тоже заразилась, чем, конечно, и объяснялась несчастье с ее сыном. О вакцинации против этой болезни в Тренгану даже не слыхали, а кроме того, большинство правоверных мусульман считают, что болезни посылаются Аллахом, и отказываются делать любые прививки.

На седьмом месяце моей беременности Мак настояла, чтобы я совершила традиционный ритуал омовения, призванный облегчить роды и отогнать от матери и ребенка злых духов. В наш дом привели старую деревенскую повитуху, которая осмотрела

мой выпирающий живот, потом тщательно ощупала его, многозначительно помычала и наконец объявила, что ребенок расположен в утробе неправильно и что ей придется его перевернуть. Если первую часть процедуры я неохотно, но все-таки вытерпела, то тут решительно воспротивилась и твердо стояла на своем, несмотря на уговоры свекрови и ее сестер. Риск проткнуть плаценту или повредить ребенку показался мне слишком высокой платой за удовольствие, которое доставило бы мое согласие дамам из королевской семьи.

Этот отказ не добавил мне популярности, но тем не менее ритуал продолжался. Последняя его часть показалась мне вполне безопасной. Повитуха и еще одна женщина помолились над ведром воды, подули в него и побросали туда четвертинки лаймов. Я разделась до саронга и, стоя в ванной, повторяла вслух строчки из Корана, а они в это время с ног до головы обливали меня святой водой. Когда омовение закончилось, Мак щедро раздала милостыню нуждающимся, что должно было еще вернее обеспечить легкие роды и здоровье будущему ребенку.

Мне нелегко было самостоятельно оценивать течение собственной беременности и готовиться к родам. Я прочитала все книги на эту тему, которые смогла заказать в Австралии и в Англии. Самым бесценным источником информации стали для меня книга Пенелопы Лич и специальное видео для беременных, полученное из США. Разумеется, в Тренгану не было никаких специальных занятий и курсов для будущих матерей, а доктора и родственницы крайне скупо делились со мной сведениями о самом процессе родов. Но я старательно проделывала на полу все упражнения, описание которых обнаружила в книгах.

Я чувствовала себя очень одиноко в этой палате. Время от времени ко мне заглядывали сестры, изредка заходил доктор, но все-таки большую часть времени я оставалась наедине со своими мыслями. Врачи и сестры, кажется, не особенно мне сочувствовали, потому что я упорно отказывалась от предлагаемых ими инъекций петидина, который, как я знала, проникает через плаценту и впоследствии влияет на способность ребенка сосать молоко, и окситоцина, при помощи которого они хотели ускорить роды. Одна пара сестер почему-то особенно хотела уложить меня на спину. Я пыталась объяснить им, что сидя мне легче переносить боль, но они продолжали силой опрокидывать меня на спину, после чего меня тут же начинало рвать, и я с трудом снова принимала сидячее положение, хорошо понимая при этом, как чувствуют себя выброшенные на берег киты. Я и выглядела в это время примерно как кит: за два дня до

родов мой вес при росте сто шестьдесят сантиметров равнялся семидесяти шести килограммам, в то время как до беременности он едва достигал пятидесяти.

Схватки продолжались уже больше тридцати часов, и я начала мечтать о том, чтобы попрыгать на батуте или побегать трусцой, для того чтобы как-то ускорить процесс. Я знала, что с ребенком все в порядке и у него здоровое сердцебиение, но все это становилось уже немного смешным. К тому же я чувствовала, что мое терпение скоро иссякнет, и обезболивающие средства начинали казаться все более соблазнительными. Я пообещала себе, что дам своему малышу еще полчаса, а потом соглашусь на веселящий газ. А пока надо думать о чем-то другом. Я опять начала перебирать в уме воспоминания о нескольких последних месяцах.

Переезжая в Малайзию, я даже не представляла себе, что круг моего общения будет так узок и ограничен только ближайшими родственниками Бахрина. У меня просто не было возможности подружиться ни с кем вне него. Во-первых, без разрешения мужа мне позволялось навещать только его мать и теток. Во-вторых, я не очень понимала, как дружить с этими людьми: слишком разными были наши системы ценностей. Никто из них никогда не читал книг; в Тренгану даже не было ни одного книжного магазина, если не считать тех, что торговали религиозной литературой. Музыкой и балетом тоже никто не интересовался, и никто о них не разговаривал. Кроме того, Бахрин первым читал все письма, которые я получала из Австралии, и даже те, что я сама писала своей бабушке, поэтому письменный вид общения был для меня тоже закрыт.

Иногда, очень редко, мы с ним ходили на свадьбу кого-нибудь из его коллег или встречались с его бывшими одноклассниками и их женами. Такие встречи, как правило, становились для меня настоящей пыткой, потому что на них с нами всегда обращались с преувеличенным почтением и с откровенным до вульгарности подобострастием. Иногда мне удавалось поболтать с молодыми женщинами, моими ровесницами, но эти беседы всегда сводились к тому, что они осыпали меня идиотскими вопросами о быте и нравах королевской семьи. Они желали знать, правда ли, что во дворце зал для бадминтона по вечерам используется как кинотеатр, и сколько ночей султан проводит с каждой из своих жен, и сколько заплачено за ожерелье, в котором одна из моих родственниц сфотографирована в журнале. Другой излюбленной темой для разговора было то, как повезло мне выйти замуж за принца, как

прекрасно я теперь обеспечена финансово и как умно я поступила, заполучив такого мужа. В ответ на это мне часто хотелось рассказать им, как безрадостна и одинока на самом деле моя жизнь и насколько счастливей я была бы, оставшись в своей стране, но, разумеется, я никогда не решалась. Вместо этого я довольно быстро научилась играть отведенную мне роль и отвечать молчанием и ледяной улыбкой на самые нескромные вопросы.

Утешение я однажды нашла там, где меньше всего ожидала. Моей единственной подругой и союзницей стала первая жена султана Тенку Ампуан Бария, или Эндах, как я ее называла. Сейчас я уже не могу сказать, когда мы впервые обнаружили, что у нас много общего, но помню, что с какого-то момента она начала приглашать меня во дворец на чай по нескольку раз в неделю. К счастью, никто, даже муж, не мог запретить этих визитов и закрыть мне доступ в тот спокойный и прохладный рай, который создала Эндах в отведенных ей помещениях дворца Истана Бадария. Сначала каждый раз, когда подруга через фрейлину передавала мне приглашение во дворец, Бахрин считал своим долгом прочитать мне длинную лекцию обо всех тонкостях этикета, как будто я отправлялась туда с официальным визитом. На самом деле он просто не представлял себе, каким человеком была его тетка; об этом вообще знали очень немногие; и, разумеется, почти никто не догадывался о том, как печальна и унизительна жизнь королевы без наследника.

Чем ближе мы с ней становились, тем меньше думали об официальном протоколе, которому подчинялось все ее общение с другими людьми. Эндах была миниатюрной женщиной с изумительной, светлой и мягкой как шелк кожей, нежным голосом и чудесной улыбкой. От нее всегда пахло духами «Джой», а одеваться она предпочитала очень просто: дома Эндах обычно носила струящиеся шелковые кафтаны и красные детские шлепанцы. Она отлично играла в бадминтон, любила готовить и увлекалась разведением роз. Мы с ней часами рассматривали журналы, обсуждали модные фасоны и обменивались рецептами сладостей. Я осторожно поведала ей о вспышках ярости Бахрина, и она сказала, что в случае необходимости я всегда смогу найти убежище у нее во дворце.

Иногда Эндах рассказывала мне о первых годах своей семейной жизни – о том времени, когда она стала женой наследного принца. Тогда ей едва исполнилось шестнадцать, и за день до свадьбы она еще носила школьную форму. Эндах была дочерью султана Селангора, семья которого считалась довольно прогрессивной по мусульманским меркам отчасти благодаря

тому, что Селангор в свое время был британской колонией. До свадьбы она ни разу не встречалась с дядей Махмудом, которого тогда называли Айах Муд, но ей показали фотографию жениха, и она по крайней мере знала, как он выглядит. Сразу же после свадьбы они отправились в Англию учиться: он – в военном колледже, а она должна была получить диплом по домоводству. Они приехали в Англию в тот период, когда там еще действовала карточная система, и поселились в небольшом живописном коттедже в Суррее. Глаза Эндах становились мечтательными, когда она рассказывала мне о том, как в первые годы семейной жизни они с мужем, забыв о протоколе и придворных, играли в свой дом и занимались хозяйством. Айах Муд любил ездить по окрестностям на велосипеде, и часто, взявшись за руки, они ходили по магазинам или в местный кинотеатр. Эндах тогда носила чулки со швом и западную одежду, а он – твидовый костюм, как и подобает сельскому джентльмену. Но, стоило им вернуться в Малайзию, идиллия кончилась и их отношения резко изменились. Душевная близость и чувство товарищества остались в прошлом, вытесненные многочисленными светскими обязанностями, протоколом, особенно строгим для наследного принца и принцессы, и главное – острой необходимостью как можно скорее родить наследника.

Однако, несмотря на желание, надежду, молитвы и несколько операций, Эндах так и не смогла подарить своему мужу сына. Поэтому через несколько лет Айах Муд взял вторую жену – сингапурку по имени Шарифа Нонг. Новая жена рожала принцу ребенка за ребенком, чем вскоре и завоевала его привязанность, а Эндах осталась только церемониальной фигурой и лицом на официальных портретах королевской семьи. К тому моменту, когда Айах Муд стал султаном, весь двор Тренгану уже четко разделился на две части: большая часть придворных перебралась в лагерь Шарифы Нонг, другие же продолжали демонстрировать преданность Эндах, но даже они у нее за спиной пресмыкались перед матерью наследного принца. Братья и сестры султана старались угодить и вашим и нашим и с наслаждением занимались своим любимым делом – плетением интриг. Шарифу Нонг боялись все. Она умело скрывала расчетливость и злобу под маской добродушия и мнимого чистосердечия, однако всем было известно, что доверять ей нельзя. Поэтому если придворные или члены семьи дарили что-нибудь Эндах, то обязательно тут же делали такой же или еще более дорогой подарок Шарифе Нонг.

Султан Махмуд всегда строжайшим образом соблюдал расписание: два дня он жил с Эндах, а следующие два – со своей второй женой, поэтому я приходила во дворец только в те дни,

когда он оставался на половине Шарифы Нонг. Поездки за границу тоже поровну распределялись между двумя женами, но, если визит был неофициальным, султан обычно брал с собой мать своего наследника. Когда Эндах ездила с ним в Европу или Англию, она обязательно привозила мне целую гору любовно выбранных подарков: модные сумочки, отрезы ткани, прелестные украшения для волос. Однажды она привезла из Англии целую стопку журналов и альбомов с фотографиями принцессы Уэльской, для того чтобы я могла скопировать некоторые ее туалеты, слегка изменив их в угоду местным вкусам. Эндах знала, как тяготит меня необходимость ограничивать свой гардероб только однообразными национальными костюмами, поэтому она намекнула нескольким своим золовкам, что мне, пожалуй, больше пойдет одежда в западном стиле, при условии, разумеется, что она будет полностью отвечать мусульманским традициям. Она хорошо понимала, что в девятнадцать лет меня угнетала перспектива всю жизнь проносить один и тот же фасон.

Это был очень дипломатичный ход, потому что вся королевская семья Малайзии обожала принцессу Диану и одобряла все, что она делала или носила. Мы с Эндах с удовольствием изобретали способы приспособить туалеты принцессы к строгим требованиям двора: иногда просто прибавляли к короткому платью юбку, иногда удлиняли юбку Дианы, но оставляли гофрированный воротник и защипы на талии, как у оригинала. Постепенно я почувствовала себя увереннее и при поддержке Эндах начала создавать свой собственный стиль. У моих строгих *баджу-курунгов* теперь был модный силуэт с более широкими плечами, актуальные рукава, широкие в пройме и зауженные к запястью, и иногда, искушая судьбу, я позволяла себе даже V-образный вырез. В общем, при помощи своей любимой портнихи я использовала все способы, для того чтобы хоть как-то разнообразить свой гардероб и не отступить при этом от национальных традиций и требований скромности. Я поняла, что вышла из этой борьбы победительницей, когда мои туалеты начали копировать сначала дамы из королевской семьи, а позже, благодаря тому что жизнь при дворе широко освещалась прессой и телевидением, и рядовая публика.

Бахрин относился к переменам в моем облике со смешанным чувством. С одной стороны, ему льстило то, что мои фотографии постоянно появляются в журналах, а ему часто приходится выслушивать комплименты по поводу внешности и хорошего вкуса своей жены, но, с другой, он понимал, что это хоть маленький и довольно невинный, однако все-таки бунт, за

который я должна быть наказана. Хотя наказать меня не представлялось возможным, потому что все эти перемены происходили при полной поддержке его тетки, жены султана. Подозреваю, что в этой ситуации он немного растерялся, но все-таки нашел способ выразить свое неудовольствие: за все четыре года муж не сделал ни одного комплимента ни мне, ни моей одежде.

Эндах была моей единственной подругой в Тренгану. Она расплакалась, когда я сообщила ей о своей беременности, а потом все девять месяцев поддерживала и ободряла меня. Мы часами сидели вдвоем в ее саду, в увитой розами беседке, откуда открывался прекрасный вид на Южно-Китайское море; рядом в вольере щебетали чудесные тропические птицы, мы разговаривали или молчали, и я вышивала приданое для своего малыша. Когда становилось слишком жарко, я уходила в дом, в прохладные комнаты, которые Эндах выделила специально для меня, и там, склонившись над швейной машинкой, шила занавески для детской и подрубала пеленки, а она время от времени заглядывала, чтобы проверить, как у меня дела. Пару раз Эндах даже заходила к нам в гости посмотреть, как идет ремонт в будущей детской, но очень скоро мы поняли, что этого делать не стоит, поскольку до этого она никогда не навещала никого из родни своего мужа – такие необычные визиты вызывали в семье ненужную зависть и сплетни.

Хотя у Эндах никогда не было своих детей, она воспитала много приемных. Она забирала их во дворец, а когда они вырастали, отправляла учиться за границу и не возражала, когда некоторые из них решили навсегда остаться в Соединенных Штатах. Кроме того, она воспитывала младшего из родных сыновей своего мужа – Тенку Барахуддина, или Адика, как его прозвали. Адика родила молодая деревенская девушка, в которую султан влюбился и ненадолго взял себе в жены. Сразу же после родов ребенка у нее забрали и отдали на воспитание Эндах.

Все время моей беременности наши отношения с мужем оставались довольно ровными. Только однажды он вышел из себя и ударил меня. Это случилось, когда я была на пятом месяце. Бахрин только что вернулся из очередной деловой поездки, которых за последнее время стало очень много. Я разбирала его вещи и болтала с Мак, заглянувшей к нам в гости. Вдруг мне показалось, будто меня сильно ударили в живот: в самом углу чемодана я обнаружила банку ароматизированного талька и скомканные женские трусики. Сидя на полу, я пыталась справиться с шоком, Мак сокрушенно качала головой, приговаривая: «Такой же, как его отец… Точно такой же, как его

отец». У меня путались мысли, а к горлу подступила тошнота. Очевидно, эта незнакомая женщина хотела, чтобы я узнала об ее отношениях с моим мужем, а вот в планы Бахрина это скорее всего не входило. Он вернулся из поездки в отличном настроении и так заботливо интересовался моим здоровьем, что мне даже ненадолго показалось, будто муж по-прежнему любит меня. Правда, довольно скоро я вспомнила, что дело тут вовсе не в любви или нежности, а в том, что он воспринимает мой растущий живот как свидетельство своей мужской состоятельности.

Мак тут же объявила, что прочитает несколько дополнительных молитв за наш брак и постарается раздобыть какой-нибудь талисман, способный вернуть мне любовь мужа, а потом поспешно удалилась к себе, жалуясь на ходу на упадок морали и плачевное состояние современных нравов. Краем уха я слушала ее бормотание, а мое сердце разрывалось от обиды и гнева. Я твердо решила выяснить всю правду, когда Бахрин заедет домой в обеденный перерыв. Не желая, чтобы о моем унижении узнали слуги, я пораньше отпустила домой Зах и отослала Ван Су с каким-то поручением. Как оказалось позже, это было моей первой ошибкой.

Услышав, что к крыльцу подъехала машина, я вышла навстречу Бахрину, проводила его до дверей нашей спальни и там, прямо у двери, предъявила улики и потребовала объяснений. Сначала он неуклюже пытался доказать, что это мои вещи. Потом принялся утверждать, что понятия не имеет, как они попали к нему в чемодан – скорее всего упали туда случайно. Тогда я со злостью крикнула, что ни на секунду не верю всей этой глупой лжи и что даже его собственная мать нисколько не удивилась его измене. И тут лицо Бахрина вспыхнуло от гнева, а его поведение из высокомерно-насмешливого вдруг сделалось агрессивным. Он шагнул ко мне так быстро, что я не успела отскочить, и резко толкнул в грудь. Толчок был настолько сильный, что я вылетела через открытую дверь на улицу и, пересчитав спиной шесть или семь ступенек террасы, с глухим стуком упала на забетонированную площадку перед домом. Основной удар пришелся на затылок, спину и локти.

Судя по лицу Бахрина, это падение испугало его не меньше, чем меня. Он бросился ко мне и опустился на колени, взволнованно спрашивая, все ли в порядке с ребенком. Я в первую очередь тоже думала только об этом, но, судя по тому, что ребенок толкался и двигался как обычно, с ним ничего не случилось: падая, я инстинктивно сделала все, чтобы защитить живот. Испуганный Бахрин помог мне подняться на ноги, довел до спальни и там уложил на кровать. Я плакала, а он, велев мне

не двигаться, быстро вышел из комнаты. Через минуту я услышала, что он разговаривает по телефону. Я разобрала только несколько слов: «споткнулась», «один шаг», «неуклюжая», «лучше удостовериться»; потом он повесил трубку и вернулся в спальню.

Подойдя к кровати, Бахрин взял меня за руку, крепко сжал ее и сообщил, что позвонил доктору и рассказал ему обо всем, что случилось. Я с горечью заметила, что он наверняка не рассказал доктору всей правды, но муж резко оборвал меня, рявкнув, что сообщил этому *келингу* ровно столько, сколько тому надо знать, и что я не должна перечить. Он добавил, что, если я расскажу хоть одному человеку о том, что на самом деле произошло, он сразу же после родов отберет у меня ребенка, а меня отправит в Австралию. Бахрин разыграл свою козырную карту. Я знала, что это не пустая угроза: прецеденты в Малайзии уже имелись. Я коротко кивнула в знак того, что все поняла, и попросила его уйти.

У меня болело все тело и начинала неметь спина. Про себя я горячо молилась, чтобы ребенок не пострадал, и снова и снова клялась себе, что больше никогда в жизни не подвергну его такому риску и не стану провоцировать мужа. Единственное, о чем я должна сейчас думать, – это ребенок. Я пролежала так, всхлипывая, несколько часов. Я плакала о себе, о своем малыше, о жизни, которая ждет его здесь, и о своем муже, которого, как мне тогда казалось, я все еще любила.

Впоследствии Бахрин рассказал всем своим родным, что я неловко оступилась и упала со ступенек крыльца. Мак очень сочувствовала мне и, кажется, не особенно верила объяснениям Бахрина, но она, как и все остальные женщины из их семьи, никогда не осмелилась бы вслух выразить недоверие к словам мужчины, поэтому предпочитала не задавать мне вопросов.

Вместо этого она пригласила деревенскую знахарку по имени Мок Сунг, для того чтобы та позаботилась о моих синяках и ушибах. Мок Сунг оказалась крошечной восьмидесятилетней старушкой со сморщенным, как грецкий орех, личиком и искривленными от старости руками. Она часто разражалась веселым молодым смехом и больше всего на свете обожала телевидение. Мок Сунг приходила раз в неделю и по два часа массировала мне спину с удивительной для такого древнего и крошечного существа силой. Мак с тетей Зейной обычно присутствовали при этом массаже и развлекали меня болтовней. Свекровь рассказала, что за двухчасовой сеанс платит знахарке десять ринггитов, то есть три с половиной фунта. Мне казалась, что это чересчур мало за такую тяжелую работу, и я всегда совала Мок Сунг еще несколько монеток, что, естественно, вызывало

неодобрение свекрови и тетки, уверяющих, что я безбожно вздуваю цены.

Эти сеансы массажа были моим единственным физическим контактом за все время беременности. Бахрин уже давно отказался от сексуальных отношений со мной. Когда ему случалось увидеть меня раздетой, он с удовольствием сообщал мне, как ужасно я теперь выгляжу. И даже до беременности он не упускал случая язвительно заметить, что я должна благодарить его за то, что он сделал меня мусульманкой, так как у меня безобразные ноги. «Тебе повезло, что теперь их приходится закрывать, – говорил он. – Ножки у нашего стола и то красивее». В итоге я начала так стесняться собственного тела, что в присутствии мужа старалась прикрыть его даже больше, чем этого требовали мусульманские правила.

Вскоре после падения со ступенек мне удалось выпросить у Бахрина разрешение поближе познакомиться с американкой по имени Фиона. Ее муж, пилот вертолета, временно работал в Тренгану, осуществляя воздушную связь между материком и нефтяными платформами в открытом море. Впервые я познакомилась с Биллом, когда он по ошибке заехал на своей машине в нашу «дворцовую деревню». Меня в качестве переводчика вызвали тетушки, взволнованные появлением в их саду незнакомого белого мужчины. Выяснилось, что Билл пытается найти дом для своей жены и ребенка, которые должны были вот-вот приехать к нему из Америки. После долгих споров и сомнений тетушки решили, что мы должны ему помочь. Главную роль в принятии этого решения сыграла Мак, которая по моим умоляющим глазам, видимо, поняла, как не хватает мне подруги и общения на родном языке. Она захотела сама сообщить об этой новости Бахрину, и я с радостью согласилась.

Бахрин разрешил мне познакомиться с *мат саллех* («белыми людьми»), как он выражался, но ограничил наше общение с Фионой множеством строгих правил. Я могла разговаривать с ней не более двух часов в неделю. Она не должна была заходить к нам домой в те часы, когда Бахрин бывал дома. Мне строго запрещалось рассказывать Фионе о каких-либо подробностях нашей семейной жизни. Разговаривать с ней разрешалось только о детях, одежде и Америке, и в этих разговорах я должна была как можно реже упоминать о своем австралийском происхождении, а вместо этого всячески подчеркивать тот факт, что я теперь совершенно «омалаилась». На все разговоры о жизни королевской семьи тоже было наложено строжайшее табу. Бахрин пообещал, что, если я нарушу хоть одно из этих правил, он немедленно прекратит нашу дружбу с Фионой. Я знала, что соседям и слугам

поручено присматривать за моим поведением и докладывать обо всем Бахрину, поэтому изо всех сил старалась соблюдать все его требования. Я слишком ценила возможность хоть несколько раз в неделю поговорить на родном языке, чтобы рисковать ею ради возможности пожаловаться новой подруге на свою семейную жизнь. К тому же я не видела в этом никакого смысла: изменить ситуацию я все равно не могла. Я принадлежала Бахрину, и мой дом был здесь, рядом с ним, рада я этому или нет.

В результате, общаясь с Фионой, я все время чувствовала себя немного виноватой, особенно когда мне приходилось придумывать разные предлоги, для того чтобы не затягивать наши встречи, не приглашать ее к себе и не рассказывать о жизни во дворце, которая ее очень интересовала. Но зато как чудесно было откровенно поговорить с другой женщиной о вынашивании ребенка и о родах и получить наконец ответы на все свои вопросы. Кроме того, у меня появилась возможность взглянуть на Тренгану чужими глазами. Фионе здесь очень не нравилось, и я не могла осуждать ее за это: белой женщине жилось в Малайзии тяжело и очень одиноко. Европейская одежда, хоть и очень скромная, вызывала повышенный интерес местных мужчин и не защищала Фиону от многочисленных сальностей и оскорблений.

Однажды она пришла ко мне в слезах. Тем утром она пошла со своей маленькой дочерью на пляж, и там они столкнулись с компаний из шести или семи молодых малайцев. С криками «Ангелы Чарли! Ангелы Чарли!» подростки окружили женщину и девочку и начали мастурбировать; это продолжалось несколько минут, пока их не спугнула приставшая к берегу рыбацкая лодка. А ведь Фиона была даже не в купальнике: она пришла на пляж в широких льняных брюках и длинной футболке. Мне пришлось объяснять ей, что многие молодые малайцы, особенно приехавшие из деревень, считают всех женщин со светлыми волосами чем-то вроде проституток и ведут себя с ними соответственно. По-моему, Фиона так до конца и не оправилась от того шока и уж конечно никогда больше не ходила на пляж без мужа.

Я пересказала эту историю Бахрину, а он, к моему изумлению и возмущению, заявил, что Фиона сама это заслужила, раз отправилась на пляж одна. Я возразила, что она была с маленьким ребенком и что, по моему мнению, ей следовало пожаловаться в полицию. В ответ на это Бахрин разразился гневной тирадой о том, что только шлюхи таскаются по пляжам, а порядочные женщины сидят дома и скрывают свое тело под скромной одеждой. Мне следовало бы знать, что заговаривать с мужем на эту тему бесполезно: в конце концов он и мне запретил

купаться в море. Напрасно я умоляла его разрешить мне заходить в воду хотя бы в длинном кафтане, надетом поверх купальника. Бахрин считал, что даже эта одежда становится неприличной, когда намокает. Как же быстро он забыл о той чудесной неделе в Куантане, когда на пляже я позировала ему в одном купальнике и с развевающимися на ветру волосами. А теперь я жила всего в сорока метрах от лазурного Южно-Китайского моря и не смела даже окунуться в него.

Наконец, почувствовав, что не в силах больше терпеть эту боль, я попросила у сестры их хваленого веселящего газа, и уже после первого вдоха мне стало легче, а все происходящее в родильной палате начало казаться очень забавным. Видимо, газ вполне заслуживал свое название.

Однако чувство юмора у меня значительно поубавилось, когда началась вторая стадия родов, так называемое «выталкивание» ребенка. В родильной палате поднялась такая суматоха, словно сработала пожарная сигнализация. К столу с грохотом подкатили тележки с инструментами, врачи с характерным щелчком натянули резиновые перчатки, а смотровой стол, служивший мне ложем последние тридцать два часа, был быстро превращен в устройство, больше всего напоминающее аппарат, на котором готовят курицу-гриль. Меня бесцеремонно опрокинули на спину, и две сестры, не обращая внимания на мои громкие протесты, проворно закрепили мои ноги в каких-то петлях. Я попыталась вырваться, но скоро обнаружила, что не могу дышать, тужиться и в то же время отстаивать свою свободу и достоинство.

А потом такие слова, как «свобода», «достоинство», «рассудок» или «скромность», потеряли всякий смысл. Остался один инстинкт, и именно он, а не врачи, помог моему сыну появиться на свет. Я родила ребенка, и это был самый разумный, логичный и чистый поступок в моей жизни.

Он заплакал, когда врач хлопнул его по спине, но сразу замолчал, как только его положили в мои руки. И, только поглядев в его крошечное, растерянное личико, я впервые в жизни узнала, что такое настоящая, слепая, всепоглощающая любовь.

29

Иногда, в те дни, когда меня одолевают особенно тяжелые мысли, я начинаю сомневаться даже в том, правильно ли повела себя после рождения Аддина. Но ведь, подавив собственные чувства и материнский инстинкт, я не только обманула бы саму себя, но и лишила бы своего сына причитающейся ему доли любви. А тогда я решила, что, оставаясь послушной и смиренной внешне, я стану своему сыну настоящей матерью в том смысле, какой я сама вкладываю в это слово.

Итак, 15 февраля 1983 года на свет появился раджа Мухаммед Бахаруддин Исмаил-шах бин Раджа Камарул Бахрин-шах. Глядя на маленький сверток в своих руках, я не могла понять, как можно назвать это беспомощное существо таким напыщенным и громоздким именем. Мне самой с первого взгляда стало ясно, что я буду звать его Аддин – уменьшительное от Бахаруддин, и, к счастью, семья не стала возражать.

«Раджа» и «шах» был полученными по наследству титулами. На имени Мухаммед настояла Мак, чтобы обеспечить внуку пропуск в рай. Бахаруддином и Исмаилом мой малыш был назван в честь его прадеда, покойного султана, а имя отца Раджа Камарул Бахрин-шах по традиции становилось своего рода фамилией для сына. И весь этот длинный список предназначался для крохи, весящей чуть больше трех килограммов.

За те двенадцать месяцев, что я провела в Малайзии, семья уже успела привыкнуть к тому, что мое поведение постоянно вызывает у них ужас. Они ужасались тому, что, несмотря на их уговоры, я кормила Аддина грудью, и тому, что категорически отказалась соблюдать *пантан* – что-то вроде обязательного для молодых матерей поста, который продолжается от сорока до ста дней после родов. В этот период женщина по традициям малайских мусульман считается нечистой, и ей строго запрещены любые физические контакты с мужем. Даже спать она обязана в другой кровати. *Пантан* охватывает многие сферы жизни – от диеты до режима дня. Женщина не должна есть пищу, считающуюся «холодной»: любые овощи и фрукты, а также все охлажденные напитки, включая воду. Считается, что в противном случае ее влагалище навсегда останется растянутым и вялым и уже не будет доставлять наслаждения супругу. Сухая же и простая пища, такая как жареная рыба, отварной рис, свежемолотый черный перец и изредка цыпленок с имбирем, приготовленный на кунжутном масле, наоборот, повышает температуру тела, что является главным фактором в возвращении вагине эластичности.

По этой же причине молодых женщин заставляют, невзирая на тропическую жару, носить свитера и шерстяные носки. Кроме того, им запрещается делать чересчур широкие шаги из опасения, что может произойти выпадение матки. Все это Мак и ее сестры поведали мне совершенно серьезным и даже угрожающим тоном.

Они буквально оцепенели от ужаса, когда через час после родов я настойчиво потребовала холодной воды. Судя по их испуганным взглядам, они ожидали, что моя матка начнет выпадать сейчас же, прямо у них на глазах.

Счастье от рождения сына и относительное спокойствие, установившееся после этого в нашей жизни с Бахрином, было омрачено непрекращающимся страхом за здоровье ребенка. Первые полгода Аддин страдал кровотечениями из кишечника, сопровождавшимися, судя по его крикам, сильными болями. Малышу было всего тридцать дней, когда его впервые положили в Центральную больницу в Куала-Лумпуре для обследования и лечения. Детский врач в Тренгану утверждал, что у ребенка кишечная инвагинация – болезнь, при которой часть кишечника складывается наподобие телескопа; при этой болезни необходимо срочное хирургическое вмешательство, иначе возможен смертельный исход. Я еще кормила его грудью и поэтому настояла на том, чтобы отправиться в больницу вместе с ним. Это привело к тому, что для нас с Аддином в больнице освободили целое отделение. Мне казалось абсурдным занимать огромную палату, в которой обычно располагалось больше двадцати пациентов, но семья твердо заявила, что мы не можем днем и ночью находиться в окружении простых людей.

Санитарное состояние Центральной больницы Куала-Лумпура оставляло желать лучшего: стены в ней были испещренные выбоинами, грязно-красные бетонные полы, тучи москитов, а по периметру здание окружали зловонные сточные канавы. В ванной, примыкающей к нашей палате, обитали полчища тараканов, уборные представляли собой примитивную дырку в полу, по краям покрытую засохшими следами предыдущих неточных попаданий, а душ просто не работал. Как-то утром я проснулась и обнаружила, что мы с Аддином очутились на острове, потому что весь пол вокруг нашей кровати был покрыт десятисантиметровым слоем фекалий: как оказалось позже, ночью у нас на этаже прорвало канализацию. Мне пришлось в открытых босоножках вброд пробираться через благоухающую массу, прижимая к себе ребенка и с трудом сдерживая рвоту.

В Центральной больнице Аддина по очереди пытались лечить почти все врачи, которые посылали его то на одно, то на другое обследование, начиная от рентгена и кончая наружными

осмотрами и пальпациями. Наконец кровотечения сами собой прекратились, и я настояла, чтобы нас отпустили обратно в Тренгану. Следующие несколько месяцев мы прожили довольно спокойно и мирно, будто самая обычная семья. Бахрин относился к болезни нашего сына с сочувствием и тревогой, хотя меня и раздражало его слепое доверие к врачам и еще больше – суеверный фатализм.

Покорность судьбе вообще была основным жизненным принципом в той среде, где я оказалась. Что будет, то будет, говорили они и пожимали плечами, а я скрипела зубами от злости, когда слышала это. Еще чаще они произносили: «*Насыб Тухан*», или «Божья воля». Божьей волей малайцы объясняли все: от триумфов до поражений, а мне каждый раз, когда я слышала эти слова, хотелось схватить их за плечи и потрясти, чтобы хоть как-то пробудить от этой сонной пассивности. Можно позволить змее ужалить вас, но можно ведь и отскочить в сторону, неоднократно пыталась объяснить им я.

Характерным примером подобного фатализма стала история девочки с расщеплением нёба, которая родилась в тот же день и в той же клинике, что и Аддин. Рот крошки был так изуродован, что она не могла удержать ни грудь, ни соску.

Всю ночь я слышала, как несчастный ребенок заходится криком в соседней палате, пока сестры безуспешно пытаются чайной ложкой влить ей в рот немного молока. Девочка могла умереть от голода, и утром я, улучив момент, поговорила наедине с ее матерью.

В ответ на мои участливые расспросы она рассказала, что это их первый ребенок и что они с мужем отдали все свои накопления за возможность родить в частной клинике, потому что процент материнской и детской смертности в Центральной больнице в Тренгану был удручающе высок. Мы немного поболтали о наших детях и о том, как прошли роды, а потом я рассказала ей, что расщепленное нёбо – это дефект, который нетрудно вылечить, и в таких странах, как Англия, Австралия и Соединенные Штаты, эти операции делают давно и вполне успешно. Я даже пообещала, что оплачу ей с дочкой поездку в Куала-Лумпур и лечение. Однако такой рациональный западный подход не нашел у нее отклика. Она посмотрела на меня почти с жалостью и, пожав плечами, произнесла: «*Насыб Тухан*». Эта женщина искренне верила, что ее ребенок родился больным по воле Аллаха. Если Аллах захотел, чтобы у девочки было расщепленное нёбо, простые смертные не должны препятствовать его воле, терпеливо, как неразумному ребенку, объяснила она мне.

Сколько я ни спорила и ни уговаривала, ее решение осталось

неизменным. Я пыталась доказать женщине, что, раз Аллах дал людям мозги и способность мыслить, а врачей научил делать новые операции и совершенствовать свое искусство, значит, он предполагал, что люди станут всем этим пользоваться. Я цитировала Коран и объясняла, что он не запрещает отскочить в сторону от надвигающегося на нас автобуса, но несчастная женщина смотрела на меня с таким ужасом, словно я богохульствовала или предлагала ей вступить в лигу сатанистов. Мои рассуждения пугали ее, и в то же время она словно жалела меня за неумение смиряться с тем, что казалось ей неизбежным. Наш разговор прервался, когда за женщиной приехал ее муж. В окно я наблюдала, как она забирается на мотороллер, одной рукой обхватив мужа за пояс, а другой прижимая к себе девочку. Вскоре они свернули за угол, и я потеряла их из виду. Мне хотелось кричать, кричать и кричать до тех пор, пока население Тренгану не стряхнет свою вялую апатию и не поймет, что на дворе уже двадцатый век. В истории этой крошечной девочки для меня воплотилось все, что мешало мне стать своей в Малайзии – в стране, где человеческая жизнь стоит так дешево, что за нее не стоит бороться. Через несколько дней я узнала, что малышка умерла.

Иностранцы, приезжающие в Малайзию, ничего не знают о том, как на самом деле живут здесь люди. Статус туристов окружает их словно защитным пузырем. Они радуются солнцу, пляжам и морю, наслаждаются экзотической едой, восхищаются гостеприимством и радушием хозяев и богатством культуры. Они даже и представить себе не могут, как не похожа жизнь ненадолго приехавшего сюда почетного гостя или зарубежного делового партнера на жизнь малазийской женщины-мусульманки.

До переезда в Малайзию я тоже не подозревала о существовании такой разницы. Превращение из Жаклин в Ясмин оказалось внезапным и очень болезненным. Оно парализовало мою волю, лишило меня достоинства и самоуважения. А Бахрин с каждым месяцем и годом нашей совместной жизни предъявлял ко мне все больше и больше требований, и они становились все жестче, а я должна была выполнять их все покорнее и безропотнее. Он стремился контролировать все: мою одежду, мою походку, мои мысли. То, что когда-то было моей индивидуальностью, я теперь прятала в самом дальнем уголке сердца и выпускала наружу, только когда оставалась наедине с Аддином. С ним я позволяла себе смеяться, петь, давать волю чувствам и быть самой собой. И чем дольше мы были женаты, тем меньше мой муж уважал и любил меня.

Помимо своей воли я постоянно раздражала его. Мне по-

прежнему плохо давалась организация всяких обязательных церемоний и ритуалов, главным образом потому, что никто и никогда не дал себе труда научить меня, как это делается. Я, например, понятия не имела, как надо устраивать регулярные поминки по усопшему султану, деду Бахрина, необходимые для упокоения его души. Никто не рассказал мне, как договариваться с имамами, как составлять меню для таких церемоний, как выбирать коз, которых потом надо было резать, и кому раздавать их мясо в виде милостыни. Бахрин зачастую предупреждал меня о подобных событиях всего за пару дней и очень сердился, когда я пугалась и бежала за советом и помощью к Мак. В такие минуты я чувствовала, что падаю в его глазах совсем низко и, наверное, кажусь ему полной идиоткой.

Необходимость присутствовать на официальных церемониях вроде открытия новой школы или какой-нибудь благотворительной акции уже не требовала от меня такого напряжения, как раньше. На них я всегда могла спрятаться за безупречно подобранными туфлями, сумочкой и украшениями, за идеальной прической и макияжем. Часто в таких случаях мне приходилось сопровождать Эндах, и она всегда подавала мне знаки движением глаз или легким наклоном головы. Но, несмотря на ее помощь, все эти публичные мероприятия или большие семейные сборища оставались для меня настоящей пыткой, и я постоянно неловко съеживалась под прицелом множества глаз. И все-таки на них я чувствовала себя лучше, чем под придирчивым и презрительным взглядом моего мужа.

После рождения Аддина заметно изменилась и интимная сторона нашей жизни. Секс никогда не играл особенно важной роли в наших отношениях с мужем и случался не чаще одного раза в неделю. Но теперь характер нашей физической близости стал совершенно иным: в Бахрине проснулись какая-то иезуитская жестокость и стремление унизить меня. Я начала бояться этого супружеского секса, который теперь больше походил на изнасилование. Бахрин наваливался на меня всей тяжестью и использовал так, словно я была бессловесной резиновой куклой. При этом он осыпал меня издевками и ругательствами и мог ударить, если я осмеливалась хоть немного пошевелиться или подать голос. В таких случаях он зло шипел мне в ухо, что так поступают только белые проститутки и что я – его жена, а не грязная шлюха и должна вести себя пристойно. Когда все кончалось – а обычно это происходило довольно быстро, – он скатывался с меня и сразу же шел в душ, чтобы вымыться с головы до ног. Иногда он заставлял мыться и меня, напоминая, сколько очков *парлара* я за это получу; а иногда я

оставалась в постели, сворачивалась комочком и плакала, слушая, как шумит в ванной вода.

Но еще хуже мне приходилось, когда Бахрин сердился на меня за какую-нибудь большую или малую погрешность или непослушание. Наказывая меня, он обычно накручивал на руку мои длинные волосы и таким образом лишал меня всякой возможности сопротивляться. Впрочем, это было совершенно излишним: к тому времени я уже так боялась мужа, что не осмелилась бы защитить себя, даже если бы могла.

Самым ужасным было то, что все это происходило на глазах у Аддина, кроватка которого стояла в нашей спальне, потому что я все еще кормила его грудью. Однажды Бахрин страшно разозлился на меня за то, что я забыла выключить электрический водонагреватель. Он орал, что я разгильдяйка и бесполезная белая шлюха, несколько раз ударил меня по лицу, смахнул с туалетного столика всю мою косметику и пинком подбросил в воздух корзину с детскими игрушками. Аддин проснулся и заплакал от страха. Он пытался встать на ноги, цепляясь за прутья кроватки, а Бахрин не разрешал мне подойти к нему, чтобы успокоить. Он рявкнул на ребенка, приказывая ему замолчать, а потом уже привычным жестом намотал на руку мои волосы и заявил, что сейчас раз и навсегда отучит меня транжирить деньги мужа. Он сорвал с меня ночную рубашку, несколько раз ударил головой о стену, а потом развернул спиной к себе и прижал лицом к стене так, что я едва не сломала нос. «Вспомни об этом, когда еще раз забудешь что-нибудь выключить», – прошипел он прямо мне в ухо, а потом одним движением вошел в меня через анальное отверстие и начал насиловать. Мне казалось, что меня насквозь пронзает стальной штырь. Я кричала от боли и умоляла его остановиться, но он не обращал никакого внимания ни на мои мольбы, ни на отчаянный плач перепуганного сына. В этот момент я ненавидела Бахрина так сильно, что, наверное, могла бы убить его.

Закончив, он распахнул дверь ванной и, толкнув меня так, что я упала на кафельный пол, презрительно бросил: «Помойся, грязная сука».

Я где-то читала, что в переполненных детских приютах в бедных странах вроде Румынии дети плохо растут и отстают в развитии только потому, что они лишены ласки и самых простых физических проявлений любви. Я очень хорошо это понимаю. Я знаю, что такое до боли в сердце желать, чтобы тебя просто погладили или обняли; я знаю, как хочется прижаться к кому-то во сне и почувствовать тепло другого тела; знаю, как замирает дыхание, когда ждешь и не можешь дождаться поцелуя.

Именно так я и жила с Бахрином и вдобавок обвиняла себя в том, что он не может любить меня так, как мне хочется. Муж использовал ласку как орудие, с помощью которого добивался от меня абсолютной покорности. Он держал меня на голодном пайке, и мне приходилось ждать особого разрешения, чтобы пододвинуться ближе к нему в постели, а от простого пожатия руки я уже чувствовала себя счастливой.

Временами мне казалось, что муж ненавидит самого себя за то, что иногда еще испытывает ко мне приступы сексуального желания, но все-таки я надеялась, что в конце концов смогу заслужить его одобрение. Вся моя жизнь вращалась вокруг стремления заслужить одобрение Бахрина и избежать его неудовольствия. Дома я по его приказу никогда не заговаривала с ним первой. Я не смела проглотить ни кусочка, пока не накормлю его, и подавала ему еду, строжайшим образом соблюдая принятый в королевской семье ритуал; я часами сидела на полу, массируя ему ноги, если он так хотел, – и все это в надежде заслужить хотя бы одну одобрительную улыбку. Власть мужа надо мной была так велика, что я жила в постоянном страхе и сама начинала верить в свою неуклюжесть и никчемность. Я забыла, что такое нормальные, дружелюбные и теплые отношения между людьми, и у меня не было никого, с кем я могла бы поделиться своими сомнениями и страхами. Я жила в своем доме будто в тюрьме; меня окружали люди с совершенно чуждым мне складом мышления, и надеяться на их помощь или сочувствие мне не приходилось.

Только оказавшись в Малайзии, я поняла, что была и остаюсь австралийкой до мозга костей. Теперь единственной моей связью с домом и утешением была подписка на «Vanity Fair» и еще один австралийский женский журнал, которые доходили до меня с двухмесячным опозданием. Я жадно листала страницы и старалась почувствовать и впитать в себя Австралию и весь остальной закрытый для меня мир, но мне казалось, будто события, о которых я читаю, происходят на какой-то далекой планете: я знала о ней и даже видела ее в телескоп, но не могла ни потрогать, ни почувствовать.

Я жила так, словно меня заморозили, а потом дали оттаять ровно настолько, чтобы я могла двигаться и говорить как автомат. Прошло время, и я более или менее научилась подавлять свои эмоции и скрываться под маской Ясмин, жены раджи Бахрина. Муж, безусловно, считал меня своим творением, своей собственностью, приобретенной в результате сделки, пусть и не очень удачной. Он полагал, что надежно запер меня в клетке, и был, разумеется, прав: мне некуда было идти и не к кому

обратиться за помощью. Но иногда даже птичка в клетке может показать характер.

Восьмидесятые годы были эрой аэробики. Лосины, купальники и яркие шерстяные гетры появились в гардеробах многих женщин. Знаменитая американская актриса и королева аэробики Джейн Фонда призывала сжигать жир, и этот призыв эхом отозвался по всему миру. В середине восьмидесятых это эхо через иностранные журналы, видеокассеты и редкие сюжеты на телевидении докатилось и до Тренгану.

Во время визита в Соединенные Штаты Эндах впервые узнала о существовании системы упражнений под музыку, разработанной Джейн Фондой, и привезла с собой ее книгу – настоящую библию для фанатов аэробики. И вот однажды днем, когда мы с Эндах, склонившись над этой книгой, сидели у нее в гостиной, у нас впервые возник план, показавшийся нам самим невероятно дерзким: мы решили организовать класс аэробики для группы женщин, с которыми Эндах обычно играла в бадминтон. Группа состояла из двадцати весьма тучных дам среднего возраста – жен придворных и высших чиновников. Они уже много лет раз в неделю встречались во дворце, чтобы немного поиграть в бадминтон, а главным образом – посплетничать. Эндах решила, что занятия будут проводиться два раза в неделю в дворцовом зале для бадминтона, а инструктором стану я, потому что только у меня имелся некоторый опыт занятий фитнесом. Для очистки совести я напомнила подруге, что балет и аэробика – это далеко не одно и то же, но долго спорить не стала и с радостью приняла предложение, дававшее мне возможность подвигаться под музыку и внести разнообразие в свою монотонную жизнь. Эндах пообещала, что сама договорится обо всем с Бахрином и Мак. Мысль, что Бахрин не посмеет отказать своей тетке и супруге султана, доставила мне немало удовольствия. Приятно было сознавать, что нашелся кто-то поважнее и помогущественнее моего мужа.

Мне удалось раздобыть пиратскую видеокассету с записью упражнений, и, готовясь к занятиям, я несколько раз внимательно просмотрела ее, обращая особое внимание на технику тренировок. Физическая подготовка и гибкость моих подопечных дам вызывали у меня сильные сомнения, и к тому же я опасалась, что многие из них просто упадут в обморок, когда узнают, что от них требуется. В итоге я разработала собственную систему упражнений, гораздо более щадящую, чем у Фонды, но все-таки включила в нее некоторые элементы с кассеты и заранее записала громкую и энергичную танцевальную музыку.

В первый день занятий я приехала во дворец и направилась в

зал для бадминтона, который во времена, когда о видео еще не слыхали, служил для королевской семьи еще и домашним кинотеатром. Внутри я обнаружила Эндах, окруженную группой из двадцати довольно крупных и трещащих как сороки дам, одетых в странную смесь из традиционных кафтанов и мужских спортивных костюмов «Адидас». Все высокие, от пола до потолка, окна зала были плотно занавешены, а дверь за мной сразу же закрыли на ключ, чтобы никакой нескромный мужской взгляд не проник сюда. Эндах предусмотрела все: музыкальную систему, коврики для упражнений и даже няню, чтобы присматривать за Аддином, пока я веду занятия. Оставалось только начать. По залу пробежал испуганный вздох, когда я сняла верхнюю одежду и осталась в своем балетном трико и лосинах, к счастью уцелевших с тех пор, когда я занималась танцами. Судя по реакции дам, можно было подумать, что я стою перед ними обнаженная.

Они быстро заняли свои места и, похоже, горели желанием приступить к делу. Во время первой серии упражнений я ходила между своими подопечными, исправляя ошибки и пытаясь добиться, чтобы они двигались в такт музыке. Топуан Фарах, одна из самых бойких дам в группе, громко заявила, что она видела пиратскую копию видео Джейн Фонды и что по сравнению с кассетой наши упражнения чересчур легкие; она была полна решимости «сжигать жир». У меня не хватило твердости и тренерского навыка, чтобы остановить Топуан, и она, а вслед за ней и другие дамы начали выполнять упражнения столь энергично, что зал скоро стал напоминать парильню в бане. Я пыталась убедить их, что неразумно так резко и без всякой предварительной подготовки увеличивать нагрузки, но они, похоже, не верили ни одному моему слову. Наблюдая за их стараниями, я не сомневалась, что завтра всем моим спортсменкам придется расплачиваться за свой энтузиазм болью в непривыкших к таким издевательствам мышцах.

Занятия закончились десятиминутной серией расслабляющих упражнений, на которых я все-таки настояла, а потом, не веря своим ушам, я услышала, как Эндах приказывает подавать закуски. Вошедший в комнату лакей поспешно снял снежно-белые покрывала с нескольких длинных столов, на которые я раньше не обращала внимания, и под ними оказались огромные блюда со сладостями, пирожками и пирожными, графины со сладким напитком из молока и сиропа, а также серебряные кофейники и чайники. Я не могла прийти в себя от изумления. Каждая калория, только что сожженная моими дамами, прямо у меня на глазах возвращалась обратно в тройном размере. Борьба с лишним весом заканчивалась настоящим праздником обжорства.

Весь следующий день до меня доходили слухи, что многие мужья, принадлежащие к высшим слоям местного общества, не могут понять, почему их жены вдруг разучились ходить, сидеть и передвигаться по дому. Потом несколько участниц занятий позвонили мне сами и сообщили, что из-за неожиданного онемения всех мышц не могут встать на колени и должным образом совершить молитвы. Должна признаться, что не удержалась от искушения напомнить, что я предупреждала их о возможных последствиях. Но в целом занятия аэробикой очень понравились Эндах и ее подругам и потом продолжались еще много месяцев, причем энергичная тренировка каждый раз заканчивалась щедрым угощением.

30

Болезнь Аддина неожиданно вернулась, как только ему исполнилось полгода. Я очень испугалась и, испытывая сильное недоверие к местным врачам, твердо решила, что на этот раз должна отвезти ребенка в Мельбурн и показать специалистам. Бахрин бесился и ругал меня за недоверие к малазийской медицине и за паникерство, но, к счастью, меня поддержала Мак, которая тоже считала, что причину кровотечений у ее внука следует выяснить как можно быстрее и желательно в Австралии. А я точно знала, что не позволю безграмотным докторам в Куала-Лумпуре еще раз ощупывать моего малыша.

В конце концов Бахрин уступил, вспомнив, что Аддину медицинское обслуживание в Австралии должно предоставляться бесплатно. Он буквально расцвел, когда сообразил, что лечение сына не будет стоить ему ни пенса. Сразу после рождения Аддина мы с Бахрином решили, что он должен быть гражданином Австралии. Бахрин очень хотел, чтобы наш сын, как и он сам, получил образование в Мельбурне, а к тому же мы с ним не исключали возможности, что когда-нибудь поселимся в Австралии. Поэтому свидетельство о рождении Аддина с согласия султана нам выдали в австралийском посольстве в Куала-Лумпуре. Тем не менее мне было противно смотреть, как торжествует Бахрин, у которого денег было более чем достаточно и который за месяц тратил на свой гардероб больше, чем пришлось бы заплатить за все лечение.

Вышло так, что в Мельбурн я летела вместе с султаном и его семьей: они отвозили в австралийскую частную школу двух младших дочерей, Иму и Анну. Только расставшись с ними в аэропорту, я наконец-то почувствовала себя свободной. Несколько дней и ночей мне пришлось провести на стуле рядом с кроваткой Аддина в Королевской детской больнице Мельбурна. Я не хотела оставлять его там одного, во-первых, потому что еще кормила грудью, а во-вторых, потому что малыш начинал плакать, как только терял меня из виду. Через пять дней, после бесконечных анализов и обследований, кровотечения прекратились, а специалисты объявили мне, что, скорее всего, они были вызваны выходом из кишечника полипов. Врач предписал мне тщательно следить за диетой Аддина, заботиться о том, чтобы у него не случалось запоров, и как можно дольше кормить его грудью, потому что коровье молоко часто вызывает у детей аллергию. Когда мы выписались из больницы, у меня на душе уже было гораздо спокойнее, и я испытывала искреннюю благодарность к

врачам, наконец-то поставившим диагноз. Сразу же из больницы мы с Аддином отправились к его прабабушке, которую он еще никогда не видел.

Бабушка не могла нарадоваться на своего правнука и старалась проводить с нами все время, пока мы оставались в Мельбурне. Потом на несколько дней к нам присоединился Бахрин, и ненадолго он опять превратился в того человека, в которого я когда-то влюбилась. Он словно проснулся после долгого сна. Мы подолгу разговаривали, обедали в ресторанах, вместе ходили по магазинам и, взявшись за руки, гуляли по улицам, только на этот раз Бахрин гордо толкал перед собой коляску с Аддином.

Перед моим отъездом Эндах вручила мне крупную сумму наличными и длинный список вещей, которые я должна была купить для нее в Австралии: вечерние туфли из золотого кружева от Маноло Бланик, атласные черные туфли от Сальваторе Феррагамо, две маленькие вечерние сумочки: одну из белого шелка, расшитого бисером, а другую – из золотистого металла, обе от Диора, и еще многое другое. Бахрин не возражал против того, что я делала покупки для Эндах, поскольку благодаря этому я не вмешивалась в его собственную оргию шопинга.

Несколько недолгих дней я наслаждалась жизнью на полную катушку: носила джинсы и свитера, ходила быстро и широко шагая, чувствовала себя самым обычным человеком и объедалась пиццей, пока меня не затошнило. Но очень скоро пришло время возвращаться в мою душную тюрьму. У меня разрывалось сердце, когда я прощалась с бабушкой, которая теперь долго-долго не сможет увидеть своего правнука. В ту самую секунду, когда мы вышли из самолета в аэропорту Куала-Лумпура, мой муж опять превратился в холодного и неприязненного малазийского Бахрина, к которому я уже успела привыкнуть.

Весь период между первой и второй беременностью запомнился мне как непрерывное стремление угодить мужу. Я все еще старалась доказать ему и себе, что нас связывает нечто большее, чем общий адрес и общий ребенок. Оглядываясь сейчас на то время, я вспоминаю только, как нервно суетилась в присутствии Бахрина и как безуспешно пыталась достучаться до его сердца и заслужить хоть одно доброе слово. Но больше всего мне хотелось услышать от него, что он счастлив. Счастлив, потому что мы женаты, счастлив, потому что у нас есть сын, и, самое главное, счастлив, потому что у него есть я. Иногда, когда неуверенность и одиночество становились совсем невыносимыми, я даже осмеливалась спросить у него, счастлив ли он, а потом,

затаив дыхание, с надеждой ждала, что сейчас он повернется ко мне, просияет улыбкой, заключит меня в объятия и воскликнет «да!». Разумеется, такого никогда не случалось. Вместо этого Бахрин пожимал плечами и равнодушно отвечал: «Я доволен. Этого вполне достаточно». А я чувствовала себя так, словно он ударил меня. Доволен… Какое равнодушное и холодное слово, в котором нет ни тени страсти, любви или надежды. Он произносил его так, словно хотел сказать, что давно уже не ожидает от жизни со мной ничего хорошего и тем не менее готов терпеть ее со стоицизмом, достойным восхищения.

Однако, даже когда Бахрин был «доволен», он ни на минуту не ослаблял контроля надо мной и моей жизнью. Напротив, в такие периоды он еще острее чувствовал, что я принадлежу ему со всеми потрохами. Даже такие простые вещи, как собственный банковский счет, были для меня совершенно недосягаемы. По словам Бахрина, об этом не могло быть и речи, поскольку я сама ничего не зарабатывала. Он был единовластным хозяином в доме, а мне, по его мнению, нельзя было доверить даже чековую книжку для домашних расходов: право выписывать чеки принадлежало только мужу. Он ежемесячно выдавал мне небольшую сумму наличными, из которой я платила жалованье прислуге и закупала продукты. На любые дополнительные расходы деньги приходилось долго и унизительно выпрашивать. Когда наш бак для питьевой воды совершенно заржавел и пришел в негодность и нам пришлось устанавливать новый, Бахрин несколько дней бушевал и кричал, что это моя вина. Я якобы специально изобрела предлог для покупки нового бака, потому что ленивая австралийка и жить не могу без новых вещей.

Когда бак все-таки установили и присоединили к нему трубы, Бахрин вдруг отказался платить и, чтобы прекратить споры, быстро собрался и уехал из Тренгану «по делам». Мы с Мак не знали, что делать, – нам обеим было известно, что, если Бахрин принял решение, ничто не заставит его передумать. Мак поворчала, что ее сын всегда, даже в детстве, был *кедукут*, то есть жадным, и мы принялись размышлять, где же нам добыть семьсот ринггитов. Все подаренные мне на свадьбу деньги из *хантар-беланджара* были давно уже истрачены на новую электрическую плиту, холодильник и мебель. Единственное, что мне оставалось, – это продать что-нибудь из моих украшений. Мак обо всем договорилась и подыскала посредника, чтобы не раскрывать подлинное имя владельца. Впоследствии мне неоднократно приходилось прибегать к этой мере, когда Бахрина одолевал очередной приступ скупости и он, обвиняя меня в неумеренном транжирстве, отказывался выдавать мне деньги на хозяйство или

оплачивать счета за электричество и телефон. Однако когда из-за недостатка средств мне приходилось урезать наше меню, он не только отчитывал меня за неумелое ведение хозяйства, но мог и ударить.

За все время, проведенное в Тренгану, я так и не смогла привыкнуть к тому, что творится на местных рынках. Они оказались совсем непохожими на чистые и оборудованные холодильниками и металлическими прилавками помещения, в которых я покупала продукты в Австралии. Я нигде не видела такой невероятной грязи и антисанитарии, как на местных продуктовых рынках с их смердящей открытой канализацией и горами облепленного мухами мусора, громоздящимися в непосредственной близости от рядов с пищей. Баки с мясными отходами и гнилыми фруктами тряслись как живые, потому что крысы устраивали в них драки за самые лакомые куски. Никаких холодильников для мяса и рыбы здесь не было и в помине, а о прилавках из нержавеющей стали никто не слышал. Говядина считалась в Тренгану редким деликатесом, импортировалась из Америки и Австралии, а потом самолетом доставлялась из Куала-Лумпура, и получить бифштекс можно было только в самых дорогих отелях.

Мясо и свежие фрукты вообще были самым дорогим товаром на рынке, и простые люди почти не могли позволить себе ни того, ни другого. Самым распространенным в Тренгану было буйволиное мясо, жесткое, как старый башмак, и далеко не всегда свежее, которое ели, однако, и в королевской, и в обычных семьях. К тому же его не разделывали на привычные мне порционные куски – такие как вырезка, лопатка или огузок. Вместо этого на прилавках лежали большие кучи искромсанного мяса, срезанного с неизвестных частей тела животного. Курицы стоили очень дорого, и их забивали и ощипывали прямо на глазах у покупателя. Я старалась их не покупать из-за подозрительной пухлости, вызванной, несомненно, тем, что их щедро пичкали антибиотиками и стероидами, что было вообще очень распространено в Малайзии. От этих препаратов несчастные птицы раздувались до такой степени, что между мясом и кожей образовывалась прослойка из желтоватой жидкой массы. Основой малазийского меню являлась рыба во всех видах: от высушенных анчоусов до стейков из тунца.

В главном зале центрального рынка Тренгану на старых каменных прилавках торговали буйволиным мясом и рыбой, креветками, неощипанными курицами и изредка – кусками козлятины. По прорезанным в камне сточным канавкам стекала вода, смешанная с кровью, рыбьей чешуей и потрохами. Овощи,

фрукты, орехи, рис, сладости кустарного производства и сезонные деликатесы – такие как черепашьи яйца или плоды дуриан – продавались снаружи, прямо под открытым небом. Сморщенные старухи на корточках сидели рядом со своим товаром и визгливыми голосами зазывали покупателей. На ногах у старух были пластиковые шлепанцы с открытыми носами, а их зубы почернели от постоянного пережевывания орехов бетель. Все мои родственницы дружно убеждали меня, что я не должна ходить на продуктовый рынок. Они сами скорее умерли бы, чем показались в таком месте. За них все покупки совершали шоферы или слуги. Должна признаться, что, несколько раз сходив за продуктами в сопровождении служанки, я тоже с удовольствием передоверила эту обязанность нашей кухарке, хотя та постоянно все путала. Очень немногие из слуг королевской семьи были грамотными.

Тенку Залия, моя свекровь, настаивала, чтобы еду для нас готовили в *дапуре* – кухне, находящейся вне дома и представляющей собой хижину, негодную ни для жилья, ни тем более для приготовления пищи. Но Мак терпеть не могла запаха стряпни, а к тому же она предпочитала, чтобы кухарки пользовались керосинками, а не газовыми плитами, чего, разумеется, не стоило делать в жилых помещениях. В ее доме имелась и кухня, устроенная по европейскому образцу, с холодильником и электрической плитой, но там она только разогревала блюда и готовила еду для своих кошек. В зависимости от настроения Мак у нас были то две кухарки, то одна общая. Свекровь считала своим неотъемлемым правом и обязанностью нанимать и рассчитывать не только своих, но и наших слуг, и довольно часто делала это без всяких оснований, просто повинуясь минутному капризу.

Хотя за все время моего пребывания в Малайзии я не видела от Мак ничего, кроме доброты и поддержки, жить так близко со свекровью было все-таки нелегко. Она приходила в мой дом и уходила из него, не дожидаясь приглашения, и, видимо, считала, что и я должна поступать так же. В тех редких случаях, когда Бахрин брал нас с Аддином с собой в Куала-Лумпур, возвращаясь, я обязательно обнаруживала, что свекровь взяла на себя труд переложить все мои вещи в шкафах или переставить мебель. Она, не смущаясь, перебирала даже нижнее белье, а иногда устраивала ревизию моего гардероба и отдавала вещи, которые считала ненужными, бедным. Этикет запрещал мне жаловаться или выражать неудовольствие. Однажды я все-таки не сдержалась, и после этого Мак не разговаривала со мной несколько недель и общалась только через сестер или слуг. Я должна была быть не просто тактичной – я должна была быть немой.

Еще в самом начале своей новой жизни я поняла, что, оставшись без поддержки свекрови, очень скоро стану парией в королевской семье. К тому же строптивую невестку могли легко поменять на новую, более покладистую. Безоговорочная поддержка, которую всегда оказывала мне Тенку Залия, и дружба с Эндах – вот два фактора, которые в глазах семье перевешивали многие мои недостатки. С такими защитницами я могла не опасаться, что кто-нибудь посмеет относиться ко мне с пренебрежением.

Мак курила одну сигарету за другой и маниакально любила мыться; она проводила в ванной по два-три часа каждый день. Ни разу в жизни она не приготовила ни одного обеда, не постирала своего белья, не прочитала ни одной книги, кроме Корана и религиозных трактатов. Она обожала кошек, и у нее во дворце жило пятнадцать наглых животных, которым разрешалось абсолютно все. Тенку Залия, дочь султана Тренгану и короля всей Малайзии, у которого было четыре жены и десяток детей, с детства прониклась верой в неоспоримое мужское превосходство, и эта вера накладывала отпечаток на каждое ее слово и поступок. Она росла в атмосфере дворцовых интриг, сплетен и соперничества. Ее властный отец контролировал каждый шаг своих детей и внуков, нисколько не задумываясь о том, как они будут жить, когда его не станет. В результате подобного воспитания девочки в королевской семье выросли совершенно беспомощными, и единственным выходом для них было прямо из-под власти отца перейти под власть выбранного им мужа.

Мак никогда в жизни не занималась домашней работой и воспринимала ее скорее как развлечение, чем как докучную обязанность. Как-то она, например, решила, что забавно будет самой постирать собственную одежду, и, высыпав в крошечный тазик целую коробку порошка, взялась за свое шелковое платье. Я, ее сестра Зейна и слуги с улыбкой наблюдали за тем, как, почти скрытая горой пены, она старательно трет тонкую ткань и сама смеется над тем, что занимается таким обычным женским делом.

Над своим первым внуком Мак кудахтала будто курица, и к ней охотно присоединялась тетя Зейна. Когда Аддин был совсем маленьким, мне приходилось постоянно присматривать за ними, потому что обе женщины понятия не имели об элементарных требованиях детской гигиены и даже не умели правильно держать младенца. Ни одна из них лично не заботилась о собственных детях. Целая бригада служанок и нянек, нанятых султаном, меняла пеленки, кормила малышей из бутылочек, а в остальное время почти не обращала на них внимания.

Я хорошо помню забавный эпизод, который произошел вскоре после рождения сына. Я срочно пекла печенья и пирожные к празднику Хари-Рая и была очень занята, а Мак с тетей Зейной вызвались поменять Аддину подгузник. Решив, что с такой несложной операцией они должны справиться, я вручила им малыша. Когда прошло уже три четверти часа, а эта троица все еще не вышла из спальни, я заволновалась и пошла посмотреть, что там происходит. В спальне я обнаружила двух красных от смеха и смущения женщин, Аддина, который все еще лежал на пеленальном столике с голой попкой, и горы испорченных памперсов на полу. Оказалось, что каждый раз, пытаясь всунуть младенца в памперс, две эти взрослые женщины пачкали липучки детским кремом, после чего подгузник, разумеется, не застегивался и его приходилось выбрасывать.

К сожалению, Мак была склонна к ипохондрии и чересчур увлекалась антидепрессантами, которые считала панацеей от тоски и скуки. Она признавалась мне, что очень сожалеет о том, что так мало знает своего сына, но понятия не имеет, как наладить с ним контакт теперь, когда Бахрину исполнилось уже двадцать восемь лет.

Оставаясь наедине со мной, Бахрин не скрывал своего презрения к матери. Он часто говорил мне, что разговаривает с ней и оказывает ей знаки внимания только потому, что так велит Коран. Жаль, что Коран не предписывал ему испытывать к матери искреннее уважение и любовь. Мак, несмотря на то что Бахрин регулярно снабжал ее деньгами и всегда был безукоризненно вежлив, конечно же, чувствовала его истинное отношение и часто жалела, что не заботилась о нем в свое время так, как я забочусь о ее внуке. Но у покойного султана был крутой нрав, и никто не смел противоречить ему и установленным им правилам.

Мак искренне старалась укрепить наши с Бахрином отношения. Правда, использовала она для этого единственный известный ей способ: каждый раз, заметив признаки его очередной измены, она волокла меня к какому-нибудь модному *бомоху* – колдуну или знахарю, который в тот момент пользовался доверием женщин из их семьи. Как я ни протестовала, как ни доказывала, что не верю этим мошенникам, Мак продолжала настаивать, и я в конце концов покорялась. В итоге мне приходилось тащиться с ней в какую-нибудь дальнюю деревню и встречаться там с разнообразными мошенниками, выдающими себя за целителей разбитых сердец. Мистицизм *бомохов* уходил корнями в древние малайские традиции, и поэтому его не одобряли представители ислама. Чтобы их амулеты и колдовские напитки не отпугивали богобоязненных

клиентов, *бомохи* бормотали строки из Корана, когда готовили свои зелья или сжигали фотографии – все во имя Аллаха! За эти труды они получали очень приличное вознаграждение.

Меня всегда поражали популярность *бомохов* и доверие, которое испытывали к ним местные жители. Малайцы – очень суеверный народ. Даже самые образованные из них не отрицают существования *джиннов*, или духов. *Джинны*, объяснял мне Че Гу Али, мой религиозный наставник, обитают по всей земле, их вызывают специальными заклинаниями, и они могут доставить человеку массу неприятностей, если их обидеть. Именно поэтому над входной дверью и прибивают таблички со строками из Корана: они призваны защитить дом и его обитателей от злых духов. Надо добавить, что Че Гу Али верил не только в *джиннов*, но и в то, что высадка на Луну экипажа «Аполлона-11» – всего лишь видеотрюк, снятый в голливудских декорациях. Он утверждал, что это «очередное мошенничество лживой американской пропаганды» и что ни один истинный мусульманин никогда в него не поверит.

31

Аддин быстро рос и с каждым днем становился все очаровательнее и умнее. У него были чудесная улыбка и звонкий смех. Мы часами валялись на моей широкой кровати, и я читала ему сказки и пела детские песенки. Ему особенно нравилось играть в маленькую свинку, которая пошла на рынок, но мне приходилось соблюдать осторожность и никогда не упоминать свинку в присутствии Бахрина, потому что мусульманский запрет на свинину распространялся даже на детские стихи. Меня огорчало то, что из-за множества религиозных запретов и предрассудков мой сын лишен простых детских радостей, доступных всем его сверстникам в Европе или Америке: он еще ни разу в жизни не копался в песочнице, не возился в грязи, не купался в море и не шлепал по лужам. Поэтому, вызвав очередной переполох в семье, я все-таки настояла на том, что Аддин должен на несколько часов в день выходить из дома и под моим присмотром играть на улице. Ему исполнилось уже почти два года, скоро у него должны были родиться маленький братик или сестренка, и я хотела, чтобы мой сын вырос настоящим, сильным и крепким мужчиной, а для этого необходимо счастливое детство. Скоро любимыми игрушками Аддина стали садовый поливочный шланг и две наши ручные козочки, Ноненг и его мать Сузу.

Я купила их вскоре после рождения Аддина. Мусульманская религия запрещает держать собак, и я решила, что в таком случае на роль домашних любимцев больше всего подойдут козы. Сузу была белой, уже довольно пожилой козой, которую наверняка зарезали бы, если бы я не купила ее вместе с ее сыном – прелестным, озорным и очень ласковым козленком, тоже белым, но с большим темно-коричневым пятном на спине. Он был таким славным и чистеньким, что иногда, когда Бахрин уходил на работу, мы пускали его в дом. К сожалению, Ноненг никак не желал понять, что заходить туда можно только по приглашению, и время от времени влетал в гостиную, вскакивал на диван, громко блеял там и отказывался уходить, пока его не почешут за ухом. В саду для коз поставили специальный вольер, а немного позже к нему пристроили небольшой домик для нескольких куриц, которых я прибавила к своему зверинцу. Соседи не уставали удивляться такому приросту домашних животных, с сомнением качали головами и окрестили меня чудачкой.

Моя надежда на то, что появление сына поможет растопить лед между мной и Бахрином, не оправдалась. Весь вклад мужа в

воспитание Аддина ограничивался редкими семейными прогулками на автомобиле, во время которых мы с Бахрином молча сидели впереди, а малыш обычно спал на заднем сиденье. Бахрин почти никогда не играл и не разговаривал со своим сыном. Муж никак не хотел понять, что ребенка невозможно включать и выключать по собственному желанию. Он мог пару минут повозиться с Аддином, пощекотать его или прокатить на плечах по саду, а потом ему все это надоедало и он уходил, а растерянный малыш каждый раз ударялся в рев, и я потом долго не могла его успокоить. В отличие от меня Аддин еще не понимал, что его отца привлекает только новизна ощущений.

В конце восемьдесят четвертого года я поняла, что опять беременна. Мне был известен точный день и даже час зачатия ребенка – так редки теперь были наши интимные отношения с мужем. Бахрин принял это известие с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в первый раз, и проявил только вежливый интерес к дате, когда должно произойти это событие. Вторая беременность проходила тяжелее, чем первая: она словно высасывала из меня силы и мне все труднее было справляться с энергичным малышом. Хотя Аддин уже ел твердую пищу и пил из кружечки сок, раз в день я все еще кормила его грудью, как посоветовал мне австралийский врач и как предписывал Коран, в котором говорилось, что мусульманская мать должна кормить грудью как минимум два года. К тому же в Тренгану практически невозможно было достать свежее молоко, а у имеющегося в продаже порошкового, как правило, уже давно закончился срок годности. Я собиралась кормить сына до третьего или четвертого месяца беременности, а потом объяснить ему, что молоко скоро понадобится для маленького брата или сестрички. Мне хотелось, чтобы еще до рождения второго ребенка между ними установилась прочная связь, исключающая ревность или соперничество. Я надеялась, что Аддин уже достаточно уверен в моей любви, для того чтобы с радостью принять «своего маленького ребенка», как он сам выражался.

До рождения детей весь день я была занята только Бахрином. После появления Аддина ничего не изменилось, по крайней мере для мужа.

Я вставала очень рано, чтобы проследить за тем, как готовится его завтрак. В зависимости от настроения Бахрин мог совершать или не совершать утренний намаз. Если у него не было аудитории, он обычно молился не слишком усердно. В присутствии же зрителей Бахрин совершал все омовения и коленопреклонения с большим энтузиазмом, переодевался в особый саронг и расстилал молитвенный коврик. За три года

совместной жизни я успела привыкнуть к его лицемерию и показному смирению: сам он утверждал, что достаточно уверен в себе, знатен и умен, для того чтобы заставить людей поверить, будто считает их равными себе. По его словам, он научился этому полезному искусству еще в школе. Религия и смирение – вот главные ключи к успеху в политике и бизнесе, снисходительно объяснял мне Бахрин. Он умело создавал в общественном мнении выгодный ему образ скромного, демократичного, обожающего футбол и религиозного принца. Иногда я с любопытством наблюдала за тем, как ловко муж очаровывает важных государственных чиновников и деловых партнеров, и спрашивала себя, неужели они и правда не видят, что все это – лишь искусный спектакль, задуманный Бахрином для того, чтобы добиться каких-то своих политических целей.

Только после того, как муж уходил на работу, я могла уделить внимание Аддину. Утром он купался, а потом мы играли, и это было самым счастливым для меня временем дня. Аддин обожал плескаться в воде и, наверное, если бы я позволила, проводил бы в ванной весь день. Вскоре после ухода Бахрина к нам присоединялась Мак. Она редко приходила, когда сын был дома: ее пугали его приступы дурного настроения и вспышки гнева – *бекенг*, как она это называла. Мы вместе возились с Аддином, потом его укладывали поспать, а мы с Мак садились читать: она – Коран, а я – английские и местные газеты. Я делала это скорее по привычке, потому что в Малайзии вся пресса подчинялась жесткой цензуре и ничего интересного появиться в ней просто не могло. Я пробегала страницы глазами, выискивая упоминания об Австралии и новости о жизни королевской семьи, большинство из которых я уже знала от наших вездесущих сплетниц.

Бахрин, у которого к тому времени была уже своя архитектурная контора, приходил с работы на ланч, потом недолго дремал и опять уходил. Чтобы как-то заполнить дневные часы, я читала и перечитывала свои книги. Сериалов в Малайзии не показывали, телевидение начинало работать только с четырех часов, а из всех фильмов вырезались сцены даже с самыми целомудренными поцелуями. Книжных магазинов в Тренгану не было, и книги мне приходилось выписывать из Сингапура, Куала-Лумпура и даже из Лондона.

Мою страсть к книгам Бахрин часто использовал как оружие против меня. Иногда за какую-нибудь воображаемую провинность он с садистским удовольствием запрещал мне читать по нескольку дней подряд. Ему было отлично известно, что книги были для меня единственной отдушиной, окном в мир и

любимым отдыхом. Во время очередной вспышки гнева он нередко грозил, что вообще запретит мне прикасаться к ним, что я – единственная женщина в семье, которая читает книги, и что я делаю это специально, чтобы позлить его. Он кричал, что эти «грязные белые книжонки» отравляют мой ум, и без того развращенный «грязным белым» воспитанием. «Грязным и белым» Бахрин теперь называл все – от романов Чарлза Диккенса до позы, в которой я сидела. Я изо всех сил старалась не замечать его гнева и не слышать оскорблений. Мне уже давно было известно, что вступать в спор или защищать себя – значит еще больше злить его, а кроме того, я все еще надеялась угодить своему мужу.

А угодить Бахрину было очень непросто. Он отличался такой мелочностью и придирчивостью, что я постоянно боялась забыть какое-нибудь из тысячи правил и требований. Больше всего беспокойства доставлял мне уход за одеждой мужа. Ею была забита вся наша гардеробная; мои вещи хранились в шкафу в кладовке – для них в гардеробной просто не оставалось места. Несколько полок занимала его обувь: начищенные до зеркального блеска английские туфли, со шнурками и без, шестой размер. Я до сих пор помню звук, с которым Бахрин бросал очередную пару на пол, собираясь обуваться. Этот звук означал, что он вот-вот уйдет на работу.

Я уверена, что эта одержимость одеждой досталась Бахрину в наследство от его деда. Тот тоже отличался безукоризненным внешним видом, а его многочисленные парадные и обычные костюмы до сих пор хранились в особой комнате во дворце. Все точно в таком виде, как было при его жизни: одежда – на вешалках, а тщательно вычищенная обувь – в особых мешочках, предохраняющих от пыли. Правил, касающихся ухода за одеждой, было неисчислимое множество, и Зах, отвечающая за стирку и глажку, жила в постоянном страхе нарушить какое-нибудь из них и рассердить своего хозяина. Рубашки должны были висеть на прикрытых пластиком вешалках, застегнутые на вторую пуговицу, передом на левую сторону. Развешивать их полагалось по цветам: розовые с розовыми, белые с белыми, полосатые с полосатыми, а желтые с желтыми. Также их следовало группировать в соответствии с длиной рукава, то есть розовая рубашка с коротким рукавом – рядом с розовой рубашкой с коротким рукавом и никак иначе. Разумеется, каждая рубашка должна быть накрахмалена и висеть так, чтобы не касаться соседней; если, после того как рубашка месяц провисела на вешалке, на ней появлялась крошечная складка, ее следовало немедленно перегладить. На всякий случай я несмываемой пастой

пронумеровала все рубашки Бахрина цифрами от «1» до «169» – только так я могла точно знать, где в данный момент находится каждая их них. Это пришлось сделать после того, как я заработала несколько пощечин от Бахрина, не сумевшего отыскать нужных ему рубашек, хотя я лично была уверена, что он просто оставил их в Куала-Лумпуре, когда ездил туда по делам.

Для брюк существовали иные правила. Каждая пара висела на отдельной деревянной вешалке с широкой нижней перекладиной, потому что узкие перекладины оставляли на ткани следы. Брюки тоже развешивались по цветам и строго определенным способом – поясом налево, брючинами направо, длина с обеих сторон одинаковая. У Бахрина была отвратительная привычка устраивать внезапные ревизии гардеробной, во время которых я должна была стоять рядом и, дрожа от страха, наблюдать, как он внимательно исследует каждую рубашку и пробегает пальцами по брюкам, проверяя, ровно ли они висят. Чтобы не вызвать неудовольствия мужа, я на всякий случай сама почти каждый день проверяла состояние его одежды.

На четвертом месяце беременности у меня начались такие сильные мигрени, что мне по нескольку дней приходилось оставаться в постели. Я едва могла заботиться об Аддине, и у меня совсем не оставалось сил на то, чтобы следить за порядком в доме. Как-то утром я лежала в комнате с включенным кондиционером и наглухо задернутыми шторами и прижимала ко лбу пакет со льдом. Мне казалось, что из-за невыносимого давления внутри головы у меня вот-вот выскочат глаза. Вдруг в комнату ворвался Бахрин и, схватив меня за руку, потащил за собой в гардеробную.

– Посмотри! Ты только посмотри на это! – возмущался он.

Я не понимала, чего он от меня хочет. Комната кружилась перед глазами, и я едва сдерживала тошноту.

– В чем дело, дорогой? – с трудом спросила я, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Вот! Вот! – вопил Бахрин, тыча пальцем в ряд вешалок с брюками. – Ты, ленивая австралийская шлюха! Ты даже за моей одеждой не способна проследить! Посмотри, как они висят! Разве так я велел? Я хотел их надеть и не смог – у них складка на колене! – Он выкрикивал эти слова с самой настоящей, нескрываемой ненавистью и тыкал мне в лицо голубыми льняными брюками.

– Это нечаянно… это не я… Пожалуйста, послушай меня, – умоляла я. – Это Зах погладила брюки и повесила их, это не я!

– А мне наплевать! Ты обязана следить за слугами. Ты самая настоящая сука! Безрукая белая сука!

Я не видела, как он замахивается тяжелой деревянной вешалкой, но, разумеется, почувствовала удар, который пришелся под левый глаз и в переносицу. Из носа сразу же хлынула кровь, а я согнулась, инстинктивно закрывая живот на случай, если он решит еще раз ударить меня. В эту минуту я думала только о том, как защитить своего будущего ребенка. Я умоляла его успокоиться, напоминала, что я беременна, клялась, что такого больше не повторится и что я сегодня же лично переглажу все его вещи. В ответ Бахрин привычно схватил меня за волосы и поволок в спальню, по дороге осыпая все новыми оскорблениями. Там он швырнул меня на пол, и я лежала, не смея подняться, и пыталась краем платья остановить поток крови из носа, а он продолжал распространяться о том, какая я глупая, бесполезная и ленивая жена. Наконец объявив, что запрещает мне выходить из спальни и что я пожалею, если вздумаю кому-нибудь пожаловаться, муж ушел и запер за собой дверь.

В памяти почти не сохранились те несколько дней, что последовали за этим. Я помню только, что оставалась пленницей в собственной спальне и что иногда ко мне приносили Аддина. Всем родственникам Бахрин рассказал, что я неловко оступилась в ванной и разбила лицо о раковину и что меня все еще мучает мигрень. Мак ни о чем меня не расспрашивала и избегала смотреть мне в глаза. Бахрин мог бы и не предупреждать меня – я и так знала, какая месть мне грозит, если я попытаюсь рассказать кому-нибудь о том, что на самом деле случилось с моим глазом и носом. И потом, он ведь был моим мужем, а я провинилась перед ним – так чего же еще я могла ожидать? Женщина не имеет право протестовать, когда муж наказывает ее, и я уверена, что ни один человек в Тренгану не поддержал бы и не защитил меня.

У меня не хватало ни сил, ни смелости для того, чтобы уйти от Бахрина. Ему удалось разрушить всю мою веру в себя и опустить самооценку почти до нуля. Теперь я и сама считала себя неуклюжей, уродливой и глупой неудачницей, не заслуживающей любви. И все-таки, как это ни смешно, я еще продолжала надеяться, что в один прекрасный день все изменится и Бахрин опять станет тем цивилизованным и вполне европейским человеком, в которого я влюбилась в Мельбурне почти четыре года назад.

Я чувствовала, как растет и зреет внутри меня новая жизнь, и старательно закрывала глаза на то, что моего брака уже практически не существует. Моим единственным утешением были Аддин и еще Эднах, с которой я старалась проводить как можно больше времени. Я чувствовала себя в полной безопасности у нее во дворце, когда шила что-нибудь в специально отведенной мне

комнате с окнами, выходящими на море, или сидела в розовом саду, наблюдая за играющим в тени сыном. После скандала в гардеробной заметно ухудшилось состояние моего здоровья: у меня развилась тахикардия, во время приступов которой сердце колотилось в три раза быстрее обычного. Кроме того, я страдала от сильнейшего токсикоза: меня постоянно тошнило, и я совсем не прибавляла в весе, что было вредно для развития ребенка. Бахрин проводил дома от силы пару вечеров в неделю: он либо работал, либо обедал где-нибудь в гостях, либо уезжал по делам в Сингапур или Куала-Лумпур. А когда он возвращался, я снова и снова старалась вернуть его любовь и сохранить нашу семью хотя бы ради детей, но каждый раз мои попытки заканчивались новой обидой и унижением.

Мак продолжала навязывать мне услуги разнообразных *бомохов*, изготовляющих приворотные зелья, которые надо было подмешивать в еду мужа. Свекровь с благодарностью покупала эти средства и лично добавляла их в кофе Бахрина, оправдывая себя тем, что делает это ради внуков. Если не останется совсем никакого выхода, заговорщицким шепотом говорила она мне, можно будет поехать в северный султанат Келантан к одному новому замечательному *бомоху*, который изготавливает порошки из испачканных менструальной кровью прокладок жены: сначала сжигает их, потом размалывает пепел в порошок, потом читает над ним заклинания и молитвы, и уж это-то средство непременно должно помочь! Она понимает, что прибегать к подобной магии – это смертный грех, но она готова рискнуть ради счастья своих детей и внуков. Я выражала свекрови благодарность за любовь и поддержку и напоминала, что, будучи беременной, я пока не в состоянии предоставить необходимых ингредиентов для колдовского средства, а кроме того, я не совсем одобряю такие методы. Мак тем не менее не сдавалась и то зашивала какие-то талисманы в подушку Бахрина, в результате чего я должна была сниться ему во сне, то притаскивала к нам очередного *бомоха* для того, чтобы он благословил наш дом и отогнал злых духов. Я считала все эти затеи вполне безобидными и не спорила – мне и без того хватало беспокойства. Я не спала ночами, размышляя о том, что ожидает в будущем меня, моего сына и еще нерожденного ребенка.

Бахрин стал все чаще напоминать мне о том, что у меня нет официального малазийского гражданства и что продление моей визы целиком и полностью зависит от его доброй воли. Он угрожал, что по одному мановению его мизинца меня вышлют из страны, а Аддин останется с ним, и я не смогу ничего поделать.

Если я предъявляла Бахрину очевидные доказательства его

очередной неверности, он начинал кричать на меня, называть сумасшедшей и плохой женой и спрашивать, когда же я наконец повзрослею. Моя молодость, которую он считал когда-то самой заманчивой моей чертой и гарантией того, что мною будет легко управлять, теперь потеряла для него всякую привлекательность. Я становилась старше, и, к несчастью, у меня начали появляться собственное мнение и формироваться характер, а раннее материнство только ускорило этот процесс.

Вся моя эмоциональная жизнь ограничивалась теперь двумя состояниями: я испытывала то отчаянное желание вернуть себе любовь мужа и сохранить наш брак, то страх перед неизбежными вспышками его гнева, оскорблениями и насилием. Я начинала лучше понимать, почему все женщины в королевской семье так заботятся о постоянном пополнении своих ювелирных коллекций. Драгоценности были единственной страховкой на будущее: почти никто из них не имел собственных средств или отдельных банковских счетов, и ни у кого не было специальности, позволяющей обеспечить себя. Они жили как под дамокловым мечом: муж в любую минуту мог взять себе более молодую и привлекательную жену и отослать старую в задние комнаты со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая и скудное финансовое обеспечение. Раньше я не понимала, почему все эти женщины так дружно удивлялись моей глупости, когда на деньги, подаренные мне на свадьбу, я покупала мебель для дома и растения для своего сада, вместо того чтобы по их примеру запастись драгоценностями на черный день. Иногда они устраивали специальные приемы, похожие на американские и английские презентации домашней техники, посуды или косметики на дому, но только на них продавались не пылесосы или наборы кастрюль, а украшения, бриллианты, изумруды и рубины. Я присутствовала на одном из таких сборищ и завороженно наблюдала за тем, как торговый агент рассыпал на низеньких столиках жемчуга, драгоценные камни и изделия из золота и платины. Дамы перебирали кольца с бриллиантами и жемчужные ожерелья с таким же ленивым интересом, с каким мы рассматриваем образцы губной помады. Драгоценности для них были всего лишь надежной валютой, вложением средств, против которого не станут возражать их мужья и которое легко превратить в наличность, если возникнет такая необходимость. Печально было сознавать, что все женщины, которых я знала в Малайзии, относились к своему браку с таким фатализмом и настолько прагматично, что заранее готовились к тому неизбежному дню, когда их разлюбят.

32

Жизнь королевского двора в Малайзии представлялась мне сотканной из противоречий, подводных течений и вызывающей роскоши. В ней не было места ни разуму, ни логике. Разница между уровнем жизни султана и его ближайшего окружения и остального населения доходила до непристойности. В королевских гаражах стояли ряды иностранных машин, выкрашенных в вульгарный, но обязательный ярко-желтый цвет царствующего дома: «роллс-ройсы», открытые и закрытые, длинные «кадиллаки» и «мерседесы» – все это только церемониальные автомобили. Кроме того, в гараже находились любимые игрушки младших членов семьи: «феррари», «порше», БМВ и массивные «рэнджроверы», как раз начинающие входить в моду, после того как выяснилось, что именно на них предпочитают ездить члены британской королевской семьи. У всех этих машин были особые регистрационные номера, увидев которые, каждый понимал, кто сидит за рулем. Полиции, разумеется, никогда и в голову не приходило останавливать их за превышение скорости.

Винтажные автомобили пользовались особенной популярностью у старших членов семьи. Все они содержались в безукоризненном рабочем состоянии, хотя на них почти никогда не ездили. Здесь были собраны все лучшие образцы: от классического красного «альфа-ромео-спайдер», принадлежавшего отцу Бахрина, до спортивных «мерседесов» и великолепных «роллс-ройсов» двадцатых годов. Никакой пошлины за ввозимые автомобили члены королевской семьи не платили, поэтому их коллекции постоянно пополнялись. Бахрину и его двоюродному брату. Их сану еще не исполнилось тринадцати лет, когда они стали обладателями прекрасных, сделанных по индивидуальному заказу и собранных вручную спортивных машин – лучших из всего, что могло предложить британское автомобилестроение. Этот подарок они получили во время официального визита их деда, бывшего тогда королем Малайзии, в Иран. Шах Ирана и его супруга Фарах Диба были давними друзьями семьи Бахрина, и их портреты красовались в главном вестибюле дворца Истана Бадария и после того, как к власти в Иране пришел аятолла Хомейни. Омар, вдова покойного деда Бахрина, неоднократно навещала бывшую императрицу Фарах Диба в Соединенных Штатах, где та командовала небольшим, но активным двором в изгнании.

Противоречивость королевского двора заключалась главным

образом в том, что, хоть все они и считали себя правоверными мусульманами и горячо проповедали исламские ценности, образ их жизни далеко не соответствовал религиозным канонам. Об этом знали все, но никто не говорил вслух. Заговор молчания объединял всю семью и нисколько не мешал ей смотреть на остальной мир с точки зрения морального превосходства.

Все правящие дома Малайзии тесно связаны между собой через браки, нередко заключаемые между двоюродными братьями и сестрами. Их представители постоянно встречаются на всяких официальных, светских и религиозных мероприятиях. По выходным молодые холостяки из разных королевских семей нередко организуют совместные развлечения на модных курортах, а потом в газетах иногда появляются сообщения о каком-нибудь произошедшем там в то же время скандале или акте вандализма. Грубое злоупотребление властью и положением вообще довольно обычная вещь в Малайзии.

В семье не привыкли считаться с чувствами и правами людей, в жилах которых не течет королевская кровь. Има, самая свободолюбивая и независимая из дочерей султана, втайне от родителей завела дружбу с простым деревенским парнем, с которым познакомилась, когда убегала из дворца, чтобы поиграть в футбол. К несчастью для юноши, однажды они с Имой договорились встретиться в одной из пустующих комнат дворца на половине ее матери, Шарифы Нонг. Султан, который до этого никогда не нарушал заведенного им самим расписания, по какой-то так и оставшейся неизвестной причине неожиданно явился на половину своей второй жены и прошел прямо в комнату, где Има со своим другом развлекались игрой в карты. Молодые люди были совершенно одеты и сидели по разные стороны стола, тем не менее Его Величество пришел в страшную ярость и избил юношу рукояткой пистолета так, что тот потерял сознание. Мне эту историю возбужденным шепотом поведали тетушки, а они узнали обо всем от Шарифы Нонг, никогда не отличавшейся скромностью. «Слава Аллаху, что он не застрелил этого парня, – подвела итог тетя Зейна, – а то могли бы выйти неприятности».

По утверждению лондонской «Таймс», в Малайзии были и другие случаи, когда члены королевской семьи прибегали к огнестрельному оружию с еще более тяжелыми последствиями. Будучи еще наследным принцем, правитель одного из южных султанатов воспылал гневом, когда какой-то бизнесмен китайского происхождения имел неосторожность обогнать его машину на шоссе. Будущий султан бросился в погоню, заставил ничего не понимающего водителя остановиться, вытащил его из машины и убил выстрелом в голову. Об этом инциденте писала

вся мировая пресса, особенно подчеркивая тот факт, что наследный принц не понес никакого наказания.

Подводные течения королевского двора имели иногда прямое влияние и на мою жизнь. Я выдержала немалую борьбу, для того чтобы получить возможность кормить Аддина грудью. Это считалось почти неприличным, и мне пришлось долго цитировать Коран, прежде чем Бахрин и семья согласились на такое нарушение традиций. Аддин был первым с начала века ребенком в семье, выросшим на материнском молоке. Когда принцесса Диана объявила, что сама станет вскармливать принца Уильяма, это стало мне солидной поддержкой, но все-таки окончательно вопрос был решен только после визита в Малайзию короля Иордании Хусейна и его жены королевы Нур. Королева Нур (американка, которую до замужества звали Лайза Халаби) привезла с собой новорожденного сына, которого не могла оставить дома, потому что тоже кормила его грудью. Придворные, вся наша семья и слуги не могли прийти в себя от изумления и даже не сразу сообразили, как, не нарушая протокола, следует разместить королеву, наносящую официальный визит вместе с грудным ребенком. Я до сих пор благодарна королеве Нур и Его Величеству, ее супругу, за ту поддержку, которую он оказал своей жене в таком важном вопросе. То, что было позволено исламской королеве, не могли запретить и мне.

Очень скоро и другие женщины захотели оказаться в одной компании с королевой Нур и принцессой Дианой. Кормить грудью стало модно, и к тому времени, когда я забеременела во второй раз, уже многие наши родственницы делали это и часто обращались ко мне за советами.

Мой двадцать первый день рождения получился не слишком радостным. Я долго собиралась с силами, для того чтобы последний раз перед родами серьезно поговорить с Бахрином. Я хотела объяснить ему, что только общими усилиями мы можем спасти наш брак. Я боялась за свое будущее, я боялась за нашего будущего ребенка, я боялась за Аддина, который слишком часто становился свидетелем того, как его отец бьет меня, и еще неизвестно, как это все должно было сказаться на нем впоследствии.

Перед тем как обратиться к Бахрину, я долго репетировала свою речь, а пока говорила, изо всех сил старалась сохранять спокойствие. К сожалению, это спокойствие взбесило мужа еще сильнее, чем мои слезы, и он, как обычно, принялся орать, что я ни на что не годная белая сука и что он оказал мне честь,

женившись на мне.

Я не смогла скрыть охватившего меня отчаяния, только усиливавшегося оттого, что внутри у меня толкался его ребенок. Бахрин с отвращением взглянул на меня, развернулся на каблуках и ушел, а я осталась сидеть одна на открытой темной веранде и долго плакала. У меня больше не оставалось надежды, и грудь сжималась от тоски так, что мне трудно было дышать.

Той же ночью я проснулась на рассвете, оттого что Бахрин потряс меня за плечо и сказал, что хочет поговорить со мной. Еще не проснувшись, я прошла следом за ним в гардеробную, где он провел ночь; он опустился на пол, а я села рядом с ним. Муж казался очень взволнованным и, похоже, не знал, с чего начать, а я осторожно молчала, готовясь либо к новому скандалу и ударам, либо к какой-то ужасной новости.

Наконец Бахрин заговорил, и первые же его слова поразили меня.

– Ясмин, – тихо сказал он, – я очень хочу, чтобы у нас была хорошая семья. Я прошу прощения за все, что я натворил, и за то, что я не могу сделать тебя счастливой. – Он волновался все больше и то обнимал руками прижатые к груди колени, то отпускал их. – Иногда я сам не понимаю, что я делаю. Что-то щелкает в мозгу, и я уже не могу сдержать гнев. Когда мы поженились, я мечтал, что у нас будет нормальная семья, я только не знаю, как это сделать.

Он начал плакать, всхлипывая и раскачиваясь точно так же, как делала я несколько часов тому назад.

Его следующие слова надолго остались в моей памяти – они очевиднее других доказывали, что Бахрин никогда не сможет создать нормальную в европейском понимании семью:

– Я жалею о каждом случае, когда поднимал на тебя руку. Я правда очень жалею. Я хочу, чтобы ты была счастлива со мной, но я знаю, что это невозможно. Не в моих силах дать тебе то, чего ты хочешь и заслуживаешь. Тебе нужен мужчина, который будет любить тебя, который станет все время обнимать и целовать тебя; мужчина, с которым ты сможешь смеяться, который будет тебе другом. Я хотел бы найти такого мужчину и подарить его тебе, чтобы ты была счастлива. Но даже если я сделаю это, то все равно останусь твоим мужем и ты по-прежнему будешь принадлежать мне.

Я молчала, ошеломленная этими словами. Мы оба плакали, сидя в темной гардеробной, на полу которой луна рисовала странные тени. Я видела, как по-настоящему страдает Бахрин, и не могла выносить этого. Все так же молча я обняла его и привлекла к себе, к своему животу, в котором шевелился наш

ребенок. Что будет с нами дальше? Был ли этот монолог своего рода катарсисом, означающим, что мой муж опомнился и стал прежним Бахрином, которого я любила когда-то? Я этого не знала. Я прижимала его к себе и изо всех сил надеялась, что он и правда жалеет о том, как обходился со мной, но что в таком случае означали его последние слова? Я так устала и измучилась, и наш ребенок должен был родиться со дня на день. Неужели он играет со мной какую-то злую шутку? Неужели дает понять, что я просто его игрушка и он может отдать меня кому захочет? У меня уже не оставалось сил, чтобы разбираться во всем этом. Мы легли спать там же, в гардеробной, на запасной кровати. Огромная усталость – вот последнее, что я успела почувствовать, перед тем как уснула.

Наша дочь Шах родилась 7 июля 1985 года, меньше чем через двое суток после этого разговора. Крошечное существо с шелковой кожей и мягкими темными завитками на головке появилось на свет после тринадцати часов схваток и непростых родов.

В палате меня оставили совершенно одну: доктор рассчитал, что схватки будут продолжаться еще несколько часов, и уехал домой, чтобы пообедать и сыграть партию в гольф. Расчеты расчетами, но довольно скоро я почувствовала, что роды вот-вот начнутся, и сообщила об этом заглянувшей ко мне сестре. Она уверенно заявила, что я ошибаюсь, но, лично убедившись в том, что я все-таки права, немедленно впала в панику.

Старшая сестра срочно вызвала двух помощниц, простых деревенских девчонок, одетых в белые саронги, и приказала им прижимать меня к кровати и сжимать мне колени, чтобы не давать тужиться до тех пор, пока не вернется доктор. Она была опытной акушеркой, и я умоляла ее принять роды самостоятельно, но она сказала, что не желает лишиться работы и что принимать ребенка королевской крови имеет право только дипломированный врач.

Две девушки навалились на меня всей тяжестью: одна легла мне на грудь, а другая – на ноги, но инстинкт оказался сильнее – я продолжала тужиться, и каждый раз все тело пронзала острая как нож боль. Мой ребенок стремился появиться на свет, несмотря на все их усилия и уговоры. Очень скоро примчался доктор, бросил на меня один только взгляд и едва успел натянуть резиновые перчатки, чтобы подхватить буквально выскочившую из меня Шахиру.

Она не заплакала сразу же после рождения, и я успела заметить, что ее шейка обмотана пуповиной, а тельце – серого

цвета. Затаив дыхание, я ждала хоть какого-нибудь звука, подтверждающего, что моя девочка жива. Наконец, после нескольких минут, показавшихся мне вечностью, Шахира издала громкий вопль, и я заплакала от радости. Доктор положил ее мне в руки, и я прижала ее к груди, а она, нащупав сосок, тут же взяла его в рот. Пока малышка подкреплялась, я разглядывала ее и поражалась тому, какая она хрупкая и маленькая: Аддин был гораздо крупнее и крепче, когда родился. А потом девочка открыла один усталый глаз, внимательно посмотрела на меня, и я поняла, что с этого момента и навсегда мое сердце принадлежит ей – я опять стала матерью.

Через несколько минут в палату вошел Бахрин. Я улыбнулась, протянула к нему руку и немного повернула Шахиру, чтобы он мог ее получше рассмотреть. Бахрин взял протянутую руку, но тут же вернул ее на одеяло и, коротко потрепав меня по колену, посмотрел на нашу дочь.

– Я люблю тебя, – прошептала я чуть слышно и с надеждой заглянула ему в лицо.

– Я знаю, – ровно ответил он, еще раз потрепал меня по колену и пошел к выходу. У самой двери он обернулся, сказал: – Увидимся позже, – и ушел.

Через час после рождения Шах ко мне в палату привели Аддина. Я заранее договорилась об этом с Мак: мне хотелось, чтобы между детьми как можно раньше установилась прочная родственная связь. Аддин вприпрыжку вбежал в комнату и уже собирался броситься мне на шею, но вдруг замер, заметив свою крошечную сестренку. Глаза у него сделались большими, как блюдца, и он даже встал на цыпочки, чтобы получше рассмотреть ее. Наклонившись к сыну, я поцеловала его и привлекла к себе, а он немедленно взобрался на кровать, вызвав этим испуганный возглас у свекрови и тети Зейны, озабоченных моим якобы болезненным состоянием. Не обращая на них внимания, я помогла Аддину усесться поудобнее, положила ему на колени подушку и осторожно передала ему в руки сестренку. Потрясенный Аддин внимательно рассматривал малышку и вздрогнул, когда она вдруг издала тихий писк, открыла глаза и внимательно уставилась на него. Когда же Шахира схватила брата за большой палец, он поднял ко мне счастливое лицо и торжественно сказал: «Это моя сестра. Она такая маленькая, я буду беречь ее».

Этой же ночью я дотронулась до спящей в колыбели девочки и, обнаружив, что она окоченела от холода, взяла ее себе. Я засунула ее под свою ночную рубашку и сверху навалила на нас все одеяла, чтобы согреть ее. Так мы и провели всю ночь: время от

времени она просыпалась, находила грудь, подкреплялась молоком и опять засыпала.

«Раджа Шахира Айшах, – прошептала я, целуя ее в лобик, – о чем же я думала, когда рожала тебя для такой жизни?»

33

Откровенный разговор накануне родов ничего не изменил в наших отношениях с Бахрином – они оставались по-прежнему холодными и отчужденными. Через пару дней после моего возвращения из больницы он на две недели уехал в Куала-Лумпур, не обращая внимания на то, что в семье его поведение уже вызывало сплетни.

В первые же несколько недель жизни Шахиры мне пришлось выдержать нешуточную борьбу со свекровью, вдруг объявившей, что она уже начала подготовку к ритуалу *суннат* и что он обязательно должен состояться до того, как девочке исполнится сорок дней. Я пришла в ужас. *Суннат* – это своего рода обрезание для девочек, иначе говоря, клитородектомия – процедура, во время которой неграмотная деревенская знахарка без всякой анестезии удаляет у новорожденной клитор. Несколько дней я спорила с Мак и тетей Зейной и во время этих горячих дискуссий выяснила, что и моя свекровь и все ее сестры подверглись в свое время такой операции. Только тогда я поняла, чем объясняется их странное отношение к сексу и почему они неоднократно советовали мне лежать неподвижно и безмолвно терпеть, пока муж удовлетворяет свои потребности. Именно так им самим и приходилось поступать всю жизнь. Они никогда не получали от секса никакого удовольствия и скорее всего ни разу не испытали оргазма, хотя и я, конечно, не была особым экспертом в этой области. Попутно и мои родственницы, к своему ужасу, выяснили, что я больше двадцати лет живу на свете необрезанной, а следовательно, нечистой, но, к счастью, с этим они уже ничего не могли поделать.

Я точно знала, что ни при каких условиях не позволю калечить свою дочь и подвергать ее варварской операции. Это традиция пришла в Малайзию из арабских стран, где ее придумали якобы для того, чтобы сдерживать женский темперамент и склонность к разврату. Как мне объяснили, церемония напоминает веселую вечеринку, на которой близкие родственницы ребенка едят специально приготовленные блюда, смеются и сплетничают, а потом к гостям выносят девочку, прикладывают к ее гениталиям кусок льда, заменяющий анестезию, и знахарка у всех на глазах одним взмахом бритвы удаляет клитор вместе с кусочком кожи.

Борьба за спасение дочери потребовала от меня немалой дипломатичности и изобретательности. Прежде всего я бросилась к Бахрину, но тот заявил, что отец ребенка получает за согласие

на подобную операцию несколько очков *парлара*, а кроме того, эта процедура должна благотворно подействовать на темперамент девочки, и та, возможно, не станет похожей на свою мать, когда вырастет. Поняв, что помощи от него не дождешься, я решила искать поддержки не где-нибудь, а в самом Коране. После нескольких богословских споров с Че Гу Али мне удалось доказать им всем, что по законам ислама для девочек *суннат* является не обязательной, а всего лишь рекомендованной операцией, и в Коране о ней даже не упоминается; распространение она получила только после того, как в давние времена ее начал делать один из мусульманских пророков. Победа в этом раунде осталась за мной, но все-таки я не переставала беспокоиться, что, стоит мне утратить бдительность, кто-нибудь из родных тайком искалечит моего ребенка.

Бахрин сумел отомстить мне за упрямство, проявленное в вопросе о *суннате*. Он прилетел из Куала-Лумпура за пару дней до того, как нашей дочери исполнялось сорок дней. В этот день полагалось устраивать праздник, частью которого был и *талил* – поминание покойного деда Бахрина. По традиции отец ребенка приглашал на обед священнослужителей, и те произносили молитвы о здоровье новорожденного и об упокоении его умерших родственников. Огромное количество угощений – карри, рис, соления, маринады и сладости – выставлялось на расстеленные прямо на полу белые скатерти, вокруг которых рассаживались гости, разумеется, только мужчины. Остатки угощения обычно посылались родственникам, а также раздавались бедным.

За день до праздника я с Аддином и малышкой играла в гостиной, когда вдруг услышала испуганное козлиное блеяние. Узнав голос нашего козленка, я выскочила на улицу и увидела сцену, память о которой преследует меня до сих пор. Ноненг за связанные задние ноги был подвешен к балке стоявшего в нашем саду домика, и вокруг него толпились какие-то люди в тюрбанах; чуть в стороне стоял Бахрин.

– Что вы делаете? – ахнула я, увидев, что один из незнакомцев туже затягивает веревку и поднимает козленка еще выше.

– Запасаемся мясом для завтрашнего *талила*, – со смехом ответил Бахрин.

– Нет! Не смейте! Нет! – отчаянно закричала я и бросилась к группе мужчин, но меня, схватив за руку, остановила свекровь.

Я все равно опоздала бы, потому что в ту же секунду увидела, как блестящий нож полоснул по горлу моего любимца и тот издал короткий, исполненный муки крик. После этого во дворе стало совершенно тихо.

– Я ненавижу тебя! Ненавижу! – крикнула я Бахрину, опустилась на землю и заплакала.

Свекровь и подоспевшие слуги помогли мне подняться и увели в дом, и там меня несколько часов безостановочно рвало, и Ноненг с перерезанным горлом все время стоял перед глазами.

На следующий день, когда гости разошлись, Бахрин вошел в спальню с подносом, полным еды, и ледяным тоном приказал мне поесть. Как он и ожидал, я отказалась притронуться к карри, приготовленному из козленка, которого я выкормила своими руками.

Мой отказ, похоже, даже обрадовал Бахрина. У него появился новый повод преподать мне урок. Схватив за волосы, он повалил меня на пол, а сам уселся сверху, крепко прижав мои руки к бокам.

– Ты съешь это вкусное и питательное блюдо! Ты сделаешь так, как я тебе велю.

– Нет!

– Тогда мне придется заставить тебя, так ведь, Ясмин? Зачем тебе обязательно надо все усложнять? – Он взял кусочек мяса и поднес к моим губам. – Я кормил это животное и истратил на него кучу денег, а теперь я просто вернул себе часть этих средств.

Он попытался засунуть кусок мяса мне в рот, а я извивалась, боролась и старалась освободиться, но все безуспешно. Наконец Бахрин сумел разжать мне зубы и втолкнуть мясо, а потом крепко зажал ладонью рот, для того чтобы я его не выплюнула.

– Жуй, сука! Жуй!

Я потрясла головой, и он несколько раз сильно стукнул меня затылком о мраморный пол, с каждым ударом повторяя: «Жуй!»

В конце концов мне пришлось покориться. По его глазам я поняла, что иначе он будет колотить меня головой об пол до тех пор, пока не убьет.

– Теперь глотай, – с удовлетворенной улыбкой скомандовал муж. – Умница.

Я боролась с судорожным приступом рвоты, а Бахрин наконец встал с меня и вышел из комнаты. Через минуту я услышала, как во дворе он заводит свою новую машину и уезжает прочь.

Две или три последовавшие за этим происшествием недели наш брак продолжал разваливаться прямо на глазах. Произошло несколько событий и перемен, после которых мне стало уже совершенно ясно, что он обречен. В кармане Бахрина я нашла чек на ювелирные украшения стоимостью больше десяти тысяч фунтов. Все чаще стала загадочно пропадать его одежда. Все чаще он спешил прервать телефонный разговор и повесить трубку, если

я случайно заходила в комнату. Потом он наложил еще более строгие ограничения на мои передвижения по городу, а вскоре и вовсе запретил выходить из дому, не известив его предварительно по телефону. Теперь я не могла даже сходить подстричься в салон в отеле «Пантай». Мой дом стал совсем уж похож на тюрьму, а потом мне позвонила жена Касима, бывшего одноклассника Бахрина, и последний кусочек головоломки наконец встал на место.

Жена Касима пригласила меня к себе, чтобы рассказать что-то важное. Я ее едва знала, и это неожиданное приглашение удивило и заинтересовало меня. Получив разрешение Бахрина, я захватила с собой обоих детей и отправилась в гости. Мы немного поболтали, а затем женщина положила на низенький столик рекламную листовку с фотографией и откинулась на спинку кресла, молча наблюдая за моим лицом. Это был портрет женщины по имени Элми Саллех – малоизвестной певички из одного ночного клуба в Сингапуре. Ничего не понимая, я вопросительно подняла глаза на жену Касима, и та объяснила, почему решила, что мне надо увидеть это фото. По ее словам, это Бахрин привез Элми из Сингапура в Тренгану и устроил ее певицей в отель «Пантай». Она выступала там несколько месяцев и только недавно вернулась в Сингапур. Все это время женщина была официальной любовницей Бахрина, о чем, похоже, знали все, кроме меня. Жена Касима добавила, что сочла своим долгом, пока не поздно, рассказать обо всем мне.

Я смотрела на фотографию и чувствовала, как внутри закипает бешенство. Эта женщина с коротко, как у мальчика, подстриженными волосами, одетая в обтягивающие лосины из лайкры и крошечный топ, была полной противоположностью мне. Мне, его жене, которая носила только длинные свободные одежды, полностью скрывающие руки и ноги, которая не смела подстричь отросшие до пояса волосы, потому что не велел муж, которой запретили даже заниматься аэробикой во дворце, которая жила в постоянном страхе нарушить какое-либо из мусульманских правил – и ради чего все это?! Ради того, чтобы мой муж спал с вульгарной ресторанной певичкой, к тому же матерью восьмилетнего ребенка? Ради того, чтобы он бил и унижал меня, как последнюю рабыню? Ради того, чтобы он проводил надо мною эксперимент по обращению австралийки в ислам, а сам развлекался на стороне с малайской шлюхой, подцепившей его, потому что в ее кругу было модно иметь покровителя из королевской семьи? А я должна узнавать обо всем этом от совершенно чужого человека, чьи мотивы мне пока не ясны. Может, она сообщила мне эту новость только затем, чтобы

потом обсудить с подругами мою реакцию. Или сделала это из сочувствия и жалости. Или потому, что ей стыдно за своего соотечественника, который так обращается с женой-иностранкой. Я этого не знала и, честно говоря, даже не хотела знать. Я знала только, что мне надо немедленно вернуться домой, выяснить всю правду и положить конец этой ужасной ситуации.

Чтобы Бахрин не мог улизнуть от ответа, я заперла на ключ дверь нашей спальни. На этот раз я не старалась сдерживать себя – мне любой ценой надо было узнать правду. Сначала муж все отрицал и утверждал, что жена Касима оговорила его из зависти. Ювелирные украшения стоимостью десять тысяч фунтов, уверял он, были просто взяткой какому-то чиновнику, а я совсем свихнулась и мое место в сумасшедшем доме. Но на этот раз я решила не отступать. У меня началась настоящая истерика, и, забыв о гордости, я вопила, рыдала и угрожала. Я знала, что борюсь за жизнь и будущее своих детей.

Внезапно я вспомнила о недавнем происшествии, которому до сих пор никак не могла найти объяснения: пару недель назад мой гинеколог обнаружил у меня какую-то инфекцию и прописал пенициллин. Он отказался назвать мне точный диагноз, а вместо этого позвонил моему мужу и о чем-то переговорил с ним. Теперь мне стало ясно, откуда взялась эта инфекция, и я почувствовала себя так, словно меня ударили – мне даже пришлось взяться рукой за дверной косяк, чтобы не упасть.

Я спрашивала мужа, как мог он все эти годы так низко манипулировать мной, как мог заставить меня принять ислам и в точности соблюдать все заповеди этой религии и в то же время изменять мне с малайкой, чье поведение было несравненно более западным, чем мое. Я крикнула, чтобы он не двигался с места, схватила лежащие на бюро большие ножницы и, захватив волосы в кулак, двумя движениями отрезала их, а потом швырнула длинные пряди прямо в лицо Бахрину. Я вспомнила о том, как муж всегда запрещал мне подрезать волосы, а потом использовал их же как оружие против меня. «Больше этого не будет! – истерически кричала я. – Больше не будет!» Если он предпочел мне шлюху с короткой стрижкой, то больше не имеет права указывать, как мне поступать с моими волосами.

Я плакала, я умоляла его, я угрожала, что пожалуюсь дяде-султану и ославлю его поведение перед всеми собравшимися в главной мечети. Я напоминала о его клятве на Коране. На этот раз я не боялась его и твердо решила не уступать.

На шум прибежала Мак и начала колотить в дверь так, что мне пришлось впустить ее. Я тут же, всхлипывая, выложила ей всю эту грязную историю, и свекровь пришла в ужас. Она

набросилась на своего сына, а тот молчал, виновато повесив голову. Не знаю, искренним или нет было его раскаяние, но по крайней мере он больше ничего не отрицал. Мак предупредила его, что никогда не признает ни одну невестку, кроме меня. Она тоже напомнила ему о клятве на Коране и об ответственности, которую он взял на себя, когда женился на мне и в таком юном возрасте увез из родной страны в Малайзию.

Бахрин нервно переминался с ноги на ногу, будто школьник, застигнутый ночью у холодильника. По требованию матери он взял с полки Коран и поклялся, что немедленно разорвет связь с этой певицей и со всеми другими женщинами и отныне постарается жить нормальной жизнью со мной и детьми. Немного успокоившись, Мак отпустила его, а меня обняла, и я, уткнувшись ей в колени, долго плакала о потере своих волос и самоуважения.

34

Некоторое время мы с Бахрином соблюдали нейтралитет и разговаривали друг с другом с подчеркнутой и равнодушной вежливостью. С таким же равнодушием он относился и к Шахире, словно совсем не замечая ее присутствия. Дошло до того, что мне пришлось уговаривать его позировать для фотографии с обоими детьми. Я очень хотела, чтобы наша дочь с самого раннего возраста не чувствовала себя отвергнутой и чтобы у нее сталисьматериальные свидетельства присутствия в ее жизни отца. Что до меня, то я полностью погрузилась в мир своих детей: читала сказки Аддину и, делая круг за кругом, катала Шахиру в коляске по нашему саду. Из дома я по-прежнему почти не выходила.

Эндах испугалась, когда впервые увидела меня с подстриженными волосами. Я была больше похожа на исхудавшее пугало, чем на женщину, вдруг решившую изменить прическу. Она деликатно не стала задавать никаких вопросов, чувствуя, вероятно, что я прихожу к ней, чтобы зарядиться покоем, которого так сильно не хватает в моей жизни. Она молча сидела рядом со мной на открытой веранде дворца или возилась со своими розами, пока я неподвижным взглядом смотрела на море и далекий горизонт.

В конце сентября Бахрин объявил, что дней на десять отправляется в деловую поездку в Индонезию и на Филиппины. Он собирался доехать на своем «мерседесе» до Куала-Лумпура, а там оставить его на станции техобслуживания и дальше лететь самолетом. Мне хотелось расстаться с ним по-хорошему, поэтому я готовила его любимые блюда и старательно упаковывала его вещи, но все это время чувствовала себя так, будто голой сижу в эпицентре шторма и жду, когда на меня обрушится очередная волна.

Что и случилось десять дней спустя, 19 октября 1985 года.

Бахрин вернулся накануне в полночь, сразу же потащил меня в постель и овладел мною с той бездушной жестокостью, к которой я успела привыкнуть за последний год. Он делал мне больно, оставлял синяки и обращался со мной так, словно я была вещью, а не человеком. Утром он попрощался вежливо, но очень холодно и уехал на работу. Не успела его машина завернуть за угол, как я услышала телефонный звонок и побежала в дом. Это была жена Касима. Она опять попросила меня приехать к ней, и я опять согласилась. Аддин остался с бабушкой, а Шахиру я устроила в специальной люльке на заднем сиденье. На этот раз жена Касима оказалась дома не одна: кроме нее в комнате

находились ее свекровь и золовка. Они попросили меня присесть, и некоторое время мы все молчали. Поняв, что я не собираюсь ни о чем спрашивать, жена Касима оглянулась на двух других женщин и, не говоря ни слова, положила передо мной газету. На открытой странице была большая статья и фотография. Я похолодела, а комната вдруг начала крутиться перед глазами, но я все-таки взяла газету и попыталась вчитаться в малайские слова. Впрочем, мне вполне хватило фотографии и заголовка.

Он гласил: «Элми тайно выходит замуж за молодого принца из Малайзии». На фотографии улыбающаяся певица в полном *баджу-курунге* сидела рядом со своим толстым восьмилетним сыном и держала на коленях свадебный альбом. В тексте статьи говорилось, что Элми познакомилась с молодым малайским бизнесменом в самолете и, когда он узнал в ней известную певицу, между ними завязался роман. Дальше там сообщалась, что даже после замужества Элми не собирается претендовать ни на какое особое положение, что она будет продолжать свою артистическую карьеру и заботиться об их с мужем доме. Ее молодой муж, по утверждению журналиста, был очень застенчив и взять интервью у него не удалось.

Имя жениха ни разу не упоминалось, но я и без того знала, что это Бахрин. Чувствуя, как внутри закипает ярость, я перечитала статью еще раз. У меня не оставалось сомнений, что это интервью давалось специально для того, чтобы его прочитала я; об этом говорил и тот факт, что певичка ни разу не назвала своего мужа по имени и даже не намекнула на то, что у него уже есть первая жена и, следовательно, она сама является лишь официальной сожительницей.

Я схватила Шахиру и, не произнеся ни слова, бросилась прочь из этого дома. Сердце стучало так, словно хотело выскочить из груди. Я решила ехать на работу к Бахрину и там выяснить всю правду. Не помню, по каким улицам я доехала туда; помню лишь, как изменилось лицо секретарши, когда я влетела в офис, выкрикивая имя мужа. Испуганная мисс Лим сообщила мне, что его сейчас нет, но я оставила у нее на столе переносную люльку с Шахирой, а сама направилась прямо в кабинет Бахрина. Там в поисках правды я перерыла все шкафы и все ящики его письменного стола, а когда наконец нашла то, что искала, почувствовала себя так, будто получила безжалостный удар в живот. В подаренной мною дорожной сумке «Лансель» лежали и свидетельство о браке, в котором черным по белому было написано, что на момент заключения брака с Элми Бахрин является холостяком, и свадебные фотографии счастливых молодоженов. Жених на них был в костюме, сшитом из того

самого старинного *сонкета*, что я подарила ему на нашу свадьбу. Кроме того, я нашла в сумке счет из того же отеля, где мы с Бахрином когда-то провели нашу самую счастливую неделю, и фотографии Элми на пляже в точно такой же позе, в какой Бахрин снимал когда-то меня.

После этого я впала в состояние такого яростного исступления, что устроила в кабинете Бахрина настоящий погром. Я сорвала со стены его диплом архитектора, расколотила стекло и изорвала документы на мелкие клочки, вспомнив, как, согнувшись над машинкой, сидела на полу нашего дома в Мельбурне и помогала мужу готовиться к защите. Я по очереди разбила и порвала все старинные персидские рисунки, которые сама же носила окантовывать. Я разбросала по полу и постаралась испортить всю одежду из сумки, с которой он ездил в свадебное путешествие. Утолив немного свой гнев, я выскочила из кабинета и набросилась на сотрудников Бахрина, упрекая их за то, что они неоднократно были гостями в моем доме и в то же время принимали участие в этом обмане. Наконец, велев мисс Лим передать Бахрину, что я жду его дома, я подхватила люльку с Шахирой и вышла из офиса, громко хлопнув за собой дверью. Позже секретарша станет рассказывать всем, что я брала девочку с собой в кабинет и подвергала ее опасности пораниться осколком стекла.

Не вытирая градом катящихся по лицу слез, я устроила Шахиру на заднем сиденье, села в машину и рванула с места так, словно за мной гнались. Доехав до дома, я сразу же отправилась к Мак за Аддином. Свекровь, видимо, уже предупредили о том, что случилось, потому что она ждала меня не одна: вместе с ней в комнате находились Че Гу Али, тетя Зейна и другие. Я с порога выложила им все – и свое горе, и гнев. Почти сразу же за этим во дворе раздался визг тормозов, а потом хлопнуло несколько дверей, и в комнату быстро вошел Бахрин. Он направился прямо ко мне и толкнул в грудь так, что я отлетела к противоположной стене. Все остальные пытались успокоить его, но он продолжал бушевать и кричал, что я неотесанная белая шлюха, понятия не имеющая о достоинстве и приличиях.

Потом Бахрин объяснил матери, что ничего не знал о том, что его новая жена собирается созвать пресс-конференцию и поведать публике об их свадьбе. Она сделала это по собственной инициативе, и он очень сердит на нее. Оказывается, что муж вообще не собирался рассказывать мне о своем новом браке: он хотел просто жить на два дома в двух разных городах. Не могу сказать, что эта новость меня утешила.

Гнев и присутствие свидетелей придали мне храбрости, и я

начала кричать на Бахрина, называть его всеми известными мне именами и попутно поведала всем присутствующим, что он на Коране поклялся не брать себе другую жену. В ответ муж заорал, что его женитьба – это не мое дело и что я не должна совать нос в дела, которые меня не касаются.

– Не касаются?! – ахнула я. – А почему же тогда он солгал и в заявлении о заключении брака назвал себя бездетным холостяком? Почему женился в другом штате, а не в Тренгану, где для того, чтобы взять вторую жену, требуется письменное согласие первой? Он просто неразборчивый кобель, который думает не головой, а яйцами и набрасывается на любую сучку! Он просто трус и дерьмо!

Тут Бахрин схватил меня за горло и прижал спиной к стене.

– Думай о том, что говоришь, – прошипел он. – Я разведусь с тобой и заберу детей. Я разведусь с тобой, тебя вышвырнут вон из Малайзии, и ты их больше никогда не увидишь. Я не шучу – все так и будет. Я очень долго терпел тебя, Ясмин, но не стоит перегибать палку, не то тебе придется пожалеть об этом.

Все мое будущее ясно представилось мне в это мгновение: моих детей отбирают у меня и отдают на воспитание другой женщине, а я продолжаю влачить жалкую жизнь опостылевшей и ненужной жены в чужой стране – жизнь, в которой не останется ничего, ради чего стоило бы жить. Я и сама понимала, что Бахрин не шутит. В королевской семье нередко случалось так, что у старой и надоевшей жены отбирали детей и поручали их новой, более молодой и свежей. Так было у тети Розиты и Тенку Ибрагима: тетя Розита воспитала двух его детей от другой женщины и теперь железной рукой управляла ими. Я не могла не видеть, как несчастна Эндах, и знала случаи, когда старая и молодая жена были беременны одновременно, что приводило к яростному и жестокому соперничеству.

Я просто не могла больше выносить эту боль и эту жизнь, полную страха и унижений. Не чувствуя ничего, кроме отчаяния, я бросилась на кухню и там попыталась перерезать себе вены кухонным ножом, но мне помешал подоспевший Че Гу Али. Перед тем как потерять сознание, я успела услышать голос мужа, упрекающего Али за то, что тот отобрал у меня нож.

Я пришла в себя в собственной спальне, когда мне принесли Шахиру, потому что подошло время кормления. Аддина забрала к себе тетя Зейна, чтобы дать мне возможность успокоиться и отдохнуть. У меня на кровати сидела Мак. Она держала меня за руку и сокрушалась, что ничем не может помочь мне. Зато, гордо заявила свекровь, она наотрез отказалась знакомиться с певичкой и даже собирается попросить своего брата, султана, чтобы той

навсегда запретили въезд в Тренгану. Ее никогда не примут ни во дворце, ни в том обществе, где мы вращаемся. Ее слова просто отскакивали от меня – я была слишком разбита даже для того, чтобы пробормотать полагающиеся слова благодарности.

Следующие несколько дней прошли словно в тумане, который немного рассеивался, только когда ко мне приводили детей. Одна за другой меня навещали женщины из королевской семьи, смотревшие на меня так, будто я лежала на смертном одре и они пришли проститься. Они осторожно присаживались на краешек кровати, бормотали слова сочувствия и предлагали непрошеные советы, большинство из которых сводилось к тому, что мне следует закрыть глаза на существование второй жены. «Притворись, что ты ничего не знаешь, притворись, что он просто уезжал по делам и сейчас вернулся. Пусть, когда он приходит к тебе от нее, его встречают ласковая улыбка, комфорт и теплая постель», – уговаривали они. Другие смотрели на вещи еще более прагматично и утешали меня тем, что я все-таки остаюсь старшей женой и только мне разрешено присутствовать на дворцовых церемониях. Третьи уверяли, что до тех пор, пока меня не ограничивают в деньгах, одежде и драгоценностях, лучше делать вид, что ничего не происходит. Все участницы этой странной процессии проходили мимо моей кровати, качали головами и в душе благодарили Аллаха за то, что все это случилось со мной, а не с ними.

Бахрин еще долго не разрешал мне выходить из дома. Сначала он вообще запер меня в спальне до тех пор, пока я не приду в себя. Наказание за то, что я поставила его в неловкое положение, было строгим: еду мне приносили только один раз в день, а контакты с детьми свели к минимуму. Потом Мак выпросила для меня разрешение навещать Эндах, и муж согласился, надеясь, вероятно, что подруга научит меня, как смириться со своим новым положением.

Эндах, разумеется, даже не пыталась делать ничего подобного, но все-таки с ней мне становилось легче. Она обнимала меня, а я клала голову ей на колени и плакала, плакала, плакала. Она уговаривала меня поесть, напоминая, что иначе кончится молоко и я не смогу кормить Шахиру.

Однажды из дворца я дозвонилась до посольства Австралии в Куала-Лумпуре. Я описала чиновнику, снявшему трубку, сложившуюся ситуацию и подчеркнула, что мои дети являются австралийскими гражданами. Я сказала, что боюсь своего мужа, и спросила, можем ли мы с детьми получить убежище в посольстве. Из ответа чиновника стало совершенно ясно, что рассчитывать я должна только на себя.

«Миссис Раджа Бахрин, разумеется, вас примут в посольстве, если вы считаете, что вам угрожает опасность, но я должен предупредить, что, если ваш муж потребует, чтобы ему вернули детей, мы выполним его требование. Простите, но мы не можем провоцировать дипломатический конфликт».

Я пыталась спорить с ним и напоминала, что мы все трое – австралийцы, но безрезультатно. Позиция дипломатов была ясна: они готовы помочь мне, но не готовы вызвать неудовольствие местных властей, защищая моих детей. Я машинально поблагодарила чиновника и повесила трубку.

Я проиграла. Больше мне некуда было идти.

35

В первые дни ноября я получила известие, что у бабушки случился сильный удар и она упала с лестницы. В тяжелом состоянии ее положили в отделение интенсивной терапии: у нее было вывихнуто бедро, сломана рука и парализована левая половина тела. Я сходила с ума от беспокойства.

К этому времени мне уже каждый день приходилось терпеть моральные и физические издевательства от мужа. Он входил в спальню, осыпал меня бранью, говорил, что я сама во всем виновата, а когда я пыталась не обращать на него внимания, бил меня по лицу. Все чаще и чаще он грозил, что вышвырнет меня из страны и заберет детей.

Я много раз просила его дать мне развод, но он отвечал, что я принадлежу ему и что он будет решать, что делать с нашим браком. Это превратилось в ежедневную пытку: каждый раз к тому часу, когда ко мне должны были привести детей, я сходила с ума от беспокойства, опасаясь, что Бахрин уже выполнил свою угрозу и я их больше не увижу. У меня запали и посерели щеки, я теряла в весе, но заставляла себя есть, для того чтобы Шах хватало молока.

Узнав о болезни бабушки, я умоляла мужа отпустить меня в Австралию, чтобы, возможно, в последний раз повидаться с ней. Сначала он наотрез отказался и выразил надежду, что она умрет быстро и в одиночестве. Потом обрадовался новому способу мучить меня и говорил иногда, что я могу ехать, но сначала должна решить, которого ребенка возьму с собой, а иногда, что он отпустит меня, но только одну и что я могу не возвращаться, потому что моих детей воспитает его новая жена.

Эти садистские игры продолжались до тех пор, пока султан не упрекнул Бахрина за то, что тот так жестоко обращается со мной, и не посоветовал ему отпустить меня в Австралию с обоими детьми. Бахрин не смог бы продолжать жить в Тренгану, если бы пренебрег этим советом, поэтому очень неохотно он объявил, что мы можем ехать.

В наш дом опять потянулась вереница матрон: они дружно советовали мне поехать в Австралию, повидаться с бабушкой и потратить побольше денег, чтобы утешиться. Они говорили, что мне полезно будет отдохнуть подальше от Тренгану и недавних неприятностей. Некоторые из тетушек давали мне денег, искренне считая, что, когда я накуплю себе новой одежды и украшений, боль пройдет.

Три дня до отъезда превратились для меня в настоящий

кошмар. Отчаяние, овладевавшее мной всякий раз, когда я вспоминала, во что превратилась моя жизнь, смешалось с беспокойством за бабушку, и я непрерывно плакала. Кроме того, слуги, проинструктированные Бахрином, постоянно шпионили за мной и придирчиво проверяли все вещи, которые я укладывала в сумку. Они же по приказанию Бахрина положили в багаж мои малайские наряды.

Муж заявил, что в день моего возвращения из Австралии мы с ним пойдем на свадьбу одного из его кузенов в Куала-Лумпуре. Идея показалась мне совершенно дикой: я даже представить себе не могла, как стану выставлять свое унижение на публичное обозрение. И в то же время я знала, что не посмею ослушаться Бахрина.

Зато я взяла с собой совсем немного украшений. Это был мой маленький бунт. Самые крупные из них остались лежать в дворцовом хранилище, в желтых и красных футлярах, украшенных королевским гербом и восковой печатью, поставленной одним из служащих дворца. С собой я взяла только маленький бриллиантовый гарнитур и те украшения, которые привыкла носить каждый день – кольца, золотые цепочки и короткую нитку жемчуга. Мне осточертело изображать из себя рождественскую елку, покрытую украшениями, выбранными не мной. Хотя Бахрин и приказал, чтобы на свадьбе я сияла и улыбалась так, словно ничего не случилось, я решила, что не стану ничего изображать. Как могу я улыбаться? Как может он требовать этого от меня? Даже теперь, когда все уже было решено, Бахрин иногда вдруг объявлял, что я могу взять с собой только дочь и остаться с ней в Австралии навсегда. Он держал меня в постоянной мучительной неизвестности. Я боялась даже предположить, что случится в момент нашего отъезда. Я могла только молиться, чтобы Господь не разлучил меня с детьми.

Эндах пригласила меня во дворец, чтобы попрощаться. Мы с ней долго сидели рядышком на диване и играли с Аддином и Шахирой. Она попросила меня сфотографировать ее вместе с детьми, а потом прижала к себе и несколько раз поцеловала мою дочь. Потом она крепко взяла меня за руку и сказала, что хочет видеть меня счастливой и не хочет, чтобы я продолжала жить так, как живу сейчас. Она достала из кармана толстую пачку английской валюты и вложила ее мне в руку со словами: «Это для твоей бабушки на случай, если ей что-нибудь понадобится, и для тебя, и для детей. Истрать так, как сочтешь нужным». Я запротестовала, потому что сумма была огромной, и сказала, что на эти деньги куплю ей что-нибудь в Мельбурне и привезу сдачу. Но Эндах покачала головой, улыбнулась и еще раз сказала с

нажимом: «Потрать эти деньги на себя и на детей, Ясмин. Потрать так, как считаешь нужным». Она поднялась, обняла меня, последний раз со слезами посмотрела мне в глаза, а потом повернулась и ушла из комнаты, ни разу не оглянувшись.

А Бахрин по-прежнему играл со мной в свои жестокие игры. Он часто на несколько часов забирал с собой Аддина, а мне предлагал попрощаться с сыном, потому что я больше никогда его не увижу. В последнюю ночь перед отъездом он ворвался в спальню, схватил мальчика, который спал в моей кровати, и перебросил его через плечо. Я умоляла мужа объяснить, что происходит, а он снова сказал, что, может, вернет, а может, и не вернет мне сына.

В этот раз Аддин пробыл с отцом почти двенадцать часов и вернулся ко мне только за час до отлета в Куала-Лумпур. Он вбежал в комнату, а я бросилась к нему и, плача от облегчения, прижала к себе. Все эти ужасные двенадцать часов я, выпрямившись, сидела в кресле и бессмысленно наблюдала сначала за закатом, а потом за восходом солнца.

Наконец раздался стук в дверь, означающий, что машина ждет у крыльца и пора ехать в аэропорт. Бахрин с непроницаемым лицом, подбоченясь, стоял в гостиной. На глазах у него и у слуг я попрощалась с несколькими членами семьи. Обстановка в комнате была невыносимо напряженной. Я не осмеливалась посмотреть мужу в лицо. Он протянул мне руку для поцелуя, а я, не поднимая глаз, присела в глубоком реверансе и дотронулась губами до его запястья. Потом с Аддином и Шахирой мы уселись в «мерседес» и в сопровождении полицейского эскорта отправились в аэропорт.

По дороге я вдруг обнаружила, что машина Бахрина едет следом за нами, и от страха у меня сжалось сердце. Мы уже попрощались с ним, значит, он ехал только за тем, чтобы в последний момент забрать у меня детей. Даже когда в аэропорту он отвел меня в сторону и прошептал: «Ты не нужна мне, подлая австралийская шлюха. Не спеши возвращаться, дай мне отдохнуть о тебя», я все еще не верила в то, что муж даст нам спокойно уехать. А потом, не сказав больше ни слова, он развернулся на каблуках и вышел из здания.

Мы поднялись на борт всего за несколько минут до окончания посадки. Шахиру я крепко прижимала к груди, а Аддина держала за руку. Пока самолет разворачивался и выруливал на взлетную полосу, у меня в голове была только одна мысль: если я останусь здесь, то задохнусь и умру; мне надо уехать, хотя бы для того, чтобы подумать.

В Куала-Лумпуре несколько часов в ожидании рейса я провела в отеле, испуганно вздрагивая каждый раз, когда кто-нибудь проходил по коридору или звонил телефон. Аддин, сидя на полу, играл со своими машинками и не замечал ничего вокруг. В отеле меня навестили еще несколько тетушек, включая и тетю Зейну. Все они тоже совали мне деньги и уговаривали подольше пожить в Мельбурне и дать себе время привыкнуть к новому семейному положению. Я почти не слушала их и думала только о том, что в любую минуту сюда может ворваться Бахрин и забрать детей. Когда из вестибюля мне в номер позвонил конюший султана Майор Шайфи, я едва не выскочила в окно, схватив в охапку Аддина и Шах. К счастью, он звонил только для того, чтобы предложить мне помощь и пожелать счастливого пути.

Когда мы садились в самолет, я еще не разрешала себе верить в то, что все закончилось благополучно. До самой последней секунды я боялась, что Бахрин каким-нибудь образом все-таки сумеет отправить меня в Австралию без детей. Когда самолет наконец покинул воздушное пространство Малайзии, я расплакалась и плакала так долго, что ко мне подошла стюардесса. В ответ на ее расспросы я сумела выговорить только: «У меня умер муж».

На самом деле умер не муж. Умерли все мечты и надежды, которые были у меня когда-то.

36

Этот приезд на родину совсем не походил на предыдущий. В тот раз нас встречали представители австралийского Министерства иностранных дел, разумеется, мы не проходили никакого таможенного досмотра, а у входа в аэропорт нас уже ждали автомобили. Сейчас все было по-другому. Вместе с другими пассажирами нам пришлось долго стоять в очереди к стойке паспортного контроля, что потребовало от меня ловкости жонглера: прижимая к груди Шахиру, я толкала перед собой коляску с уставшим и сонным Аддином и два наших чемодана.

Покончив с формальностями, я поймала такси, и мы поехали в бабушкину квартиру. Всю дорогу я плакала, чем, кажется, очень смущала таксиста, слишком вежливого, чтобы задавать вопросы. В квартире мы только оставили вещи и помчались в больницу. Я не сразу узнала бабушку, а когда узнала, то испугалась: она лежала на казенной кровати, такая маленькая и хрупкая; лицо, покрытое синяками, сильно распухло, и одна рука была в гипсе. Я немного посидела рядом, осторожно сжимая ее пальцы. Аддин в это время ползал по полу, а Шахира хныкала у меня на руках. Больше всего мне хотелось разбудить бабушку, уткнуться головой ей в колени и поведать ей все свои беды, как я делала в детстве. И чтобы она, как тогда, погладила меня по волосам и утешила, и я бы вновь почувствовала себя в полной безопасности. Конечно, я понимала, что это не только эгоистичное, но и невыполнимое желание. Бабушка все еще была без сознания, но даже когда она придет в себя, у нее вряд ли хватит сил на то, чтобы выслушивать мои жалобы. Мы побыли в палате совсем недолго, а потом дети раскапризничались и нам пришлось уйти. Пройдя длинным больничным коридором, мы вышли в серый мельбурнский день.

Когда мы опять оказались в крошечной бабушкиной квартирке, воспоминания обо всем, через что мне пришлось пройти за последний месяц, вдруг навалились на меня – я начала плакать и никак не могла остановиться. Я до сих пор не помню, как мы прожили следующие три дня. Кажется, мы с Аддином питались только молоком и тостами и мне все-таки удавалось как-то кормить Шахиру, но все остальное время я лежала и плакала. Я была так эмоционально истощена, а наше будущее – настолько неопределенно, что я инстинктивно поняла, что лучше сначала выплакать все слезы, а только потом посмотреть в глаза реальности.

Я смогла сделать это только через несколько дней, когда наконец пришла в себя и поняла, что настало время решать, как

же нам жить дальше. От меня зависело будущее Аддина и Шахиры, и только его я должна была принимать в расчет.

Первым делом я позвонила своему старому другу Питеру Уоллесу и рассказала ему обо всем, что случилось со мной за последнее время. Питер посоветовал мне обратиться за консультацией к профессионалам и дал адреса нескольких юридических фирм, а сам тем временем загрузил бабушкин холодильник едой: я сама была еще не в состоянии сходить в супермаркет; всю немногую оставшуюся у меня энергию отнимала забота о детях. К тому времени я весила уже меньше пятидесяти килограммов и сильно ослабла физически, да и соображала с трудом, потому что регулярные приступы отчаяния и страха вконец измотали меня. Тогда я твердо знала, что сама уже никогда не буду счастлива и большее, на что я могу надеяться, – это счастливая и нормальная жизнь для моих детей.

Первая же встреча с юристами из фирмы «Стэдман, Камерон, Миарс и Холл», располагавшейся в сером солидном здании в деловом центре города, вселила в меня уверенность, которой я не чувствовала уже очень давно. Мне сразу понравилась Лилиан Уэбб – юрист, которая консультировала меня, миниатюрная, привлекательная брюнетка с низким грудным смехом и острым как бритва умом. Она очень внимательно меня слушала, прищурившись, записывала что-то в блокнот и задавала острые, четко сформулированные вопросы, требующие точных ответов. Не менее важным было и то, что она, войдя в мое положение, нисколько не возражала против присутствия в ее кабинете Аддина и Шахиры. В конце встречи Лилиан в общих чертах рассказала, к чему мне надо готовиться, если я решусь привести в действие колесо правосудия, и описала примерный ход процесса, а потом объявила, что, по ее мнению, у меня есть неплохой шанс добиться не только права опеки над детьми, но и права не возвращаться в Тренгану и навсегда остаться с ними в Австралии, если, конечно, я хочу именно этого.

Мне предстояло принять важное и очень непростое решение, поэтому я решила вернуться в бабушкину квартиру и ночью последний раз обдумать все «за» и «против». Я была далеко не уверена, что роль одинокой матери мне по силам; мне еще никогда не приходилось вести хозяйство самостоятельно, без помощи прислуги и свекрови. Зато я точно знала, что не хочу, чтобы мои дети росли в атмосфере жестокости и насилия; не хочу, чтобы когда-нибудь Бахрин выполнил свою угрозу и забрал их у меня; не хочу, чтобы моя дочь, когда вырастет, считалась существом второго сорта только потому, что она женщина. Я хочу

всегда быть рядом с ними, хочу видеть, как они растут, и отдавать им всю свою любовь. Я хочу, чтобы они стали независимыми, уверенными в себе и толерантными людьми. И еще я точно знала, что не выживу, если вернусь в Малайзию, а когда умру, уже ничем не смогу помочь Аддину и Шахире.

Утром я позвонила Лилиан Уэбб и сказала, что готова бороться в суде за своих детей – мы приехали домой, чтобы остаться здесь навсегда.

Двадцатого ноября я позвонила Бахрину, чтобы уговорить его приехать в Мельбурн и попробовать уладить все мирным путем, но Мак сказала мне, что он уехал из Тренгану и сейчас живет с Элми. Потом она поинтересовалась, удалось ли мне забыть обо всех своих неприятностях и хорошо ли я провожу время в Австралии.

Теперь я знала, что мне надо делать. Двадцать седьмого ноября 1985 года я в ответ на свое заявление получила судебное постановление о временной исключительной опеке над детьми и о праве остаться с ними в Австралии. Благодарить за это надо было Бахрина, который в свое время настоял, чтобы и Аддин, и Шах получили австралийское гражданство. Ноэль Акман, адвокат, который представлял мое дело в суде, шутливо называл меня принцессой, а я вздрагивала каждый раз, когда слышала это слово, потому что слишком хорошо знала, какая неприглядная реальность скрывается за этим титулом.

Лилиан и Ноэль были прекрасной, сработанной командой. Они поддерживали и ободряли меня каждый раз, когда в суде возникали напряженные моменты. Именно Ноэль с его спокойным взглядом и чувством юмора помог мне сохранить уверенность и решимость в тот день. Должна признаться, в глубине души у меня еще оставалась призрачная надежда на то, что мы с Бахрином каким-то чудом сможем помириться, простить друг другу все ошибки и вместе с детьми жить нормальной жизнью в Австралии, хотя умом я, конечно, понимала, что просто обманываю себя и цепляюсь за последнюю призрачную соломинку.

Четвертого декабря 1985 года я послала свекрови телеграмму, в которой сообщала ей, что не вернусь в Малайзию, как планировала, и что со мной и детьми все в порядке. Я не стала посвящать ее в подробности принятого мною решения, поэтому телеграмма получилась совсем коротенькой.

Я не сомневалась: как только Бахрин узнает, что я не приеду в назначенный день, он, несмотря на ясно выраженное в аэропорту пожелание как можно дольше меня не видеть, придет в ярость и примчится за нами в Австралию. Он не простит мне того, что я поймала его на слове, а значит, нам с детьми лучше на

какое-то время спрятаться. Из бабушкиной квартиры мы на пару недель переехали к моей старой подруге, а я тем временем начала поиски собственного жилья.

Самой главной моей задачей было сделать так, чтобы дети чувствовали себя в безопасности. Аддин практически никогда в жизни не знал покоя и стабильности, и я дала себе клятву, что ему больше никогда в жизни не придется видеть, как бьют его мать. Иногда я пыталась представить себе, как чудесно мы с детьми будем жить лет через десять, как я стану настоящей австралийской матерью, буду ездить на большой машине и принимать участие во всем, что делают мои дети, и эта мечта, хоть и наивная, давала мне силы в такие минуты, когда бывало особенно трудно. В то время у меня не было никакого желания еще раз выйти замуж или как-то выделяться из толпы – я просто хотела влиться в сообщество обычных людей и дать моим детям возможность сделать то же самое.

Возвращение к нормальной жизни далось мне нелегко. Я очень долго не могла привыкнуть даже к тому, что теперь мне можно в любой момент выйти из дома и для этого не надо спрашивать разрешения у Бахрина. С одеждой вначале тоже были некоторые проблемы. Из Малайзии я привезла с собой только несколько костюмов в мусульманском стиле, поэтому в конце концов мне пришлось отправиться за покупками. Я выбрала скромную и довольно длинную юбку, рубашку с короткими рукавами и мешковатые джинсы, но когда первый раз вышла в этой одежде из дома, то чувствовала себя будто голая. Мне казалось, все прохожие в ужасе оглядываются на меня. Только через несколько дней я заново привыкла к западной манере одеваться и уже не боялась открывать ноги.

Аддин, в отличие от меня, легко привыкал к новому образу жизни. Он совсем не скучал по отцу, наверное, потому, что за свои два года и восемь месяцев очень мало общался с ним и в Тренгану. Я видела, как с каждым днем мой мальчик становится увереннее, как все реже появляется на его лице испуганное выражение, которое я так часто замечала в Малайзии. Через пару недель он уже перестал вздрагивать от резких звуков, на его щечках появился румянец, и он преисполнился энергией и энтузиазмом, как и положено такому малышу. Аддин во всю наслаждался и невиданной прежде физической свободой: он носился по просторным лужайкам в парке, возился в грязи, лепил пирожки из песка – словом, делал все, что раньше запрещалось королевским этикетом. Видя, как он бежит ко мне через детскую площадку, зажимая в кулачке какое-то найденное на земле сокровище, а потом гордо демонстрирует его мне и сестренке, я

чувствовала себя почти счастливой.

После довольно долгих поисков я нашла для нас небольшую квартиру в Южном Оакли, в доме с небольшим садиком, чтобы детям было где играть. Часть мебели я получила в подарок от друзей и знакомых, а кое-что купила на распродажах. Единственным украшением нашего жилища стали два ярких коврика и дешевые эстампы на стенах. Кроме того, мне пришлось купить довольно много вещей, без которых мы не могли обойтись: теплую одежду для детей, одеяла, полотенца, постельное белье и стиральную машину. За все это я платила деньгами, которые по решению суда мне разрешили снять со счета мужа в банке. Бахрин настоял на том, чтобы после продажи дома в Карлтоне мы оставили эти деньги в Австралии для ухода от налогов и на случай, если мы надумаем вернуться в Мельбурн.

Я скрупулезно записывала, куда ушло каждое пенни, потраченное на детей или на меня. Наверное, я экономила даже слишком: так, не решившись купить настоящий мебельный гарнитур для гостиной, я ограничилась дешевым диваном-кроватью с наполнителем из поролона, который имел опасную привычку складываться, как перезрелый банан, когда на него садился кто-нибудь, тяжелее двухлетнего ребенка.

Шестнадцатого декабря я собралась с духом и еще раз позвонила Бахрину, но Мак сказала, что он еще не вернулся и ей неизвестно, когда он будет дома. Я оставила свекрови свой новый номер телефона, попросила передать мужу, чтобы он мне позвонил, и побыстрее закруглила разговор. В тот же день к вечеру Бахрин позвонил Лилиан и потребовал объяснить, что случилось с его австралийским счетом. Судя по всему, он решил ликвидировать его, позвонил в банк, и там ему сообщили имя и телефон моего поверенного. Муж не задал ни одного вопроса ни обо мне, ни о детях – только о деньгах.

А ночью он позвонил мне. Едва я успела снять трубку и сказать «алло», как на меня обрушился поток угроз и оскорблений. Первым делом Бахрин потребовал, чтобы я немедленно возвращалась в Малайзию, так как я слишком глупа и неприспособлена, чтобы жить одной с двумя маленькими детьми. Когда я сказала, что не собираюсь больше подчиняться его требованиям, он сменил тактику и стал уверять, что любит меня и очень скучает. На это я ответила, что готова обсудить с ним возможность примирения, но только при условии, что он приедет для переговоров в Австралию, разведется с Элми и мы с ним навсегда переедем в Мельбурн. Выслушав мои требования, Бахрин ненадолго замолчал, а потом вдруг взорвался и начал кричать, что, если я немедленно не вернусь, он убьет мою

бабушку и убьет меня, но сначала накажет за непослушание. Я повесила трубку и только тогда обнаружила, что вся дрожу, а к горлу подступила тошнота. Даже находясь на расстоянии в тысячи миль, Бахрин не утратил способность внушать мне ужас. Всю ночь после этого я не спала и мучилась, сомневаясь в своих силах и в правильности выбранного пути.

Уже под утро проснулась Шахира, которую надо было кормить. Я взяла ее к себе в кровать, и она прижалась ко мне всем своим крошечным тельцем. Через несколько минут ко мне в спальню прибежал и Аддин, забрался к нам под одеяло и тут же уснул. А я, лежа без сна, наблюдала, как лунный свет играет на лицах сына и дочери, и прислушивалась к их ровному, спокойному дыханию. В голову лезли страшные мысли о том, что предпримет Бахрин, и про себя я молилась, чтобы предстоящие трудные времена не сломили ни меня, ни детей.

На следующее утро я поспешила предупредить о возможных неприятностях бабушку. Она попеременно то возмущалась, то ахала, когда я рассказывала ей о своей семейной жизни и об угрозах Бахрина. Мы решили, что, пока все не успокоится, ей лучше пожить у друзей. Здоровье бабушки постепенно восстанавливалось: левая часть тела уже начала двигаться, хоть речь и оставалась еще немного затрудненной. Вместе со здоровьем к бабушке возвращалось и чувство юмора. Она так обрадовалась, услышав, что мы с детьми вернулись в Австралию навсегда, что после этого начала поправляться с удвоенной скоростью.

В нашей новой квартире мы с детьми отметили свое первое настоящее Рождество. С каким наслаждением я слушала по радио рождественские песни и покупала подарки для Аддина и Шахиры! В Малайзии дни Рождества всегда были для меня самыми тяжелыми: я особенно скучала по дому, а Бахрин запрещал любой намек на праздник – даже обмен подарками. За все эти годы в Тренгану я только однажды доставала из коробки свою драгоценную елку – Бахрин как-то одолжил ее на праздник своим служащим-филиппинцам. Но Рождество восемьдесят пятого года было совсем другим. Мы с Аддином выбрали настоящую сосну, хоть и немного кривоватую, сами установили ее в гостиной и украсили игрушками, доставшимися от бабушки и купленными в ближайшем супермаркете. За шестьсот фунтов я купила старенький автомобиль, и, разъезжая в нем, мы громко распевали «Олень Рудольф-Красный Нос». Аддин нетерпеливо ждал подарков от Санта-Клауса и повесил на камин носочки для себя и для Шахиры.

Но я, конечно же, понимала, что все это – только затишье перед бурей. В глубине души я не сомневалась, что Бахрин никогда не позволит нам жить спокойно и непременно захочет отомстить.

37

Согласно закону судебное разбирательство нельзя было начать до тех пор, пока мой муж не получит письменное извещение о том, что я подала в Семейный суд Австралии иск об опеке над детьми, а также о его праве этот иск оспорить. Бахрин отказался принять официальный документ от прилетевшего из Сингапура адвоката, которого я нанимала специально для этой цели, и нам оставалась только одна возможность – опубликовать извещения и все относящиеся к делу факты в «Нью-стрейт таймс» – ежедневной газете, выходящей в Малайзии на английском языке, что мы и сделали 24 декабря 1985 года. Мне вовсе не хотелось публично унижать Бахрина, но он не оставил мне выбора. Таким образом, всем в Малайзии стало известно, что я с детьми вернулась в Австралию и что муж променял меня на ресторанную певичку. А мне досталась сомнительная честь оказаться первой в королевской семье женщиной, оставившей мужа и забравшей с собой детей.

Я знала, что Бахрин никогда не простит мне того, что я выставила на публичное обозрение частную жизнь семьи, а также того, что из объявления в газете брат его второй жены узнал тщательно скрываемую от него правду. До этого он со слов Бахрина полагал, что я уже два года как живу в Австралии, а наш бракоразводный процесс близится к концу, и был очень неприятно удивлен, узнав, что в момент свадьбы его сестры и Бахрина я еще находилась в доме мужа и к тому же только что родила Шахиру. Впрочем, узнав правду, он не стал устраивать скандала – союз с членом королевской семьи был слишком ценным завоеванием, чтобы рисковать им ради такой ерунды, как дополнительная жена и пара детей.

Наступил 1986 год и принес с собой новые надежды и новые страхи. Каждую минуту я ждала, что на пороге нашей квартиры появится Бахрин, изобьет меня до полусмерти и заберет с собой детей. Я была совершенно уверена, что он не отпустит нас просто так. Тринадцатого января Бахрин позвонил мне еще раз и объявил, что едет в Австралию для того, чтобы помириться, но не намерен разводиться со своей певичкой.

Он приехал в Мельбурн 19 января и сразу же нанял нескольких адвокатов в самой известной в городе юридической фирме. Я узнала обычную тактику мужа: покупай лучшее, что можно купить за деньги, а там, где не помогают деньги, поможет ложь.

Забавно, но и тошно было наблюдать за тем, как разделились

мнения адвокатского сообщества Мельбурна в связи с моим делом – его оживленно обсуждали в кулуарах Семейного суда. Некоторые считали, что «сама постелила – сама пусть и спит». Другие испытывали почтительный трепет при одном упоминании о тронах и королевской крови и были совершенно уверены, что человек с такой кровью в жилах по определению имеет больше прав, чем простая гражданка Австралии и ее дети. Третьи уверяли, что, выйдя замуж за иностранца и мусульманина, я чуть ли не изменила своей стране и теперь не должна рассчитывать на ее помощь и поддержку. И все они считали мое дело лишь поводом поупражняться в профессиональном остроумии, нисколько не интересуясь при этом судьбой моих детей.

Двадцать девятого января 1986 года я была вызвана в Семейный суд Австралии, расположенный по адресу Бурк-стрит, дом 570, в качестве ответчицы по иску, поданному моим мужем Бахрином. Война началась.

Ноэль Акман, занятый другими делами, на этот раз не смог представлять меня в суде, и нам пришлось срочно вводить в дело нового адвоката – Джона Удоровича. Боюсь, что первое знакомство с клиенткой привело его в сильное замешательство. Мы договорились встретиться в кабинете Джона в восемь тридцать утра 29 января. Лилиан предупредила меня, что судебное заседание может растянуться на весь день, поэтому Аддин отправился в гости к моим друзьям Сью и Робу Макартурам, а Шахиру мне пришлось взять с собой. Я собиралась оставить девочку в специальной детской комнате, предусмотренной в здании Семейного суда, и таким образом иметь возможность несколько раз в день кормить ее грудью. Но детская комната открывалась только в девять, поэтому Шах вместе со мной отправилась знакомиться с новым адвокатом. Наверное, он еще никогда не видел в своем кабинете клиента, нагруженного, кроме портфеля, младенцем, люлькой и целой упаковкой подгузников.

Джон Удорович излагал мне свое мнение о деле и подробно расспрашивал о том, чего именно я хочу добиться для себя и детей, а я в это время внимательно разглядывала его и пыталась понять, могу ли доверять этому высокому человеку с черными усами и копной темных волос. Сначала мне показалось, что он держится чересчур холодно и, похоже, недоволен тем, что я пришла с ребенком, но потом я увидела, как смягчились его глаза, когда он рассматривал спящую в люльке Шах, и поверила, что Джон сделает для нас все, что сможет.

Адвокаты Бахрина сразу же бросились в атаку: они обвинили меня в похищении детей и заявили, что вопросы, касающиеся

нашего брака, должны разбираться в Малайзии, а никак не в Австралии. Кроме того, они сообщили суду, что Аддин является возможным наследником трона в султанате Тренгану и его отсутствие в Малайзии может привести к нарушению порядка престолонаследия. Еще мне предъявили обвинение в том, что я подделала подпись Бахрина на заявлении о присвоении Аддину австралийского гражданства, которое, правда, было снято, как только поверенные мужа увидели само заявление и приложенное к нему ходатайство, написанное рукой мужа.

Мы с Бахрином сидели в разных концах зала, и я изо всех сил старалась не смотреть в его сторону и держать себя в руках даже в те моменты, когда слышала явную ложь о шансах Аддина когда-нибудь занять престол. Я физически ощущала ледяную волну ненависти, исходящую от Бахрина, и понимала, что он сдерживается только потому, что мы не одни.

Потом адвокаты мужа выложили свою козырную карту – постановление Исламского суда, вынесенное днем раньше в Тренгану. В нем ни слова не упоминалось о том, что ответчица в данное время проживает в Австралии, куда уехала с согласия и даже по желанию своего мужа. Судя по всему, Бахрин заставил судей поверить, что я нахожусь в Тренгану, но живу отдельно и отказываюсь с ним спать. В постановлении я называлась непокорной женой и мне предписывалось возобновить сожительство с мужем, не препятствовать осуществлению его супружеских прав и вместе с детьми вернуться под его кров. Фактически Бахрин добивался моей немедленной депортации из родной страны в Малайзию на том основании, что я была ему плохой женой. Кроме того, он требовал, чтобы ему сообщили наш адрес, но, к счастью, суд решил, что достаточно будет одного телефонного номера, который Бахрин и без того знал.

Кончилось все это тем, что судья, мистер Брайан Трево, объявил перерыв в заседании до следующей недели, добавив, что дело оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал сначала. Запутанные вопросы территориальной юрисдикции и престолонаследия отодвинули на второй план самый главный вопрос – имеем ли мы с детьми право на спокойную жизнь в Австралии.

Бахрин обратился к суду с просьбой предоставить ему возможность увидеться с сыном и вспомнил о дочери, только когда ему напомнил о ней судья. Было решено, что он может повидаться с детьми в воскресенье в каком-нибудь публичном месте и в присутствии судебного наблюдателя.

Выходя вместе с Лилиан и Джоном из зала суда, я едва держалась на ногах. Меня охватывала животная паника при одной

мысли, что по постановлению Исламского суда меня могут заставить опять жить с Бахрином. Когда в коридоре мы проходили мимо него, у меня вдруг подкосились колени, и я смутно помню, как Лилиан прошипела мне в ухо: «Держись!»

Все последующие дни, недели и месяцы только дети и Лилиан помогали мне держаться. Каждый раз, когда я чувствовала, что у меня нет больше сил пробивать головой неприступную стену, воздвигнутую Бахрином из денег, лжи, власти и ненависти, я смотрела на счастливые лица своих детей – и силы возвращались. Каждый раз, когда мне хотелось отказаться от борьбы, забиться в угол и ничего не видеть и не слышать, Лилиан спрашивала, остались ли в силе причины, заставившие меня принять решение в ноябре 1985 года, и каждый раз я отвечала ей «да». Она все время была рядом и помогала мне бороться за мои права, иногда ценой собственного здоровья и личной жизни. Мы работали как одна команда: вместе продумывали каждое слово моих показаний, исследовали прецеденты и продирались через дебри исламских и малазийских законов.

Отражать атаки адвокатов Бахрина было непросто. Например, нам огромного труда стоило доказать, что дядя Бахрина, султан Тренгану, сам назначает исламских судей в своем штате и, следовательно, может в любой момент повлиять на принимаемые ими решения. Несколько дней я провела, разыскивая студентов-юристов из Малайзии и уговаривая их дать показания в австралийском суде. В конце концов двое молодых людей согласились письменно засвидетельствовать, что в Малайзии исламские судьи целиком и полностью зависят от султана, и, значит, я не могу рассчитывать на их беспристрастное решение, но в последний момент, уже придя в кабинет Лилиан, они оба отказались, объяснив, что не могут рисковать своей будущей карьерой и карьерами своих родных. Самые простые вопросы становились неразрешимыми, потому что нам с Лилиан всячески затрудняли получение информации, касающейся малазийского гражданского права. Я всегда буду испытывать огромную благодарность к Дженнифер Тук, австралийскому адвокату, практикующему в Сингапуре, которая, не будучи лично знакомой ни со мной, ни с Лилиан, очень помогла нам, разыскивая прецеденты и снабжая нас необходимыми фактами.

Благодаря ей я сумела доказать суду, что Аддин был примерно семидесятым в очереди на трон, да и то имел на него очень сомнительные права, потому что королевская кровь досталась ему через бабушку, которая, будучи женщиной, сама таких прав не имела.

Горько было сознавать, что Бахрину удалось полностью разрушить ту нормальную жизнь, которую я с таким трудом строила для себя и детей. В течение нескольких следующих недель мне приходилось почти каждый день появляться в суде и встречаться с юристами, а он изобретал все новые и новые способы отложить слушание по вопросу об опеке. Ночами я почти не спала, потому что только в это время могла внимательно прочитать письменные показания Бахрина, отмечая в них все противоречия и неточности, на которые надо было обратить внимание Лилиан и которые Джон мог бы использовать в своих выступлениях. Кроме того, мы с Лилиан изучали те учебники по малазийскому праву, что нам удалось с трудом раздобыть. А еще я кормила Шахиру и старалась скрыть свои страхи и неуверенность от Аддина. Мои дни были заполнены пеленками, детьми, юридическими документами и постоянным страхом, что я потеряю Аддина и Шахиру, если мои аргументы не покажутся судье убедительными.

Тогда, когда мне надо было присутствовать в суде, наш день складывался следующим образом: утром мы ехали в дом Макартуров, и я оставляла Аддина на попечении Сью. К счастью, мальчику там очень нравилось: они весь день играли с Беном – сыном Сью и Роба и ровесником Аддина. Потом в самый час пик мы с Шахирой ехали в центр, и я оставляла свою машину на платной парковке недалеко от суда. Там при помощи служащего парковки Тони, без которого я бы совсем пропала, я доставала из машины коляску, Шахиру, сумку с ее вещами, коробку с документами и портфель. Тони помогал мне спустить все это с четвертого уровня (где он предоставлял мне место со скидкой) на первый, и я отправлялась в офис к Лилиан, которая начинала работать в шесть тридцать, чтобы выкроить время на дела остальных клиентов. Там мы с ней еще раз перебирали все факты и доводы, подготовленные к сегодняшнему заседанию, я кормила Шахиру, а потом звонила Джону и предупреждала его, что мы идем в суд. Здание Семейного суда находилось в двух кварталах от офиса Лилиан, и мы шли туда пешком, толкая перед собой коляску с Шахирой и держа в руках и под мышками портфели, книги, коробки и папки с документами. Устроив дочку в детской комнате, я направлялась в зал заседаний, где Джон и Лилиан уже ждали меня. Шахира росла так же быстро, как и гора показаний, документов и постановлений, и, забегая к ней во время перерывов, я каждый раз испытывала чувство вины, оттого что не могу одним усилием воли остановить эти бумажные битвы и отдавать все свое время и силы только ей и Аддину.

Заседания иногда продолжались часами, но, к счастью, нам

довольно скоро удалось отклонить обвинение в похищении детей. Я смогла доказать, что приехала в Австралию с разрешения и по желанию Бахрина и что в момент отъезда у меня еще не было определенных намерений остаться здесь навсегда. Теперь следовало разобраться с претензиями Аддина на трон и с вопросом территориальной юрисдикции.

Единственными светлыми минутами за день были те, что я проводила с Шахирой. Я прибегала в детскую комнату, чтобы накормить ее, а она тянула ко мне ручки и плакала до тех пор, пока я не брала ее на руки и не подносила к груди. Я сидела на жестком стуле с высокой спинкой, смотрела на ее доверчиво повернутое ко мне маленькое личико и изводила себя вопросами о нашем будущем. Мне казалось – мы как три листочка, которые ветер сорвал с дерева, а теперь гонит перед собой, переворачивает, меняет направление и еще не известно, куда занесет.

А когда я возвращалась из суда домой, мне начинал звонить Бахрин. Он выбирал для этого такие моменты, кода я чувствовала себя наименее защищенной – позднюю ночь или самое раннее утро. Слыша звонок телефона, я, словно опоссум, выхваченный из темноты светом фар, цепенела от ужаса и теряла способность бежать или сопротивляться. Бахрин менял свои требования будто специально, чтобы запутать меня: иногда он настаивал на полной капитуляции, иногда предлагал помириться, но каждый раз не забывал напоминать, что я слишком глупа и беспомощна, чтобы бороться с ним и жить самостоятельно. Его голос имел надо мной какую-то гипнотическую власть, и я не смела повесить трубку, пока со мной говорил мой хозяин и господин.

Однажды Бахрин потребовал, чтобы мы встретились в офисе у его адвоката.

– Я готов развестись с Элми, – сказал он так гордо, словно ожидал поздравлений. – Она околдовала меня, но сейчас я хожу к хорошему *бомоху* и скоро совсем вылечусь.

– Бахрин, я не хочу с тобой встречаться и не хочу слышать ни о каких *бомохах*, – твердо ответила я, но он продолжал настаивать, угрожать и уговаривать меня, повторяя «ради наших детей» до тех пор, пока не добился своего.

Какой-то клерк встретил меня у самого входа в приземистое здание из серого песчаника, в котором размещался офис адвоката Бахрина, и провел наверх в небольшой конференц-зал. Муж с адвокатом уже ждали меня, сидя за столом. Я взяла свободный стул, уселась напротив и сразу же почувствовала себя школьницей, опоздавшей на уроки. Именно в таком тоне и проходила наша беседа. Бахрин с адвокатом перечислили мне

основные условия примирения: я возвращаюсь в Малайзию и веду точно такую же жизнь, как и раньше. За это Бахрин обещал простить мое глупое бегство и снова признать меня своей женой.

Вместо того чтобы рассмеяться, услышав это щедрое предложение, я начала, как дурочка, объяснять адвокату, почему я не могу вернуться в Малайзию. Я наивно надеялась, что если она поймет, какая жизнь ожидает там меня и моих детей, то попытается уговорить своего клиента оставить нас в покое. Но эта женщина только снисходительно усмехалась, пока я рассказывала ей о насилии, о бесправии и о варварских предрассудках. Задним числом я, конечно, понимаю, что бесполезно было говорить об этом и пытаться показать ей истинное лицо моего мужа, когда прямо перед собой она видела самого Бахрина в его западном обличье: безупречно вежливого, образованного и культурного человека с мягкими манерами и голосом – точно такого, каким он был в те дни, когда еще ухаживал за мной. Я заметила взгляд, которым они обменялись, когда поняла, что напрасно стараюсь, и замолчала. Уверена, что Бахрин описал меня своему адвокату как неуравновешенную, возможно, психически нездоровую женщину, до крайности озлобленную тем, что он взял себе вторую жену.

Мне было уже совершенно ясно, что я совершила ошибку, согласившись на эту встречу, и я поднялась, чтобы уйти, но в это время Бахрин попросил адвоката на несколько минут оставить нас наедине, и та немедленно согласилась. Когда она вышла, он пересел на стул рядом со мной.

– Ясмин, я люблю тебя и хочу, чтобы ты вернулась. – Он сунул руку в правый карман, извлек оттуда красную бархатную коробочку и, открыв ее, продемонстрировал мне кольцо с бриллиантом. – Посмотри, я купил это для тебя. Я правда тебя люблю. – Он положил коробочку мне на колени. – Если ты вернешься, у нас все наладится.

Я посмотрела на сверкающий у меня на коленях бриллиант и задрожала от гнева.

– Неужели ты правда думаешь, что после всего, что ты сделал, после всех синяков, которые ты мне наставил, после угроз отобрать моих детей и убить бабушку, достаточно одного бриллиантового кольца – и я все прощу? И ты даже не упомянул ту шлюху, на которой женился! Интересно, а она знает о том, что ты уговариваешь меня вернуться?

– Моя жена тебя не касается, – процедил Бахрин. – Не лезь не в свое дело.

– Какое же ты все-таки дерьмо, Бахрин! Ты не думаешь ни о ком, кроме себя. Тебе наплевать и на Аддина, и на Шах, и на меня. Я никогда, никогда не вернусь в Тренгану! Наши дети

заслуживают лучшей жизни, чем жизнь с тобой.

– Послушай ты, маленькая сучка. – Он говорил почти шепотом, хоть голос его и звенел от злости. – У меня есть вот это! – Он помахал у меня перед носом листком бумаги, на котором я успела увидеть только печать султана и разобрать свое имя, написанное по-арабски. – И не думай, что я постесняюсь этим воспользоваться, когда верну тебя домой. А я тебя верну, не сомневайся! Этот тупой австралийский судья не захочет устраивать международный скандал. Он отдаст тебя мне, и тогда ты пожалеешь о каждом сказанном слове. Тебе придется познакомиться с *ротаном* – шесть ударов! – а потом ты будешь гнить в тюрьме столько, сколько я захочу.

Он выплевывал все это мне прямо в лицо, а взгляд его налитых кровью глаз точно приковывал меня к стулу. Я ни секунды не сомневалась, что Бахрин говорит правду. Наконец собравшись с силами, я поднялась со стула, и коробочка с кольцом упала на ковер. Всхлипывая, я выбежала из кабинета, бегом спустилась по лестнице, выскочила на залитую летним солнцем улицу и, не помню как, добралась до офиса Лилиан. Она очень рассердилась на меня за то, что я пошла на эту встречу одна, и на адвоката Бахрина за то, что та организовала все без ее ведома. Но в тот момент это волновало меня меньше всего. У меня словно открылись глаза, и я поняла, что все это время просто обманывала себя, надеясь, что смогу уйти от Бахрина. Он имел надо мною все такую же страшную власть, как и раньше. Лилиан потребовалось немало времени, чтобы успокоить меня и убедить, что Бахрин еще не выиграл дела. И все-таки, когда я вышла от нее и отправилась за детьми, на душе у меня было очень тяжело.

Каждый, даже самый маленький, успех в суде стоил нам огромного труда. Бахрин за свой счет выписал из Куала-Лумпура адвоката для того, чтобы тот под присягой давал показания об исламских законах. Мы, к сожалению, не смогли договориться ни с одним экспертом, да у нас все равно не было денег, чтобы доставить его из Малайзии.

Бахрин все еще не отказался от попыток договориться со мной. Во вторник 4 февраля он сделал мне по телефону последнее циничное предложение: на этот раз он захотел купить у меня Аддина. Он готов был разделить наших детей и оставить Шахиру со мной в Австралии, а за это обещал сделать меня богатой женщиной. Он уговаривал, запугивал и угрожал мне, кричал, что не успокоится, пока не уничтожит меня и не заберет обоих детей, а я слушала все это, плакала от страха и отчаяния и

все-таки не смела повесить трубку.

Я плохо помню несколько следующих часов. Помню, что Аддин стоял передо мной и плакал. Помню, как прижимала к себе Шахиру и раскачивалась, сидя на полу. Помню, как говорила по телефону с Лилиан, но не помню, что именно сказала ей. Зато я точно помню, что в тот день находилась на самой грани безумия и больше всего мне хотелось закрыть глаза, уснуть и больше никогда не просыпаться. Но я не сделала этого. Сквозь туман, заполнивший мозг, пробивалась только одна мысль: я еще нужна своим детям.

38

В восемь часов утра 11 февраля 1986 года я вышла из дома Макартуров и на прощанье поцеловала сына так, словно прощалась с ним навсегда. Я даже попросила Роба сфотографировать меня вместе с Аддином на ступеньках крыльца. В тот день я готовилась к худшему – к тому, что, если решение будет принято не в нашу пользу, у меня заберут моего мальчика и сегодня же в четыре часа дня увезут его регулярным рейсом в Малайзию. К счастью, забрать Шахиру они пока не могли – я все еще кормила ее грудью; и в любом случае Бахрин никогда особенно не интересовался дочерью и вряд ли станет настаивать на опеке над ней. У самых ворот я еще раз оглянулась и увидела, как Аддин стоит на крыльце и, улыбаясь во весь рот, машет мне лапой своего плюшевого медвежонка. Я сглотнула комок в горле, послала ему воздушный поцелуй и открыла дверь машины.

Мы с Лилиан, ее помощницей Сью Стефенсон и Ноэлем Акманом сидели в левой половине зала заседаний за столом, заваленным бумагами, ручками, папками и справочниками. Немного позже, уже после начала заседания, к нам присоединился и Джон Удорович. Через проход справа от нас расположились Бахрин и его команда юристов-тяжеловесов: королевский адвокат, обычный адвокат, два или три поверенных и эксперт из Малайзии. Все ждали судью, которому сегодня предстояло принять только одно, самое главное решение. Обвинение в похищении детей, предъявленное мне Бахрином, было давно уже снято как беспочвенное. Под давлением моего адвоката Бахрину пришлось признаться, что он сам отправил меня в Австралию. Мне также удалось убедить судью, что, уезжая из Малайзии, я не имела умысла остаться на родине навсегда. Сегодня предстояло рассмотреть только петицию адвокатов противной стороны о том, что дело должно быть передано под малазийскую юрисдикцию и разбираться именно там. Бахрин подавал иск не об опеке над детьми, а только о том, чтобы меня вместе с ними выслали в Малайзию.

В случае если эта петиция будет удовлетворена, мы собирались потребовать включения в постановление суда целого ряда условий, обеспечивающих мою безопасность. В частности, нам нужна была гарантия Министерства внутренних дел Малайзии, что, если Бахрин получит право опеки над детьми и потом разведется со мной, мне будет позволено остаться в Малайзии, чтобы быть рядом с ними. Меня очень беспокоил этот

вопрос, потому что и в прошлом муж неоднократно угрожал, что вышлет меня из страны и что после развода я никогда не смогу получить постоянную визу. Помимо этого мы требовали, чтобы то же министерство гарантировало мне иммунитет от любых судебных преследований и заключения под стражу по Акту о внутренней безопасности, согласно которому любого проживающего в Малайзии человека могли посадить в тюрьму и держать там сколько угодно без предъявления обвинений. Мы опасались, что именно так со мной и поступят, поскольку в суде я неоднократно обвиняла малайские власти в коррумпированности и нечистоплотности. Кроме того, Бахрин должен был под присягой пообещать, что не станет возбуждать против меня судебное преследование в Исламском суде и все спорные вопросы станет решать только в светских судах, которые в Малайзии более или менее руководствуются положениями британского законодательства. Это было очень важно, поскольку, как нам удалось доказать, исламские судьи не смогут проявить объективности при разборе дела, в которое замешана королевская семья. Еще требовалось решить массу финансовых вопросов: выплата обеспечения мне и детям, в случае если нам придется жить в Малайзии; предоставление жилья, причем в Куала-Лумпуре, а не в Тренгану, и сумма, которую Бахрин обязан выделить на оплату моих судебных расходов в Малайзии.

Наконец судья Трево появился в зале заседаний, все встали, а Бахрин поглядел на меня с таким самодовольным торжеством, что у меня от дурного предчувствия сжалось сердце. Его честь начал зачитывать постановление суда. Суть его состояла в следующем: я с детьми должна вернуться в Малайзию и решать дело об опеке над детьми в светском суде этой страны; Бахрин должен выполнить все наши требования, касающиеся моей безопасности, и гарантировать, что все процессы против меня в Исламском суде будут прекращены, а уже принятые ими решения аннулированы, а также поклясться, что не станет возбуждать новых исков ни в каких судах, кроме светских.

Едва судья Трево зачитал это решение, как Лилиан и Джон повернулись ко мне и одновременно взяли меня за руку.

– Мы подадим апелляцию, – тихо сказал мне Джон. – Все очень просто – мы подадим апелляцию.

– Мы подадим апелляцию, – спокойно подтвердил Ноэль.

Увидев, что мои глаза наливаются слезами, Лилиан горячо зашептала мне в ухо:

– Не смей плакать! Не смей сдаваться!

Его честь произносил заключительную речь. Я тайком посмотрела в ту сторону, где сидела команда Бахрина, и с

первого взгляда поняла, что они тоже недовольны решением суда: Бахрин бросал вокруг грозные взгляды, а его адвокаты возмущенно качали головами. Они явно не ожидали, что им придется выполнять наши требования. Я отвернулась, почувствовав некоторое удовлетворение при виде негодующего Бахрина, который буквально лопался от злости. Еще бы! Австралийский судья посмел запретить ему судить непокорную жену в Исламском суде. После короткого совещания Ноэль встал и спокойно объявил судье, что мы будем опротестовывать его решение. Сразу же вслед за ним вскочил королевский адвокат Бахрина и заявил то же самое. Судья Трево, похоже, нисколько этому не удивился.

Суд закончился, и у меня сразу же появилось ощущение, что начался отсчет взятого взаймы времени. Я понятия не имела, что представляет собой процесс апелляции, но мне казалось, что теперь дышать надо как можно быстрее и глубже, чтобы вдоволь надышаться австралийским воздухом перед возвращением в Малайзию. Утешало меня только то, что мы с детьми будем вместе до субботы – третьего дня рождения Аддина.

Мы вышли из здания суда все вместе – единым боевым отрядом. Мои юристы на своем заумном профессиональном жаргоне обсуждали апелляции, прецеденты и установленные сроки. Я почти ничего не понимала в их разговоре и не особенно старалась. Сейчас, прижимая к себе весело гукающую Шахиру, я думала только об одном: дети останутся со мной и мне не надо прощаться с ними. Пока.

Тринадцатого февраля Бахрин уехал из Австралии, поручив своим адвокатам представлять его в суде и даже не сделав попытки повидаться с детьми. Для меня, Аддина и Шахиры будущее оставалось по-прежнему неясным. Я боялась строить какие-нибудь планы до тех пор, пока не будет решения апелляционного суда.

Но пока этого не произошло, решила я, мы с детьми должны жить как все нормальные люди. Шахира уже начинала ползать, а Аддин упрашивал меня завести щенка и рисовал цветными карандашами удивительно яркие картинки. У меня стали появляться новые друзья, среди которых первыми и самыми незаменимыми были Сью и Роб Макартуры и два их сына, Николс и Бен – лучшие приятели Аддина и обожатели Шахиры. Однако, как я ни старалась забыть о неопределенности нашего положения и о предстоящей непростой борьбе, сделать это мне не давали бесконечные совещания с адвокатами и огромная исследовательская работа, которую мы проделывали вместе с Лилиан.

Ей удалось собрать замечательную команду юристов для представления дела в апелляционном суде. Мои интересы защищали Сью Стефенсон, королевский адвокат Э. У. (Билл) Джиллард – очень высокий, худой, щеголеватый джентльмен с темными умными глазами, и адвокат Джон Кантуэлл, спокойный и сосредоточенный, как шахматист. Эти люди работали днем и ночью, для того чтобы за десять дней подготовить апелляционную жалобу и потом отправиться в Аделаиду, где 13 марта им предстояло выступить перед коллегией (то есть тремя судьями одновременно) Семейного суда. Сама я, конечно, не могла отправиться туда с детьми, да в этом и не было никакой необходимости: апелляционный суд не опрашивает свидетелей; он рассматривает только письменные показания и заявления и выслушивает королевских адвокатов, представляющих обе стороны.

Я до сих пор считаю, что такой рекордный срок рассмотрения апелляции объяснялся давлением со стороны правительства, не желавшего доводить дело до международного скандала. В то время двое австралийцев, Барлоу и Чэмберс, сидели в тюрьме в Малайзии; им обоим грозил сметный приговор за контрабанду наркотиков, и отношения между двумя странами были довольно напряженными. Обычно между подачей апелляции и рассмотрением дела судейской коллегией проходит от шести месяцев до года, и слушания, как правило, происходят там же, где состоялся суд первой инстанции, то есть в нашем случае – в Мельбурне.

А пока мне оставалось только сидеть у телефона в доме Роба и Сью, нетерпеливо ждать звонков от Лилиан и пытаться представить себе, что же сейчас происходит в далекой Аделаиде. Я очень старалась вести себя так, будто не происходит ничего особенного, кормила и купала детей, читала вслух Аддину, Шахире, Бену и Николсу, но все-таки вздрагивала при каждом телефонном звонке и почти не спала ночью. Наше дело рассматривалось судом 13 и 14 марта, и за эти два дня моим адвокатам удалось установить несколько новых прецедентов для апелляционного суда, в частности – право предоставления добавочных доказательств и свидетельств, полученных по факсу. В итоге судейская коллегия пришла к решению, что двух дней явно недостаточно, для того чтобы обе стороны могли изложить свои доводы, и назначила дополнительное слушание – оно должно было состояться в Мельбурне 3 и 4 апреля 1986 года. Я не знала, радоваться ли мне этой отсрочке или сожалеть о том, что период неопределенности затягивается, и все-таки дорожила каждым лишним днем, проведенным с Аддином и Шахирой.

Когда наступил май, а апелляционный суд все еще не вынес решения, я поняла, что надо перестать волноваться и начинать жить. Для начала мы переехали в дом, принадлежащий дяде Эрику, отцу Питера. Шах уже научилась очень быстро ползать, а Аддин становился все более и более активным, и было ясно, что наша маленькая квартира скоро станет слишком тесной для двух быстро растущих детей. Дядя Эрик сдал мне дом, расположенный в зеленом и очень приличном пригороде, за символическую плату. Сам он жил рядом, в большом старом доме с садом и теннисным кортом, по которому Аддин с удовольствием ездил на своем трехколесном велосипеде. Правда, у нашего нового жилья имелся один серьезный недостаток: за все семьдесят лет существования дома в нем ни разу не делали ремонта, а последние пять лет он и вовсе стоял необитаемым. Но зато к нему примыкал чудесный фруктовый сад, сразу же полюбившийся Аддину и Шахире, поэтому я решила, что такие мелочи, как плесень на стенах, отсутствие плиты и пола в ванной, нас не остановят. Мы переехали, и в тот же день я приступила к ремонту.

Отступив на несколько шагов назад, я полюбовалась на свою работу и засмеялась, представив, что сказали бы дамы из королевской семьи Тренгану, если бы увидели меня сейчас. На мне был до невозможности грязный комбинезон, на голове платок, чтобы защитить волосы от пыли, на ногах резиновые сапоги, а на спине – Шахира в слинге. Еще более грязный, чем я, Аддин с огромным удовольствием выполнял обязанности подсобного рабочего и носился по всему дому, собирая в мешок обрывки старых обоев. Мы уже месяц как переехали, и на дворе стояла зима, а в доме наконец-то стали заметны некоторые результаты наших усилий. При помощи пара, скребка, а иногда и ногтей я содрала со стен все старые, выцветшие и покрытые пятнами сырости обои. Эта работа особенно нравилась Аддину: я, стоя на стремянке, подцепляла кусок обоев наверху, а потом передавала сыну, и тот с удовольствием отдирал его уже до самого пола.

Я уже промыла все стены специальным раствором, уничтожающим грибок, и теперь мне предстояло зашпаклевать трещины, выровнять поверхность, а потом выкрасить все в теплый абрикосовый цвет. К этому времени я успела настелить новую плитку на пол в ванной и по мере сил подреставрировать кафель на стенах, а с помощью Питера установила подержанную, но вполне приличную раковину. Больше нам с детьми не приходилось бегать в соседний дом к дяде Эрику, для того чтобы

принять душ или ванну. Плита, тоже купленная с рук, уже стояла на кухне и отлично работала, а в прошедшие выходные Питер помог мне зацементировать пол в прачечной, и теперь он уже почти затвердел, хоть и получился немного кривым. С помощью еще одних друзей я пару дней назад отодрала старое ковровое покрытие в некоторых комнатах и теперь собиралась пригласить циклевщика, а потом самостоятельно покрыть пол лаком: на новые ковры у меня просто не хватило бы денег. Две детские были уже совершенно готовы и обставлены, а все остальные комнаты медленно, но верно тоже приобретали жилой вид.

Я сняла со спины Шахиру, поднесла ее к груди и вспомнила, как Бахрин называл меня глупой, безрукой и уверял, что я и месяца не сумею выжить одна с двумя детьми. Жаль, что он не видит, как многому я научилась за это время и как ловко справляюсь с пилой, молотком и электродрелью. Я молилась только о том, чтобы никто не помешал нам жить в этом доме, созданном нашими руками. Я посмотрела в окно: в саду Аддин с разбегу прыгал в большую кучу золотых и красных осенних листьев, пригоршнями подкидывал их в воздух, и его личико светилось от счастья.

Вплоть до этого дня я в точности выполняла все постановления властей: сразу же после переезда сообщила им свой новый адрес, регулярно отмечалась в суде и не делала никаких попыток скрыться вместе с детьми. Но по мере того, как один спокойный и счастливый день сменялся другим, а апелляционный суд вот уже восемь месяцев продолжал хранить молчание, я все чаще задумывалась о том, что же стану делать, если постановление будет вынесено не в мою пользу.

Мысленно я перебирала все доступные мне варианты: я могу подчиниться решению суда; могу, если мне прикажут, вернуться в Малайзию, снова подать апелляцию, на этот раз в Верховный суд; а еще могу просто исчезнуть вместе с детьми. Последнее решение вроде бы казалось самым простым и соблазнительным, но я понимала, как тяжелы будут его последствия для детей: нам придется бросить наш чудесный дом, переезжать с места на место, забыть свои настоящие имена; Аддина надо будет забрать из детского сада, в котором ему так нравится, и от всей нашей с таким трудом построенной нормальной и безопасной жизни не останется камня на камне. Нет, такой вариант меня не устраивал.

Вместо этого, решила я, надо будет использовать все до одного легальные способы и тщательно записывать каждый свой шаг и причины, заставившие меня принять то или иное решение, для того чтобы, когда дети станут старше, я смогла ответить на все их вопросы.

* * *

Стараясь не уронить кисть и не опрокинуть банку с краской, я поспешно спустилась со стремянки и бросилась к телефону, но еще не успела схватить трубку, когда раздался звонок в дверь. Мирно спавшая Шахира проснулась и заплакала.

– Иду! – крикнула я в сторону двери и взяла телефон: – Слушаю.

– Мы победили! Мы победили! – услышала я ликующий крик Лилиан. – Ты с детьми можешь остаться!

– Когда? Как? – только и смогла выговорить я.

– Подожди минутку, я прочитаю тебе постановление. – В трубке послышался шорох бумаг, а потом – опять голос Лилиан: – Постановление судейской коллегии – бла-бла-бла – от 27 июня 1986 года. Первое: апелляция жены удовлетворена бла-бла-бла. Второе: жена имеет исключительное право опеки над детьми. Третье: мужу запрещено вывозить детей за пределы штата Виктория и Австралийского союза. Четвертое: встречные апелляции мужа отклонены. Поздравляю, дорогая! Добро пожаловать на родину!

Словно во сне я положила трубку, взяла из кроватки Шахиру и впустила в дом свою подругу Сюзанну, которая все это время под дождем терпеливо ждала, пока я открою ей дверь. Решив, что случилось что-то ужасное, она испуганно схватила меня за руку, и только тогда я хрипло прошептала два слова: «Мы победили!» На меня будто нашло какое-то оцепенение: услышав наконец новость, которую ждала столько долгих месяцев, я не чувствовала ни радости, ни облегчения. Коротко пересказав Сюзанне все, что только что услышала от Лилиан, я пошла в спальню, распахнула шкаф и сняла с вешалки свой *баджу-курунг*. Скомкав его, я вернулась в гостиную, где оставила Шахиру и Сюзанну, отодвинула от камина тяжелый экран и швырнула ненавистное платье в огонь.

– Вот теперь мы вернулись домой навсегда, – сказала я подруге, с изумлением наблюдавшей за мной, и заплакала.

39

За четыре года, прошедшие с тех пор, как судейская коллегия удовлетворила нашу апелляцию, выросли дети, выросла и я сама. Строить новую жизнь оказалось не так-то просто – ведь нас одним махом перенесло из дворца в хижину. Но я ни о чем не жалела и знала, что приняла правильное решение. У меня не было ни времени, ни желания вспоминать о той пустой и жалкой жизни, что я вела в Малайзии, и я почти не рассказывала о ней даже самым близким друзьям. Предаваясь страшным воспоминаниям и жалостью к себе, можно навсегда застрять в прошлом, а меня интересовало только будущее, и с ним было немало хлопот, учитывая, что я осталась одна с двумя маленькими детьми на руках.

Я начала работать сразу же, как только у меня появилась такая возможность. Поскольку я еще кормила Шах грудью, первое время мне пришлось искать работу на дому, и нередко у меня было по три нанимателя одновременно. Я печатала на машинке, сидела с чужими детьми, принимала участие в социологических опросах и пекла пирожные для маленькой кондитерской. Потом в дневной час пик я стала подрабатывать официанткой в соседнем кафе. Таким образом я расставалась с детьми всего на пару часов в день. В мое отсутствие с Шахирой сидела Сюзанна, а Аддин уже ходил в садик.

Но самое главное – за эти четыре года я залечила свои самые глубокие раны, поверила в то, что я не так уж беспомощна, и отчасти вернула себе чувство собственного достоинства. Последний процесс отнял особенно много времени и сил. Удивительно, но о чувстве собственного достоинства совсем не задумываешься, когда оно у тебя есть, и даже его постепенное разрушение происходит незаметно – просто в какой-то момент ты вдруг понимаешь, что потеряла себя. Уже вернувшись в Австралию, я еще долго не решалась отстаивать свое мнение, боялась не согласиться с кем-то, а в компании других взрослых с трудом подавляла желание вилять хвостом, как щенок, стремящийся заслужить одобрение хозяев. Бахрин умело запрограммировал мое сознание: я чувствовала себя никчемной неудачницей, и расстаться с такой самооценкой оказалось непросто. Что же касается моего сердца, то оно так устало и съежилось, что пока в нем не оставалось места ни для кого, кроме Аддина и Шахиры.

В Малайзии я тоже провела четыре года, четыре долгих года, когда я не знала, какую музыку сейчас передают по радио, какие

фильмы идут в кинотеатрах, о каких политиках говорят и пишут в Австралии и во всем мире. Рейган и Тэтчер были для меня всего лишь знакомыми именами под слепыми фотографиями в газете; фондовый рынок с его быками и медведями казался каким-то диковинным зверинцем; электронные банкоматы, появившиеся на улицах, пугали и восхищали одновременно. И все-таки я чувствовала себя гораздо мудрее и старше большинства своих ровесников. Мы жили с ними как будто в параллельных мирах, и мне нелегко было подстроиться под их темп и ритм, но я старалась, понимая, что Аддину и Шах нужна молодая и современная мама. Только вернувшись в Австралию, я поняла, какую огромную часть юности украл у меня Бахрин или, вернее, какую огромную часть юности я своими руками отдала ему.

Еще в середине 1986 года я написала главному имаму Тренгану письмо, в котором заверяла его, что, если Бахрин захочет развестись со мной, используя традиционную мусульманскую процедуру, я не стану возражать. Этот способ обрести свободу показался мне самым простым и дешевым – мои финансы не выдержали бы еще одной битвы в суде. Я намеренно не настаивала ни на разделе имущества, ни на денежных выплатах – от Бахрина мне не надо было ничего, кроме свободы и детей. Пусть вся моя одежда и украшения достанутся семье; пока наш старый автомобиль мог довезти меня от пункта А в пункт Б, я нисколько не горевала о «мерседесах» и «роллс-ройсах». В моей новой жизни мне не требовались ни хрустальные бокалы «Уотерфорд», ни столовое серебро, а на моих новых тарелках был только один фирменный знак: «пригодна для посудомоечной машины». Единственное, о чем я жалела, – это книги. Долгие годы они были моими друзьями, учителями и единственным утешением, и я грустила, понимая, что Бахрин уже спалил их в костре. Пусть Элми носит мои бриллианты на шее и кольца на пальцах – мне они всегда казались оковами. У меня не осталось ни малейшего желания цепляться за мертвый брак и оставаться старшей женой в позорном сожительстве втроем. Я больше не хотела никому принадлежать; я только хотела понять, какую часть себя мне удалось спасти.

Бахрин прибыл в Австралию 6 сентября 1986 года и потребовал срочного свидания с детьми, нисколько не считаясь ни с их режимом, ни с нашими планами и вообще ни с кем, кроме себя. Он немедленно взбаламутил всю судебную систему и настоял на совершенно ненужном экстренном слушании, чтобы этого свидания добиться. Казалось, у него не было ни малейшего сомнения в том, что весь мир вращается вокруг его желаний и капризов, а титул принца имеет в Австралии тот же вес, что и у

него на родине. На самом деле я никогда не возражала против того, чтобы дети виделись со своим отцом, и всячески облегчала им общение по телефону, впрочем, Бахрин крайне редко пользовался такой возможностью.

Думаю, весь этот надуманный вызов в суд был только уловкой, для того чтобы получить наш новый адрес. Я ничего не имела против того, чтобы Бахрин знал номер нашего телефона и мог звонить детям, но очень не хотела, чтобы ему сообщали наш адрес – в таком случае я никогда не могла бы чувствовать себя в безопасности. Давая показания под присягой, я сообщила судье, что несколько раз замечала за собой слежку и не сомневалась, что она велась по приказанию мужа. Во время перекрестного допроса Джон Удорович в конце концов заставил Бахрина признаться в том, что тот действительно поручал частному детективу фотографировать меня, но факт слежки он по-прежнему упорно отрицал. К моему возмущению, судья все-таки решил, что я должна немедленно сообщить Бахрину свой полный адрес. Мне очень хотелось вскочить с места и объяснить этому человеку, какой угрозе он подвергает меня и детей, но я сдержалась, понимая, что бороться с системой бессмысленно и что у меня нет доказательств враждебных намерений Бахрина.

На следующий день, решив, что, раз уж нас вытащили в суд, надо этим воспользоваться, Лилиан и Джон подготовили для Бахрина несколько сюрпризов. Они обратились к суду с просьбой обязать его вернуть все мое имущество, оставшееся в Малайзии, и ежемесячно выплачивать мне определенную сумму на содержание детей. Видимо, Бахрин был готов к такому требованию, потому что с первого же дня пребывания в Мельбурне стал играть роль вконец обнищавшего джентльмена. Он остановился в самом дешевом отеле города и отказался от услуг своих дорогих адвокатов, сообщив, что больше не может их оплачивать. По этой же причине он обратился к суду с просьбой предоставить ему бесплатного защитника за счет австралийских налогоплательщиков. Я ни на минуту не поверила в этот спектакль и нисколько не удивилась, когда увидела, что в перерыве Бахрин потихоньку консультируется со своим бывшим адвокатом.

Джон с легкостью разобрался со всеми этими сказками о внезапном обнищании. Перед началом заседания он подошел к Бахрину, пожал ему руку и похвалил его новые часы «Феррари», а потом, выступая в суде, не оставил камня на камне от доказательств его неплатежеспособности, а в качестве финального аккорда предложил судье обратить внимание на новые и очень дорогие часы, красующиеся на запястье у нищего.

В итоге суд обязал моего мужа поклясться на Коране в том, что он будет регулярно выплачивать оговоренные суммы на содержание детей, а также вышлет нам в Мельбурн все мои вещи – одежду, фотографии, постельное белье и посуду, – а также детские игрушки и книги. Я совершенно не рассчитывала на то, что Бахрин выполнит свое обещание, и настояла на таком решении просто из принципа. И действительно, только через десять месяцев я получила из Малайзии две коробки, в которых оказались мусульманские платья, сшитые, когда я была беременной, рваные полотенца, несколько старых костюмов для балинезийских танцев и мой свадебный наряд из красного *сонкета* – вещи совершенно бесполезные при моем нынешнем образе жизни. Про детскую одежду и игрушки муж предпочел забыть. Кроме того, суд постановил, что Бахрин обязан за месяц письменно извещать меня о своем желании повидаться с детьми, чтобы не нарушать своими визитами наших планов и не создавать неудобства себе и нам.

В самом конце судебного заседания Бахрин не отказал себе в удовольствии сыграть свою любимую роль оскорбленного принца. Стоя на возвышении для свидетелей, он гордо выпрямился и с пафосом сообщил судье, что объявляет свой личный *джихад*, или священную мусульманскую войну, с целью вернуть себе сына. Думаю, что из всех присутствующих в зале никто, кроме меня, не понял суть этого заявления. Его честь, очевидно, даже не подозревал, сколько тысячелетней ненависти кроется в этом незнакомом коротком слове (стоит напомнить, что все это происходило задолго до ужасных событий 11 сентября). Зато я отлично поняла, что Бахрин твердо решил отомстить мне. Самым гадким было то, что свою личную злобу он прикрывал мусульманской риторикой. Настоящие мужчины не объявляют *джихада* женщинам и детям. Джихад – это смертельная битва во имя Аллаха и ислама, и погибшие в этой битве отправляются прямиком в рай. Я попыталась посмеяться над этой патетической клятвой и согласно кивала, когда Лилиан и Джон доказывали мне, что, объявляя *джихад*, Бахрин просто пытался запугать судью и меня, но в мозгу застряла крошечная острая льдинка страха, которая напоминала о себе всякий раз, когда раздавался неожиданный звонок в дверь или ночью я слышала непонятный шум на улице.

Единственным позитивным результатом этого недельного визита Бахрина в Австралию стало свидетельство о разводе, доставленное из Тренгану. Оказывается, уже 3 сентября 1986 года я стала свободной, хоть и не знала об этом.

Время текло, отмечаемое первыми несмелыми шагами Шахиры, днями рождения детей с шумными гостями и шоколадными тортами, редкими поездками к морю и нарядными рождественскими елками в углу гостиной. Я закрываю глаза, и мне вспоминается то счастливое и беспокойное время, отдельные выхваченные фразы, смех, слезы, шепот и детские секреты; пикник в парке, дети и друзья, сидящие вокруг расстеленной на траве скатерти; попытки съехать с горы на лыжах – удачные у детей и катастрофические у меня; тихие вечера дома: Шах сидит на одном моем колене, Аддин – на другом, и я читаю им вслух; песни, которые мы хором распеваем в машине. Все это так свежо в памяти, будто случилось вчера. Конечно, в нашей жизни бывали и менее счастливые времена: бывали дни, когда мне не хватало терпения и я кричала на детей, а потом ругала себя; дни, когда мне становилось так одиноко, что я включала телевизор только для того, чтобы услышать взрослый голос; дни, когда я плакала, потому что не знала, как научить Аддина по-мужски пользоваться туалетом. И все-таки нам удалось справиться со всеми этими трудностями и пережить все тяжелые времена, и благодарить за это надо моих замечательных детей, а не их нетерпеливую мать.

Аддин начал ходить в садик, и я превратилась в таксиста. У него появилось столько друзей, что мне постоянно приходилось либо забирать его из гостей, либо отвозить домой его приятелей и приятельниц, гостивших у нас. Светская жизнь сына была гораздо активнее, чем моя. Он полюбил рисовать и увлекся рыцарями Круглого стола и Робин Гудом. Целыми днями они с друзьями строили у нас в саду замки и «скакали на лошадях» вокруг старого абрикосового дерева, низкие ветки которого стали прекрасным укрытием и для ковбоев, и для индейцев, и для лесных разбойников. Аддин, даже когда был совсем маленьким, изо всех сил старался помочь мне и всегда сам предлагал набрать растопки для камина, или разгрузить посудомоечную машину, или разложить по полкам выстиранное белье. Меня беспокоила такая слишком рано пришедшая серьезность – я совсем не хотела, чтобы мальчик чувствовал себя обязанным заменить отсутствующего отца. Надо было постоянно помнить о том, что, прививая сыну чувство ответственности, ни в коем случае нельзя лишать его всех беззаботных радостей детства. Став немного старше, Аддин очень внимательно следил за всем, что происходит в мире, и часто делился со мной своим мнением о только что услышанных новостях. Он очень сердился, когда что-то казалось ему нечестным, и отказывался понимать, как люди могут голодать, когда в витринах магазинов выставлено столько еды. По-правде говоря, я и сама не очень это понимала.

Шахира почти всегда на равных участвовала в играх брата и его друзей. Она вполне могла постоять за себя и очень громко протестовала, если чувствовала, что к ней относятся как к маленькой. Мы прозвали ее «И я тоже!» – фраза, которую она произносила каждый раз, когда брат с приятелями что-нибудь затевали. Она была ужасной неряхой и притягивала грязь как магнит. Мы шутили, что, если одеть Шахиру в белое платьице и запереть ее в белой комнате, она через пять минут выйдет оттуда измазанная с ног до головы. Кроме того, Шах была очень общительна и ничего не делала наполовину: нарисованная ей радуга получалась самой яркой, а ее голос в хоре – самым громким. Она не признавала ни полумер, ни запретов и любила весь мир.

Круг моего общения составляли несколько самых любимых и верных друзей. Летние каникулы мы проводили на пляже со Сью и Робом Макартурами и их сыновьями, а дождливые зимние вечера – с дядей Эриком. Праздники мы отмечали все вместе: Макартуры, Сюзанна с ее детьми, Мейсоном, Спенсером и Джозетт, семья Макменинс и их дети – Натали и Льюис, и семья Дженнер-Бейкеров. Мы сидели рядом на праздничных утренниках в школе, вместе разрисовывали пасхальные яйца и вместе встречали Рождество: пили эгг-ног, обменивались маленькими подарками и смотрели традиционный концерт по телевизору.

Бабушка всегда бывала почетным гостем на этих праздниках. Она устраивалась в самом удобном кресле и благосклонно принимала знаки внимания от детей и взрослых. Ей очень нравилось учить своих правнуков танцевать чарлстон и вальс, обнимать их и качать на коленях. Детей нисколько не смущало то, что бабушка рассказывает одни и те же истории по нескольку раз и что она все забывает. Сидя с ней на диване, Аддин внимательно слушал какой-нибудь уже отлично знакомый ему рассказ и подсказывал, если она опускала существенные детали.

Мои отношения с бабушкой к этому времени заметно изменились. Раньше я была ее обожаемой внучкой, которую она нянчила, как наседка, а сейчас она признала во мне женщину и подругу. Она откровенно рассказывала мне о своей жизни, касалась вопросов секса, поведала мне немало нового о моей матери и с огромной грустью говорила о своем сыне, родившемся мертвым. Я постепенно поняла, что бабушка считает свою жизнь неудачной и бессмысленной. Иногда она жаловалась на то, что у нее никогда не было возможности выбора, и вслух рассуждала о том, как бы ей жилось, не разведись она с моим дедом. Как-то она сказала, что прожила долгую жизнь, а в результате ей нечего

предъявить, кроме меня, конечно. По мнению бабушки, мерилом жизненного успеха являлись только годовщины свадьбы и седой муж, на прогулках ведущий жену под руку; даже еженедельные визиты на кладбище она предпочла бы своему нынешнему неопределенному семейному положению. «Но сейчас все совсем по-другому, – быстро добавляла она. – У тебя столько возможностей, и никто не станет указывать на разведенную женщину пальцем».

Бабушка ошибалась. В наше время тоже хватает моралистов, косо смотрящих на неполную семью. Конечно, в глубине души мне и самой хотелось встретить мужчину, который разделил бы со мной все трудности и сделал меня счастливой, которого я любила бы и который любил бы меня и принимал такой, какая я есть. Но, как известно, мы далеко не всегда получаем то, чего нам хочется. После развода я делала несколько попыток завести серьезные отношения, но каждый раз результат не устраивал меня. Иногда я испытывала к избраннику дурацкое чувство благодарности только за то, что он проявил интерес ко мне, матери двоих детей, и ненавидела себя за это. Один мужчина, с которым я некоторое время встречалась, настаивал на том, что если мы идем в кафе с детьми, то счет надо делить на четыре части, три из которых должна оплатить я. Шах в то время было полтора года, а Аддину четыре, и ели они оба как птички. Как-то раз меня пригласил в ресторан высокий светловолосый адонис, а в результате я чуть не сошла с ума от скуки и к концу вечера уже не сомневалась, что ему гораздо приятнее целовать собственное отражение в зеркале, чем меня. Другие кавалеры раздражали меня своей незрелостью, безответственностью или душевной черствостью, но главным образом я злилась на саму себя, так как отлично понимала, что польстилась на них, только чтобы спастись от одиночества. А главное, я не желала постоянно извиняться перед кем-то за существование моих детей – чудесных, воспитанных и умных малышей, не заслуживающих того, чтобы их считали досадным придатком ко мне.

Когда родные Бахрина привыкли к мысли, что мы с детьми переехали в Австралию навсегда, я начала регулярно переписываться с некоторыми из них. Моим самым верным и любимым другом, конечно же, оставалась Эндах. Она постоянно держала меня в курсе всех семейных событий. Мы часто созванивались с ней и иногда обменивались фотографиями. Эндах переправила мне несколько моих личных фотоальбомов и шубу – все это, уезжая из Малайзии, я для сохранности оставила у нее. Ей удалось сделать это, когда она вместе с мужем приехала в

Австралию посмотреть, как строится их особняк в Перте. Мы обе страшно огорчились, когда султан категорически запретил ей на пару дней заехать в Мельбурн, но Эндах не решилась настаивать – ее муж славился крутым и непредсказуемым нравом.

Раджа Ахмад, отец Бахрина, тоже время от времени писал мне письма и как-то прислал фотографию своего новорожденного сына от третьей жены. Мне казалось забавным, что у Бахрина появился брат моложе его собственных детей. В письмах моего бывшего свекра не было ни горечи, ни упреков, но как-то раз он пожаловался, что скучает по внукам. Я ответила, что он может в любой момент приехать и повидаться с ними, и о том же я писала и всем остальным членам семьи.

Я получала письма и от некоторых теток Бахрина. Тетя Розита особенно открыто выражала мне сочувствие, поздравляла с тем, что я наконец-то освободилась от Бахрина, и советовала поскорее найти ему замену. Сначала такая откровенность удивляла меня, но потом я вспомнила, что Бахрин всегда относился к ней с плохо скрываемым презрением и порицал своего дядю за то, что тот женился на китаянке. Вероятно, тетя Розита была не так наивна, как мы думали, и замечала это. Тетя Зейна держала меня в курсе всех сплетен и скандалов королевского двора и передавала приветы и новости от Мак. Еще я очень благодарна ей за то, что она снабжала меня рецептами полюбившихся мне малайских блюд, которые мне не разрешалось готовить, пока я была замужем за Бахрином. Дочь Зейны Диана писала мне довольно мало: она работала и ждала первого ребенка, и времени на переписку у нее почти не оставалось. Судя по ее коротким записочкам, она старалась держаться подальше от королевской семьи и Тренгану и даже работу себе нашла не там, а в Куала-Лумпуре. И все-таки после рождения дочери она нередко обращалась ко мне за советами, а я попросила свекровь передать ей всю детскую одежду и игрушки Аддина и Шах, оставшиеся в Малайзии.

Мак переписка давалась с трудом. Мне делалось грустно, когда я видела странички, исписанные ее детским, неуверенным почерком. Каждая фраза и слово в них говорили о неграмотности и недостатке образования. Мне было бесконечно жаль эту женщину, так плохо приспособленную к жизни, никогда не учившуюся ничему, кроме ислама, и не способную выразить себя ни устно, ни письменно.

Я хорошо представляла себе, как в доме у Мак за низеньким столиком, уставленным кувшинами с сиропом и сладостями, собираются все ее родственницы, откинувшись на подушки, подставляют ноги или плечи массажисткам и вслух читают мои

письма. Я участвовала в сотнях таких сборищ, слушала их разговоры, видела, в какое радостное волнение они приходят, когда на экране телевизора мелькает одна из них. Кажется, все они искренне считали, что на свете нет и не может быть никакой жизни за пределами их уютного кружка, и, наверное, для них стало настоящим откровением то, что, вырвавшись из него, я продолжала существовать.

Ни в одном из писем от всех этих женщин я не замечала и следа осуждения или гнева. Напротив, они постоянно заверяли меня в своей любви и, кажется, иногда завидовали моей свободе, о которой сами не смели даже мечтать.

Бахрин, однако, не стремился установить со мной ни письменной, ни телефонной связи. Даже детям он звонил не чаще чем раз в несколько месяцев. Я неоднократно говорила ему, что ни в коей мере не хочу препятствовать его разговорам с детьми, но он почти не пользовался этой возможностью. Несколько раз я пыталась заинтересовать его школьными успехами Аддина, предлагала вместе принять решение о том, в какую частную школу будет ходить наш сын, но Бахрин не проявлял к этому ни малейшего интереса.

Мне хотелось, чтобы между детьми и их отцом установилась настоящая, прочная связь. Я надеялась, что ему будет легче смириться со сложившейся ситуацией, если я стану учитывать его мнение по вопросам, касающимся их настоящего и будущего. Однако все мои усилия оказались совершенно напрасными: даже в отношениях с собственными детьми Бахрин остался таким же, каким я знала его, – раздражительным, обидчивым и равнодушным. Всего один раз в год, на день рождения, он присылал подарки, да и то только Аддину. Шахира впервые в жизни получила открытку и подарок от отца, только когда ей исполнилось шесть лет.

Большую часть времени Бахрин не принимал никакого участия в жизни своих детей, а его редкие – не чаще одного раза в год – визиты как будто специально задумывались так, чтобы внести в нашу жизнь как можно больше сумятицы. И даже во время пребывания в Австралии он виделся с Аддином и Шахирой не больше пяти-шести дней, а остальное время посвящал деловым встречам и своему любимому шопингу. Детям эти ежегодные встречи с отцом не приносили никакой радости, а Аддин, возвращаясь домой, обычно жаловался на то, что Бахрин совсем не обращает внимания на Шахиру. Как-то раз, забирая их из отеля после суток, проведенных с отцом, я обнаружила, что девочка проспала всю ночь в грязном подгузнике, полном фекалий. Аддин сообщил, что уговаривал Бахрина переодеть

сестру, но это оказалось без толку. Еще он рассказал мне, что ночью они с отцом спали на широкой кровати, а Шахиру уложили на пол, на одеяло. Между моими детьми всегда царили любовь и полное равноправие, и меня глубоко возмутило бездушное и демонстративно пренебрежительное отношение Бахрина к дочери. Как могла я объяснить доброму и справедливому мальчику, что его отец не считает Шахиру достойной своей любви просто потому, что она родилась девочкой? К сожалению, точно таким же образом Бахрин вел себя и во время всех последующих визитов. Я пыталась заставить его относиться к обоим детям одинаково самыми разными способами: умоляла, терпеливо и вежливо объясняла и, наконец, писала заявления в суд, но все без толку.

Полное неумение Бахрина обходиться с детьми стало совершенно очевидным, когда однажды днем мне позвонила незнакомая женщина и сказала, что Аддин и Шах застряли в лифте в отеле «Виктория». Эта женщина, туристка из Тайваня, выручила детей, и мой сын рассказал ей, что отец запер их в номере, а сам пошел за покупками. К счастью, Аддин знал наш телефонный номер и попросил туристку позвонить мне. Потом он сам взял трубку и дрожащим голосом рассказал мне, что они с Шахирой испугались, оставшись в номере без взрослых, и решили самостоятельно возвращаться домой. Я уже собиралась бежать к машине и мчаться за ними, но тут в отель вернулся Бахрин и, ничуть не смущаясь, подтвердил, что провел все утро в дорогом универсальном магазине «Джордж», который был для Мельбурна тем же, чем «Харви Николз» для Лондона или «Барнс» для Нью-Йорка. Кажется, он искренне не мог понять, отчего я так сержусь: нашему сыну уже шесть, а дочери четыре года, они уже большие и вполне могут посидеть одни.

Должна признаться, что подобная безответственность заставила меня выйти из себя, чего я обычно старательно избегала, общаясь с бывшим мужем. «Чтобы сделать ребенка, большого ума не требуется – его можно зачать даже из пробирки. А вот стать детям папой способен только настоящий мужчина!» – презрительно отчеканила я и швырнула трубку.

40

Когда Шахире исполнилось три годика и она пошла в детский сад, я решила заняться своей карьерой. Я хотела зарабатывать столько, чтобы обеспечить будущее своих детей, и подумывала о том, чтобы стать юристом. Мне уже исполнилось двадцать пять лет, а значит, для поступления в университет мне не требовался диплом об окончании школы. Я даже подала заявление и только потом села и трезво оценила свои возможности. Сложив все расходы на содержание детей за годы моей учебы, деньги на учебники и на няню, без которой мне будет не обойтись, я поняла, что все эти расходы мне не по силам. Да и детям пришлось бы слишком дорого заплатить за честолюбивые мечты своей матери. А кроме того, я хотела все время быть рядом и видеть, как они растут.

Несколько месяцев я проработала на полставки на частной телестудии, а потом зарегистрировалась в нескольких бюро по трудоустройству и стала брать временную работу, замещая ушедших в отпуск или заболевших секретарш и администраторов. На одном месте я обычно работала от двух дней до месяца и старалась выбирать места с таким рабочим графиком, который позволял мне как можно больше быть с детьми. Такой образ жизни меня вполне устраивал: работа была несложной, и я могла делать ее с закрытыми глазами, а оплата – почасовой и вполне приличной. Специализировалась я на замене сотрудников рекламных фирм и агентств по связям с общественностью, и моя уверенность в себе росла с каждым новым местом, потому что нередко наниматели предлагали мне остаться у них на постоянную работу. Однажды, довольно долго проработав в студии, занимающейся рекламой и графическим дизайном, я приняла такое предложение и осталась у них. Агентство быстро шло в гору, у него была масса клиентов, и мне обещали, что со временем я смогу перейти с административной на более творческую работу. К тому же там с сочувствием относились к моему положению работающей матери и всегда разрешали взять недоделанную работу на дом.

Только впервые столкнувшись с сорокачасовой рабочей неделей, я поняла, как тяжело живется работающим родителям. В обмен на постоянную зарплату мне приходилось каждый день решать неразрешимые задачи, согласовывая свой рабочий график с графиком двух нянь, расписанием школьных кружков и групп продленного дня. Какой кошмар! Я вскакивала в 6.30 утра, будила и одевала детей, в 6.45 усаживала их за стол и

попеременно то умоляла поесть, то требовала, чтобы они поторопились, а сама в это время одной рукой мазала им бутерброды, а другой пыталась накрасить ресницы, не глядя в зеркало и время от времени попадая кисточкой в глаз. Не позже 7.30 я должна была выскочить из дома и сначала завезти Аддина и Шах к няне, которая сидела с ними до начала занятий, а потом, с трудом продираясь через плотный утренний поток машин, к 8.30 прибыть на работу. Вечера были не лучше: в 17.45 и ни минутой позже я должна была забрать Шахиру у няни, а ровно в 18.00 – Аддина из школы; потом мы спешили домой, и я, пока готовила ужин, слушала, как Аддин читает, и узнавала все последние новости из школы и садика. После ужина я купала детей, мыла и сушила волосы Шахире, укладывала их спать, а утром все начиналось сначала. Я выдержала такую жизнь только девять месяцев – ровно столько понадобилось для того, чтобы накопить денег на подержанную машину, – а потом уволилась. Я слишком соскучилась по своим детям и слишком хорошо понимала, что никто не вернет мне тех часов, которые они проводят с чужими людьми. Мне уже осточертел собственный голос, уговаривающий детей поторопиться.

Я вернулась к временной работе, но к тому времени это занятие стало гораздо менее прибыльным из-за общего спада в экономике Австралии. Чтобы немного увеличить наш доход, я начала подрабатывать внештатным консультантом по связям с общественностью, а позже открыла и собственный маленький бизнес, а кроме того, давала уроки танца в балетной школе при Государственном театре.

Джон Сэвидж появился в моей жизни в марте 1989 года, и вместе с ним ко мне окончательно вернулась давно потерянная уверенность в себе. Мы были вместе с Джоном всего полгода, но эти полгода навсегда изменили мое отношение к самой себе. Джон, довольно известный американский актер, приехал в Мельбурн для того, чтобы сыграть главную роль в австралийском фильме «Охота». Он родился в Вермонте, воспитывался в строгой протестантской семье, но в юности взбунтовался, ушел из дома, чтобы стать актером, и очень рано женился. Соблазны Голливуда сделали свое дело, и брак довольно скоро распался, а Джон с некоторым опозданием занялся поисками себя. Когда меня познакомили с ним наши общие друзья, я понятия не имела ни о его карьере в кино, ни о фильмах («Волосы», «Охотник на оленей», за который Джон был номинирован на Оскар, и самый последний – «Крестный отец–3»), но зато сразу же поняла, что наш интерес друг к другу взаимен. Мне нравилось в нем все –

пронзительные светло-голубые глаза, непокорные светлые волосы, способность по желанию включать свое неотразимое сценическое обаяние или, подобно хамелеону, сливаться с обстановкой, делаться совершенно незаметным и внимательно наблюдать за присутствующими откуда-нибудь из угла комнаты.

Только от Джона я узнала, какими могут быть отношения между мужчиной и женщиной, только он научил меня смотреть в зеркало и любить себя. Он немедленно подружился с Шах и Аддином, нисколько не возражал, когда они присоединялись к нам на верховой прогулке или на обеде в ресторане, и подолгу разговаривал с ними, выслушивая их мнение с величайшей серьезностью и интересом. Жизнь с Джоном казалась непрерывным и увлекательным приключением, а порой он даже пугал меня своей экстравагантностью – например, когда появлялся на пороге, с ног до головы обвешанный подарками для нас троих. Даже бабушка не устояла перед его обаянием, когда в День матери он в своем пентхаусе в отеле устроил для нее праздничный ланч с шампанским и цветами. В такие моменты я забывала, за кем из нас он ухаживает.

Время от времени Джон заговаривал со мной о свадьбе, но, хоть я и любила его, не спешила говорить «да». Из наших долгих разговоров я знала, что Джон считает меня и детей чем-то вроде пропуска в нормальную жизнь и горько сожалеет о том, что не принимал никакого участия в воспитании своих собственных детей – Дженнифер и Лашлана, но я не чувствовала в себе достаточно сил для того, чтобы стать его спасительницей от демонов Бродвея и Голливуда.

Уехав из Австралии, Джон еще некоторое время продолжал каждый день звонить мне и уговаривал передумать и принять его предложение. Сам он сначала отправился в Южную Африку и там увлекся работой в благотворительной организации «Уорлд вижн», потом переехал в Европу, где снялся в нескольких фильмах, и далее продолжал в том же духе – боролся с соблазнами и бродил по свету, нигде не пуская корней. Мы с ним остались друзьями и старались не терять связи друг с другом – иногда разговаривали по телефону, изредка писали друг другу письма, но чаще всего Джон в самое странное время дня или ночи оставлял на моем автоответчике сообщения из разных диковинных уголков мира и непременно просил передать привет «вомбатам», как он называл Шахиру и Аддина.

Джон был и остается их любимцем и даже стал героем после того, как во время очередного набега Бахрина с предельной ясностью объяснил тому, что Шах никогда больше не должна спать на полу его номера. Мы вместе завозили детей в отель к их

отцу, и уже в коридоре Джон прошептал мне на ухо, что сам уладит этот вопрос с моим бывшим мужем. Я не успела даже рта открыть, а он, подмигнув мне, уже уверенно стучал в дверь номера. Бахрин явно растерялся, обнаружив на пороге не только меня и Аддина с Шахирой, но и незнакомого американца, на которого его дети смотрели с нескрываемым обожанием. Наверное, больше всего его поразила наружность незваного гостя: отпущенная для съемок четырехдневная щетина, испачканные глиной ботинки и брезентовый пастушеский плащ. С видом заправского ковбоя Джон прошелся по комнате и невинно поинтересовался у Бахрина, где будут спать дети. Тот немного смутился и поспешно объяснил, что колыбель для Шахиры должны вот-вот принести, а готовый к такому ответу Джон спокойно заметил, что девочке уже четыре года и ей, пожалуй, нужна не колыбель, а настоящая кроватка. Раздраженный Бахрин уже открыл рот, чтобы возразить, но тут же закрыл его, видимо заметив стальной блеск в улыбающихся глазах Джона.

Я была потрясена: мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы Бахрин так откровенно пасовал перед кем-то. Быстренько расцеловав детей, протестующих и ноющих, что они хотят пойти с нами, я вышла из номера, но успела услышать, как Джон на прощанье многозначительно говорит Шахире: «Завтра ты обязательно расскажешь мне, как чудесно тебе спалось в новой кроватке, которую принесет *абах*». Зажав рукой рот, чтобы не рассмеяться, я бросилась к лифту.

Джон был и навсегда останется моим другом. Мы обязательно перезваниваемся, когда в наших жизнях происходит что-то важное, и поэтому в марте 1990 года я потратила три дня для того, чтобы разыскать его на съемочной площадке где-то в Италии и сообщить, что выхожу замуж.

Жизнь полна странных совпадений, упущенных возможностей и случайных встреч. Одна из таких случайных встреч, состоявшаяся летним солнечным днем, и решила мою судьбу. После отъезда Джона из Австралии я сделала еще пару вялых попыток наладить свою личную жизнь, но в итоге заработала только новые разочарования и наконец твердо решила, что отныне мужчины интересуют меня исключительно в качестве друзей. Наверное, принимать такое решение – это все равно что махать красным флагом под носом у быка или, иначе говоря, искушать судьбу. Судьба мой вызов приняла и ответила мне 2 декабря 1989 года, когда моя подруга Вив продиктовала незнакомый адрес и попросила меня заехать за ней. Дверь мне открыл красивый мужчина с каштановыми волосами и такими же

усами; он улыбнулся и пригласил нас с детьми в дом, где в гостиной уже ждала Вив. Мужчину звали Ян Гиллеспи.

Тем утром мы провели вместе три чудесных часа, увлеченно болтая и совершенно не обращая внимания на мою подругу, несколько раз намекавшую, что нам с ней пора уходить. Мы разговаривали о музыке и о кино, и я упомянула очень тронувший меня накануне вечером документальный фильм под названием «История Сьюзи». Я даже начала пересказывать содержание этой ленты о семье из Сиднея, больной СПИДом, но остановилась на полуслове, заметив странное выражение на лице Вив.

– Спасибо. Я очень рад, что вам понравился этот фильм, – хитро улыбнулся Ян. Увидев мое недоумение, он объяснил, что работает тележурналистом и что он сам написал сценарий и снял понравившуюся мне ленту.

Я почувствовала себя ужасно неловко, но на мое невежество тактично не обратили внимания. Чтобы дать мне время прийти в себя, Ян начал негромко наигрывать на гитаре, а потом запел и совершенно очаровал детей лихими мелодиями и абсурдными словами своих песенок. Очарованы были не только дети, но и их мать. Я даже начала подпевать, и скоро мы уже пели все хором и так веселились, что я не на шутку огорчилась, когда наконец вспомнила, что нам с подругой давно пора уходить. Затаив дыхание и волнуясь, я ждала, не попросит ли он мой номер телефона. Мне самой было совершенно ясно, что я очень хочу еще раз увидеть этого человека; оставалось надеяться, что он чувствует то же самое. Мы уже стояли у дверей, когда он все-таки попросил мой номер и записал его на пустой упаковке от салфеток. Позже Вив рассказала мне, что, когда я вышла, он на секунду задержал ее в дверях, чтобы спросить, есть ли шанс, что я соглашусь встретиться с ним. Вив посоветовала ему рискнуть.

Ян позвонил мне двадцать четыре часа спустя, и я впервые за прошедшие сутки облегченно вздохнула. Все это время я представляла себе, что не в меру усердная домработница выбросит в мусор пустую упаковку, а я никогда так и не узнаю, оказалась ли наша симпатия взаимной. Немного неуверенно, но настойчиво Ян предложил мне поужинать вместе тем же вечером, и я немедленно согласилась, быстро прикидывая, сумею ли за такой короткий срок найти няню на вечер, и одновременно волнуясь, как бы в разреженной обстановке первого свидания он не нашел меня менее интересной, чем вчера у себя в гостиной.

Раздался звонок, и тут же залаяла наша собака, закричали дети, и мы все вместе бросились открывать дверь. На пороге стоял Ян и смотрел на меня так, словно ожидал увидеть кого-то

другого.

– Жаклин? – уточнил он, растерянно улыбнувшись.

Я безуспешно пыталась утихомирить детей и собаку.

– Привет, Ян. Добро пожаловать в наш сумасшедший дом. Я уже готова.

– Отлично. Столик заказан на восемь.

Я последний раз напомнила Шахире и Аддину, что они должны слушаться Карен, расцеловала их, и мы с Яном вышли из дома. Он предупредительно распахнул дверь своего старого «ягуара» и устроил меня на переднем сиденье. Всю дорогу я чувствовала, что он тайком поглядывает на меня, и никак не могла понять, в чем дело.

Обед в маленьком французском ресторанчике прошел замечательно – Ян был очарователен, мил, остроумен и часто улыбался чудесной улыбкой, от которой теплели его глаза. В общем, он нисколько не разочаровал меня, а, наоборот, заинтересовал еще сильнее, чем вчера. Правда, мне пришлось проявить твердость, когда с чисто журналистской настойчивостью он попытался выведать у меня подробности о моем браке. На эту тему я никогда не говорила ни с кем, кроме самых близких друзей. Все остальное время я так самозабвенно хохотала над смешными историями, которые Ян рассказывал на разные голоса, что в конце концов мне стало казаться, будто за нашим столиком сидят десяток человек.

По дороге домой его старая машина вдруг начала задыхаться, кашлять, потом несколько раз сильно вздрогнула и в самом начале моей улицы остановилась совсем. Я сразу же решила, что если Ян устроил все это специально, чтобы заночевать у меня, то его ожидает очень неприятный сюрприз. Я холодно заметила, что поломка машины – это не слишком оригинальный предлог, но Ян засмеялся и честно признался, что его старина-«ягуар» давно барахлит и что сегодня он приехал на нем, только чтобы произвести на меня впечатление. Пока мы пешком шли до моего дома, раскрылась и тайна его косых взглядов.

– Когда ты сегодня открыла мне дверь…

– Что?

– Я тебя не узнал. Ну, в смысле, ты выглядела совсем по-другому.

– Ты хочешь сказать, что когда я оденусь и накрашусь, то выгляжу немного поприличнее? – поддразнила я Яна.

– Нет… Ну, то есть да… Я имею в виду, что ты выглядела не так, как вчера, – совсем запутался он. Я наслаждалась этим диалогом и не спешила прийти ему на помощь. – Просто ты оказалась такой красивой! Вчера я этого еще не понял.

– Тогда почему ты мне позвонил? – спросила я и затаила дыхание, потому что на этот вопрос мог быть только один правильный ответ.

– Потому что ты мне очень понравилась, и мне показалось, что ты интересный человек, и с тобой приятно было разговаривать. Но вчера я еще не знал, что ты так привлекательна… в смысле…

– Я понимаю, в каком смысле, – перебила я, решив сжалиться над Яном. – Вчера я была не накрашенной, и один глаз покраснел, потому что я неудачно вставила контактную линзу, и оделась я специально для того, чтобы помочь Вив с переездом. Но ты мне все-таки позвонил, – закончила я с улыбкой.

– Позвонил. И теперь понимаю, как мудро я поступил.

– Очень мудро, – согласилась я.

Всю следующую неделю мы встречались с ним каждый вечер, да и днем проводили вместе каждую свободную минуту. В пятницу Ян должен был на десять дней уехать в Китай, и эта предстоящая разлука словно усиливала наше взаимное влечение. Из Пекина Ян звонил мне по нескольку раз день, и мы разговаривали с ним часами; он не уставал уверять меня, что в той скорости, с которой развиваются наши отношения, нет ничего смешного или безумного даже с точки зрения такого старого и циничного журналиста, как он сам.

И вот наконец Ян вернулся. Я увидела, как расцвело его лицо в тот момент, когда в зале аэропорта он увидел меня, и сразу же забыла обо всех своих страхах и сомнениях. Он вернулся, и теперь все у нас будет хорошо!

Дети полюбили его сразу же. У самого Яна было трое своих детей от двух предыдущих браков: Скай исполнилось одиннадцать, Тайсону – семнадцать, а Дрю – пятнадцать. Забавно, но вопрос о свадьбе впервые подняли трое младших детей. Аддин и Шах играли в комнате у Скай, а потом они втроем вышли оттуда и объявили: «Когда мы все поженимся, нам будет нужен дом побольше». Они уже обсудили, как объединить не только две наши семьи, но всех домашних животных. Ян всегда утверждал, что это я первая сделала ему предложение, а я точно помню, что мы оба одновременно задали друг другу вопрос и одновременно ответили «да».

Через пять месяцев в церкви состоялась церемония, на которой присутствовали все наши дети и друзья. К алтарю меня вел дядя Эрик, а подружками невесты были Скай, Шахира и моя подруга Вай Лин; девичник перед свадьбой организовала Сюзанна Коул. Она отказалась быть подружкой невесты на том основании, что в ней сто восемьдесят сантиметров росту, а во мне – на

тридцать сантиметров меньше и на фотографиях мы будем выглядеть очень потешно.

На свадьбу я надела шелковое с кружевами платье цвета слоновой кости с рукавами три четверти и низким, украшенным зубчиками вырезом. Кружевную фату удерживал на голове обруч с жемчужинами. В руках я держала букет из гардений, тубероз и чайных роз. Девочек нарядили в кремовые кружевные платья, а Шахира и Скай вдобавок надели через плечо ленты из тартана тех цветов, что носили в клане Яна. Вместо букетов у них были браслеты из цветов. Ян как истинный шотландец надел килт, и Аддин настоял, чтобы и ему сшили такой же. Шаферами были сыновья Яна, Тайсон и Дрю.

После того как обеты произнесли мы с Яном, наступила очередь детей. Они сами придумали, что прямо в церкви поклянутся стать друг другу настоящими братьями и сестрами. За церемонией последовала веселая и шумная вечеринка в нашем новом доме. На нее пришли все наши друзья, две бабушки – моя и Яна, и даже настоящий шотландский волынщик, разумеется, тоже в килте. Этот день, полный смеха, слез, танцев, веселья и улыбок был и остается одним из самых счастливых в моей жизни. А Ян не забывал напоминать мне, что это только начало.

Наша новая жизнь стартовала в прелестном и старом викторианского стиля доме в Хоторне. Мне пришлось немало побегать, чтобы его найти. Сперва я твердо решила, что он должен быть достаточно большим, чтобы мы всемером могли разместиться в нем, не стесняя друг друга. Было бы нечестно запихать детей в общую комнату и потребовать, чтобы они немедленно полюбили друг друга и стали одной семьей. В нашем новом доме даже у самых маленьких были отдельные комнаты.

Для того чтобы вести такое большое хозяйство, от меня требовалось немало организованности и собранности. Каждый день за наш стол садились от семи до шестнадцати человек, и я не сразу привыкла готовить такое количество еды. Второй моей важной обязанностью было развозить детей по школам, садикам и колледжам, а потом забирать их оттуда. Скоро я научилась за десять минут доезжать от садика Шах до школы Аддина, а потом до колледжа Скай, но еще несколько месяцев путала, где и во сколько должна оказаться, и часто приезжала в нужное время, но не в ту школу или правильно помнила место, но забывала час.

Когда Аддин пошел в новую школу, он захотел носить фамилию Гиллеспи, и Шахира, как всегда, последовала примеру старшего брата. Мы с Яном отнеслись к такому желанию довольно осторожно, но Аддин так настаивал и приводил такие веские аргументы, утверждая, что теперь мы все – одна семья и

должны называться одинаково, что в конце концов мы уступили, но все-таки несколько раз напомнили детям, что Бахрин был и всегда останется их настоящим отцом.

Так шла моя жизнь, полная детьми, семьей и Яном. Выходные и каникулы мы проводили на большой, принадлежащей его семье ферме в Южном Гипсленде. Отец и мать Яна жили там постоянно, а мы, когда приезжали, устраивались в старом амбаре, переделанном под жилье. Дети его обожали, хоть он и не отличался особым комфортом. Но во всяком случае водопровод и нормальный туалет в нем имелись, и, если я не забывала подбрасывать в топку котла дрова, была и горячая вода. На ферме мы целыми днями гуляли по бушу, купались в запруде, а иногда просто ленились. Это был спокойный, идиллический уголок на высоком холме, нависающем над заливом Уэстернпорт. По его склонам скакали стада кенгуру, а в листве деревьев прятались гигантские вараны (ящерицы, достигающие метра в длину). По склону холма, извиваясь, сбегала небольшая речушка с белым глинистым дном, и в воде иногда попадались драгоценные камни.

Ян работал на Десятом канале телевидения, специализировался на журналистских расследованиях, а иногда сам продюсировал и снимал документальные фильмы. Я по-прежнему давала уроки танца в балетной школе, изредка бралась за небольшие рекламные проекты и помогала Яну.

Казалось, счастье наконец пришло ко мне. Каждое утро я просыпалась с улыбкой и с нетерпением ждала, что принесет мне новый день. Аддин и Шахира легко освоились в новой жизни, быстро росли и радовали нас. Они очень любили Яна и по собственной инициативе стали называть его папой. К счастью, и я сумела подружиться со Скай, и она не сразу, но тоже начала называть меня мамой. Я не торопила ее, предоставив отношениям развиваться естественным путем, и это решение оказалось единственно верным. Тайсон и Дрю приезжали к нам на выходные и каникулы и скоро стали для Аддина кумирами и образцами для подражания. Я была старше Тайсона всего на восемь лет, поэтому мы с ним быстро подружились и остаемся друзьями до сих пор.

По вечерам Ян часто брал гитару и пел всякие смешные песни, и мы хором подтягивали ему, а Шах танцевала. Для нее и Аддина это стало любимым развлечением. Обе девочки начали ходить в балетную школу, а Аддина приняли в отряд бойскаутов-«волчат», о чем он уже давно и страстно мечтал.

На Рождество, дни рождения и прочие праздники все друзья собирались у нас, и дом наполнялся шумом и смехом. Мне нравилось принимать гостей, и я использовала для этого любую

возможность, с удовольствием готовила, а столы всегда ломились от угощений. На первое Рождество в нашей общей семье я сама вызвалась приготовить традиционный обед с индейкой на восемнадцать человек, но, правда, вскоре горько пожалела об этом, потому что наши шотландские родственники едва не передрались из-за того, кому достанутся ножки.

В хорошую погоду мы часто устраивали долгие велосипедные прогулки. Для Шах на велосипеде Яна было установлено специальное сиденье: она еще не очень уверенно ездила и была слишком мала, чтобы самостоятельно одолеть двадцать миль. До сих пор, закрыв глаза, я вижу, как Аддин несется впереди всех, оглядывается и кричит нам что-то веселое, а от его велосипеда ни на шаг не отстает наша собака Макл. Часто к нашим прогулкам присоединялись Джон Удорович и его дети, Надин и Джошуа. Обычно мы выбирали излюбленный маршрут мельбурнцев: вдоль реки Ярра к лодочной пристани в парке Стадли. Там мы слезали с велосипедов, брали напрокат лодку, гребли вверх по реке и причаливали у какого-нибудь симпатичного места. Съев захваченные с собой припасы, мы гонялись друг за другом с водяными пистолетами, а потом сравнивали, кто в результате окажется самым мокрым.

Наверное, единственным, что омрачало тогда нашу жизнь, были случившиеся у меня один за другим четыре выкидыша, причиной которых был эндометриоз. Я легко беременела, но сохранить ребенка никак не могла. Аддин, Шах и Скай очень хотели маленького братца или сестричку и огорчались, когда ничего не получалось, но все-таки переносить горе от потери мне приходилось в одиночку – понять его могла бы только женщина, сама потерявшая еще нерожденного ребенка. Тем не менее я лечилась и не теряла надежды.

41

Я часто раздумываю над тем, сколько человек на свете могут точно указать момент, навсегда перевернувший и разрушивший их прежнюю жизнь и вычеркнувший их из числа нормальных людей с нормальными судьбами.

В назначенный час я подошла к отелю, но не сразу решилась войти. Потому что уже знала: дверь, ведущая в это ничем не примечательное здание, станет для меня дверью в ад. Мельком посмотревшись в зеркало на стене вестибюля, я с удовлетворением отметила, что мое лицо совершенно спокойно и ничем не выдает разрывающей сердце тревоги, подошла к телефону и набрала номер комнаты, занимаемой Бахрином. Мне никто не ответил, но я этого и ждала. Их здесь уже не было.

Если я хочу восстановить точную хронологию событий, предшествовавших июлю 1992 года, и определить источник тревоги, что поселилась в моем сердце задолго до этого, наверное, надо начать со звонка Бахрина в феврале того же года. Сам звонок, хоть и неожиданный, не насторожил меня – Бахрин звонил, чтобы поздравить сына с наступающим днем рождения, – но в нем была какая-то странность, которая потом несколько часов не давала мне покоя. Сняв трубку, я сразу же бросилась за детьми, помня, что каждая минута международного разговора обходится их отцу в круглую сумму, и только гораздо позже сообразила, что именно показалось мне странным: звонок совсем не был похож на международный – обычно такие короткие гудки при соединении раздаются, когда кто-то звонит из другого города Австралии. Я поделилась своим наблюдением с Яном и парой друзей, но все они дружно заверили меня, что я просто ошиблась и спутала международный звонок с междугородним. Не успокоившись до конца, я все-таки предпочла согласиться с ними хотя бы ради того, чтобы не выслушивать обычные шутки о материнской паранойе.

Писать эту часть книги – значит заново переживать и выставлять на всеобщее обозрение все поступки, глупости и страшные ошибки, навсегда изменившие мою жизнь. «Если бы только я…» – этой фразой я терзаю себя вот уже много лет. Если бы только я… что? Поверила своему инстинкту и не стала слушать мужа и друзей? Не старалась бы вести себя как разумный и уравновешенный человек? Пошла навстречу желаниям Аддина и Шахиры? Но я не сделала этого, и теперь никакие сожаления и «если бы» ничего не изменят.

Едва оправившись после очередного выкидыша (на этот раз я была беременна близнецами), я вернулась к работе на телевидении и радиостанции, но еще долго не могла выйти из депрессии. В конце концов мне пришлось пообещать себе, что в июле мы заживем как прежде, а для начала весело отпразднуем два дня рождения – мой и Шахиры. Когда закончатся зимние каникулы, я сделаю Аддину сюрприз и запишу его на курсы игры на саксофоне, о чем он мечтает уже целый год, а вместе с Шах начну строить давно обещанный ей кукольный домик. В общем, дети вернутся в школу, а я вернусь к своей обычной жизни, заполненной долгими велосипедными прогулками, заседаниями родительских комитетов и уроками в балетной школе.

В следующий раз Бахрин позвонил только через несколько месяцев – на этот раз для того, чтобы обсудить детали своего предстоящего свидания с детьми. Мне показалось странным, что он звонит в первой половине дня, хотя отлично знает, что в это время ни Аддина, ни Шах не бывает дома, но в голосе Бахрина не было и следа обычной враждебности, поэтому я не стала выражать свое удивление вслух и тоже заговорила с ним приветливо. Мой бывший муж и дальше был настолько любезен, что я не узнавала его. Услышав, что дети в школе, он сказал, что с удовольствием поболтает и со мной, участливо расспросил о здоровье бабушки и выразил сожаление в связи с моим недавним выкидышем. Только гораздо позже, уже повесив трубку, я вспомнила, что никогда ничего не говорила ему ни о последней, ни о предыдущих беременностях. А в конце разговора Бахрин произнес слова, которые я всегда мечтала, но даже не надеялась услышать от него:

– Послушай, Ясмин… нет, извини, Жаклин, я бы очень хотел, чтобы мы могли относиться друг к другу как друзья. Давай ради детей забудем все, что было. Самое главное – чтобы они были счастливы. Как ты считаешь?

Я была так ошеломлена, что смогла издать только нечленораздельные утвердительные звуки. Новый сердечный тон Бахрина никак не связывался у меня в сознании с его знакомым образом.

– Я всегда этого хотела, Бахрин, – выговорила я наконец. – Конечно, мы должны помириться ради детей. И Ян тоже так считает.

– Ну и отлично. Значит, увидимся на следующей неделе. Пожалуйста, передай привет своей бабушке и Яну. До свидания, – сказал он и отсоединился.

Я осталась сидеть на стуле рядом с телефоном, растерянно глядя на трубку, которую все еще держала в руке. Неужели после всех этих лет, наполненных обидами, оскорблениями и мелкой местью, мой бывший муж повзрослел и осознал свою ответственность перед детьми?

Так и не поняв, что же случилось, я позвонила Яну, а потом Лилиан и слово в слово передала им весь наш разговор. Ян обрадовался и тут же сделал вывод, что Бахрин наконец-то научился думать о детях и вести себя цивилизованно. Реакция Лилиан оказалась примерно такой же, и она только устало вздохнула, когда я стала приставать к ней с вопросом: «Что же он задумал?» И все-таки я чувствовала неприятный холодок в груди еще долго после того, как вернула трубку на телефон. Но в тот момент у меня имелись заботы поважнее: через несколько часов пятнадцать детей должны были явиться к нам на день рождения Шах, и мне предстояло как-то доставить их всех в заведение под названием «Павильон смеха», где Шах захотела отпраздновать свое семилетие. Мы с Яном подарили ей большую Минни Маус – уже пару месяцев Шах очень прозрачно намекала, что жить не может без такой куклы. Увидев выражение ее лица сегодня утром, когда она развернула подарок, я поняла, что мы сделали верный выбор. Еще очень долго, вспоминая этот день, я буду благодарить судьбу за то, что успела устроить тогда такой чудесный праздник для Шах и разрешила Аддину пригласить на него своих лучших друзей.

Пятое июля 1992 года пришлось на воскресенье. В этот солнечный день все друзья и родственники пришли к нам, чтобы поздравить меня с днем рождения. Праздник продолжался до вечера, все смеялись и много шутили, а целая толпа возбужденных и сияющих детей носилась по дому и саду, играя в прятки. В этот день я снова почувствовала себя счастливой и твердо знала, что впереди меня ждет еще много таких дней, что у меня есть дети и друзья, успешная карьера, любящий муж и надежда, что рано или поздно родится новый ребенок и еще теснее свяжет нас друг с другом. Мою радость немного омрачало только то, что на следующий день должен был приехать Бахрин и забрать Аддина и Шах с собой в отель.

В понедельник утро началось с дождя и нытья детей, заявивших, что они совсем не хотят ехать со своим отцом в отель, а хотят вместе со Скай отправиться на ферму к родителям Яна и там провести все каникулы. Ян прочитал Аддину целую лекцию о том, как следует относиться к отцу, и запретил ему писать фломастером на ноге свой телефонный номер, что Аддин проделывал уже несколько лет подряд. Ян объяснил, что в этом

совершенно нет необходимости, потому что детям не грозит никакая опасность, и им следует радоваться возможности повидаться с отцом и получше узнать его. Судя по лицу Аддина, он сильно сомневался в справедливости этих советов.

Отец приехал за ними сразу после полудня и опять поразил меня непривычной любезностью и добродушием. Он вежливо отказался от предложения Яна выпить чашку кофе и попросил разрешения воспользоваться телефоном, для того чтобы вызвать такси. Пока он набирал номер и разговаривал, Шах опять начала ныть, что не хочет ехать с *абахом*, а Аддин громко вторил ей. Бахрин стоял в дверях кухни, повернувшись к нам спиной, но я видела, как напряглась его шея и побелели костяшки пальцев, сжимающих телефонную трубку. Тогда я решила, что это вызвано поведением нашей собаки Макл, которая ранее приветствовала появление Бахрина громким сердитым лаем, а сейчас недоверчиво обнюхивала его ноги. Мой бывший муж терпеть не мог и боялся собак и в их присутствии всегда держался очень напряженно, а я с тайным удовольствием наблюдала за этой сценой и надеялась, что Бахрин заметит, с какой любовью и бесстрашием дети тормошат Макл. Для меня это было лишним подтверждением того, что они нормальные и естественные дети, совсем непохожие на своего отца. В жизни нашей семьи все время присутствовали животные – коровы, кролики, собаки, кошки, лошади и кенгуру, – и все дети дружно презирали тех, кто трусил в присутствии их любимцев. Сейчас, оглядываясь на тот день, я думаю, что Макл интуитивно чувствовала все, что случится дальше, и не могу простить себя, что отозвала ее, когда она с явно недружелюбными намерениями потянулась к ширинке Бахрина. Жаль, что я не позволила ей отхватить от него кусок или сразу вцепиться в горло. Вместо этого я приказала собаке лечь в углу, и оттуда она продолжала настороженно и враждебно следить за каждым движением моего бывшего мужа.

Помня о том, что теперь мы с Бахрином друзья, я предложила отвезти его с детьми в город. Я объяснила, что такси придется долго ждать, но не решилась упомянуть другую причину: мне казалось, что так детям будет немного легче смириться с неизбежным переселением в чужую среду. Бахрин пожал моему мужу руку, дети на прощанье расцеловались с Яном, а Шах, как обычно, бросилась ему на шею и громко объявила: «Я люблю тебя, папочка!» И она, и Аддин без всякого энтузиазма относились к перспективе провести со своим отцом целых два дня и, не стесняясь, давали это понять. Шах настояла на том, чтобы сбегать в свою комнату за Белянкой, пушистой игрушечной козочкой, которую Ян подарил ей на наше первое общее Рождество, а потом

мы все, то есть Бахрин, Скай, Дрю, Аддин, Шах и я, уселись в наш большой красный внедорожник по прозвищу Арнольд.

В дороге мы с Бахрином общались друг с другом с преувеличенной и немного натянутой вежливостью, а я безуспешно пыталась найти какую-нибудь общую тему для беседы. Я заговорила о детях, их школьных успехах и увлечениях, но их отец не проявил к этому никакого интереса. Тогда, вспомнив, что он архитектор, я указала ему на любопытное здание – прекрасно отреставрированную старую церковь, в которой теперь размещалось успешное рекламное агентство. Реакция Бахрина поразила меня своей неприкрытой враждебностью.

«Это отвратительно, – отрывисто бросил он. – Только *мат саллех* способны превратить святое место в офис».

Невольно я начала оправдываться и объяснять, что прекрасное здание было почти разрушено и реставраторам едва удалось его спасти, но сразу же поняла всю бесполезность своих аргументов и замолчала на полуслове. Оставшуюся часть пути, к счастью короткую, мы проделали в полном молчании. У дверей отеля я затормозила, и после тысячи поцелуев, объятий и нового потока жалоб дети вслед за отцом выбрались из машины. На прощанье я твердо сказала им, что они должны остаться с отцом на две ночи и вернутся домой только в среду, и напомнила, что мы с Бахрином договорились и теперь перед сном они могут позвонить домой, чтобы пожелать нам спокойной ночи. Услышав об этом, они, казалось, смирились со своей судьбой и понуро пошли в отель следом за отцом, который был для них почти чужим человеком, а я послала им воздушный поцелуй и быстро тронулась с места.

Сначала я услышала громкий лай Макл, потом скрип открывающихся ворот и поняла, что дети вернулись. Еще не успев распахнуть тяжелую входную дверь, я услышала, как на крыльце рыдает Шахира.

– Мамочка, он не разрешил мне забрать домой Белянку, а я без нее не усну, – всхлипнула она, прижимаясь ко мне. Я вопросительно поглядела на Аддина.

– Абах не разрешил нам забрать с собой вещи, – объяснил тот. – Мы даже зубные щетки там оставили.

Я быстро оглянулась на ворота и увидела, что Бахрин, помахав мне рукой, уже садится в ожидающее его такси.

– Подожди! – крикнула я и побежала к машине. – Почему ты не разрешил ей взять домой козочку? Она не может без нее спать.

– Потому что она ей не нужна.

– Но я же объясняла тебе, как…

Бахрин перебил меня, с явным трудом сдерживая гнев:

– Послушай, Ясмин, мне все равно, что ты там объясняла. Все это ерунда. Она завтра опять приедет в отель и заберет свою игрушку. – Он захлопнул дверь, прервав таким образом разговор, и такси тронулось с места.

Больше всего в этот момент мне хотелось лишить Бахрина права свиданий с детьми, но я не решалась рисковать, затевая новый судебный процесс. К счастью, на этот раз детям осталось потерпеть только два дня и две ночи. Я мысленно похвалила себя за предусмотрительность: в свое время я объяснила судье, что дети почти незнакомы со своим отцом и, следовательно, не могут проводить с ним целую неделю, и настояла на том, что каждые два дня хотя бы на сутки они должны возвращаться домой.

Мы вошли в дом, и Шах сразу же убежала к себе в комнату, бросилась на кровать и там продолжала плакать, а я долго сидела с ней рядом, гладила ее по головке и уговаривала, что Белянке будет хорошо в отеле и она потерпит одну ночь без своей хозяйки. Я рассказала Шах, что этим вечером мы пойдем обедать к ее любимым друзьям – Робу, Сью и их сыну Николсу, ее ровеснику. Ничего не помогало – она еще всхлипывала, когда я осторожно прикрыла дверь ее комнаты и пошла поговорить с Аддином. Я была вне себя от злости: как мог Бахрин быть таким жестоким и бесчувственным? Неужели трудно уложить в одну маленькую сумку несколько детских вещей и игрушечную козочку?

Обед в этот вечер получился и приятным и нервным одновременно. Сью и Роб изо всех сил старались развлечь меня и детей, но Аддин и Шах снова и снова рассказывали всем, как не хочется им возвращаться в отель *к абаху*. В половине девятого, когда взрослые уже пили портвейн и кофе, Шах объявила, что устала и пойдет полежит до тех пор, пока мы не поедем домой. Я пошла следом за ней и обнаружила, что она упала на кровать Роба и Сью и опять плачет о Белянке. Она просила меня немедленно поехать в отель и забрать козочку; говорила, что не хочет возвращаться туда завтра, и умоляла Яна и меня не отправлять ее к отцу. У нее дрожали плечи и от слез уже распух нос, а я все качала ее на коленях и никак не могла успокоить. Аддин привел в комнату Николса, и тот протянул Шах маленького белого медвежонка:

– Смотри, Шах, это мой любимый мишка. Может, с ним тебе будет легче. – Он сунул игрушку в руку Шахире.

– Спасибо, – прошептала та, и ее нижняя губа опять задрожала.

По дороге домой Шах задремала на заднем сиденье, и мы с Яном разговаривали вполголоса.

– Не расстраивайся, – сказал мне Ян. – На следующей неделе он уедет – и мы свободны на целый год.

– Но я не хочу ехать к нему завтра! – раздался сзади голос Аддина. А мы-то считали, что он тоже уснул. – Там так скучно, и он вообще ничего не понимает, и там совсем нечего делать. Он к нам подлизывается и покупает всякие подарки и игрушки, но я бы лучше поехал со Скай к бабушке на ферму.

– Послушай, – рассудительно сказал Ян, – осталось потерпеть всего два дня. А в выходные мы все вместе поедем к бабушке. Каникулы ведь на этом не кончаются.

42

9 июля 1992 года. Четверг

В 5.10 утра мне позвонили и сказали, что умер Кельвин. После этого я уже не могла уснуть и, лежа рядом с Яном, смотрела, как ночь превращается в серое утро. Невозможно было поверить в то, что Кельвина больше нет – только несколько дней назад мы с детьми заезжали навестить его. Шах подарила ему собственноручно нарисованного единорога, а уходя, ласково поцеловала в лоб. И она и Аддин знали, что Кельвин умирает от СПИДа и слабеет с каждым днем, но все-таки они поднялись вместе со мной в его комнату. Я тоже поцеловала его на прощанье, даже не подозревая, что вижу своего друга в последний раз. Утешало меня только то, что Кельвин умер в собственном доме, окруженный друзьями, почитателями, бывшими коллегами и учениками. Он до конца сохранил достоинство и любовь, а для него это были самые важные в жизни вещи.

Когда-то Кельвин был ведущим и всемирно известным солистом австралийского балета. Мы несколько раз встречались с ним в те годы, когда я занималась танцами, но нас нельзя было назвать даже шапочными знакомыми. Много лет я восхищалась его виртуозной техникой и удивительной выразительностью движений, но не решалась подойти к нему. И позже, когда мы оба преподавали в балетной школе и у нас появилось много общих друзей, я только почтительно выслушивала его замечания на уроках па-де-де и молча кивала в ответ. Мы подружились с Кельвином и его другом Стюартом после того, как я сняла для телевидения репортаж о них обоих. Позже, когда болезнь приковала Кельвина к дому, я вместе с другими его друзьями старалась помочь, чем могла, и из моей кухни в их дом постоянно переправлялись кастрюльки с супом и шоколадное печенье. Поэтому, когда в семь утра раздался еще один звонок, я уже знала, зачем понадобилась. Меня вызывали на работу, для того чтобы подготовить сюжет о жизни и смерти Кельвина к вечернему выпуску новостей. Еще несколько месяцев назад я пообещала ему, что сделаю это сама. Обычно, когда у детей были каникулы, я старалась не уезжать из дома. Я делала специальные репортажи для радио и телевидения, и такая работа позволяла мне приспосабливать свой рабочий день к расписанию детей. Я каждый день отвозила Аддина, Шах и Скай в школу, а потом забирала оттуда. Это было одинаково важно и для них, и для меня. В тот день мне пришлось сделать исключение, но я знала, что дети меня поймут.

* * *

Я уже встала и оделась, когда они спустились на кухню. Новость о смерти Кельвина очень опечалила всех, а Аддин высказал удивительную для его возраста мысль: «Хорошо, что он больше не болеет и не мучается. Последнее время он совсем не радовался, что живет, мама». Я кивнула и обняла его.

Автобус со студии заехал за мной в 11.30. Дети еще раз попробовали шумно протестовать против предстоящего трехдневного свидания с отцом, но я проявила твердость и довольно строго сказала, что ехать все равно придется, но зато мы сможем днем и вечером говорить с ними по телефону. Потом я попрощалась с Яном, который оставался дома и должен был в пять часов передать Аддина и Шах Бахрину, и сказала, что обязательно позвоню, чтобы узнать, как дела. «Не беспокойся, Жак, – ободряюще улыбнулся он мне. – Все будет в порядке. Мы с детьми займемся чем-нибудь интересным, а Элизабет (наша помощница по хозяйству) к пяти часам соберет их вещи».

Выезжая вместе со съемочной группой со двора, я в последний раз оглянулась и увидела, что вся моя семья стоит на крыльце, посылает мне воздушные поцелуи и корчит смешные рожицы, чтобы хоть как-то меня ободрить. Потом мы свернули на дорогу, а я задумалась над вопросами, которые надо будет задать в первом за день интервью.

В тот четверг я позвонила детям всего один раз, около четырех часов, и сказала, что целую их миллион, биллион, триллион раз и позвоню вечером в отель, чтобы пожелать им спокойной ночи. Я никогда не забуду, что Аддин еще раз попросил отменить приближающееся свидание с отцом, а я, занятая монтажом сюжета для пятичасового выпуска новостей, оборвала его и резко сказала «нет».

– Ну, хорошо, мама, – тяжело вздохнул Аддин. – Я тебя люблю. Хочешь поговорить с Шах?

– Привет, мамочка. Я тебя люблю, люблю, люблю. Пока, пока, пока, – пропела она в телефон.

Так я поговорила со своими детьми в последний раз.

Я вернулась домой поздно вечером, усталая и подавленная. Ян накрыл на стол, позвал меня обедать и рассказал, что Бахрин приехал за детьми точно в назначенное время. В тот вечер мне особенно не хватало их веселых голосов и липких пальчиков. Наверное, будь дети дома, мне проще было бы забыть о смерти и боли и снова вспомнить, что жизнь прекрасна. А больше всего мне хотелось сказать Аддину и Шах, как сильно я их люблю. Я

подошла к телефону и набрала номер отеля «Виктория».

За следующие трое суток я набирала этот номер бесконечное число раз. На первый звонок ответил Бахрин. Он категорически отказался позвать детей, сказав, что они уже спят и перезвонят мне завтра утром. Я ждала всю пятницу, но звонка все не было. Чтобы отвлечься, я попыталась готовиться к еженедельной воскресной программе, которую вела на радио, но не могла сосредоточиться на работе. Вечером я звонила в отель уже каждый час, уговаривала себя, что дети с отцом уехали на весь день в зоопарк или еще куда-нибудь, но никак не могла избавиться от странного, грызущего чувства тревоги. Я оставляла на коммутаторе отеля сообщение за сообщением, и вскоре оператор уже стал узнавать мой голос.

Суббота была еще хуже, чем пятница. Нам с Яном непременно надо было закончить сценарий радиошоу, но я совершенно не могла работать. Мне хотелось только одного – немедленно бежать в отель и сидеть в вестибюле до тех пор, пока Аддин и Шах не вернутся. Я хорошо знала, что, если появлюсь там во время, отведенное для свидания отца с детьми, мне грозят серьезные санкции со стороны Семейного суда, а кроме того, новое обострение едва наладившихся отношений с Бахрином. Еще я понимала, что, пока у меня нет серьезных доказательств каких-либо нарушений с его стороны, совершенно бесполезно обращаться в Федеральную полицию Австралии (организацию, выполняющую такие же функции, что Служба судебных исполнителей в США, но маломощную и недоукомплектованную). Каждый час моя рука сама тянулась к телефону, и администратор отеля с сочувствием заверяла меня, что ни Аддина, ни Шах никто из служащих отеля пока не видел, но, как только они появятся, им тут же передадут мои сообщения.

От волнения у меня судорогой сводило желудок, а ребра, словно железный корсет, впивались в легкие, мешая дышать, но все, что мне оставалось, – это горячо молиться, чтобы не случилось худшего, того, о чем я непрерывно думала. Ян уговаривал меня успокоиться и убеждал, что Бахрин просто придумал для детей какое-нибудь новое развлечение, но я его почти не слушала и уже ничему не верила.

«Все будет хорошо. Все будет хорошо, – повторяла я снова и снова, пытаясь задушить подступающую панику. – Он этого не сделает. Он не может это сделать». Предположение, что через семь лет Бахрин решил похитить детей, было нелепым, безумным, неправдоподобным, и все-таки в самой глубине сердца я знала, что именно это он и сделал, хотя пока и не решалась выразить эту уверенность вслух.

В 20.00 мне стало казаться, что я схожу с ума, и я запретила себе звонить в отель чаще чем раз в полчаса, опасаясь, что там устанут от моих звонков и тогда порвется единственная тонкая ниточка, соединяющая меня с детьми. К 21.00 часу ничего не изменилось, и я уже не сомневалось, что произошло что-то ужасное. Официально свидание Бахрина с детьми должно было закончиться только в воскресенье в 12.30, но я не могла больше ждать и набрала номер Семейного отдела Федеральной полиции. Снявший трубку офицер с сочувствием отнесся к моим страхам и согласился, что ситуация выглядит подозрительно, но, как я и ожидала, объяснил, что без веских доказательств исчезновения детей они не могут ничего предпринять до истечения срока их свидания с отцом. Единственное, что он мог для меня сделать, – это неофициально зафиксировать мое заявление и надеяться на лучшее.

Прошли еще два часа, похожие на два года, и к 23.00 я поняла, что должна обратиться за помощью к служащим отеля. Дежурный администратор сразу же оценил серьезность ситуации и пообещал, что расспросит своих сотрудников и перезвонит мне. Он сделал даже больше, чем обещал. Он зашел в номер Бахрина, но добытые им сведения только усугубили мое отчаяние. Администратор рассказал, что, судя по всему, в двух смежных комнатах, занимаемых Бахрином и детьми, уже две ночи никто не спал и никто из служащих отеля не видел их с вечера четверга. По комнатам были разбросаны вещи и игрушки, и только это немного утешило меня и позволило надеяться, что все мои страхи напрасны и Бахрин просто решил немного помучить меня. Я поблагодарила администратора за помощь, повесила трубку и собрала все силы, готовясь к самому длинному ожиданию в своей жизни – целых тринадцать часов до того, как мне станет известна правда. К этому времени я уже почти не контролировала свои эмоции и с трудом сдерживалась, чтобы не заорать на Яна каждый раз, когда он уверял меня, что завтра дети непременно вернуться и я совершенно напрасно извожу себя. Но я уже знала. В моем теле как будто бился пульс Аддина и Шах – раньше я никогда не замечала его, а сейчас чувствовала, как с каждой минутой он слабеет и слабеет, оставляя после себя тупую боль и такое чувство, будто я из последних сил держусь на краю пропасти.

12 июля 1992 года. Воскресенье

Утром я каким-то чудом, не отрывая глаз от стрелок часов, провела свою радиопрограмму. Ровно в полдень она закончилась, и мы с Яном тут же помчались в отель «Виктория» за детьми. Мы

приехали туда раньше положенного срока, и Ян настоял, чтобы еще пятнадцать минут мы просидели в машине. Он считал, что с Бахрином следует играть по правилам. Наконец стрелки показали половину первого – пора идти. Ян пожал мою руку, а я распахнула дверь и, с трудом вспомнив, как надо переставлять ноги, чтобы двигаться, подошла к стойке, на которой заметила телефон. Перед тем как набрать номер, я мысленно произнесла короткую и несвязную молитву. Я молилась о том, чтобы мое предчувствие не оправдалось, и чтобы сейчас, обернувшись, я увидела, как по вестибюлю ко мне бегут Аддин и Шах, и чтобы вообще когда-нибудь увидела их.

Я набрала номер. Мне никто не ответил. Я набрала еще раз, решив, что могла перепутать цифры, хотя, конечно же, точно знала, что ничего не перепутала. Потом, изо всех сил стараясь заглушить истерические нотки в голосе, я попросила позвать администратора. Та немедленно появилась и начала действовать. Ведя меня к лифту, она непрерывно говорила что-то о безопасности, уважении к законам и неприкосновенности частной жизни. Я не понимала ни слова, но все время кивала. В тот момент для того, чтобы узнать хоть что-нибудь об Аддине и Шахире, я согласилась бы и с самим чертом. Наконец, пройдя по тускло освещенному коридору, мы остановились у двери, за которой меня ждало будущее.

«Помните, что вы обещали ничего не трогать, миссис Гиллеспи», – последний раз напомнила администратор и вставила ключ в замок. То, что я увидела за дверью, показалось мне сценой из фильма ужасов, хотя на самом деле это была просто пустая гостиничная комната. Я посмотрела под ноги и не сразу поняла, что ступаю по десятку белых записок, подсунутых под дверь за прошедшие сутки. Посреди первой комнаты стоял раскрытый чемодан, часть его содержимого валялась рядом. Постель не была смята – плохой знак. Я прошла в соседнюю комнату, детскую, и первым делом заметила, что у Шах наконец-то появилась своя кроватка. Правда, сейчас она стояла пустая. Так же, как и кровать Аддина. Мне казалось, в этой комнате еще слышно эхо детских голосов. С люстры свисали воздушные шарики и ленты серпантина. К стене кто-то прилепил кусок блестящей бумаги, в которую обычно заворачивают подарки, а рядом, косо приколотая, висела большая открытка «С днем рождения».

У меня вдруг перехватило дыхание, потому что я поняла – эта комната была посланием мне от Бахрина – посланием, смысл которого могла понять только я. На кроватке Шах рядышком сидели Белянка и Минни Маус – молчаливые свидетели того, что

здесь случилось. На полу валялась маленькая красная шляпка – мы купили ее неделю назад к новому зимнему пальто Шах. Вдруг к горлу подступила дурнота, а комната закружилась перед глазами – я увидела, что Бахрин сделал с этой шляпкой: она была разодрана и измята так, будто кто-то в ярости топтал ее ногами. Гордость Аддина, его обожаемые большие кроссовки «Рибок», которые он выпрашивал у меня несколько месяцев, тоже валялись на полу, словно только что сброшенные хозяином. Его бейсболка висела на спинке кровати. Время точно остановилось в этой дешевой казенной комнате. Здесь царил вакуум, специально созданный человеком, помешавшимся на мести. Вся эта сцена напоминала мне о корабле-призраке «Мария Селеста», оставленном экипажем и пассажирами: недоеденная еда на столах, радио, играющее на полную громкость, и ни одной живой души. Разница только в том, что все это происходило не в Бермудском треугольнике, а случилось с моими собственными детьми.

Спотыкаясь, я добралась до лифта, отыскала в вестибюле Яна и рассказала ему обо всем. Я с трудом сдерживала рвущиеся из горла рыдания, но все время помнила о том, что мне нельзя распускаться и предаваться отчаянию – все силы теперь нужны для того, чтобы спасать моих детей.

Все следующие минуты, часы и дни я жила в круговороте отчаяния, гнева, страха и надежды, не отпускавшем меня ни на секунду. Прежде всего прямо из отеля я позвонила в Федеральную полицию, потом торопливо поговорила с Лилиан, которая, наверное, не поняла и половины из моего сбивчивого рассказа, потом оставила короткое сообщение на автоответчике Джона Удоровича, а после этого мы с Яном помчались в Главное управление Федеральной полиции для дачи показаний.

Вопросы, вопросы и снова вопросы. Работники Семейного отдела были добры и внимательны, а я старалась отвечать четко и членораздельно, хотя каждый раз, когда произносила имена Аддина и Шахиры, в горле застревал комок. Полицейских интересовали факты: возраст, даты рождения, одежда, возможное местонахождение. Я отвечала торопливо, будто подгоняя себя и их. Среди множества вопросов не было ни одного, касающегося роста и веса детей. Только когда один из офицеров спросил, нет ли у меня с собой недавней фотографии детей, я окончательно осознала, что все это происходит на самом деле, а не снится мне в кошмарном сне, который скоро кончится. Я схватила сумку и дрожащей рукой отыскала в ней бумажник. Всего несколько дней назад я вставила новые фотографии Аддина, Шах и Скай в пластиковые окошечки, придуманные на радость матерям. Только

вчера я гордо раскрывала бумажник и демонстрировала, как выросли мои дети, а сейчас, ломая ногти, доставала оттуда фотографии любимых мордашек, чтобы отдать их чужим людям. Разве, глядя на плоские изображения, они смогут понять, что эти дети на самом деле живут, дышат, боятся и надеются? «Это мои малыши! – хотелось закричать мне. – Пожалуйста, найдите их, помогите им, верните их домой!»

Я с трудом поборола желание схватить женщину-полицейского за руку, чтобы заставить ее слушать, и рассказать о том, какие у меня дети, что они любят, а что – нет, как страшно им сейчас, как они не могут понять, что происходит. Но я знала, что мои истерики и эмоции ее совсем не интересуют и что ради детей я должна остановить подступившие к глазам слезы и держать себя в руках. Они надеются на меня, они знают, что я переверну весь мир, для того чтобы найти их. Я не могу их подвести. Я буду бороться. Я должна думать быстрее, чем Бахрин.

Когда у полицейских закончились вопросы, а у нас ответы, Ян вывел меня на серую и холодную улицу, и тут мой желудок взбунтовался. Схватившись за столб, я наклонилась к земле, и несколько минут меня выворачивал наизнанку приступ сухой рвоты, а потом начала бить крупная дрожь. Ян с трудом дотащил меня до машины, я рухнула на переднее сиденье, и мы поехали в наш опустевший дом.

Весь остаток дня в воскресенье мы пытались разыскать Джона Удоровича. Я провела у телефона несколько часов, непрерывно набирая номера всех его телефонов, и наконец одно из моих сообщений дошло до него, и вечером он позвонил сам. С помощью Джона мы быстро выработали план дальнейших действий. Нам необходимо было получить ордер на арест Бахрина и на возвращение домой Аддина и Шах, но первым делом следовало добиться в Семейном суде Австралии официального разрешения на публикацию информации о похищении детей. Если такое объявление появится в прессе, на помощь нам могут прийти свидетели, видевшие их или знающие что-то об их местонахождении. По закону «Об охране частной жизни» ни одна из сторон не имела право публиковать подобные сведения в средствах массовой информации, не получив предварительно в суде особого разрешения согласно статье 121-й Акта семейного законодательства.

В начале вечера к нам приехал наш друг и бывший деловой партнер Рик Уиллис, и теперь вместе с Яном и Джоном они разработали детальный план кампании, главной целью которой было помешать Бахрину вывезти детей из страны. Джон связался

с секретарем Семейного суда и потребовал провести экстренное слушание. Оно состоялось поздно вечером: в здании суда присутствовал только секретарь, а судья, находящийся у себя дома в нескольких милях оттуда, по телефону выслушал показания и объявил о своем решении.

Первый из полученных ордеров предписывал силам полиции и Федеральной полиции Австралии приступить к розыску детей, обыскивать с этой целью все суда и самолеты, покидающие страну, и вернуть детей в дом их законного опекуна, применив при необходимости силу.

Дома со мной оставались двое детей Джона, подростки Надин и Джошуа; они изо всех сил старались помочь мне и облегчить ожидание. Я каждую секунду оглядывалась на телефон, надеясь, что он зазвонит и я услышу голос Аддина или Шах. Чтобы отвлечься и хоть чем-нибудь занять себя, я приготовила две большие сковородки любимого блюда детей – карри из телятины и фруктов – и, пока готовила, представляла себе, как завтра вечером мы всей семьей усядемся за обеденный стол и посмеемся над своими вчерашними страхами и всей этой суетой. Позже все карри будет съедено журналистами, полицейскими и добровольными помощниками, наводнившими наш дом на следующий день. Закончив готовить, я вымыла ванную, погуляла с собакой, занялась еще какой-то ерундой, но ничего не помогало. Ни на секунду я не могла забыть о том, что творилось сейчас с нашей семьей.

В 22.30, добившись наконец разрешения на публикацию информации, Ян и Рик бросились в отделы новостей двух самых крупных городских газет, и с этого момента наша частная жизнь стала достоянием общественности. Я в свою очередь позвонила редактору новостей Десятого канала, чтобы рассказать ему про объявления, которые завтра утром появятся в газетах, и попросить о помощи. Он уже спал, и мой звонок заставил его вылезти из нагретой постели. Когда я рассказала, что Аддина и Шах похитил их биологический отец, редактор рассмеялся, явно решив, что это шутка. «Да, да, Жак, конечно», – сказал он и повесил трубку.

Кроме того, мы поставили в известность Ассошиэйтед пресс, и скоро во все концы страны полетели телексы. Нам надо было добиться, чтобы имена и лица детей завтра появились на страницах всех газет и на экране каждого телевизора Австралии – это был наш единственный шанс остановить Бахрина до того, как он вывезет их из страны. Если, конечно, мы уже не опоздали.

Когда я закончила говорить по телефону, Надин и Джошуа уже спали на диване. Я постояла, глядя на них и думая про себя,

что отдала бы все на свете ради того, чтобы вместо них там лежали Аддин и Шах. «Господи, где они сейчас? Что они думают? Что им грозит?» – прошептала я. Мне никто не ответил. Моя подруга Деб приехала, как только я ей позвонила. Она просидела у нас до утра и помогала чем могла, пока я поочередно боролась то с рвотными спазмами, то с ознобом.

Где-то посреди ночи из соседней маленькой комнаты до меня донеслись непонятные звуки. Я осторожно приоткрыла дверь и обнаружила, что Деб обнимает плачущего Яна, а тот хрипло шепчет: «Она уже никогда не будет прежней, она изменится, Деб! Что я могу для нее сделать? Она станет жестокой и озлобленной. Она уже не будет той Жак, которую я так люблю…» Увидев меня, Ян торопливо оттолкнул Деб и, не глядя мне в глаза, ушел в ванную. Я вопросительно посмотрела на подругу, но она только обняла меня и сказала: «Он винит себя во всем и очень переживает за тебя и детей».

Я зашла за ним в ванную, где всего четыре дня назад соскребала с четырех хохочущих малышей – Аддина, Шах и их кузин Аллисон и Киры – остатки торта, красок и клея, свидетельств счастливого семейного праздника. «Скажи мне, что все будет хорошо», – попросила я Яна и шагнула к нему. Он схватил меня за плечи, встряхнул и, кажется, даже не понял, с кем разговаривает. «Я покажу тебе, что я сделаю, если найду его! Я буду вот так трясти его, пока у него не отвалится голова!»

«Прекрати, милый! Мне больно!» – взмолилась я. Сообразив, что трясет не Бахрина, а меня, Ян выругался, резко отвернулся и изо всех сил ударил кулаком сначала в левую стену, а потом в правую. В гипсокартоне остались дыры, похожие на раскрытый в крике рот. Потом Ян долго извинялся и утешал меня, убаюкивая, как ребенка, но, прижимаясь к его груди, я видела перед собой ухмыляющееся и торжествующее лицо Бахрина.

В ту ночь мы провели в кровати не больше часа и все это время без сна лежали рядом, не разговаривая и не касаясь друг друга. Все мое тело онемело, и я чувствовала только страшный холод, такой пронзительный, что от него болели кости. Несколько раз мне приходилось вскакивать и бежать в ванную, и там меня рвало желчью, потому что из-за постоянной рвоты и диареи никакой пищи в желудке давно уже не осталось. Весь мир изменился, в нем больше не было равновесия, а где-то далеко Аддин и Шах тоже дрожали от холода и страха и не знали, что принесет им завтрашний день. Что сделает Бахрин, когда Шах начнет требовать свою Белянку? Сможет ли Аддин добраться до телефона? Поели ли они? Кто утешает их, когда они плачут и зовут меня? Может, он бьет их, чтобы заставить замолчать? Тепло

ли им? У Шах на губе выскочила простуда, и ее надо мазать кремом – помнит ли об этом Бахрин? Где они? Господи, где они?! Вопросы сменяли один другой, и ни на один из них у меня не было ответа. Я сжалась в комок и попыталась вспомнить каждую черточку их лиц, каждую улыбку, каждый завиток на затылке, представить, как их теплые ручки обнимают меня за шею. Когда я опять почувствую это? Когда я смогу сказать им, что все плохое кончилось и никто больше их не обидит? А главное, когда я смогу рассказать им, как сильно я их люблю? Когда?

13 июля 1992 года. Понедельник

Я почувствовала облегчение, когда в 5.30 утра зазвонил телефон. Последний час я все равно пролежала в постели без сна, пытаясь угадать, что задумал Бахрин, и представляя себе картины, одна ужаснее другой, и теперь обрадовалась, что появился предлог встать. Звонили с телевидения, чтобы договориться об интервью – первом из тысячи интервью, которые я дам в следующие дни, недели и месяцы. Утренние номера газет вышли с заголовками: «ПОИСКИ ПРИНЦА И ЕГО ДЕТЕЙ», «ПОХИЩЕНЫ АВСТРАЛИЙСКИЕ ДЕТИ», «ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ ДЕТЕЙ» и фотографиями Аддина и Шахиры. Никогда раньше я не рассказывала никому, кроме самых близких друзей, о королевском происхождении своих детей; никогда мне не приходило в голову пользоваться их титулами или сообщать о них прессе. Мне хотелось, чтобы они выросли нормальными людьми с нормальной системой ценностей. Теперь с этим покончено: с сегодняшнего дня их происхождение станет достоянием общественности, а сами они – мишенью нездорового любопытства журналистов. Мне казалось, что все это происходит не со мной. Это у других людей пропадают дети, у людей, которым я глубоко сочувствовала, но не у меня. За одну ночь из человека, рассказывающего о новостях, я сама превратилась в новость, и оказалось, что мне совсем не нравится находиться по другую сторону камеры.

Я как могла подготовилась к приезду первой съемочной бригады. Они прибыли в семь и моментально опутали весь дом проводами и кабелями, натащили мониторов, юпитеров и микрофонов, а у самых наших ворот появился большой фургон со спутниковой антенной на крыше и логотипом телеканала на боку. Тошнота все еще не прошла, и мне по-прежнему приходилось каждые пять минут бегать в туалет. Не проходила и дрожь, которую я безуспешно пыталась скрыть от камер. Хуже всего обстояло дело с правой рукой – она тряслась так, что я не могла поднести стакан ко рту. В общем, я чувствовала себя ужасно, но

даже это сейчас было роскошью, которую я не могла себе позволить. Кто станет спасать моих детей, пока я буду рыдать и жалеть себя? Надо бороться, у меня нет выбора, без конца твердила я себе. Для того чтобы справиться с обрушившейся на меня атакой массмедиа, я придумала один простой прием: притвориться, что все это только часть моей работы, главная цель которой – донести информацию и попросить помощи у как можно большего числа людей. Наверное, сначала такое отношение сбивало журналистов с толку. Я была для них пострадавшей, но пострадавшей, которую они знали раньше, которая работала там же, где они, которая сама умела прикреплять микрофон к воротнику и вести себя перед камерой. Впрочем, меня мало беспокоила реакция представителей прессы на мое поведение. Я могла думать только о Шах и Аддине.

В тот день мне пришлось столкнуться и самой грязной стороной работы журналистов: с холодной и расчетливой охотой за сенсациями и эффектными кадрами, с профессиональным равнодушием к чужой трагедии, с циничными манипуляциями, которыми некоторые из них не брезговали, для того чтобы добиться нужной им драматичной реакции. Один из журналистов, мечтая заснять, как я рыдаю на груди у Яна, использовал все возможные и невозможные способы, чтобы заставить меня расплакаться. Он снова и снова задавал одни и те же жестокие вопросы, лишь немного меняя формулировку: «Что вы почувствуете, если никогда больше не увидите своих детей, Жаклин? Вы обвиняете себя в том, что были недостаточно осторожны? Как сильно вы любите своих детей?» В конце концов он добился своего: у меня перехватило горло, и я расплакалась, но перед этим успела попросить журналиста выключить камеру и дать мне несколько минут на то, чтобы успокоиться. Он заверил меня, что съемка прекращена, и я, перестав сдерживаться, захлебывалась слезами и вслух проклинала себя за то, что не поверила своим инстинктам, послушалась других людей и силой заставила детей поехать на свидание с отцом. Разумеется, позже выяснилось, что никто и не думал выключать камеры, и тем же вечером этот интимный и глубоко личный эпизод был показан по общенациональному телеканалу, добавив ему несколько очков рейтинга.

Друзья. Единственное, что помогло мне удержаться на плаву и окончательно не сойти с ума в те страшные дни, – это друзья. Я никогда не смогу расплатиться с ними за всю поддержку, понимание и бескорыстную помощь. В такие тяжелые моменты жизни особенно быстро понимаешь, кто истинный друг, а кто – мнимый. Настоящие друзья бросились нам на помощь, едва

услышав страшную новость и не дожидаясь просьб. Еще до девяти утра, во время самой первой пресс-конференции, к нам один за другим примчались Роб и Сью Макартуры, Джордж Крэйг со своей дочерью Эмбер, Джо Пирсон, Хитер Браун и Роб Гелл. Эти самоотверженные люди отвечали на телефонные звонки, открывали дверь вновь прибывающим, разносили бесконечные чашки кофе, мыли, убирали, готовили, утешали, поддерживали и в течение следующих четырнадцати дней несли круглосуточное дежурство рядом со мной и Яном. Их помощь была нам действительно необходима. Все это время в нашей гостиной располагался штаб операции: в самые горячие дни один из четырех стационарных и двух взятых взаймы мобильных телефонов звонил каждые три минуты, факс постоянно гудел и выплевывал новые сообщения со всех концов Австралии и мира. Сумасшедший дом начинался в пять часов утра с первыми звонками из редакций утренних газет, телеканалов и радиостанций, которые желали знать последние новости и, в случае их появления, договориться о прямых трансляциях из нашего дома, и заканчивался не раньше полуночи. Все телефонные переговоры взяли на себя наши друзья, освободив мне время для бесконечных совещаний с юристами и консультаций с властями. Джордж отменил все свои деловые встречи и в течение двух недель каждый день проводил у нас, но даже когда он вернулся к работе, то продолжал каждый вечер приезжать в наш дом. Сью и Роб пожертвовали отпуском ради того, чтобы быть рядом и помогать. Джо приезжала каждое утро, дежурила на телефонах, стирала пыль, мыла полы, варила огромные кастрюли супа и кормила резко возросшее число наших домочадцев, а потом мчалась на студию, чтобы провести вечерний выпуск новостей для Десятого канала. Я никогда бы не справилась без поддержки всех этих замечательных людей.

Но в то же время немало друзей, которых мы считали искренними и верными, оказались так называемыми друзьями до первой беды. Некоторые из них вообще ни разу не позвонили и не зашли, а некоторые появлялись лишь для того, чтобы насмотреться на зрелище чужого несчастья и запастись темой для праздной болтовни за коктейлями.

В тот первый день я даже думать не могла о еде, а пила только апельсиновый сок, да и то когда кто-нибудь всовывал стакан мне в руку. Я непрерывно думала о детях, нетерпеливо ждала новостей и молилась, чтобы они еще оставались в Австралии, чтобы Бахрин прятался с ними где-то здесь, выжидая момент, когда можно будет безопасно вывезти их из страны. Все те семь лет, что он приезжал в Мельбурн на свидания с детьми, я

относилась к нему недоверчиво и настороженно. Помня об объявленном в зале суда *джихаде*, я настояла на том, чтобы перед каждым свиданием Бахрин сдавал свой паспорт, билеты на самолет, кредитные карточки и дорожные чеки моему поверенному. Однако на этот раз по просьбе Бахрина такой порядок был изменен. В октябре 1991 года его адвокат сообщил моему поверенному, что его клиент готов добровольно уступить мне полное и исключительное попечительство над Аддином и Шахирой и подписать в суде соответствующее заявление. Такое заявление закрепило бы существующее уже семь лет статус-кво и избавило бы меня от постоянного страха перед новыми судебными тяжбами. Взамен мой бывший муж просил только двухнедельного свидания с детьми раз в год (я была уверена, что этим правом он никогда полностью не воспользуется) и некоторого смягчения моих требований относительно кредитных карточек и документов. Такое предложение показалось мне подозрительно щедрым, но каждый раз, когда я пыталась высказать свои сомнения Лилиан или Яну, они говорили что-нибудь вроде: «Когда вы оба наконец поумнеете и договоритесь?» или «Не валяй дурака, ты и так получаешь практически все, что хочешь». Адвокаты Бахрина обвиняли меня в излишней суровости, неврастении и паранойе, и в конце концов я сдалась.

Первого ноября 1991 года Семейный суд Австралии по заявлению Бахрина признал за мной полное и исключительно право опеки над Аддином и Шахирой. Также в постановлении суда говорилось, что, находясь с отцом, дети имеют право звонить мне как минимум один раз в день и что на время таких свиданий Бахрин должен сдавать паспорт не моему, а своему поверенному. Больше Бахрин ничего не требовал, и я тогда подумала, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как выяснилось, я оказалась права.

В 23.55 в понедельник в нашу дверь постучали, и все находившиеся в тот момент в доме затаили дыхание в надежде, что сейчас увидят Аддина и Шахиру. Не слушая протестов Яна, я сама распахнула дверь, но на крыльце оказались только незнакомые мужчина и женщина, предъявившие мне полицейские удостоверения. Это были сержант Грэхем Даунс и констебль Фиона Педерсон из Семейного отдела Федеральной полиции, которым поручили расследование нашего дела. Они пришли, чтобы задать несколько вопросов. В гостиной толпились наши друзья, приехавшие после работы, но полицейские попросили всех выйти, сказав, что хотят побеседовать со мной и Яном наедине. Когда мы остались одни, они без лишних разговоров выложили на стол распечатку всех телефонных номеров, по

которым Бахрин звонил из отеля, а также копии отправленных им факсов и попросили меня вспомнить, не знакомы ли мне какие-нибудь из этих номеров. Кроме того, их интересовали сведения обо всех австралийских друзьях и деловых партнерах Бахрина. Я постаралась припомнить все скудные обрывки информации, которые доходили до меня за последние годы, но напомнила полицейским, что уже семь лет состою в разводе с Бахрином и, скорее всего, все мои сведения безнадежно устарели. Помимо прочего я рассказала им об особняке в богатом пригороде Перта, принадлежащем султану Тренгану, и о том, что у некоторых членов семьи имеется доступ к частным самолетам и катерам. Я спросила их, задействована ли в поисках береговая охрана, и сержант заверил меня, что она уже делает все возможное.

Некоторые из набранных Бахрином телефонных номеров принадлежали службам, занимающимся междугородними автобусными перевозками, и мотелям, расположенным в штате Виктория. По мнению полицейских, Бахрин звонил туда специально, чтобы сбить следствие со следа и заставить нас думать, будто он просто решил самовольно продлить отведенный судом срок свидания с детьми. Еще полицейские показали мне копию написанного от руки письма Бахрина своим поверенным: в нем он весьма эмоционально сообщал, что отныне берет дело в свои руки и проведет с детьми столько времени, сколько захочет сам. Факс был отправлен в четверг, но в адвокатской конторе уверяли, что получили его только после того, как стал известен факт похищения детей. Позже расследование, проведенное прокуратурой, установило, что это было ложью.

Потом разговор зашел о множестве свидетелей, позвонивших в полицию после того, как благодаря нашим усилиям в прессе и на телевидении появилось сообщения о похищении детей. Я спросила, имелось ли среди всего этого потока информации что-нибудь достоверное и по-настоящему ценное, и в ответ Даунс и Педерсон прочитали нам целую лекцию о необходимости конспирации и о трагических последствиях, неизбежных в том случае, если мы разгласим сведения, которыми они сейчас поделятся с нами. Они заявили, что, как правило, стараются как можно меньше рассказывать потерпевшим о ходе расследования и что нам с Яном придется поклясться, что мы сохраним все услышанное в тайне, иначе мы рискуем никогда больше не увидеть своих детей. Разумеется, мы заверили полицейских, что ни в коем случае не собираемся мешать им в поисках и готовы сделать все для обеспечения безопасности Аддина и Шах, и только тогда они поведали нам о двух заинтересовавших полицию сообщениях.

Первым заслуживающим доверие свидетелем был водитель, остановившийся в 8.30 утра на шоссе Шеппартон – Беналла, для того чтобы предложить помощь пассажирам машины со спущенным колесом. На заднем сиденье автомобиля он заметил двух детей в сопровождении высокого рыжеволосого мужчины. Мужчина повел себя довольно агрессивно, заявил, что они не нуждаются в помощи, и предложил добровольному помощнику поскорее убираться. Второй раз Бахрина с детьми заметили в магазине игрушек маленького городка Гриффит в соседнем штате. Свидетель видел, как Бахрин поспешно выводил сына и дочь из магазина и сажал в машину. Оба эти сообщения подтверждали, что дети еще в Австралии, и у меня в сердце опять вспыхнула надежда, за которую я ухватилась, как тонущий хватается за спасательный круг.

Я спросила полицейских, что случилось с детскими вещами, оставшимися в номере отеля, и они ответили, что номер был самым тщательным образом обыскан и теперь опечатан. Затем Даунс и Педерсон удалились, пообещав, что в ближайшее время снова свяжутся с нами.

После их ухода мы с Джоном Удоровичем занялись обсуждением юридических вопросов, которые нам предстоит решать, когда будут найдены Аддин и Шах. Приехавшие с Джоном дети, Надин и Джошуа, а также Эмбер, дочь Джорджа Крэйга, пытались хоть как-то развлечь Скай, еще днем вернувшуюся с фермы. Она была молчалива и напугана исчезновением сестры и брата, и меня мучила совесть, что я ничем не могу утешить ее. Оставшихся у меня сил хватало только на то, чтобы не визжать, не крушить мебель и не бить стекла. Я, как по клетке, кругами ходила по комнате, потом бежала в туалет и меня тошнило, а потом опять ходила и ходила. Я вздрагивала от каждого звука, точно от скрежета железа по стеклу. Друзья неоднократно предлагали мне валиум и другие успокоительные, но я категорически отказывалась. Я не хотела одурманивать себя лекарствами только ради того, чтобы потом очнуться и понять, что моя жизнь по-прежнему похожа на страшный сон. Мне нужна была чистая голова – Шах и Аддин верят, что я найду их и верну домой. Поэтому и вторую ночь я пролежала в постели, даже не надеясь заснуть. Ближе к утру я потихоньку встала и прокралась в комнату Аддина, позвав с собой спавшую внизу Макл. Мне не понадобилось включать свет – через незадернутые шторы лунный луч проникал в комнату, отражался от мраморного камина и ярко освещал кровать. Я легла на нее, прижала к себе Макл и зарылась лицом в подушку, надеясь почувствовать запах своего ребенка. Я вдыхала его с такой жадностью, что, мне казалось, вот-вот

разорвется сердце. Я представляла лица Аддина и Шах и слышала обрывки каких-то старых разговоров. Это все, что мне оставалось до тех пор, пока они не вернутся домой.

14 июля 1992 года. Вторник

Утром я проснулась в кровати Аддина, закоченев от холода и неудобной позы, и не сразу поняла, что все события вчерашнего дня не приснились мне в кошмарном сне, а произошли наяву. К реальности меня вернули уже привычные рвотные спазмы и озноб. Я приняла душ и оделась, автоматически почистила зубы и расчесала волосы, стараясь не смотреть в зеркало. Как и вчера, я могла думать только о том, что сейчас делают мои дети. Когда я завязывала волосы в хвост, в ванную зашел Ян и, взглянув на мое лицо в зеркале, посоветовал:

– Накрасься немного, Жак.

– Я не могу. Кому это надо? – спросила я, чувствуя, как из желудка к горлу поднимается очередная волна тошноты.

– Надо, поверь мне. Я достаточно долго работал на телевидении и знаю, что красивое лицо вызывает гораздо больше сочувствия, – сказал Ян с такой уверенностью, что я не решилась спорить.

Но, пока я красилась, мне казалось, что с каждым взмахом кисточки для ресниц и пуховки я предаю своих детей, и в глубине души негодовала на суетность человечества, которому, для того чтобы испытать сострадание, требуется фотогеничная и тщательно причесанная жертва.

Этот день прошел почти так же, как предыдущий, в круговороте телефонных звонков, интервью, съемочных бригад, фотографов и журналистов. Я с бесконечным терпением отвечала на все, даже самые нелепые, вопросы, понимая, что это единственный доступный мне способ помочь своим детям.

Звонок из Федеральной полиции заставил меня вздрогнуть и на мгновение загореться надеждой, но они просто вежливо сообщили нам, что продолжают работать. Прибыла утренняя смена наших друзей и помощников, но я не смогла сообщить им ничего нового. Я благодарила судьбу за таких друзей: за их объятия, их молчание и неоценимую помощь. Весь день, когда мне не надо было давать интервью или совещаться с юристами, я плакала, плакала и плакала до тех пор, пока у меня не кончились слезы.

Где-то в середине дня мне позвонил Тим Уотсон-Мунро, наш близкий друг и судебный психолог; его дочь Джессика была лучшей подругой Шахиры. Тим очень старался утешить меня, но он лучших других знал и то, какие психологические травмы

может нанести такое происшествие детям, и то, что нет на свете таких слов, которые смогут прогнать мои страхи. Одноклассники и лучшие друзья Аддина, Марк Мадерн и Джек Браун, позвонили, чтобы узнать, не могут ли они чем-нибудь помочь. Я не знала, что сказать этим детям: наверное, я должна была успокоить их и помочь справиться с шоком и болью, но у меня просто не было на это сил.

Телефон практически не замолкал; казалось, весь мир спешил прийти к нам на помощь, но мои дети вдруг превратились в две крошечные иголки, спрятавшиеся в огромном стоге сена. За весь день мне удалось съесть и удержать в желудке только одну шоколадку «Кэдбери» с миндалем и выпить немного апельсинового сока. Каким-то чудом я вспомнила, что надо позвонить в дом престарелых, где жила бабушка, и предупредить их, чтобы ей ничего не рассказывали до тех пор, пока мы не узнаем чего-нибудь определенного. Но почему же до сих пор нет никаких новостей? Я не могла понять, как получилось, что больше ни один человек не видел ни Аддина, ни Шахиры, ни хотя бы Бахрина. Вечер прошел так же, как и накануне. У нас дома сидели друзья, и все мы одновременно вздрагивали, услышав телефон или звонок в дверь. Телефон замолчал только в двенадцатом часу, но я все равно была слишком взвинчена, чтобы спать. Вместо этого я до рассвета просидела перед телевизором, невидящими глазами глядя на экран и в мельчайших подробностях вспоминая свой последний разговор с сыном и дочерью.

15 июля 1992 года. Среда

Все еще никаких новостей. Я автоматически делала все, что от меня требовалось, молилась про себя и надеялась, что, если мои интервью будут как можно чаще появляться в прессе и на телевидении, один из зрителей или читателей вспомнит какую-нибудь маленькую деталь, которая приведет нас к Аддину и Шах. Полиция больше всего полагалась на показания свидетелей из Гриффита, но, похоже, та ниточка оборвалась. Люди продолжали звонить в полицию, многие из них были уверены, что видели Бахрина и детей, и это вселяло в нас надежду, но как из такого количества информации выбрать единственно правдивую? Если верить звонкам, получалось, что их замечали десятки раз в день в самых разных штатах. О некоторых сообщениях я узнавала не от полиции, а из телепрограмм и наиболее правдоподобные сведения пыталась проверить лично. Один мужчина рассказал тележурналисту, что заметил детей на авиационном шоу в девяноста милях от Мельбурна и что они садились в самолет.

Другая уверяла, что своими глазами видела, как принц в сопровождении эскорта БМВ мчался по шоссе в направлении Мельбурнского международного аэропорта. Дети, по словам свидетельницы, сидели рядом с ним, одетые в форму частной школы; она успела заметить даже перчатки, галстуки и шляпки. Я рассмеялась, услышав это сообщение. Удивительно, как сильно действует на некоторых людей любой намек на благородное происхождение; они способны увидеть корону на голове у нищего, если услышат, что в его жилах течет голубая кровь. Одна старая подруга предложила сводить меня к известной ясновидящей; в тот момент я еще не дошла до такой степени отчаяния, но все-таки не стала исключать и такую возможность.

Нашей семье по-прежнему были посвящены первые страницы всех австралийских газет, и это позволяло надеяться, что однажды кто-нибудь все-таки заметит Бахрина, узнает его и сообщит властям. Представители Федеральной полиции утверждали, что Бахрин и дети не покидали Австралии. Они заявляли это так уверенно, что я не могла не верить им.

Я словно чужие рассматривала стены собственного дома, в котором когда-то было так много счастья, и без конца спрашивала себя, вернется ли оно сюда. Пронесутся ли когда-нибудь по кухне Аддин и Шахира, собираясь устроить набег на холодильник? Сможем ли мы все оправиться от этого потрясения?

Я решила позвонить в Тренгану моей подруге Эндах, супруге султана, и просить ее о помощи.

Разговор с Эндах не добавил мне оптимизма. Я повесила трубку и еще долго в отчаянии смотрела на телефон. Что же мне делать, если даже жене султана, женщине, которую Бахрин глубоко почитает, ничего неизвестно? Эндах была крайне встревожена поведением моего бывшего мужа. «Как мог он это сделать? Как посмел вовлечь семью в такой скандал, зная, что у его дяди слабое сердце?» – возмущалась она. Подруга пообещала сделать все, чтобы помочь мне, но напомнила, что без поддержки султана она практически бессильна.

16 июля 1992 года. Четверг

На этой неделе каждое мое утро строилось по одному и тому же сценарию: я вставала, бежала в туалет, меня тошнило, потом начинались сухие рвотные спазмы, потом я опять бежала в туалет, на этот раз из-за приступа диареи, потом красила губы и давала интервью. Мысли о детях не оставляли меня ни на секунду, и я не могла сосредоточиться ни на чем другом. Все окружающие тратили массу сил, чтобы заставить меня хоть что-нибудь съесть,

но у меня совершенно не было аппетита. Телефон продолжал непрерывно звонить, но я не позволяла включать автоответчик даже на ночь, потому что не переставала надеяться, что Аддину или Шахире как-нибудь удастся связаться с нами. Я понимала, что, бросаясь к телефону на каждый звонок, раздражаю Яна, но ничего не могла с собой поделать. Перед тем как снять трубку, я каждый раз произносила короткую молитву, чтобы услышать голос детей или хотя бы какие-то новости о них. У меня развилась почти наркотическая зависимость от телефонного аппарата, и почему-то я была уверена, что, если трубку снимет кто-нибудь другой, дети не станут говорить.

Ян переживал за детей и ненавидел Бахрина, наверное, не меньше, чем я, но я не находила в себе сил утешать его. Более того, мне постоянно приходилось бороться с желанием упрекнуть: «Вот видишь? Ведь я говорила тебе!» Конечно, я понимала, что от этих горьких слов никому не будет пользы. Мой муж и без того знал, что Бахрин предал его. Еще за два дня до похищения Ян пытался протянуть тому оливковую ветвь, сочувствовал его положению отца, разлученного с детьми, и предлагал свою помощь, для того чтобы наладить с ними контакт. Он даже предложил Бахрину в следующий раз пожить у нас, считая, что так ему будет легче найти общий язык с сыном и дочерью. Бахрин жаловался Яну на наложенные мною ограничения, якобы мешающие его свиданиям с детьми, и, вероятно, надеялся переманить его в свою команду женоненавистников. Помню, после того разговора я предупредила Яна, что мой бывший муж – весьма искусный манипулятор и ему нельзя доверять ни на минуту. Теперь Ян знал, что я была права.

Я жалела, что не могу остановить время до тех пор, пока Аддин и Шах не вернутся домой, и ненавидела закаты – они означали, что еще один день прошел без всяких известий от них и завтра весь этот ад начнется сначала.

В полночь я стояла у окна гостиной и не отрываясь смотрела на черный силуэт города. Меня душили отчаяние и бешенство. Мне одновременно хотелось забиться куда-нибудь в угол, свернуться в комок и умереть или, выскочив на улицу, начать крушить стекла. Я никак не могла смириться с неожиданным открытием, что Федеральная полиция Австралийского Союза представляет собой сборище разгильдяев и непрофессионалов. В середине дня мне позвонила констебль Педерсон и сообщила, что служащие отеля упаковали вещи Аддина и Шахиры и теперь я могу забрать их. Я не нашла в себе силы сделать это – мне казалось, что, забирая вещи, я окончательно закрываю какую-то главу и уже никогда не смогу открыть ее, поэтому я попросила

своего друга Тима Уотсона-Мунро заехать в отель.

Тим приехал к нам в одиннадцать вечера и привез четыре пластиковых мешка для мусора, в которые были упакованы все оставшиеся в номере вещи. Я плакала все время, пока доставала и разбирала одежду и игрушки – все, что осталось мне от моих детей. Когда я сквозь слезы смотрела на эти разложенные по полу вещи, меня вдруг больно ужалила мысль, что Бахрин специально избавился от всего, что могло бы напомнить детям о доме – от всей их одежды, включая белье, носки и даже обувь. Только теперь я поняла, почему он не взял с собой Белянку и другие детские сокровища. Он хотел перечеркнуть всю ту жизнь, что была у Аддина и Шах до того, как он их похитил. Он собирался перекроить и их души, изменить характеры, сделать из них других людей, а вернее, глиняных кукол без мыслей и чувств. Аддин и Шахира принадлежали ему, были его собственностью, вещами, которые он когда-то потерял, но теперь вернул себе.

Роясь в рюкзачке Аддина, я обнаружила, что мальчик подозревал что-то неладное и, похоже, догадывался о намерениях своего отца. Под прорванной подкладкой я нашла срезанные ярлычки и чеки из магазина, где Бахрин покупал новую детскую одежду. В распечатанных на компьютере чеках имелось подробное описание каждой вещи, а значит, теперь мы могли точно сказать, во что одеты разыскиваемые дети. Я очень гордилась Аддином в эту минуту. У него хватило сообразительности и смелости, для того чтобы оставить нам ключ к поискам.

Чуть позже, развернув смятые грязные носки Аддина, я обнаружила прилипший к трикотажу рыжий волос и сразу же вспомнила о высоком рыжеволосом человеке, которого видел один из свидетелей. Значит, этот мужчина заходил в их номер в отеле. Кроме того, на блестящих обложках нескольких книг я нашла большие отпечатки пальцев взрослого человека. Отпечатки имелись даже на обрывке оберточной бумаги, тоже упакованном в один из мешков. Все это должна была найти не я, а полицейские, обыскивавшие номер. Я не могла поверить в такую непростительную небрежность, и мне страшно было подумать, сколько еще доказательств выбросила уборщица отеля.

Я немедленно позвонила в офис Федеральной полиции и сообщила им о своих находках. Они смущенно признали, что обыск номера был проведен не особенно тщательно, и сказали, что завтра ко мне заедет их сотрудник и заберет все найденные доказательства, а пока меня попросили проявить осторожность и случайно не уничтожить следы. Я заверила их, что упаковала все подозрительные предметы в отдельные пластиковые пакеты и

старалась как можно меньше к ним притрагиваться. Я не удержалась от искушения добавить, что узнала обо всех этих тонкостях из детективного романа, и полюбопытствовала, не по нему ли и они обучались в полицейской академии. Надеюсь, дежурный офицер оценил мой сарказм.

Около трех часов ночи мне пришло в голову, что не мешало бы поспать, но, похоже, я совсем забыла, как это делается.

17 июля 1992 года. Пятница

В конце концов я все-таки заснула на пару часов, но потом пожалела об этом. Все два часа мне снились непрерывные кошмары. Я слышала испуганные голоса Аддина и Шахиры, но не могла прийти им на помощь. Во сне я была слепой и даже не видела их, а только слышала, как они снова и снова зовут меня на помощь. Я проснулась в слезах от звука собственного голоса, выкрикивающего их имена.

Утро пятницы ничем не отличалось от предыдущих: телефон, начавший звонить в пять часов, интервью, камеры, рвота и диарея. В перерыве между интервью я просмотрела заголовки утренних газет: «ОДНОКЛАССНИКИ ДЕТЕЙ РАЗДЕЛЯЮТ ГОРЕ СЕМЬИ ГИЛЛЕСПИ», «ПРИНЦ ПРЯЧЕТСЯ В АВСТРАЛИИ», «ДОМОЙ ВЕРНУЛИСЬ ИГРУШКИ, НО НЕ ДЕТИ».

Родители товарищей Аддина и Шах как могли выражали нам свое сочувствие и старались помочь. Они начали приносить в наш дом кастрюли с супом и готовую еду, которую оставалось только разогреть. Я чувствовала к ним искреннюю благодарность, потому что сама была не в состоянии готовить, а массу людей, обитавших в нашем доме, требовалось чем-то кормить. Одноклассники детей оставляли на нашем крыльце букетики и маленькие картинки и записочки, написанные неуклюжим детским прочерком, со смешными ошибками. Глядя на эти каракули, я думала о том, что мои Аддин и Шах совсем еще маленькие, а значит, доверчивые и беспомощные. Как они станут жить, если рядом не будет тех, кто их любит?

Раньше я и не представляла себе, сколько друзей у моих детей и как они все к ним привязаны. Любовь и тревога сквозили во всех получаемых нами письмах. Я аккуратно складывала их в ящик стола, думая о том времени, когда Аддин и Шахира прочтут эти строки, полные сочувствия, и поймут, сколько людей переживало за них. Я очень старалась думать о чем-то хорошем и забывать о плохом, но мне это редко удавалось.

Безжалостная и напыщенная статья, появившаяся в газете «Эйдж», не улучшила моего настроения. Коротко говоря, суть ее сводилась к тому, что двумя маленькими австралийцами вполне

можно пожертвовать ради процветания международной торговли и прибыли, получаемой от экспорта. Наверное, журналист, пока писал ее, представлял себе, как детей распиливают на куски или – еще проще! – лишают австралийского гражданства. Для роста экспорта все средства хороши.

Мне позвонил чиновник из Министерства иностранных дел, но не сообщил ничего нового или важного. Он вежливо выразил сочувствие и дал понять, что они ожидают худшего. Представители Федеральной полиции продолжали уверять, что дети не покидали Австралии, и я уже не понимала, кому мне верить и на что надеяться, но все-таки решила бороться до конца.

Я по-прежнему ничего не ела, а если что-то и попадало мне в желудок, то надолго там не задерживалось. Друзья засыпали меня шоколадками «Кэдбери», потому что прошел слух, будто это единственное, от чего меня не тошнит. В глубине души я мечтала, чтобы они оставили меня в покое. Мне казалось невозможным жевать и глотать что-то, пока я не знаю, что с моими детьми.

Макл не оставляла меня ни на минуту и ходила за мной по пятам из комнаты в комнату. Собаки умеют успокаивать одним своим присутствием, и сама она, кажется, тосковала меньше, когда сидела рядом со мной.

Больше всего меня терзала мысль, что я сама виновата во всем случившемся. Я не могла простить себе того, что, вопреки собственной интуиции, поверила другим людям и позволила им уговорить себя. Я обещала Аддину и Шахире, что все будет хорошо и что Бахрин никогда не заберет их у меня. Теперь я знала, что солгала своим детям.

Я продолжала верить, что только постоянное внимание и давление со стороны прессы и телевидения помогут обнаружить место, где Бахрин скрывает детей, при условии, конечно, что они все еще остаются в Австралии. Журналисты пока не теряли к нам интереса, но требовали новой информации и свежих фактов – через неделю интерес публики к нашей трагедии начал немного остывать. Они неоднократно просили моего разрешения сфотографировать комнаты Аддина и Шахиры, но я категорически отказывалась: жизнь моих детей и так оказалась на виду у всего света, и мне не хотелось без крайней необходимости позволять чужим людям копаться в их личных вещах. В самый разгар ажиотажа в массмедиа несколько женских журналов настойчиво выразили желание написать о нашей семье, но меня не заинтересовали их предложения. Дети, надеялась я, уже будут дома к тому времени, когда выйдет номер со статьей, а значит, журналы не могут помочь мне в поисках. Нас интересовала только оперативная информация, предоставляемая телевидением,

радио или ежедневной прессой.

В ту пятницу я неохотно согласилась сказать несколько слов для вечерней телевизионной программы о событиях недели. Фургон с оборудованием для внестудийного вещания и спутниковой трансляционной тарелкой подъехал к нашему дому как раз в тот момент, когда я закончила восьмой за этот день поход в туалет. Мне уже не в первый раз пришла в голову мысль, что проще будет вообще ничего не есть и таким образом избавиться хотя бы от одной из своих телесных проблем. Я была так измотана морально и физически и чувствовала себя так плохо, что боялась не дотянуть до конца съемки.

Мы заранее договорились с продюсером, что сначала мне дадут прослушать записанное ранее через спутник интервью с дядей Бахрина, Тенку Ибрагимом. Кроме того, ведущий программы пообещал, что не будет стараться столкнуть меня лбом с бывшим родственником, а просто позволит прокомментировать некоторые его высказывания. На деле же никакого предварительно записанного интервью не оказалось, и я неожиданно стала участницей прямого трехстороннего телемоста между мной, ведущим и дядей Ибрагимом. К концу записи я была вне себя от горя и ярости: прежде всего мне пришлось выслушать циничные и варварские рассуждения Тенку Ибрагима о женском обрезании. Он спокойно заявил, что, если отец привезет Шахиру в Малайзию, она, разумеется, будет подвергнута этой операции. «А в чем проблема? – осведомился он. – Обрезание делают миллионам девочек. Это совсем простая процедура. Незачем поднимать вокруг этого столько шума».

Эта операция, во время которой у маленьких девочек отрезают клитор, во всех цивилизованных странах считается преднамеренным членовредительством и грубейшим нарушением человеческих прав. Услышав, что это собираются сделать и с моей маленькой дочерью, я потеряла остатки самообладания. Несколько минут я рыдала на плече у Яна и только потом сообразила, что Тенку Ибрагим отлично слышит меня, потому что, вопреки обещанию продюсера, все еще остается на линии. Телевизионные дельцы добились своего: драматичная сцена и мои рыдания, несомненно, повысили рейтинг программы. Вряд ли они даже задумались о том, что при этом подвергали опасности детей и мои отношения с королевской семьей.

Немного легче мне становилось только после бесед с Тимом. Он взял за правило заглядывать к нам пару раз в день, чтобы проверить, не может ли чем-нибудь помочь. С Яном в это время мы разговаривали очень мало и только об Аддине и Шах. Мы инстинктивно старались держаться подальше друг от друга, как

будто боялись, что, если две отдельные беды столкнутся, произойдет взрыв. Ночью, лежа рядом друг с другом, мы тоже молчали, зная, что каждое слово может причинить боль. Только друзья помогали нам держаться. Мне до сих пор стыдно, что тогда я не находила в себе сил даже на то, чтобы благодарно улыбнуться в ответ.

18 июля 1992 года. Суббота

Девять дней прошло с тех пор, как я последний раз обнимала своих детей, а мы по-прежнему ничего не знали о них. Газеты все еще пестрели заголовками: «РАССКАЗЫВАЕТ МАТЬ ПОХИЩЕННЫХ ДЕТЕЙ», «ДЕТИ ГИЛЛЕСПИ УКРАДЕНЫ». Один журналист умудрился даже раскопать историю трехлетней давности о моем романе с Джоном Сэвиджем и написать о нем целую статью. Статья вышла неплохой, но я никак не могла понять, какое отношение имеют моя связь с американским актером и тот факт, что мы вместе работали над фильмом, к поискам Аддина и Шах. За несколько дней до появления статьи я с трудом разыскала Джона где-то в Праге и рассказала ему о том, что случилось с его «вомбатами». Он сразу же предложил задействовать свои связи в Америке и организовать необходимую дипломатическую помощь, но я отказалась. Пока у меня не было неопровержимых доказательств, мне не хотелось верить, что детей уже нет в Австралии.

Казалось, время застыло в нашем доме, и, куда бы я ни смотрела, мне все время попадались на глаза приметы прошлой, нормальной жизни, которая, возможно, уже никогда не вернется. Наши велосипеды стояли на своем обычном месте – вдоль стены в прихожей. Я всегда отворачивалась, проходя мимо, – мне слишком больно было смотреть на них. Поедем ли мы когда-нибудь все вместе на еще одну длинную семейную прогулку вдоль реки?

Самые незначительные слова и события теперь выводили меня из себя. Так случилось и когда я заметила, что фотографии Аддина и Шахиры, стоявшие на камине, захватаны руками журналистов. Я пришла в бешенство и решила тут же бежать в магазин и купить для карточек красивые серебряные рамки. Наверное, в глубине души такой акт казался мне символическим – я выполняла свой материнский долг и как могла защищала своих детей. Впервые за семь дней я вышла из дома, и этот короткий поход в магазин оказался невыносимо тяжелым. На улице меня узнавали, показывали пальцем, провожали взглядами и шептались мне вслед. Я совершенно не привыкла к такому вниманию, и оно мне нисколько не льстило. Когда продавщица

сжала мою руку и сказала, что молится за нас, я не выдержала, расплакалась и поскорее выскочила из магазина.

В тот же день Джеф Голдштейн, владелец местного видеосалона, пришел к нам с двумя пакетами, полными видеокассет. Он объяснил, что нам, наверное, надо чем-нибудь отвлечься от своей беды. Джеф был прав, но только как можно отвлечься, если чувствуешь, как у тебя из груди вырывают душу?

19 июля 1992 года. Воскресенье

С тех пор как началась эта пытка неизвестностью и страхом, прошла ровно неделя, показавшаяся мне вечностью. Кошмары мучили меня наяву и во сне, своими криками я по ночам будила Яна, а потом вскакивала, бежала в туалет, и меня в очередной раз выворачивало наизнанку.

Каждое утро начиналось с того, что я лихорадочно просматривала заголовки газет, надеясь прочитать о каком-нибудь новом следе, ведущем к детям, и проверяя, все ли возможное я сделала накануне. Ян помогал мне сохранить рассудок, и все эти дни его присутствие оставалось единственной постоянной величиной в моей жизни. Он был спасательным плотом, и только благодаря ему я пока держалась на плаву.

Последние дни я начала замечать в прессе признаки того, что королевская семья Малайзии решила объединиться и поддержать Бахрина. В газетах стали появляться заголовки типа: «ПОХИЩЕНИЕ ИЛИ СПАСЕНИЕ? ВОПРОС ВЫБОРА РЕЛИГИИ», и я поняла, что теперь для меня закроются многие источники информации. Статья, вышедшая под этим заголовком, особенно разозлила меня. В ней приводилось высказывание одного из членов королевской семьи, утверждавшего, что я крестила детей в англиканской церкви без ведома их отца. Это было ложью. Бахрин прекрасно знал, что дети ходят в нормальные детские сады и школы, празднуют Рождество и вообще живут как самые обычные австралийцы. Более того, я официально известила его о том, что крестила Аддина и Шах, за девять месяцев до того, как он добровольно передал мне право исключительной опеки над ними. Я никогда не отказывала бывшему мужу в праве участвовать в принятии решений, касающихся детей, но он ни разу не проявил желания воспользоваться им. Если Бахрину не нравилось, как мы с Яном воспитываем детей, ему следовало обратиться в суд, а не похищать их.

Особенно рассердило меня то, что автор статьи, журналистка Ди Уэбстер, ранее использовала все возможные средства для того, чтобы втереться ко мне в доверие. Она заверяла меня, что, находясь в Малайзии, приложит все силы, чтобы узнать что-

нибудь о местонахождении детей. Я добровольно снабдила ее всей необходимой информацией, а также проинструктировала по вопросам этикета, чтобы по возможности облегчить общение с членами королевской семьи. Эта журналистка обманула меня самым низким образом. Она забыла о том, что пишет не просто эксклюзивную статью, а статью о двух невинных маленьких детях, чью судьбу Ди Уэбстер с легкостью обменяла на высокий гонорар.

В тот день я записала в своем дневнике: «Я ужасно люблю Аддина и Шах. Ни разу с самого дня их рождения они не разлучались со мной так надолго. Я чувствую себя так, словно у меня ампутировали руку или ногу. Где же сейчас мои дети?»

24 июля 1992 года. Пятница

Несмотря на весь поднятый прессой шум или, может быть, вследствие него, австралийское правительство не спешило предложить нам помощь. Из Канберры даже намекали, что с радостью встретили бы новость о том, что дети уже находятся в Малайзии, а я продолжаю борьбу за них в суде этой страны. Похоже, политиков нимало не беспокоил тот факт, что принц из Малайзии демонстративно и грубо нарушил законы их государства. Надо сказать, подобное отношение правительство премьер-министра Китинга демонстрировало каждый раз, когда между Австралией и Малайзией возникали спорные вопросы, касающиеся прав человека. Суть его сводилась к формуле: «Мир любой ценой и невзирая на жертвы». Сенатор Гарет Эванс, занимавший в то время пост министра иностранных дел, неоднократно заявлял в прессе, что похищение моих детей – это «семейное, частное дело», которое не входит в компетенцию правительства. Мне хотелось задать ему только один вопрос: «Если грубое нарушение федерального закона не входит в компетенцию правительства, тогда зачем такое правительство вообще нужно?»

Когда нежелание властей прийти нам на помощь стало очевидным, моя подруга Микки начала сбор подписей под петицией, призывающей министра иностранных дел принять меры для возвращения Аддина и Шахиры и задержания Бахрина и его сообщников. Тысячи людей подписали это воззвание, а мои друзья-журналисты рассказывали, что подобные кампании проходят и в других штатах Австралии. Число наших сторонников росло как снежный ком. Я надеялась, что столь очевидно выраженное общественное мнение подвигнет чиновников на решительные действия. Без поддержки правительства наша борьба была заранее обречена на провал.

Вторая прошедшая после похищения неделя оказалась

намного тяжелее первой. Надежда, что дети все еще находятся в Австралии, таяла с каждым днем. Представители Федеральной полиции по-прежнему заверяли меня, что Бахрин с детьми не пересекал границы страны, но я доверяла им все меньше – особенно после того, как они признались, что не обыскали ни особняк султана в Перте, ни малазийское грузовое судно, вышедшее из Перта несколько дней назад. Для розыска детей не было создано даже специальной группы. Федеральная полиция предпочитала относиться к их похищению как к рядовому семейному недоразумению. Поняв наконец, что надеяться на них не приходится, я решила, что мне остается только поднимать как можно больше шума в прессе.

Кроме того, какое-то шестое чувство подсказало мне, что стоит лично поговорить с владельцем магазина игрушек в Гриффите, на чьи показания больше всего рассчитывала Федеральная полиция. Я понимала, что просто хватаюсь за соломинку, но мне необходимо было самой услышать от него, что он видел моих детей. На деле же разговор с этим человеком привел к окончательному крушению моих надежд. Без конца извиняясь, он признался, что видел в магазине совсем не Бахрина с Аддином и Шах, а недавно поселившегося в их городе отца с двумя детьми, которого на тот момент он еще не знал в лицо. Потом он добавил, что немедленно послал сообщение о своей ошибке в Федеральную полицию, но никакого подтверждения от них не получил; но даже до этого никто из их представителей не встречался с ним, чтобы уточнить его показания, и не предъявлял ему фотографий детей для опознания.

После того как я раскритиковала действия Федеральной полиции в прессе, мне позвонил помощник комиссара Уолтер Уильямс и заверил, что для поиска детей делается все возможное. Я еще раз спросила, задействованы ли силы Береговой охраны, и он еще раз ответил утвердительно. Из нашего разговора нетрудно было понять, что Уолтер Уильямс не испытывает ко мне особой симпатии. Вероятно, он счел нужным обидеться на то, что я совершенно правдиво рассказала журналистам о беспомощности и некомпетентности его ведомства. Но мне было наплевать на чувства помощника комиссара – я твердо знала, что если стану целыми днями улыбаться и сидеть сложа руки, то, вероятно, очень понравлюсь прессе и правительству, но ничем не помогу своим детям. Если их обижает моя критика, пусть, черт возьми, постараются работать получше! А я буду делать все, что могу, для того чтобы защитить Аддина и Шахиру, и никто не заставит меня молчать или бездействовать.

К концу второй недели уже немалое число австралийских

журналистов успели съездить в Тренгану и прислать оттуда репортажи. Все они не сомневались, что дети либо вот-вот прибудут в Малайзию, либо их уже прячут здесь. Съемочная группа нашего Десятого канала была даже арестована за то, что подобралась слишком близко к королевской семье; к счастью, через несколько часов всех отпустили. По крайней мере, теперь я могла быть уверена, что благодаря моим друзьям-журналистам узнаю даже самую страшную правду немедленно и из первых рук.

И все-таки я испытала серьезное потрясение, когда уже в двенадцатом часу ночи скрипучий мужской голос сообщил мне по телефону, что Аддина и Шах совершенно определенно находятся в Малайзии. Потом звонивший представился корреспондентом одной из ведущих газет и спросил, как я могу прокомментировать это сообщение. Вместо ответа я разрыдалась. Ян вырвал у меня трубку, чтобы узнать, с кем я говорю, но журналист, не дав ему произнести ни слова, немедленно потребовал рассказать ему всю историю похищения и поисков. Когда Ян отказался и обвинил его в распространении непроверенных слухов, а также в непрофессионализме, потому что ни один настоящий журналист не станет в полночь звонить жертве преступления, для того чтобы выяснить детали истории, которая вот уже две недели подробно освещается на первых страницах всех газет, тот начал оскорблять его и, грязно выругавшись, повесил трубку. На следующий день Ян сообщил о поведении журналиста издателю, и газета принесла нам извинения, но я после этого происшествия поняла, что, хоть и являюсь по-прежнему членом журналистского сообщества, а также жертвой преступления, некоторые мои коллеги поспешили сделать вывод, что, раз я способна так решительно бороться за своих детей, значит, мне не больно. Как же сильно они ошибались! Мне было ужасно больно, так больно, будто у меня вырывали сердце, но все-таки я боролась. Я просто не видела другого выхода.

В те дни, чтобы выжить, я мысленно надевала на себя шоры и, не замечая ничего вокруг, видела только цель впереди. Ян, Джордж и Деб продолжали уговаривать меня поесть и отдохнуть хоть пару часов, но мне казалось, что каждую минуту, потраченную на еду или отдых, я краду у Аддина и Шах. А кроме того, за прошедшие две недели я почти позабыла, что означают эти слова.

43

25 июля 1992 года. Суббота. 23.15

Именно в этот момент я узнала, что моя жизнь кончена. Мне слишком тяжело вспоминать об этих днях, поэтому я просто приведу здесь несколько страниц из своего дневника:

Я не спала уже больше сорока двух часов. Желудок будто стянут тугим узлом, мозг просит о передышке, руки непрерывно трясутся, и сегодня я заметила, что волосы начали выпадать целыми прядями. Господи, я готова душу продать тому, кто вернет мне моих детей! Бледный как смерть Ян несколько минут назад задремал в кресле. Вокруг нас сидят и стоят, устало прислонившись к стене, наши друзья – все они тоже не спали уже более полутора суток, все они боролись за возвращение наших детей. Джон только что уехал и увез с собой едва живых от усталости Надин и Джошуа. Лилиан уехала час назад и вернется завтра утром. А я пока попытаюсь проанализировать, что случилось за последние двадцать четыре часа.

Вчера ночью, в четверть двенадцатого, чиновник Министерства иностранных дел Дэвид Руттер позвонил Лилиан домой, чтобы сказать ей, что «дети в данный момент находятся в Индонезии и направляются в Малайзию». Он наотрез отказался сообщить какие-либо подробности. Лилиан немедленно позвонила Джону и договорилась встретиться с ним у нас дома. Когда около полуночи они вдвоем неожиданно приехали к нам, я поняла, что сейчас услышу плохие новости. Через несколько минут к ним присоединился и Дэвид Абрахам, управляющий юридической фирмы, и одного взгляда на лица этих троих людей мне хватило, для того чтобы окончательно свалиться в бездну отчаяния и бессильного гнева.

Немного позже той же ночью я сама поговорила с Дэвидом Руттером, но он не сказал мне ничего нового и только продолжал как заведенный повторять, что «дети в данный момент находятся в Индонезии и направляются в Малайзию». Я пыталась выяснить, кто именно видел их, на каком из островов и в каком они были состоянии, но мистер Руттер очень холодно отказался отвечать на мои вопросы. Это явное нежелание властей делиться информацией со мной, матерью Аддина и Шахиры, привело меня в такую ярость, что я тут же сообщила Дэвиду Руттеру все, что думаю о нем и его министерстве. Как могу я защитить своих детей, если собственное правительство отказывается предоставить мне необходимые сведения? Дэвид Абрахам забрал у

меня трубку и продолжил разговор с чиновником. Тот рассказал ему, что в настоящее время сенатор Гарет Эванс, министр иностранных дел, находится в Маниле, где принимает участие в конференции стран-участниц АСЕАН. Несколько часов назад его проинформировали о ситуации, и он уже разговаривал по этому поводу с господином Али Алатасом, министром иностранных дел Индонезии, а сейчас пытается встретиться с министром иностранных дел Малайзии, тоже присутствующим на конференции.

Услышав об этом, я вырвала трубку у Дэвида Абрахама и очень решительно заявила Руттеру, что ни при каких условиях сенатор Эванс не должен соглашаться, если правительство Малайзии попытается навязать ему какую-нибудь сделку: например, отдать одного ребенка в обмен на обещание не препятствовать выезду другого. Хорошо зная Бахрина и то, насколько сын для него важнее, чем дочь, я не сомневалась, что в крайнем случае он попытается выдвинуть такие условия. «Не смейте ни на что соглашаться, не спросив у меня! Не смейте! – кричала я в трубку. – Ради бога, скажите мне, где мои дети!»

Когда разговор был закончен, мы несколько минут молчали, ошеломленно глядя друг на друга и пытаясь понять, что нам теперь предстоит. Случилось то, что ни в коем случае не должно было случиться – детей увезли из Австралии, несмотря на то что Федеральная полиция так упорно заверяла меня в обратном.

Ясно, что в первую очередь нам надо добиваться, чтобы индонезийский суд вынес постановление, запрещающее Бахрину покидать страну, но для этого необходимо знать, где именно он находится: Индонезия располагается на сотнях островов. Без содействия нашего правительства найти их будет так же трудно, как иголку в стоге сена. Судя по всему, в Министерстве иностранных дел знают гораздо больше, чем сообщают нам, и я совершенно не могу понять, почему они так упорно не желают нам помочь. Разве главная обязанность государства – это не защита его граждан? Я горжусь тем, что могу назвать себя австралийкой, но ведь патриотизм – это не только возможность демонстрировать паспорт с гербом своей страны. Патриотизм – это уверенность, что государство сделает все возможное для того, чтобы защитить своих граждан, особенно если эти граждане – беспомощные дети. А сейчас мне кажется, что моих детей просто продают в рабство в обмен на подпись на торговом договоре.

Остаток ночи прошел в бесконечных телефонных переговорах. В начале второго к нам приехал Роб Гелл с еще одним мобильным телефоном, и мы тотчас же начали звонить во все концы

Австралии, надеясь найти какие-нибудь способы надавить на правительство и заставить его поделиться с нами необходимой информацией. Мы с Яном будили политиков, профсоюзных деятелей, дипломатов и журналистов, Лилиан и Джон набрасывали черновики юридических документов, а Джордж и Дебби снабжали их именами и фактами.

Я разыскала Малколма Фрэйзера, бывшего премьер-министра Австралии, в его загородном доме. Несмотря на то что мой звонок поднял его с постели, он внимательно выслушал меня и пообещал, что нажмет на все рычаги и постарается раздобыть для меня нужные сведения. Потом нам удалось дозвониться бывшему министру иностранных дел, и тот сказал, что не одобряет позицию правительства по данному вопросу и тоже сделает все, чтобы нам помочь. Я рассказала о сложившейся ситуации известному профсоюзному лидеру Джону Хафпенни, и он, как и остальные, проявил сочувствие и обещал нам свою помощь. Лидера сенатской оппозиции и министра иностранных дел теневого кабинета мы нашли в его собственном доме в Аделаиде, на юге Австралии, и он сказал, что поговорит с несколькими знающими людьми и потом перезвонит нам. Ни один из деятелей лейбористского правительства, с которыми мне удалось связаться, не выразил желания помочь, возможно, потому, что я слишком откровенно высказывалась о нерасторопности и равнодушии властей. Брайан Бурдекин, уполномоченный представитель ООН по правам человека, сказал, что пока не знает, чем сможет помочь в нашей ситуации, но займется этим вопросом немедленно. Уже под утро мы с Яном позвонили домой руководителям службы новостей Десятого и Седьмого телеканалов Нейлу Миллеру и Дэвиду Бродбенту. Может, хотя бы давление прессы заставит правительство шевелиться.

Звонки, звонки и снова звонки. Я не собираюсь сдаваться. Я буду звонить, умолять, просить, требовать, клянчить и шантажировать до тех пор, пока не добьюсь того, что мне необходимо для спасения Шах и Аддина. Интересно, чего ожидает лейбористское правительство? Что я забьюсь в угол и поспешу признать свое поражение? Аддин и Шахира – мои дети, вся моя жизнь. Я люблю их гораздо больше, чем себя. Я не успокоюсь, пока не заставлю власти признать, что член королевской семьи из соседнего государства похитил двух маленьких граждан Австралии, грубо нарушив австралийские законы и наплевав на постановление австралийского суда. Я привыкла считать, что главная обязанность членов правительства – защищать своих граждан и заботиться о соблюдении законов. Сенатор Гарет Эванс еще не знает, что его ждет. Он сто раз пожалеет о том, что

связался с матерью, детям которой угрожает опасность.

В одной из сегодняшних газет появился комментарий известного аналитика и специалиста по Юго-Восточной Азии: «Эта проблема может быть решена только путем дипломатических переговоров между двумя правительствами. Но, даже если малазийское правительство придет к соглашению с австралийским, его решение не будет обязательным для королевской семьи, потому что, согласно конституции, в Малайзии члены правящей династии стоят над гражданским законом». Другая газета процитировала ресторанную певичку Элми, заявившую: «Надеюсь, Жаклин скоро забеременеет от своего нового мужа и у нее родятся новые дети», – весьма выразительная иллюстрация того, что эта женщина понимает в узах, связывающих мать и ребенка. Не говоря уже о том, что из-за эндометриоза и миомы я, возможно, уже никогда не смогу иметь детей. Да и в любом случае ребенок – это не предмет обстановки, который можно легко сменить, если старый пришел в негодность, а совершенно особенное, живое, дышащее человеческое существо.

В середине дня в нашем доме состоялась большая пресс-конференция для всех средств массовой информации. Микрофоны, непрерывные вспышки, вопросы, вопросы, вопросы… Слава богу, что у нас есть друзья. В них вся моя сила. Рик Уиллис делает все, чтобы хоть немного облегчить нам жизнь. Он взял на себя подготовку нашей еженедельной радиопрограммы, чтобы мы могли все свое время посвящать только поискам детей. Не знаю, как я смогу отблагодарить его.

Факсом отправила письмо в Комитет ООН по правам ребенка. Надеюсь, они не задержатся с ответом.

Сейчас самое главное – не дать Бахрину переправиться из Индонезии в Малайзию. Это наш последний шанс спасти детей. Эти две страны находятся так близко друг к другу, что все зависит только от быстроты наших действий. Как только Аддин и Шахира окажутся в Малайзии, наши шансы вернуть их в Австралию составят от силы один процент. Я разложила на полу все школьные атласы и карты Скай. Не знаю, какая от этого польза. Смотрю на изображения Индонезии и Малайзии и при помощи телепатии пытаюсь определить, где мои дети. На карте расстояние между этими странами не больше двух сантиметров – пара сотен миль, для самолета совсем ерунда.

Несколько часов подряд я звонила в Индонезию, чтобы найти юриста, который станет представлять там наши интересы. В конце концов через друга друзей моей кузины мне удалось связаться с ведущим адвокатом, занимающимся там семейным правом. Он немедленно согласился взяться за наше дело, но сказал, что не

сможет подать заявление в суд, пока не будет знать, где именно в Индонезии находятся Бахрин и дети. Даже названия острова – Бали, Ява, Суматра, Сулавеси или одного из сотни других – было бы достаточно для начала. Он добавил, что не понимает, как может австралийское правительство с таким равнодушием относиться к делу, касающемуся двух маленьких детей. Мы договорились, что он будет ждать дальнейших инструкций, а я тем временем стану переворачивать землю, чтобы добыть нужную информацию.

Лучшие друзья Аддина, Марк и Джек, сегодня обходили с петицией все крупные торговые центры и супермаркеты. Они принесли нам сотни подписей. Мальчики твердо решили сделать что-нибудь для Аддина и Шахиры. Они тоже не могут понять отношения правительства и очень сердятся. Гай, бывшая жена Яна и мать Тайсона и Дрю, вместе со всей своей семьей тоже собирает подписи в защиту моих детей. Я очень благодарна ей за эту помощь. Сегодня мне рассказали, что факсы в офисах сенатора Эванса в Канберре и Мельбурне забиты тысячами посланий от людей, требующих возвращения Аддина и Шах. Это хорошо.

Ник и Бен Макартуры заявили, что вместе с Джеком и Марком хотят рассказать журналистам о своих друзьях Аддине и Шах. Я сказала, что подумаю, но на самом деле это должны решать их родители.

Наш дом весь день находится точно под осадой. Журналисты чувствуют, что наступил критический момент, и звонят нам каждую минуту. Некоторые из них стали нам настоящими друзьями и теперь следят за ходом дела, даже если не пишут о нем.

Господи, да неужели никто не скажет мне, где мои дети?!

Ян говорит, что мне надо немного поспать, а я не знаю, как заснуть и вообще смогу ли я заснуть хоть когда-нибудь.

Спокойной ночи, мои дорогие, мои любимые малыши. Хороших вам снов. Храни вас Господь. Мама очень любит вас. Будьте храбрыми, и вы обязательно вернетесь домой.

26 июля 1992 года. Воскресенье

Я пытаюсь представить, о чем сейчас думает Аддин. Я хорошо его знаю – знаю, что он осторожен и предусмотрителен, не любит рисковать и никогда не начинает дела, если не уверен в успехе. Я немало сил потратила на то, чтобы мой сын стал уверенным в себе и мужественным человеком, и сейчас не сомневаюсь, что он пытается найти способ убежать, но не станет ничего предпринимать, если не будет уверен, что сможет увести с собой и Шах. Он ни за что не станет подвергать сестру опасности, в этом

я уверена. Он будет смотреть, слушать и выжидать удачный момент. Я словно слышу его голос, спрашивающий у меня, что делать. Если бы только я могла ответить ему.

Сегодня я встала очень рано, сразу же по привычке побежала в ванную, и там меня долго тошнило. Сердце колотится так, что мне кажется, оно вот-вот выскочит из груди. Я очень беспокоюсь за здоровье детей. Они оба плохо переносят сильную жару. Наверное, в индонезийском влажном и жарком климате простуда на губе Шах воспалится еще сильнее. Когда же кто-нибудь точно скажет мне, где мои дети? Друзья тоже начали приходить рано утром. Мое нервное состояние передалось и им. Все знают, что сегодня решается судьба Аддина и Шах. Мне надо только знать точное место, и тогда наш адвокат в Индонезии немедленно начнет действовать.

Наш дом стал похож на военный штаб: карты, справочники, телефоны и непрерывная деятельность. Наверное, это и есть военный штаб, потому что отсюда мы ведем нашу войну.

«Санди эйдж» сегодня вышла с заголовком: «ЗАЯВЛЕНИЕ СУДЬИ: КАНБЕРРА ОБЯЗАНА ЗАЩИЩАТЬ ПРАВА ЮНЫХ АВСТРАЛИЙСКИХ ГРАЖДАН». Дальше в статье говорится: «Председательствующий судья Семейного суда Австралии его честь Алистер Николсон призвал федеральное правительство проявлять большую активность в деле о незаконном вывозе детей за границу. Судья Николсон подчеркнул, что, согласно австралийскому законодательству, государство обязано защищать права детей, даже если они окажутся за пределами страны. В таком случае сотрудники австралийского посольства должны принимать все возможные меры для того, чтобы разыскать и вернуть на родину похищенных детей. „В конце концов, именно для этого и существуют дипломатические представительства, – добавил судья. – Защита своих граждан – это их основная задача“».

Неужели даже к этим словам не прислушаются политики? Ради Шах и Аддина надеюсь, что это не так.

* * *

30 июля 1992 года. Четверг

Самое страшное случилось: Шах и Аддин в Малайзии. Несколько последних дней я была так раздавлена горем, что не могла ни писать, ни думать. Мне казалось, что тупым ножом меня режут на куски. И сейчас в середине груди у меня, вместо души, пустота – такая зияющая и безнадежная, что, наверное, уже никогда я не стану прежней. Господи, что же будет со всеми

нами?

Первое предупреждение о катастрофе мы получили от Министерства иностранных дел около часу дня. Из нашего посольства в Куала-Лумпуре им сообщили, что Бахрин уже в Малайзии и на четыре часа по мельбурнскому времени назначил большую пресс-конференцию в одном из главных отелей города.

Все невыносимо долгие три часа, последовавшие за этим звонком, я из последних сил старалась сохранять самообладание и боролась с истерикой, подступающей к самому горлу. Я срывалась на окружающих, бросала друзьям и близким незаслуженные ими горькие упреки и одним взглядом заставляла замолчать тех, кто пытался меня успокоить. Меня трясло и тошнило, а я ходила и ходила по комнате, пока Ян не заставил меня сесть. В голове металось множество вопросов. Понимают ли дети, что происходит? Как объяснил им все Бахрин? Напуганы ли они? Как они спят? Что едят? Прошла ли простуда на губе у Шах? Позволят ли детям быть вместе, или их разделили? А главное, как без помощи правительства мы добьемся их возвращения?

В 16.30 журналисты подтвердили, что дети находятся в Куала-Лумпуре. На пресс-конференции Бахрин объявил, что похитил их во имя Аллаха. С этого момента жизнь потеряла для меня всякую ценность.

После официального подтверждения ужасной новости началась агония. Я плохо помню те несколько часов. От защищавшей меня все эти двадцать дней брони за несколько секунд не осталось и следа: я падала, тонула, умирала и все-таки продолжала жить. Слезы душили меня, и, когда стало ясно, что сама я не успокоюсь, кто-то вызвал доктора Майкла Джонса, моего врача. Я ослепла на левый глаз, и он, казалось, вот-вот выскочит из глазницы, а голова болела так, словно хотела разлететься на куски. Меня уложили в постель, но истерика не прекращалась. Я слышала какие-то крики – страшные, будто звериные, полные муки и первобытной боли; потом мне сказали, что это кричала я. Майкл сделал мне укол петидина, но я не почувствовала никакой разницы. Мою боль не мог облегчить ни один наркотик. Помню, как позже кто-то с трудом дотащил меня до туалета. К этому моменту я уже ничего не видела, но услышала, как вдруг смолк гул голосов, когда я зашла в гостиную. Я спросила, в чем дело, и мне объяснили, что дом полон представителями прессы и юристами. Чей-то голос прошептал мне в ухо, что мне не обязательно разговаривать с ними – все понимают, в каком я состоянии. Кажется, в конце концов я все-таки потеряла сознание. Не помню, да это меня и не интересует. Меня не интересует ничто и никто, кроме Шах и Аддина.

31 июля 1992 года. Пятница

Ян настоял на том, чтобы я несколько дней оставалась в постели, его поддержали все наши друзья, а у меня не было сил спорить: голова продолжала невыносимо болеть, и на какое-то время я совершенно ослепла. Но уже в пятницу 31 июля я снова встала и начала бороться. Сначала мне было страшно: я отвыкла от борьбы и боялась того, что мне предстоит, боялась вопросов, которые станут задавать журналисты. Целую неделю Ян, Лилиан, Джон и Дэвид Абрахам принимали весь огонь на себя, но сегодня мне самой предстояло вернуться в строй. На вечер была назначена пресс-конференция для представителей всех средств массовой информации, на которой планировалось обсудить юридические проблемы, а также действия правительства в сложившейся ситуации.

Кроме того, мне предстояло дать эксклюзивное интервью корреспонденту самого популярного в Австралии журнала и впервые рассказать широкой публике о подробностях моей жизни в Тренгану, что тоже заставляло меня сильно нервничать. Раньше я не считала нужным сотрудничать с журналами, но сейчас мне пришлось пойти на это по двум причинам: во-первых, я надеялась таким образом оказать дополнительное давление на правительство, а во-вторых, нам очень нужны были деньги на все возрастающие юридические расходы. Журнал не заплатит мне за интервью ни цента, но зато сделает взнос в «Фонд спасения детей Гиллеспи», недавно основанный нашими друзьями, в число которых входили бывший глава правительства штата Виктория сэр Руперт Хамер, Брайан Голдсмит, Брюс Макменамин и Роджер Эванс. Средства фонда будут расходоваться на покрытия наших юридических издержек и, возможно, на судебные расходы, если нам придется вести процесс в суде Малайзии. Все неизрасходованные суммы будут либо возвращены жертвователям, либо, если взнос был сделан анонимно, переданы в фонд ЮНИСЕФ «Помогите детям».

Ничего этого не понадобилось бы, если бы федеральное правительство проявило больше активности и желания помочь. Сенатор Гарет Эванс отказался встретиться или хотя бы поговорить со мной, продолжая утверждать, что похищение моих детей является «семейным и частным делом». Он отозвался об этом происшествии как о «весьма прискорбном». Мне очень хочется знать, какие эпитеты он употребил, если бы на месте Аддина и Шахиры оказались его собственные дети.

В предыдущий понедельник команда наших юристов, состоящая из Лилиан, Джона и Дэвида Абрахама, летала в

Канберру, чтобы обсудить финансовую помощь, предложенную правительством, о чем сенатор Эванс, разумеется, поспешил сообщить прессе. В комнате, предназначенной для заседаний, вокруг круглого стола сидели десять чиновников, представлявших Министерство иностранных дел и Генеральную прокуратуру. Ни один из министров не счел нужным явиться на эту встречу. Сначала чиновники готовы были выделить на помощь нашей семье тысячу долларов (примерно четыреста фунтов), но после трех с половиной часов препирательств и бюрократических уверток расщедрились на две с половиной тысячи (то есть на тысячу фунтов). Эта сумма не покрывала даже стоимости билетов, купленных нашими юристами для этой похожей на фарс поездки в Канберру, не говоря уж о расходах на тяжбу с королевской семьей Тренгану. Поэтому «щедрое» предложение правительства было отвергнуто с презрением, которого оно и заслуживало.

В газетах в последние дни появлялись такие заголовки: «НАДЕЖДЫ БОЛЬШЕ НЕТ. СЕМЬЯ ГИЛЛЕСПИ В ТРАУРЕ», «ОТЕЦ БЛАГОДАРИТ АЛЛАХА ЗА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ», «ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ ПОХИЩЕНИЯ», «ДЕТИ В МАЛАЙЗИИ», «ПРИНЦ НАРУШАЕТ ЗАКОНЫ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ДЕТЕЙ», «СЛАВА АЛЛАХУ», «С РОДИНЫ НА РОДИНУ», «БОРЬБА ЗА ДЕТЕЙ – ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ ДЛЯ АВСТРАЛИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ», «ФОТОГРАФИЯ, РАЗБИВШАЯ МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ», «ДЕТИ НЕ УКРАДЕНЫ, А ПРОСТО ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ, – ЗАЯВЛЯЕТ ПРИНЦ», МАТЬ НЕ ДОЛЖНА ОСТАВЛЯТЬ НАДЕЖДУ, УТВЕРЖДАЕТ СУДЬЯ», «МУСУЛЬМАНЕ ОБВИНЯЮТ ПРЕССУ В ПРЕДВЗЯТОСТИ», «НАРУШЕНЫ ПРАВА ДЕТЕЙ, – ГОВОРИТ АДВОКАТ», «БЕГСТВО ЧЕРЕЗ МОРЕ». Кроме газет похищение моих детей обсуждалось в открытых дебатах на телевидении, в интерактивных радиошоу, а кроме того, мы получали массу писем, не помещавшихся в наш почтовый ящик. Люди писали, чтобы выразить мне любовь, сочувствие и поддержку, и я бесконечно благодарна им за это. Мне очень хотелось лично ответить всем этим добрым людям, но я не знала, когда буду в состоянии сделать это.

Правда, с другой стороны, мысль о том, что наша частная жизнь отныне стала общественным достоянием, а наше личное горе обсуждается и оценивается в заводских цехах, в офисах, на улицах и в светских гостиных, стала для меня источником постоянных мучений. Публичность оказалась обоюдоострым мечом: с одной стороны, для спасения детей мне необходима была поддержка моих сограждан, но с другой – меня не могло не раздражать то, что они в какой-то степени стали считать нас

своей собственностью. Разумеется, среди всего этого шума не могли не проснуться и уродливые расовые предрассудки. Ведущий одной из сиднейских радиостанций прямо в эфире назвал меня «косоглазой плаксой» и заявил, что меня следует выслать туда, где мое место. Нашлись и другие австралийцы, которые радостно подхватили подобное мнение. Думаю, я сама виновата в том, что оказалась не готовой к этому. Я была слишком наивна и, даже глядя в зеркало, забывала о том, что некоторые невежественные люди судят о человеке только по его внешности. Зато ведущие радиостанций «3 АВ» Маргарет Флетчер и «Радио Аделаиды» Мюррей Николь оказались настоящими друзьями и немедленно встали на мою защиту и заодно помогли мне, нещадно критикуя правительство.

Один журналист вознамерился написать статью о моей национальности и происхождении, и я сообщила ему, что мои предки живут в Австралии с 1801 года и что они входили в число первых исследователей и государственных деятелей нашей страны. Честно говоря, намеки на то, что в Австралии я иностранка, больно ранили меня. Неужели Аддин и Шахира представляют собой меньшую ценность, потому что появились на свет в результате межнационального брака? Покажите мне человека, который это скажет, и я сама выцарапаю ему глаза. Как смеет кто-то оценивать моих детей по составу их крови?!

По дороге на пресс-конференцию произошло по-настоящему ужасное происшествие, снова выбившее меня из колеи. Мы ехали по одной из центральных улиц Мельбурна, а когда остановились на светофоре, какой-то человек в мотоциклетном шлеме вдруг просунул голову в открытое окно нашей машины и схватил сидящего за рулем Яна за горло, выкрикивая при этом невнятные ругательства. Насмерть перепуганная, я пыталась оторвать пальцы незнакомца от шеи мужа, а сидящие на заднем сиденье Сюзанна Дункан, редактор журнала «Женщины Австралии», и фотограф Тони буквально оцепенели от удивления и ужаса. В какой-то момент глаза нападавшего встретились с моими, и он выкрикнул: «Сука! Ты заслужила то, что случилось с твоими детьми!» Ян размахнулся и попытался ударить его, но, к сожалению, кулак угодил в шлем. Мужчина вскочил на свой мотоцикл и быстро уехал. На пресс-конференцию мы приехали, еще не оправившись от потрясения, а Ян к тому же и с окровавленными костяшками пальцев.

Сама встреча с прессой стала для меня тяжелым испытанием. От духоты сильно кружилась голова, и комната, полная людьми, плыла перед глазами. К горлу несколько раз подступали рыдания, и я усилием воли пыталась загнать их обратно. Со всех сторон в

меня летели вопросы о детях, будущем, реакции правительства и о том, как я себя сейчас чувствую. Я старалась отвечать на все. Я сказала журналистам, что хочу, чтобы дети вернулись домой немедленно, но, если это пока невозможно, мне необходимо хотя бы раз поговорить с ними по телефону. Я должна ободрить Аддина и Шах, должна сказать, как я люблю их. Во время пресс-конференции у меня наконец-то появилась возможность опровергнуть появившиеся в последнее время в прессе слухи о том, что когда-то я сама обманом вывезла своих детей из Малайзии. Бахрин нанял профессиональную команду специалистов по связям с общественностью для того, чтобы через нее общаться со средствами массовой информации и распространять ложь обо мне.

Лилиан несколько дней безуспешно пыталась найти адвоката, который согласился бы представлять нас в Малайзии. Ни один юрист в этой стране не хотел связываться с богатой и могущественной королевской семьей, и я не могу винить их за это. Мы многократно обращались к поверенным Бахрина в Мельбурне с просьбой разрешить мне один-единственный раз поговорить с детьми, но к нашим мольбам остались глухи.

Как могло правительство не вмешаться даже теперь, когда стало известно, что детей вывезли морем из Квинсленда – штата на северо-востоке Австралии? Несмотря на все свои уверения, Федеральная полиция Австралии так и не проинформировала о поисках Береговую охрану и не привлекла ее к участию в них. Береговая охрана позже сообщила, что принимала сигналы бедствия с индонезийского рыбацкого судна под названием «Пеншеробох», которое с неисправным двигателем четыре дня дрейфовало в проливе Торреса, разделяющем Австралию и Индонезию. Более того, Береговая охрана знала об этом судне, когда то еще находилось в австралийских территориальных водах; они даже приступили к операции по спасению, но в последнюю минуту отменили ее. Поймав сигнал бедствия, в котором упоминалось, что на судне находятся двое детей, пограничники выслали ему на помощь свой самолет и катер ВМС «Дуббо», но, когда тот уже приблизился к неуправляемому судну, ему приказали развернуться и возвращаться на базу: «Пеншеробох» отказался от помощи австралийских властей и продолжал по радио на английском языке вызывать индонезийскую военно-морскую базу и лично военного коменданта территории Ириан-Джая (западной части острова Новая Гвинея, принадлежащей Индонезии). Немного позже судно с Бахрином и моими детьми на борту было отбуксировано индонезийским военным катером в порт Мерауке в Ириан-Джая.

Федеральной полиции в конце концов пришлось признаться прессе, что они «забыли» проинформировать о розыске детей Береговую охрану, а заодно и полицию Квинсленда – «досадное упущение», как они сами это назвали.

Как могло австралийское правительство, зная о таком грубом вмешательстве индонезийских военных, по-прежнему утверждать, что похищение Аддина и Шах – это «частное семейное дело»?

Когда я узнала, каким именно способом детей вывезли из страны, мне захотелось собственными руками кастрировать Бахрина. Одному богу известно, что пришлось испытать Аддину и Шах, пока крошечное рыбацкое судно несколько дней дрейфовало с испорченным двигателем в океане. Сам Бахрин не умеет плавать и боится воды – случись что, он не смог бы спасти детей. Аддин – довольно хороший пловец, я недаром постоянно водила его в бассейн, но Шах пугается, когда вода попадает ей в лицо, и поэтому даже не любит мыть волосы. Но Бахрин готов был пожертвовать их жизнями, ради того чтобы отомстить мне!

Примерно в то же время стал известен и еще один факт, который австралийское правительство предпочло не заметить: 20 или 21 июля, в тот самый день, когда индонезийский военный катер буксировал рыбацкое судно в порт Мерауке, в том же Мерауке целая группа государственных чиновников из Австралии была задержана военными, окружена вооруженной охраной и помещена под домашний арест. Совпадение? Австралийское правительство предпочитало считать так.

Постепенно выяснялись все новые факты. Пилот вертолета Колин Фергюсон, житель Мельбурна, временно работавший на той территории Индонезии, что примыкает к Папуа Новая Гвинея, только приехав в отпуск в Австралию, к собственному удивлению узнал, что несколько дней назад летел из Ириан-Джая на Сулавеси в одном самолете с Бахрином и моими детьми. Еще тогда ему показалось странным, что двое детей явно малайской наружности злили своего отца, играя в слова на английском языке с несомненным австралийским акцентом. Детям не разрешали выходить из самолета, когда он несколько раз садился на разных островах, и не разрешали сидеть рядом друг с другом. В кресле рядом с Аддином всю дорогу сидел телохранитель, а Шах занимала место рядом с отцом.

Когда эта новость появилась в прессе, Колин сам позвонил мне и не пожалел времени, чтобы рассказать о том полете со всеми подробностями. После разговора с ним мне стало немного легче: он рассказал, что дети играли в скороговорки, которые они без конца повторяли, пока их отец не рассердился. Эти скороговорки были словно посланием от них к нам. Во время

велосипедных прогулок мы с Яном часто играли в эту игру – соревнуясь на скорость, произносили скороговорки все быстрее и быстрее, а дети подгоняли нас, а потом решали, кто победил. Теперь я знала, что они помнят, любят и думают о нас.

Главный комиссар полиции Малайзии публично объявил, что готов оказать Бахрину любое содействие, и уже обеспечил ему круглосуточную охрану. Это весьма очевидно свидетельствовало об его неуважении к Австралии и ее законам. Еще несколько министров правительства Малайзии заявили о полной и безоговорочной поддержке Бахрина. Мой бывший муж откровенно использовал детей как средство для того, чтобы выбиться в национальные герои. Свой подлый поступок, продиктованный эгоизмом и низкой мстительностью, он представлял подвигом во имя ислама. Религия никогда особенно не интересовала Бахрина, и, разумеется, не ради нее он украл Аддина и Шах, однако ему вполне удалось обмануть своих сограждан. Я почти не сомневалась, что в скором времени он выставит свою кандидатуру на какой-нибудь государственный пост – у моего бывшего мужа всегда имелись политические амбиции.

Каждый раз, взглянув на календарь, я невольно подсчитывала, сколько дней не видела и не обнимала Аддина и Шах. Единственным моим утешением оставались воспоминания. В ту пятницу я записала в своем дневнике:

Всю прошлую ночь я проплакала в постели Аддина, прижимая к груди Белянку. Я чувствую присутствие детей везде, ноздри жадно ловят их запах, а из коридора ко мне доносятся их голоса. Я вспоминаю, как целовала их обоих перед сном, как откидывала им со лба волосы, как укутывала одеялом. Я вспоминаю, как Шах упрашивала меня прочитать еще одну, самую последнюю сказку на ночь и как, подобно мне, она любила свои книжки. Помню, как в половине одиннадцатого вечера она вдруг запела итальянскую песню, а потом босиком спустилась к нам в гостиную и объявила:

– Мамочка, я не могу спать.

– Почему?

– Потому что мозг со мной все время разговаривает.

– Я ты вели ему замолчать, – посоветовала я, стараясь оставаться серьезной.

– Я пробовала, но он меня не слушается.

Я вспоминаю, каким сосредоточенным было лицо Аддина, когда он работал над последним школьным заданием – моделью Солнечной системы, и как он с досадой сказал: «Все, что я знаю о Венере, – это что у нее атмосфера состоит из угля!» Он так и не узнал, что получил за это задание свою первую отличную отметку. Я вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю… Неужели Бахрину

удастся стереть все это из их памяти? Неужели они забудут меня? Господи, помоги мне вернуть моих детей!

Я больше ни в чем не уверена. Единственное, что остается в моей жизни постоянным, – это непрекращающаяся боль и кошмары, которые мучают меня по ночам.

2 августа 1992 года. Воскресенье

В телевизионных новостях сообщили, что Бахрин с детьми на машине приехал в Куала-Тренгану. По дороге они останавливались в нескольких мечетях и возносили благодарственные молитвы за счастливое спасение детей. Аддин и Шахира в окружении вооруженной полицейской охраны прибыли в наш старый дом, который теперь окружала трехметровая ограда. Бахрин держит их в клетке, как зверей, и время от времени вывозит на публичные мероприятия и фотосессии. На фотографии, напечатанной в одной из газет, Шахира размахивает флагом Малайзии, а Аддин сидит рядом, отстраненный и мрачный. В интервью Бахрин заявил, что дети легко и с удовольствием привыкают к жизни на родине и нисколько не скучают по Австралии. А я хочу знать, что происходит, когда по ночам они плачут и просятся домой. Я хочу знать, что им говорят, когда они зовут меня. Может, он сказал им, что я умерла? Или отказалась от них? Знают ли они, что я продолжаю бороться?

Три детских психиатра и два судебных психолога рассказывали мне о том, как может отразиться подобная ситуация на психике детей: им неизбежно придется испытать посттравматический синдром, который принесет с собой бессонницу, чувство тревоги и эмоциональное истощение и, возможно, еще и стокгольмский синдром. Стокгольмский синдром – это защитная реакция организма, которая заставляет заложника отождествлять себя с захватчиком, верить, что только тот может спасти его, и даже испытывать к нему симпатию. Американка Пэтти Херст, похищенная террористами в целях выкупа, в итоге стала членом их преступной группы, правда, сделала она это только для того, чтобы сохранить себе жизнь. Все специалисты единодушно утверждали, что невозможно похитить двух детей из их единственного дома и разлучить их со всеми, кого они знают, не нанеся им при этом серьезной психологической травмы. Как же может правительство так легко жертвовать двумя маленькими людьми ради гладких торговых отношений? Бахрин заявил прессе, что мне ни при каких обстоятельствах не позволят поговорить с детьми. Выходит, основные права человека не распространяются на Шахиру и

Аддина?

В газетах начали появляться новые заголовки: «РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ ТРАГЕДИИ», «ПРИНЦ ЗАПРЕЩАЕТ МАТЕРИ РАЗГОВАРИВАТЬ С ДЕТЬМИ», «КОНФЛИКТ ИСЛАМА И ФЕМИНИЗМА». Первый из них показался мне даже забавным: «родительская любовь» не имела никакого отношения к причинам, заставившим Бахрина похитить детей. В своих интервью он и сам ни разу не упомянул о любви. Он рассуждал только о религии.

Однако в газетах появлялось и много писем в защиту нашей семьи. Одно из них, от Хитер Браун, даже заставило меня улыбнуться, и я с удовольствием представила, как сенатор Эванс будет читать его за завтраком. Хитер писала: «Раджа Бахрин Шах располагает неограниченной поддержкой правительства Малайзии, полиции Малайзии, Исламского суда, а также поддержкой некоторых облеченных властью индонезийцев, включая и военных. По сути, ему не особенно требовалась помощь сенатора Эванса и австралийской Береговой охраны, но тем не менее он ее получил и, наверное, очень благодарен».

В конце концов наше правительство все-таки решило что-то предпринять и потребовало, чтобы сотрудникам посольства Австралии предоставили возможность повидаться с Аддином и Шахирой, на что получило неопределенный и уклончивый ответ.

Я уже начала думать о том, чтобы самой поехать в Тренгану и попытаться увидеться с детьми, но сразу же выяснилось, что в Малайзии я стала персоной нон грата и визу мне никогда не получить. Более того, меня обвиняли там сразу в нескольких преступлениях и даже выписали ордер на мой арест. Если я все-таки рискну приехать в Малайзию, то в тот же день окажусь за решеткой. Бахрину удалось устроить так, что ордер был выписан якобы в марте 1984 года, то есть еще до моего отъезда в Австралию и за полтора года до нашего с ним развода. Тем же постановлением суда Бахрину предоставлялась право исключительной опеки над обоими детьми – пример поразительного предвидения, потому что Шахира в то время даже не была зачата; вероятно, суд имел в виду право опеки над моим левым яичником.

Примерно тогда же мы начали получать встревожившие нас письма от человека, предлагавшего выкрасть у Бахрина детей и вернуть их мне. В письмах он прозрачно намекал на свое умение обращаться со всеми видами огнестрельного и холодного оружия. Нам удалось выяснить, что этот человек хорошо известен полиции и обвинялся именно в связи с незаконным ношением оружия. Конечно же, я и на сотню миль не подпустила бы такого к

своим детям – они были нужны мне живыми, а не мертвыми. Писали нам и другие новоявленные Рембо; все они предлагали свои услуги и, разумеется, не бесплатно.

Особенно неприятной была история с частным сыщиком из Квинсленда, который, по его словам, занимался как раз возвращением похищенных детей. Этот человек, давая интервью центральному каналу, заявил, что я являюсь его клиенткой и он якобы предложил мне отличный план спасения детей с применением силы, но мы с Яном отвергли его. Об этом же он рассказал и корреспондентке известного женского журнала. Я никогда в жизни не разговаривала с этим человеком и вряд ли когда-нибудь буду, учитывая способ, которым он заманивает к себе клиентов.

По-прежнему ни одной ночи мне не удавалось проспать без кошмаров; они преследовали меня неотвязно. Один из самых страшных я записала тогда в своем дневнике:

Я снова и снова бьюсь о стеклянную стену, отгораживающую от меня Аддина и Шах. Они сидят за ней, каждый в своей аккуратной комнатке, полной игрушек, но без окон и дверей. Они раскачиваются, плачут и зовут меня, но звуки их голоса почему-то не совпадают с движением губ. Я кричу, что мама идет к ним, что я люблю их, и колочу кулаками в стекло, но они не слышат меня. А потом раздается хохот – торжествующий и жестокий. Я оборачиваюсь и вижу Бахрина, который смеется, обнажая зубы, смеется, смеется… Его смех заглушает крики детей, заполняет все вокруг. А потом я вижу, как сверкает сталь, и чувствую страшную боль – огромным ножом он отсекает мне сначала правую, а потом левую руку выше локтя. Я сползаю на пол, но продолжаю колотить по стеклу окровавленными обрубками. Все стекло уже залито кровью, но я стучу, чтобы дети знали, что я не сдаюсь, а Бахрин хохочет все громче, и громче, и громче, и я больше не могу выносить этого звука и просыпаюсь, все еще выкрикивая имена Аддина и Шах.

Мне стало бы легче, если бы я смогла поговорить с кем-нибудь, кто прошел через то же, что я. Иногда мне казалось, что я схожу с ума. Наши друзья Тим Уотсон-Мунро и его жена Карла Лешнер, оба профессиональные психологи, уверяли меня, что это не так. Я почти не спала и похудела с пятидесяти двух до сорока килограммов. Мне было наплевать на это. Желудок отказывался принимать пищу, и она в нем не задерживалась. Несколько раз я пыталась взяться за хозяйство, но, едва войдя на кухню, начинала плакать, потому что вспоминала, как готовила карри в тот день,

когда пропали дети. Ян и Скай питались тем, что приносили нам соседи, или едой, доставляемой из ресторанов. Волосы продолжали выпадать клочьями, и спереди их стало заметно меньше. Я без особого интереса прикидывала, как буду выглядеть лысая.

Лилиан и Джон очень много работали, надеясь найти какую-нибудь юридическую лазейку, которая позволила бы нам хоть что-то предпринять. Против Бахрина можно было возбудить уголовное дело, но для этого требовалась помощь правительства.

Вечером в среду, 5 августа, я впервые увидела Аддина и Шахиру по телевизору. Это было тщательно срежиссированное шоу. Аддин выглядел мрачным и сердитым, а Шах, конечно же, оставалась Шах – она постоянно крутилась и ни на минуту не забывала о камерах и журналистах. Дети, похоже, ссорились, но голос комментатора заглушал их слова. Позже, когда нам удалось убрать все закадровые звуки, стало слышно, как Аддин говорит Шах, чтобы та вела себя прилично, иначе им попадет. Чтобы создать непринужденную атмосферу, дети были окружены клетками с кроликами, мышами и морскими свинками. Они рассматривали животных, стараясь не замечать камеры, и поглядели в нее, только когда чей-то голос велел им улыбнуться. У Шах все ножки были искусаны насекомыми.

Я прокручивала запись этих кадров сотни раз. Ян очень расстроился, когда однажды, зайдя в гостиную, увидел, что я стою на коленях перед телевизором и рыдаю, прижавшись лицом к экрану. Но я ничего не могла с собой поделать – это было сильнее меня.

Спокойной ночи, мои дорогие, мои любимые малыши. Хороших вам снов. Храни вас Господь. Мама очень любит вас и всегда будет любить.

21 августа 1992 года. Пятница

Время шло, но мне не становилось легче, а наоборот, тяжелее. Невозможно было смириться с тем, что отныне нам придется жить без Аддина и Шахиры. Сначала я потеряла их, теперь теряла и себя. Все, что казалось важным и дорогим, было с хирургической точностью вырезано из моей жизни. Наша семья кое-как пыталась существовать по-прежнему, но притворяться становилось все труднее: она уменьшилась ровно наполовину, и образовавшуюся страшную пустоту невозможно было ни игнорировать, ни чем-нибудь заполнить. Огромным облегчением и счастьем было бы просто услышать голоса Аддина и Шах, но и эту надежду у меня отняли. Каждый день я подолгу сидела у телефона, пытаясь отыскать какой-то способ пробиться к ним. Я

набирала и набирала все известные мне номера, принадлежавшие семье Бахрина, но без всякого толку – все телефоны поменялись. Я раз за разом звонила на коммутатор дворца Истана Бадария и умоляла соединить меня с Эндах, надеясь узнать какие-нибудь новости о детях. Мне либо сразу же грубо отказывали, либо, если на коммутаторе дежурил телефонист Касим, с которым когда-то мы были друзьями, тоже отказывали, но придумывая неубедительные отговорки. Я пыталась менять голос, говорить с разными акцентами, но ничего не помогало. Иногда мне удавалось немного поговорить с Касимом и вымолить у него обещание слово в слово передать мое послание Эндах. «Если она не желает или не может говорить со мной, пожалуйста, передайте ей, что я ни в коем случае не намерена причинять ей неприятности или неудобства, – заклинала его я, а потом на „высоком“ малайском языке, с соблюдением всех тончайших требований этикета, излагала свою просьбу: – С великой любовью и глубочайшим почтением я вспоминаю Ее Величество и смею надеяться, что она здорова. Я нижайше молю ее не отказать моим детям в своей заботе и покровительстве. Ни в коем случае не желая тревожить ее или нарушать мир, царящий в ее жизни, я осмеливаюсь обратиться к ней с покорнейшей просьбой подумать, не сочтет ли она возможным передать Их Высочествам Тенку Аддину и Тенку Шахире, что мама их очень любит. Я заранее благодарна Ее Величеству за милостивое внимание, уделенное моей просьбе».

Повесив трубку, я еще долго хватала ртом воздух, как после долгого бега, дрожала и судорожно всхлипывала. Я не сомневалась, что, если у Эндах будет такая возможность, она обязательно постарается присматривать за моими детьми на расстоянии. И еще я знала, что я никогда не смогу узнать, достигло ли ее мое послание. Эта дверь навсегда захлопнулась передо мной.

В других случаях, когда я звонила во дворец, трубку снимали незнакомые мне слуги. Они с удовольствием играли со мной в жестокие игры, уверяли, что вся королевская семья на неопределенное время переехала в Сингапур и что ни у кого из них больше нет телефона. Иногда они просто надолго клали трубку на стол, и тогда я могла слышать, как они со смехом планируют, какую еще гадость сказать мне и чья теперь очередь развлечься. Они называли меня *кафир* и слугой сатаны, но меня это уже не задевало. Важным было только одно – любой ценой пробиться к детям. Только борьба за них давала мне силы жить. Они должны знать, что их мама не сдалась и никогда не сдастся.

В прессе регулярно продолжали появляться статьи о нас, и

вся наша история стала напоминать какой-то мелодраматический сериал. Поток мнений, точек зрения и публичных обсуждений не иссякал. Я стала врагом номер один для разведенных отцов, лишенных права общаться с детьми, и любимой мишенью для проживающих в Мельбурне студентов из Малайзии. У нашей машины несколько раз прокалывали шины. Однажды, когда я остановилась на светофоре, какой-то пожилой человек стал колотить палкой в стекло автомобиля.

Дэвид Хиршфельдер, наш хороший друг и композитор, который позже будет номинирован на «Оскар» за музыку к фильму «Блеск», организовал публичное выступление других музыкантов и исполнителей с требованием к правительству вернуть Шахиру и Аддина. Я была бесконечно благодарна ему и другим участникам акции.

Стало известно, что лидер оппозиции Роберт Хилл потребовал проведения сенатского расследования в связи с похищением детей. Оно уже не могло помочь Аддину и Шах, но, возможно устранив некоторые пробелы в законодательстве, помогло бы другим семьям, оказавшимся в такой же ситуации.

Бахрин, объясняя, почему он похитил детей, начал ссылаться на единовременное постановление Семейного суда от марта 1991 года. Он утверждал, что суд запретил ему водить Аддина и Шах в мечеть, но при этом забывал упомянуть, что это решение распространялось только на один конкретный день. Его весьма убедительная ложь привела меня в бешенство. На самом деле все происходило совершенно не так, как рассказывал Бахрин. В тот раз он прибыл в Мельбурн без предупреждения и в своей обычной королевской манере потребовал немедленного свидания с детьми на следующий день или, в случае отказа, срочного судебного слушания в четверг, предшествовавший пасхальным каникулам. Я возражала на том основании, что Бахрин не предупредил нас о своем желании заранее и у детей уже были определенные планы на Страстную пятницу. Тем не менее я все-таки разрешила ему встретиться с ними во время пасхальных каникул и даже взять их к себе в отель на ночь.

Объявляя свое решение, судья объяснил, что ему хорошо известно особое значение пятницы для мусульман, но поскольку, во-первых, именно эта конкретная пятница является важнейшим днем и в христианской религии и, во-вторых, Бахрин вопреки договоренностям заранее не предупредил о своем приезде, ему и отказано в этом свидании. Кроме того, его честь добавил, что суд с глубочайшим уважением относится к религии Бахрина и, если тот потребует свидания с детьми в день, являющийся мусульманским праздником, такое свидание ему будет

обязательно предоставлено. Разумеется, прессе обо всем этом Бахрин не сказал ни слова.

И все-таки многие люди поверили ему, и в средствах массовой информации развернулось широкое обсуждение плюсов и минусов браков между людьми, принадлежащими к разным культурам. Меня неожиданно и против моей воли превратили в фанатичную и воинствующую поборницу христианства. Почти ничего обо мне не зная, комментаторы не стеснялись препарировать мою жизнь и делать выводы в соответствии с собственными предрассудками и предубеждениями. Меня это обижало и злило, и друзьям приходилось постоянно напоминать мне, что высказывания этих людей не имеют никакого значения в деле спасения Аддина и Шах. Я не могла согласиться с ними. Общественное мнение значило для меня очень много, потому что только с его помощью можно было заставить правительство действовать. Оставшись без поддержки множества незнакомых мне людей, я ничем не смогу помочь своим детям.

Нашей главной задачей было заставить правительство возбудить против Бахрина уголовное дело и потребовать у властей Малайзии его выдачи. Я считала, что Австралия обязана сделать для Аддина и Шах хотя бы это.

А тем временем я продолжала существовать как могла – считая дни и с усилием переставляя ноги.

44

Сентябрь 1992 года

Я стала бояться выходить их дому, потому что, появляясь на улице, привлекала к себе слишком много внимания. Совершенно незнакомые люди подходили ко мне с выражениями сочувствия, иногда прикасались или нежно обнимали меня. Некоторые просто указывали пальцем и начинали довольно громко шептать друг другу, что это «та самая несчастная мать». Честно говоря, я предпочитала тех, что подходили, тем, что шептались в моем присутствии так, словно я была глухой. И все-таки именно это сочувствие и доброта чужих людей помогали мне переживать самые горькие моменты. Одним из наиболее тяжелых испытаний стали для меня походы в супермаркет. Обычно меня сопровождал кто-нибудь из друзей, потому что люди реагировали на мое появление очень по-разному. Иногда их поведение даже казалось забавным. Как-то две пожилые женщины, раскрыв рот, ходили за мной и Хитер по всему магазину, останавливались там, где останавливались мы, смотрели на те же продукты и при этом еще, не понижая голосов, обсуждали мою наружность.

– А ненакрашенная она выглядит не так уж хорошо, правда?

– Да уж конечно похуже, чем на обложке журнала.

– Смотри-ка, улыбнулась! Похоже, не очень-то она и несчастна.

Ну что тут скажешь? Ничего. Раньше я даже не подозревала, что по выражению моего лица при выполнении простейших домашних обязанностей люди могут судить о том, насколько сильно я люблю своих детей. Зато теперь я это знаю. Через некоторое время я перестала выходить из дома без темных очков и низко надвинутой бейсболки.

Первый после похищения детей поход в супермаркет потряс меня своей обыденностью, от которой я успела совсем отвыкнуть. При мысли, что волей-неволей мне приходится вырываться из круга отчаяния и горя и возвращаться к нормальной жизни, меня охватила паника. Я не хотела этого. Мне не нужна была нормальная жизнь – без Аддина и Шах она потеряла для меня всякую ценность. В супермаркет мы ходили с ними раз в неделю после уроков, и, пока я набирала в тележку продукты, дети все время дергали меня за руки и уговаривали купить какие-нибудь особенные хлопья или печенье. Теперь, с трудом сдерживая слезы, я намеренно далеко обходила те полки, на которых стояли их любимые продукты. Я и до сих пор так делаю.

Следующим открытием стало то, что, пока в магазине я

пыталась набрать продукты, меня каждую минуту кто-нибудь останавливал и спрашивал о детях. Люди просто не понимали, что и без их вопросов мне невыносимо тяжело заниматься этим обычным домашним делом. Большинство из них были добры и на самом деле старались помочь: одни говорили, что молятся за нас, другие – что написали письмо премьер-министру, или министру иностранных дел, или в газету. Но встречалось немало и таких, кого толкало ко мне нескромное любопытство или желание поближе рассмотреть чужое горе. Женщины выражали мне сочувствие и сразу же начинали расспрашивать о подробностях моей жизни с Бахрином или давали непрошеные советы, самым частым из которых был совет договориться с отцом, чтобы он вернул мне хотя бы одного ребенка. Другие говорили банальности типа: «По крайней мере, вы знаете, что они живы» или «Они вернутся к вам, когда вырастут». Я и без них знала, что должна каждую минуту благодарить Бога за то, что мои дети живы, но, по собственному опыту зная, что такое жизнь под властью Бахрина, я боялась не только за их физическое благополучие, но и за их души. Я старалась воспитать своих детей независимыми, мыслящими, пытливыми людьми, которые станут судить о других по их достоинствам или недостаткам, а не по цвету кожи или религии. Я учила их, что к другим надо относиться так же, как ты хочешь, чтобы относились к тебе.

Меня очень мало утешали уверения, что мои дети вернутся ко мне, когда вырастут. Я боялась даже думать об этом. По исламским законам они могли уехать из Малайзии, когда им исполнится восемнадцать лет, но не могли без согласия отца получить паспорт до двадцати одного года. Если Шахиру рано выдадут замуж, она не сможет покинуть Малайзию без согласия мужа. Да и в любом случае детей рожают не для того, чтобы не видеть, как они растут, меняются, взрослеют. Бахрин отнял у Аддина и Шахиры все, чего они ждали от будущего с тех пор, как научились ходить. У них больше не будет ни рождественских елок, ни пасхальных крашеных яиц, ни веселых праздников в день Хеллоуина, к Шах никогда не придет Зубная фея, чтобы забрать ее первый молочный зуб. Все это украл у детей их отец, не спросив их согласия или мнения, так легко и бездумно, как другие прихлопывают муху.

А заголовки все продолжали взывать к вниманию читателей газет: «ВЫДВИНУТО ТРЕБОВАНИЕ АРЕСТОВАТЬ ПРИНЦА», «МАТЬ КРИТИКУЕТ „ОЧЕНЬ ЗАНЯТОГО“ ЭВАНСА», «ПОЛИЦИЯ ОБВИНЯЕТСЯ В НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ И НЕБРЕЖНОСТИ», «ТРАГЕДИЯ ГИЛЛЕСПИ – СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ», «ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ ПРЕДУПРЕДИЛИ ПРИНЦА О

ТРЕБОВАНИИ ЕГО ЭКСТРАДИЦИИ», «ЧТО ЗАСТАВИЛО МЕНЯ СБЕЖАТЬ: МАТЬ ПОХИЩЕННЫХ ДЕТЕЙ ОТКРОВЕННО РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ ЖИЗНИ С ПРИНЦЕМ».

Я еще раз письменно обратилась к сенатору Эвансу с просьбой о личной встрече. Мне отказали на том основании, что он «очень занят» и к тому же заранее знает все, что я ему скажу, из чего напрашивался вывод, что наш министр внутренних дел – экстрасенс. Я полагаю, сенатор Эванс не хотел встречаться со мной, потому что боялся увидеть живого человека за тем, что до сих пор представлялось ему лишь неприятным дипломатическим казусом. Он прислал мне письменный ответ, и, когда я прочитала его, мне показалось, что я уткнулась лицом в каменную стену. «Я от всей души надеюсь, – писал сенатор, – что Вы найдете возможность повидаться с детьми и что, когда Вам это удастся, Вы убедитесь, что они здоровы и счастливы». Это письмо не оставляло сомнений в том, что помощи от них ждать не приходится. Правительство демонстративно умывало руки.

Собрав все силы, я попыталась вернуться к работе и опять начала вести еженедельные радиопрограммы, посвященные экологии. Сделать это пришлось хотя бы потому, что борьба за детей совершенно истощила нас финансово. Мне необходимо было элементарно зарабатывать деньги. Я очень нервничала перед первым выходом в эфир, опасаясь, что, как бы тщательно ни отфильтровывались звонки в студию, кто-нибудь из дозвонившихся все-таки упомянет детей или решит выразить мне свое соболезнование и тогда я расплачусь и не смогу вести программу дальше.

Я стала замечать, что в моменты наивысшего напряжения или отчаяния меня охватывает какое-то оцепенение. Я даже научилась специально вызывать его, надевая, как маску, в такие минуты, которые иначе, наверное, не смогла бы пережить. И еще я обнаружила, что снять эту маску оказалось гораздо труднее, чем надеть. Я начала относиться к жизни и окружающим с каким-то странным и непривычным равнодушием. Меня хвалили за то, как мужественно я держусь, и мне самой очень важно было держаться или, по крайней мере, делать вид, но почему-то никто не спешил вручить мне за это орден. Окружающим гораздо проще общаться с вами, если вы не демонстрируете им своего горя. Обычные люди с обычными счастливыми жизнями, лишь изредка омрачаемыми всякими мелкими неприятностями, как правило, неловко чувствуют себя в присутствии тех, кто пережил настоящую трагедию. Им гораздо удобнее думать, что если вы хорошо держитесь, то скорее всего просто не чувствуете боли.

Я только притворяюсь, что держусь, а на самом деле это

совсем не так. Всей душой и всем телом я тоскую по Аддину и Шах. Каждую ночь я вижу во сне их лица и слышу голоса. Я мать, но у меня нет детей. Я живу и в то же время не живу. Кто я теперь? Имею ли я еще право называть себя «мамой»?

Октябрь 1992 года

Рвотные спазмы наконец-то прекратились.

А газетные заголовки продолжали кричать: «ПРИМЕР УДИВИТЕЛЬНОГО БЕССЕРДЕЧИЯ», «МАТЬ БЕЗ ДЕТЕЙ», «ПОЛИЦИЯ ГОТОВА АРЕСТОВАТЬ ВИНОВНЫХ В ПОХИЩЕНИИ», «НОВЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ ГИЛЛЕСПИ», «ПОЛИЦИЯ НЕ СУМЕЛА ОСТАНОВИТЬ ПРИНЦА», «ТЩАТЕЛЬНО СПЛАНИРОВАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ».

В этом месяце стали известны многие подробности похищения и имена пособников Бахрина. Итоги сенатского расследования были представлены парламенту и сильно смутили руководство Федеральной полиции Австралии. Министр юстиции сенатор Тэйт, в чье ведение входит и Федеральная полиция, заявил, что разделяет общее возмущение бездействием своих подчиненных, «забывших» известить Береговую охрану о похищении детей. В докладе, написанном правительственным чиновником Грэхемом Гленном, говорилось, что Бахрин приложил немало усилий, для того чтобы оставить фальшивый след и тем самым затруднить поиски. Он намеренно не стал забирать из номера отеля «Виктория» личные вещи и некоторые документы, создав таким образом впечатление, что собирается туда вернуться. Кроме того, он заказал номер в одном из мотелей штата, а также автобусные билеты, которыми не воспользовался.

На самом же деле уже 10 июля Бахрин с детьми отправился на автомобиле в Уэйпу – небольшой поселок на побережье мыса Йорк в Квинсленде, находящийся в двух с половиной тысячах миль от Мельбурна. 12 июля в Кэрнсе они пересели в небольшой грузовик, и оттуда до Уэйпы детей везли, спрятав их под брезентом на тридцатиградусной жаре. На отрезке пути от Мельбурна до Кэрнса Бахрина сопровождали три его сообщника: двое граждан Сингапура – мужчина и женщина, чьи имена так и не были названы, и житель Западной Австралии Брайан Уолтер Уикхэм, иммигрант из Шотландии, хорошо известный полиции благодаря своим связям с отмыванием денег и проституцией. В Уэйпе Бахрину пришлось несколько дней прятаться и ждать, пока закончится ремонт двигателя маленького рыбацкого судна, купленного на западе и заранее переправленного в Квинсленд. Четырнадцатого или пятнадцатого июля они вышли из Уэйпы в море, направляясь в Индонезию, но в дороге двигатель опять

сломался, и несколько дней судно дрейфовало в проливе Торреса. Бахрин все это время пытался связаться с индонезийскими военными, с которыми у него существовала предварительная договоренность.

На деле весь доклад Гленна представлял собой попытку оправдать ошибки и нерасторопность Федеральной полиции и бездействие правительства. Но даже ему не удалось умалить роль, которую сыграла в похищении детей Индонезия, и, следовательно, сенатору Эвансу с его политикой страуса, прячущего голову в песок, не было и не могло быть оправданий.

Еще несколько раз мы обращались к поверенным Бахрина с просьбой дать мне возможность увидеться с Аддином и Шах, но они по-прежнему не считали нужным даже ответить нам.

Еще одна женщина, забыв о собственной тележке с продуктами, ходила за мной и моей спутницей по всему супермаркету, не говорила ни слова, но и не пропускала ни одного нашего движения.

Теперь я старалась не выходить из дому одна не только потому, что нуждалась в моральной поддержке. Несколько дней тому назад на парковке у супермаркета на меня напала группа молодых малайцев: две девушки в платках и трое молодых людей. Они окружили меня и начали подталкивать к машине. Когда я попробовала вырваться, на меня посыпались оскорбления и грубые ругательства на малайском. Я была напугана и одновременно очень сердита. Они оставили меня в покое, только когда я стала кричать и звать на помощь. После этого происшествия друзья заставили меня пообещать, что я буду передвигаться только в сопровождении кого-нибудь из них.

Дом на Виктория-роуд, наш первый общий дом, пришлось выставить на продажу – иначе мы не могли решить финансовые проблемы, навалившиеся на нас после похищения детей. У меня разрывалось сердце при мысли, что Аддин и Шах не смогут вернуться в свой дом и в свои собственные комнаты. Когда я собирала и укладывала в коробки их вещи, мне казалось, что я теряю их во второй раз. Мы нашли другой дом неподалеку от первого, но это было слабым утешением. Особенно меня расстраивало то, что при переезде нам не удалось сохранить наши старые телефонные номера. В глубине моего сердца еще жила надежда, что Аддин каким-нибудь образом сумеет добраться до телефона и позвонить домой.

При новом доме был большой сад, а в нем – детский домик, мы и выбрали его отчасти из-за этого, и все-таки я не могла не плакать о нашем прежнем любимом жилье.

Декабрь 1992 года

В этом году в нашем доме не ждали Рождества с радостью и нетерпением, как бывало обычно. Без Аддина и Шах нам нечего было праздновать, но я все-таки настояла на том, чтобы в гостиной поставили елку, и разложила под ней подарки. Бахрин пять лет подряд крал у меня Рождество, но сейчас ему это не удастся. Наши дети еще верили в Санта-Клауса, и ради них я хранила традицию. Рождественские дни в нашей семье всегда были самыми счастливыми, и я даже не представляла, как мы перенесем их в этом году. И главное, как перенесут их дети, когда узнают, что их отец считает этот праздник нечестивым обычаем неверных, а меня – безнравственной грешницей. Я купила для Аддина и Шах подарки, красиво упаковала их и разложила под елкой. Потом я положу их в специальный сундук и буду хранить до тех пор, пока дети не вернутся домой.

Раньше я никогда не знала, что тоску по детям можно ощущать как физическую боль. Мне так ужасно не хватало их. Не хватало их худеньких, хрупких тел, их поцелуев и объятий, не хватало даже их грязных рук. Но больше всего я скучала по запаху. После нашего переезда подушки и одежда больше не пахли моими детьми. Как будто время стирало их последние следы из нашей жизни.

Мы украсили елку игрушками, которые дети сделали сами, а потом я поставила под нее их фотографии и табличку с указанием года и сняла все это на камеру. Так я стану делать каждый год.

Скай как могла старалась заполнить образовавшуюся в нашей жизни пустоту, но, сидя за праздничным столом, бесполезно было притворяться, что мы все еще настоящая семья. В сочельник к нам пришли все наши друзья, принесли подарки для Аддина и Шах и окружили нас любовью, а сам праздник с нами разделили Роб Гелл и Николсон.

Силы изменили мне только во время рождественской службы. В этой церкви Святого Иоанна наша семья пережила слишком много счастливых и смешных моментов, и, вспоминая о них, я уже не могла совладать с собой. Когда все встали и запели «О придите все верные», я снова услышала звонкий голосок Шах, которая всегда пела громче всех в церкви, так что люди, улыбаясь, оглядывались на нее.

На рождественский обед мы привезли из дома для престарелых бабушку. Она стала такой слабенькой, что нам пришлось на руках внести ее в дом и усадить в кресло рядом с елкой. Там она и просидела весь вечер, потягивая херес и

милостиво принимая подарки. Несколько раз бабушка, разрывая мне сердце, спрашивала про Аддина и Шах. Нам пришлось обмануть ее, выдумав какое-то объяснение их отсутствию, – я не решилась рассказать ей правду.

В ту ночь я долго боялась уснуть, зная, что меня ждет еще один кошмарный сон. Я лежала без сна и думала о том, сколько еще раз нам придется встречать Рождество без детей. Наш брак с Яном подвергался чудовищному испытанию. Мой муж изо всех сил старался держаться, но я видела, что и его силы кончаются. Многие считали, что он, будучи только отчимом, не особенно страдает, но я-то лучше других знала, как много ему пришлось пережить. Ведь именно его дети называли папой. Я вспомнила наш давний разговор с Аддином. Не знаю, что побудило мальчика завести его – наверно, чьи-нибудь случайно услышанные слова. Мы ехали в машине из школы, и вдруг Аддин сказал: «Мамочка, я знаю, какая разница между папой и отцом. Абах – мой отец, это из-за него ты родила меня и Шах. А папа – это тот, кто встает ко мне ночью, когда мне приснился плохой сон, и долго сидит со мной, и помогает мне делать уроки. И еще учит меня кататься на велосипеде, и везде водит, и на рыбалку тоже». Он очень ясно высказал свое мнение и правильно угадал разницу, и я не стала с ним спорить.

Январь 1993 года

Умерла моя бабушка. У меня не было никакой возможности сообщить об этом Аддину и Шах. Я умоляла поверенных Бахрина и даже звонила ему в офис, но без всякого результата. Похоронная служба прошла в церкви Святого Иоанна. Весь алтарь был покрыт самыми яркими, самыми пышными цветами – теми, которые она больше всего любила. Позже я бросила все их в море с бабушкиной любимой пристани на пляже Сент-Килда.

Еще никогда в жизни мне не было так одиноко. Только с уходом бабушки я окончательно стала взрослой. Я больше не могла зарыться лицом ей в колени и попросить, чтобы она утешила меня. Если бы она видела сейчас, что я пишу, то прочитала бы мне целую лекцию о том, как надо выпрямиться, расправить плечи и идти вперед. Бабушка всегда говорила: «Мы живем надеждой». Теперь это стало и моим девизом.

Февраль 1993 года

Я провела две недели в Сиднее у наших близких друзей Мэри и Майкла. Мне хотелось на некоторое время сменить обстановку, а кроме того, сделать еще одну попытку лично встретиться с сенатором Эвансом. Не зная, как этого добиться, я решила

попросить совета у бывшего премьер-министра Австралии Гофа Уитлэма. Я позвонила в его офис и объяснила, что не собираюсь пользоваться его политическим влиянием, а просто хотела бы получить консультацию. Секретарша Уитлэма довольно грубо ответила мне, что я напрасно трачу время и что ее босс наверняка не захочет встретиться со мной. Тем не менее я вежливо, но настойчиво попросила ее передать мою просьбу. Через десять минут она перезвонила и ледяным тоном сказала, что мистер Уитлэм не считает возможным встречаться со мной. До свидания. Точка. Так рассыпалась в прах теория бабушки о том, что Гоф Уитлэм – главный защитник простых людей.

Потерпев неудачу с Уитлэмом, я решила заручиться поддержкой Боба Хоука, который был премьер-министром уже после него. Я позвонила ему домой и довольно долго проговорила с его женой Хэйзел. Она была очень вежлива, выразила мне сочувствие и, хоть и сомневалась, что ее муж сможет помочь мне каким-нибудь полезным советом, обещала поговорить с ним и потом перезвонить. Пару дней спустя миссис Хоук действительно перезвонила, но теперь ее отношение кардинально поменялось. Она рассыпалась в похвалах Гарету Эвансу и сообщила, что, по мнению ее мужа, я должна полностью довериться мнению министра. «Если Гарет не хочет встречаться с вами, значит, он считает, что так будет лучше», – сказала она и добавила, что причины, заставляющие Эванса отказываться от встречи со мной, скорее всего, находятся выше моего понимания.

Мне неприятно в этом признаваться, но с некоторого времени я начала замечать в своем поведении испугавшие меня странности. Например, меня неудержимо тянуло вмешаться, когда я видела, что какая-нибудь незнакомая мне женщина отчитывает своего ребенка. Я только значительным усилием воли запрещала себе схватить ее за руку и объяснить, что ничего в жизни нельзя принимать как должное и что даже ребенка у нее в любой момент могут отнять. Такие порывы очень беспокоили меня, хотя, конечно же, я понимала, какие психологические причины стоят за ними. Я могла подолгу простаивать перед витриной обувного магазина, наблюдая, как родители с детьми выбирают новые школьные туфли, и представлять себе, как делала бы это я с Аддином и Шах, придумывать разговоры и споры, которые возникали бы у нас при этом.

Больше всего меня расстраивали как раз такие простые, обыденные вещи. Я не то что завидовала, но просто мучительно хотела хоть на несколько минут оказаться на месте этих родителей и стать матерью их ребенку. Как-то мы с Мэри пошли посмотреть «Неспящие в Сиэтле», и я проплакала весь фильм.

Когда картина закончилась и мы пошли к машине, я обратила внимание на идущих впереди нас отца с сыном. У меня перехватило дыхание, а потом бешено застучало сердце. Забыв про Мэри, я почти побежала и обогнала идущую впереди пару, чтобы заглянуть мальчику в лицо. Его сходство с Аддином было едва заметным – просто такой же цвет волос и форма головы, – но этого оказалось достаточно, и моя рука сама потянулась, чтобы погладить его по волосам. Мэри встревоженно окликнула меня, и я тут же пришла в себя и отдернула руку. Я никому не рассказала об этом случае и благодарна подруге за то, что она не стала меня ни о чем расспрашивать. Мне было стыдно и страшно одновременно. Что в следующий раз выкинет со мной мое подсознание? Неужели я схожу с ума?

Март 1993 года

В феврале Аддину исполнилось десять лет, но даже по этому поводу Бахрин не пожелал сделать никаких уступок. При этом он во всеуслышание заявлял, что, с тех пор как увез детей, я не сделала ни одной попытки связаться с ними. Он предпочел забыть про те ночи, которые я просидела у телефона, бесконечно названивая в Малайзию и умоляя всех, кто соглашался меня слушать, помочь мне поговорить с детьми. В виде величайшей милости мне было позволено написать детям, но только при условии строгого соблюдения требований, выдвинутых их отцом: письмо не должно быть эмоциональным, я не должна звать детей домой и писать о том, как скучаю и люблю их – только в этом случае оно будет рассмотрено и, если окажется удовлетворительным, передано Аддину и Шах.

Каждый год на Рождество и дни рождения я покупала детям новую праздничную одежду и решила не отступать от этого правила и на этот раз. Перед днем рождения Аддина я отправилась в большой магазин и, расхаживая между вешалок с яркой детской одеждой, пыталась представить, что больше всего понравилось бы сыну, если бы он стоял рядом. И вдруг, словно удар ножа, меня пронзила мысль, что я не знаю, какой размер носит сейчас Аддин. Я не знаю, на сколько он вырос за прошедшие семь месяцев, не знаю, потолстела или похудела Шахира. Я, их мать, которая с рождения знала каждую складочку на их тельцах, замечала каждый сантиметр, прибавленный в росте, была в курсе всех мельчайших событий в их жизни, теперь не могу купить своим детям одежду, потому что понятия не имею, подойдет ли она! Это горькое открытие будто прорвало плотину, сдерживавшую слезы, и, упав на колени у вешалки со спортивными костюмами, я зарылась в них лицом и зарыдала.

Через несколько минут на меня наткнулась пришедшая за покупками молодая мать и сначала испугалась, но почти сразу же узнала меня.

– Миссис Гиллеспи, вам плохо? Я могу вам чем-нибудь помочь? – с участием наклонилась она ко мне.

– Я не знаю, какой размер у моих детей! Я хотела купить сыну подарок на день рождения и не знаю его размера! – всхлипывала я.

Она помогла мне подняться и обняла за плечи, а я постаралась взять себя в руки. Мне было невыносимо стыдно. Я с трудом выдавила несколько слов благодарности и поспешила уйти из магазина, низко наклонив голову, чтобы не замечать провожавших меня любопытных взглядов.

Умом я понимала, что происходит и почему я так странно себя веду, и все-таки подобная реакция на совершенно нормальные события пугала и выбивала меня из колеи. Наверное, для того чтобы выжить, мне надо было избавиться от всех эмоций, но я не знала, как это сделать, и мне не у кого было спросить. Одно я знала точно: когда мои дети вернутся, им будет нужна нормальная мать, а не пациентка психиатрической клиники.

В газетах в это время появлялись новые заголовки: «ОТЧАЯНИЕ МАТЕРИ», «ДЕТЕЙ ГИЛЛЕСПИ ПОКАЗЫВАЮТ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ», «ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПСИХИКУ ДЕТЕЙ ОЧЕВИДНО», «ЖЕНА ПРИНЦА РЕЗКО ОПРОВЕРГАЕТ СЛУХИ О ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСТРАДИЦИИ», «ПРИНЦ, ПОХИТИВШИЙ ДЕТЕЙ, ЛИШЕН ПОДДЕРЖКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА», «ПРИНЦ МОЖЕТ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД СУДОМ», «НАД ПРИНЦЕМ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ», «ТРЕБОВАНИЕ АРЕСТА ПРИНЦА», «ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИСЛУШИВАЕТСЯ К МОЛЬБАМ МАТЕРИ», «ПРАВИТЕЛЬСТВО НАМЕРЕНО ТРЕБОВАТЬ ЭКСТРАДИЦИИ ПРИНЦА».

К началу 1993 года больше двухсот двадцати тысяч человек по всей Австралии поставили свои подписи под обращением к правительству, и такое общественное давление наконец-то заставило власти проснуться и что-то предпринять. Они объявили о своем намерении подготовить и направить в Малайзию требование об экстрадиции Бахрина, с тем чтобы он мог предстать перед судом по обвинению согласно статье 70 А Семейного кодекса Австралии.

По мере приближения даты выборов, назначенных на март, я усиливала и свое давление на правительство лейбористов, а представители оппозиции охотно присоединились к хору критиков, упрекающих правительство в бездействии в деле похищения детей. На страницах прессы я предложила лидерам

двух основных политических партий доказать, что у них есть сердце. Я полностью согласна с утверждением, что будущее страны – в ее детях. Дети – это главное богатство государства, и оно не имеет права разглагольствовать о бедности, угнетении или зверствах в других странах, если не способно защитить собственное будущее – своих детей.

* * *

В пятницу 6 марта 1993 года я сидела в телевизионной студии и под направленными на меня объективами камер смотрела, как на экране Бахрин, будто цирковых животных, демонстрирует публике Аддина и Шах. Одетые в малайскую национальную одежду, они делали заявления на малайском языке, на котором ни один из них не говорил до похищения. Аддин, со скрещенными на груди руками и выражением отвращения на лице, сказал в микрофон заученную малайскую фразу: «Я не хочу быть христианином». Потом Бахрин подтолкнул вперед Шахиру, и она, запинаясь, тоже пробормотала по-малайски: «Я хочу быть мусульманкой». На этом представление, задуманное, вероятно, как ответ на слухи об экстрадиции, закончилось. Как мог Бахрин так подло манипулировать собственными детьми? После каждого слова они оглядывались на него, словно ожидая одобрения, а он милостиво кивал им. Я расплакалась, и ведущему программы пришлось утешать меня. В тот момент мне хотелось только одного – обнять своих детей, прижать их к себе и сказать, что им никогда больше не надо будет устраивать спектакля перед камерой. Дети должны жить своей детской жизнью, а мы с Бахрином, двое взрослых, можем разобраться между собой, не превращая их в оружие.

Доктор Джон Хьюсон, бывший в то время лидером оппозиции, позвонил мне 8 марта и пообещал стать моим союзником в борьбе за детей. Правительство все еще молчало, а сенатор Эванс по-прежнему отказывался разговаривать со мной.

В известном женском журнале появилась огорчившая меня статья. Дочка моих бывших друзей продала журналу несколько фотографий меня и Аддина и свою историю о нас. Учитывая, что на момент нашего знакомства ей было всего девять лет, а мне – двадцать, ее рассказ приходилось расценивать только как отчаянную попытку заработать свои пятнадцать минут славы.

Апрель 1993 года

Я согласилась дать интервью малайскому телевидению,

надеясь убедить правительство Малайзии, что не являюсь представителем сатаны на земле и, следовательно, мне можно позволить хоть один раз повидаться с детьми. Разговаривать с журналистом пришлось на малайском, что далось мне с трудом, потому что вот уже восемь лет у меня не было практики. В итоге все интервью оказалось разобранным на кусочки и перекроенным, к ответам подставлены другие вопросы, а мои слова – вырваны из контекста. Те, кто предупреждал меня, что им нельзя доверять, оказались правы.

И снова новые заголовки: «ФОТО, ПРИВЕДШЕЕ МАТЬ В ЯРОСТЬ», «ВОЗМОЖНО, ПРИНЦ БУДЕТ ВЫДАН АВСТРАЛИИ», «ЗАДЕРЖАН ВИНОВНЫЙ В ПОХИЩЕНИИ ДЕТЕЙ», «В МАЛАЙЗИИ ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ ГИЛЛЕСПИ», «ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ХОЧЕТ ССОРИТЬСЯ С ПРИНЦЕМ», «ДАВЛЕНИЕ НА ПРИНЦА, ПОХИТИВШЕГО ДЕТЕЙ».

Неожиданно и к общему удивлению во Флориде, США, полицейскими был задержан Брайан Уолтер Уикхэм – один из участников похищения детей. Мы узнали об этом из ночного телефонного звонка от Тима Полсена, корреспондента газеты «Палм-Бич пост». Первой нашей реакцией стало восхищение профессионализмом и расторопностью американской полиции.

Интерпол и журналисты разыскивали Уикхэма по всему свету, начиная с Филиппин, где власти подозревали его в торговле детьми, до Шотландии, откуда он эмигрировал в Перт. В Австралии Уикхэм бросил детей и жену, которая, впрочем, оказалась далеко не беззащитной жертвой. В нескольких данных ею интервью она полностью одобряла участие мужа в похищении детей и позволила себе несколько весьма резких высказываний в мой адрес. Ни она, ни ее муж никогда не встречались со мной или с Аддином и Шахирой до их похищения, но тем не менее женщина безапелляционно утверждала, что, увозя их из дома, ее муж совершал доброе дело. Думаю, шорох наличных, предложенных Бахрином, помог Брайану Уикхэму заглушить голос совести, даже если предположить, что она у него когда-то была.

Выяснилось, что Уикхэм жил и работал во Флориде с декабря 1992 года. Он был арестован, когда при случайной проверке документов на дороге его узнал один бдительный полицейский, а потом сравнение отпечатков пальцев подтвердило, что это именно тот человек, которого разыскивает Интерпол.

Благодаря помощи адвоката Томаса О'Малли американская сторона в минимальные сроки выполнила все формальности, и скоро Уикхэм был выслан в Австралию, где предстал перед судом за соучастие в похищении детей. Он признал свою вину и 5 мая

1995 года был приговорен к восемнадцати месяцам заключения. Через девять месяцев, однако, его выпустили с испытательным сроком в девять месяцев. Максимальное наказание, предусматриваемое этой статьей, – три года заключения.

В суде Уикхэм рассказал душещипательную историю о том, как Бахрин обманом втянул его в это дело, а потом бросил. Он утверждал, что правительство Индонезии и некоторые военные тоже сыграли свою роль в похищении Аддина и Шах, и клялся, что сам принял в нем участие только из бескорыстной любви к детям. У Уикхэма имелось богатое криминальное прошлое: он подозревался в торговле детьми, вовлечении малолетних в проституцию, уклонении от налогов, отмывании денег и еще в ряде преступлений. У меня мурашки бежали по коже от одной мысли, что такой человек находился рядом с моими детьми. Он сломал жизнь Аддину и Шах и всей нашей семье. Я считала, что ему вынесли недостаточно суровый приговор, но не собиралась протестовать. Я только надеялась, что, выйдя из тюрьмы, он навсегда забьется в грязную нору, из которой когда-то выполз.

Май 1993 года

Май стал для меня месяцем непрекращающейся борьбы и тяжелых испытаний.

Сначала премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад вдохнул в нас надежду, 7 мая заявив на пресс-конференции, что, если правительство Австралии обратится к нему с официальным и правильно составленным запросом, он не станет препятствовать экстрадиции Бахрина.

День матери пришелся на 9 мая, и Бахрин приготовил мне особый подарок. В ужасном, фальшивом интервью, происходившем в мечети, Аддин по-малайски рассказывал тележурналисту о своей жизни в Австралии. Он говорил, что дома его часто били ремнем и *ротаном*, что иногда их с Шахирой на несколько дней запирали в подвале и не давали еды. Моего бедного мальчика заставили сказать, что Ян постоянно бил их и морил голодом. Я плакала, наблюдая за Аддином, пока он произносил эту заученную речь. Он стоял совершенно неподвижно, словно окаменевший, и только пальцы нервно теребили край рукава. Его лицо было очень напряженным, и он ни разу не поднял глаз от пола. Так говорят заложники, когда их вынуждают излагать миру взгляды захвативших их террористов. Чего Бахрин надеялся добиться этим? Лишить детей остатков детства и веры в себя и в людей?

Так меня поздравили с Днем матери.

В четверг 13 мая мне пришлось пережить еще один удар, на этот раз совсем с другой стороны. Поздно вечером у нас зазвонил телефон, и человек с американским акцентом представился редактором одного из американских еженедельных журналов.

– Миссис Гиллеспи, мне известно, что вы не любите своих детей – вам просто нравится внимание прессы.

– Простите?

– Мой корреспондент Ди Уэбстер взяла интервью у ваших детей для журнала. Ваша дочь призналась, что ненавидит вас. Вы знаете, что она любит петь: «Ненавижу Жаклин, ненавижу Жаклин!»? Что вы можете сказать на это?

– Как вы посмели приблизиться к моим детям! Им не дали возможности поговорить даже с детским психологом. Я сама ни разу не говорила с ними с самого похищения! Как вы смеете брать интервью у детей?!

Он еще некоторое время пытался получить у меня пригодный для печати ответ, но я не успокоилась, пока не высказала ему все, что думала, а потом швырнула трубку. После этого разговора меня еще долго трясло от бешенства, и я снова почувствовала знакомый приступ тошноты. Я готова была убить этих необученных и неподготовленных чужих людей, которые в погоне за сенсацией осмелились расспрашивать и мучить моих детей. Именно после этого разговора я решила обратиться в Семейный суд с просьбой принять решение, запрещающее эксплуатацию Аддина и Шах средствами массовой информации.

На следующий день я обсудила возможность такого запрета с Лилиан и Джоном. Джон предупредил, что, если я попробую запретить публикацию любых интервью с детьми, пресса подвергнет меня остракизму. Я ответила, что мне наплевать на это: я уже поговорила с психологом, и он подтвердил, что необходимость выбирать между двумя родителями и отвечать на вопросы прессы наносит ребенку серьезные эмоциональные травмы. Я объяснила юристам, что сейчас почти ничем не могу помочь своим детям и единственное, что я могу сделать, – это постараться защитить их от прессы с ее извращенным желанием любой ценой добыть побольше жареных фактов. Если бы Аддин и Шах находились в Австралии, ни один приличный журналист не осмелился бы брать у них интервью – это строго запрещалось законом. Кроме того, нам удалось установить, что за каждое интервью Бахрин требует как минимум восемь тысяч фунтов. Сначала он продавал своих детей, а потом заставлял их играть заказной спектакль.

Мое заявление в суд с требованием запретить публикацию любых интервью или комментариев, якобы сделанных моими

детьми, было удовлетворено судьей Фредерико в пятницу 14 мая. Больше Аддину и Шах не угрожали нескромные расспросы журналистов – нет смысла брать интервью, которое никто не захочет публиковать. Извещения о принятом решении были по факсу разосланы во все австралийские средства массовой информации.

В тот же день вечером мы с Яном улетали в Сидней, чтобы принять участие в деловой встрече, связанной с нашей работой. Однако, когда мы ехали в аэропорт, меня по мобильному телефону разыскал продюсер телевизионной аналитической программы, ведущего которой я привыкла считать своим другом. Продюсер попросил объяснить, какие причины заставили меня добиваться такого судебного решения, и из кожи лез, стараясь уговорить меня дать их программе эксклюзивное интервью по этому поводу. Я ответила, что это невозможно, потому что через час мы улетаем в Сидней. Он немедленно предложил поселить нас на ночь в пятизвездочном отеле, потом на вертолете доставить в аэропорт и купить билеты первого класса до Сиднея при условии, что мы отложим поездку до утра, а этим вечером выступим в его программе. Я отказалась. Весь день мы провели в суде, и я была совершенно измотана. Перед тем как повесить трубку, продюсер небрежно заметил:

– Вы ведь понимаете, что вас могут обвинить в попытках манипулировать прессой? Поверьте, это будет не особенно приятно.

– Я готова к этому, но дети важнее, – ответила я.

Тем же вечером, прилетев в Сидней, мы узнали, что только сегодня из Тренгану вернулась съемочная группа, снявшая большое интервью, в котором участвовали и Аддин с Шахирой. Показ интервью планировали на выходные. Бахрин, как нам сообщили, опять получил с телеканала восемь тысяч фунтов.

Интервью было показано, но все комментарии детей из него вырезали, а журнал появился на прилавках с замазанной черной краской страницей. Уже в понедельник меня, как и предсказывал продюсер, обвинили в попытках манипулировать средствами массовой информации, в том, что мне есть что скрывать и я боюсь, что дети расскажут всем о жестоком обращении с ними, и главное – в том, что я совсем не люблю своих детей и даже рада их похищению, поскольку после него моя карьера резко пошла вверх. Вероятно, именно поэтому мы находились в такой глубокой финансовой пропасти и наша еженедельная программа на радио была отменена.

Но на вечер понедельника судьба припасла для меня еще один сюрприз. Человек, которым я всегда восхищалась и которого

считала своим другом, публично высек меня в телевизионной программе общенационального канала. Он обвинил меня в использовании человеческой доброты и сострадания в своих корыстных целях, в хитрых манипуляциях общественным мнением и прессой и еще во многих смертных грехах. И все это только за то, что я отказалась дать эксклюзивное интервью его программе! Я слушала исполненную пафоса обвинительную речь, и меня бросало то в жар, то в холод. Я не могла поверить в такое предательство. Перед тем как бросаться в атаку, этот человек мог бы по крайней мере позвонить мне и попросить объяснить свои поступки.

В тот вечер у меня оставалось уже так мало сил, что эта программа показалась мне самым страшным ударом, полученным за последнее время. Я ведь мать – чего же они от меня ожидают? Что я позволю разжевать своих детей и выплюнуть их вместе со вчерашним газетным заголовком? Взявшись руками за голову, я раскачивалась на диване, а потом у меня началась настоящая истерика. В ту ночь я впервые подумала о самоубийстве. Казалось, в моей жизни не осталось ничего позитивного. Я понимала, что теперь бесполезно объяснять мотивы своих поступков и что моей репутации журналиста пришел бесславный конец. Только понимание и бесконечное терпение окружавших меня друзей помогли мне в ту ночь удержаться на краю пропасти.

Несколько дней спустя я шла по улице следом за маленькой девочкой, вприпрыжку бегущей рядом со своей мамой. Мне хотелось, глядя на нее, воскресить в памяти жизнерадостный образ Шахиры и потом бережно, как драгоценности, хранить эти воспоминания. Маленькая девочка подпрыгивала и болтала точно так же, как Шах, когда мы куда-то шли с ней вместе, и точно так же наклоняла голову к правому плечу, когда задавала какой-нибудь серьезный вопрос. Пройдя следом за мамой с дочкой несколько сотен метров, я усилием воли заставила себя прекратить это преследование. Мне опять стало казаться, что я схожу с ума.

Июнь 1993 года

Наконец-то свершилось! Правительство начало подготовку требования об экстрадиции Бахрина. Меня вызвали в суд, и я под присягой дала показания. Всего по этому дело было опрошено восемьдесят шесть свидетелей, и их показания стали основанием для возбуждения дела «Австралийский Союз против Бахрина». В постановлении о возбуждении дела говорилось, что права Аддина и Шах были грубо нарушены, и это признание показалось даже более важным, чем неизвестный пока исход процесса.

45

Ноябрь 1993 года

Как я ни сопротивлялась, но клочки и обрывки, в которые за последние шестнадцать месяцев превратилась моя жизнь, начали постепенно сплетаться сначала в хилый, а потом и в более прочный канат, и на этом канате меня тащили в будущее, не имевшее для меня никакого смысла без детей. Совсем не для того, чтобы ускорить этот процесс, а просто из необходимости иметь еду на столе и крышу над головой я вернулась к работе над документальным кино. Однако почти сразу выяснилось, что мне невыносимо тяжело общаться с незнакомыми людьми при сборе материала, выезжать на внестудийные съемки и общаться с кем-нибудь лицом к лицу, если приходилось брать интервью.

В течение года после похищения Аддина и Шах мы с Яном практически не работали и, следовательно, не получали никакого дохода: все наше время уходило на борьбу за детей и на защиту их интересов, на написание писем, на телефонные звонки, на чтение юридической литературы и поиски прецедентов. За это время мы превратили в наличность даже свои пенсионные взносы и продали все, что могли, включая и старый «ягуар». Все это было особенно тяжело для Яна, который служил мне опорой и защитой, пока его собственные надежды и профессиональные планы рушились у него на глазах. Я и сама очень изменилась: ожесточенная борьба за детей закалила меня, сделала гораздо более резкой, целеустремленной и независимой, чем раньше. Задача заново выстроить свою карьеру, после того как на целый год мы отказались от работы и если и появлялись в эфире, то не за камерой, а перед ней, казалась нам, и особенно Яну, почти непосильной. Совсем не так мы планировали наше будущее еще несколько лет назад.

Я попробовала вернуться на свой Десятый канал, на этот раз в качестве ведущей программы новостей. Такое перевоплощение потребовало от меня огромной работы и бесконечных репетиций в студии под руководством доброжелательного директора информационных программ Нила Миллера и наших операторов. В конце концов я начала выходить в эфир, и все-таки мне претила необходимость тщательно красить лицо и беспокоиться о прическе, пока, как мне было теперь известно, за стенами студии шла настоящая жизнь, а мои дети, моя собственная плоть и кровь, находились так далеко. Мне трудно было найти общий язык с коллегами, озабоченными только безупречностью своих костюмов, рейтингами программы и долговечностью новой моды

на короткие стрижки.

Пока я пыталась реанимировать свою карьеру сначала в документальном кино, а потом на телевидении, правительство Малайзии отклонило требование об экстрадиции Бахрина. Премьер-министр Махатир не дал при этом никаких объяснений, но и без них любому проницательному аналитику, знакомому с политическими традициями стран Юго-Восточной Азии, было совершенно ясно, что Австралия чересчур затянула с выдвижением этого требования. Время сыграло против нас.

Бахрин за это время отрастил бороду и окончательно утвердился в роли пламенного защитника мусульманских ценностей. В прошлом остались щегольские английские костюмы, рубашки от Пола Смита, лакированные итальянские туфли и роскошные автомобили. Теперь он носил на поясе пистолет и не скрывал своей ненависти к неверным и к «Западу». Он не жалел денег на строительство новых мечетей, что, кстати, давало ему возможность продемонстрировать свой архитектурный талант, и, не стесняясь, использовал наших детей как фундамент для строительства своей политической карьеры. Новый имидж, разумеется, был выбран не случайно: премьер-министр Махатир несомненно понимал, что выдача такого верного сторонника ислама австралийским властям вызовет всплеск недовольства в стране. Бахрин, как умелый рыбак, раскидывал свои сети в мутных водах религиозного фундаментализма и вытаскивал немалый улов. Думаю, при желании он вполне мог доставить немало неприятностей светскому правительству Малайзии и самому премьер-министру.

В середине ноября из газетной вырезки, переправленной мне Министерством иностранных дел, я узнала, что Шахира попала в больницу с обширным ожогом левой стороны тела – от шеи до бедра. Причиной этому был целый чайник кипятка, который служанка вылила на девочку, когда та сидела в ванне. Еще раньше мне стало известно, что дети переехали в дом, принадлежащий Бахрину, в Куала-Лумпуре. Я так и не смогла узнать, живут ли они там со своим отцом, или с Элми, или, возможно, только со слугами. Зато теперь всем стало известно, что в ванной, где купали Шахиру, не было даже горячей воды. Новость о несчастье с дочерью стала для меня страшным шоком. Мой бедный ребенок страдал от боли и находился в больнице, где вряд ли кто-нибудь говорил по-английски! Всего несколько месяцев назад Шах не знала ни слова по-малайски – как могла она теперь пожаловаться или рассказать, где у нее болит? Я представляла себе, как она плачет и зовет маму, как боится осмотров и процедур, как лежит в палате совершенно одна. Я

охотно подставила бы под кипяток свой собственный бок, если бы это могло защитить мою восьмилетнюю дочь.

При помощи хитрости и уговоров мне удалось выяснить, в какой больнице находится Шахира. И снова я часами сидела у телефона и умоляла сестер и докторов помочь мне связаться с дочерью или хотя бы сообщить о ее состоянии. Никто из них не смел нарушить инструкции и вызвать неудовольствие королевской семьи. В течение двух с половиной дней я каждые полчаса набирала номер больницы, надеясь, что хоть у одного человека найдется достаточно смелости и благородства, чтобы передать больной девочке, что мама волнуется и любит ее. Напрасная надежда. Представителям австралийского посольства также отказали в доступе к информации о здоровье ребенка.

Это происшествие широко освещалось в международной прессе, и, видимо, именно поэтому Бахрин сам приехал, чтобы спустя несколько дней забрать Шахиру из больницы и отвезти ее в Тренгану. Журналисту, который, словно услышав мой незаданный вопрос, спросил, не останется ли у девочки шрамов, он на ходу небрежно ответил: «Что ж, по крайней мере, она мусульманка, и ей никогда не придется обнажать тело». В этот момент я с радостью задушила бы его собственными руками.

Несчастье с Шахирой получило широкую огласку в средствах массовой информации, и немного угасший интерес к нашему делу вспыхнул с новой силой. Поняв, что я не могу одновременно быть новостью и рассказывать о новостях, я решила уйти с Десятого канала и распрощаться с телевидением.

Через несколько недель после принятия такого решения ко мне обратились с предложением написать эту книгу. Оно застало меня врасплох и заставило мысленно вернуться к событиям, о которых я очень давно не вспоминала. Я ничего не писала с самого детства: тогда я часто и с удовольствием сочиняла стихи, но это прекратилось в тот день, когда начались сексуальные домогательства моего отчима. Даже в десять лет я понимала, что есть вещи, которые невозможно и не нужно выражать словами, если хочешь сохранить рассудок.

Поступившее восемнадцать лет спустя предложение написать книгу о моей жизни в Малайзии и о похищении Аддина и Шахиры помогло мне по-новому взглянуть на некоторые вещи. Я поняла, что до этого времени жила или, скорее, выживала только потому, что ставила перед собой простые и конкретные задачи: дышать, есть, спать, мыться, бороться за своих детей, готовить еду, спорить с политиками, давать интервью и пытаться работать. Я уже привычно делила свою жизнь на «до» и «после», в глубине

души считая, что она кончилась в тот момент, когда похитили детей. В своем новом доме я отвела две комнаты Аддину и Шах и восстановила в них всю обстановку, как будто ждала, что дети вот-вот вернутся и мы заживем как прежде. Со временем игрушки, книги и бейсболки пропитались пылью и комнаты стали напоминать мавзолей.

Я жила, окруженная горем, будто черным облаком. Но время шло, и чувство вины заставило меня прятать свое горе от друзей. Они-то продолжали жить по-настоящему: рожали детей, путешествовали, встречались и расставались. Нечестно было заставлять их вечно помнить о моем трауре и заражать своей депрессией.

Я поняла: пришло время меняться. Время понять и принять, что Аддин и Шахира теперь носят одежду других размеров и на многое смотрят уже не так, как раньше. Время разобрать и раздать наконец их вещи, оставив только самые дорогие и памятные. Время обратиться за помощью к профессионалу, который расскажет, как изменились мои дети после всего, что им пришлось перенести, и поможет мне представить их повзрослевшими. Возможность дать выход своим эмоциям в разговоре с опытным и тонким психотерапевтом, специалистом по детской психологии и лечению стрессов, принесла мне огромное облегчение. Не беспокоясь больше о чувствах окружающих и сдержанности, я смогла рассказать ему обо всех своих ночных кошмарах, вывалить все накопившееся раздражение на людей, пытавшихся утешать меня банальностями и общими словами. Все эти перемены стали фундаментом для новой жизни, которую я не смогла бы начать, если бы не познала себя, не достигла внутреннего равновесия и не запаслась предохранительным клапаном.

Я решила собрать по всему миру информацию о преступлениях, связанных с похищением детей одним из родителей, отчасти потому, что чувствовала себя такой одинокой в своем горе. И разумеется, я собиралась использовать все добытые сведения в своей борьбе за Аддина и Шахиру. Проводя расследование, я познакомилась со множеством родителей, у которых украли детей так же, как у меня. Постепенно в голове начала созревать идея документального фильма. Название придумалось само: «Пустые объятия – разбитые сердца».

Чем больше я углублялась в свои исследования, тем больше убеждалась, что незаконный вывоз из страны ребенка одним из родителей становится пугающей международной тенденцией, а не единичным преступлением, грозящим только некоторым неблагополучным семьям. По самым осторожным подсчетам, из

одних только западных стран за год родители незаконно крадут более тридцати тысяч детей. Эти несчастные, разбросанные по миру дети нередко исчезают навсегда, утонув в море юридической и дипломатической волокиты. Всех их один из родителей, как правило не являющийся опекуном, увез в чужую страну, оторвав от всего, что они знали и любили.

Только в немногих странах ведется статистика подобных случаев, но по данным ведомства лорда-канцлера и британской организации «Воссоединение», оказывающей помощь жертвам таких преступлений, только из Великобритании за год родители крадут и увозят за границу около тысячи четырехсот детей. Чтобы оценить эту цифру, попробуйте представить себе, что в стране одновременно исчезают сорок детских садов. Во Франции за год появляется примерно тысяча новых «досье», но этот термин подразумевает только пострадавшую семью и ничего не говорит о количестве похищенных детей. В Австралии статистика не ведется, но официальные источники уверяют, что происходит от восьмидесяти до ста подобных случаев в год и уже много лет эта цифра остается неизменной. Соединенные Штаты являются безусловным рекордсменом в этом отношении: там число так называемых «внутрисемейных похищений детей» достигает трехсот шестидесяти семи тысяч в год. В Америке этим термином обозначается перемещение одного или нескольких детей за границы округа, штата или государства, осуществленное одним из членов семьи без ведома и согласия того из родителей, с кем ребенок проживает постоянно. При этом приблизительно в восьмистах случаях ребенка вывозят за границы Соединенных Штатов, и на эти преступления распространяется действие Гаагской конвенции.

Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей была принята в начале восьмидесятых для борьбы с участившимися случаями незаконного вывоза детей за границу одним из родителей. Проще говоря, если ребенок увезен из страны, подписавшей Гаагскую конвенцию, в другую такую же страну, он должен быть немедленно возвращен в страну своего обычного проживания. Конвенция касается только вопросов экстрадиции и не регулирует права опеки, попечительства и прочие. С течением времени к Гаагской конвенции присоединяется все больше государств: в 1995 году их было всего сорок две, а к 2006-му число участников выросло уже до пятидесяти шести. К сожалению, большинство стран Африки, Ближнего и Среднего Востока и Азии отказываются ратифицировать Конвенцию, а это значит, что увезенные туда дети лишены правовой защиты и помощи. Многие

из бывших колоний и протекторатов европейских стран автоматически отказываются возвращать ребенка, если похитивший его родитель является их гражданином – своеобразная форма так называемого «постколониального синдрома». Кроме того, ряд стран – членов Евросоюза, подписавших Гаагскую конвенцию, тем не менее отказываются возвращать детей. Обычно это происходит, когда приоритет международных договоров вступает в конфликт с законами суверенного государства. Нередко на решение судьбы детей влияют националистические, расистские или половые предрассудки.

В результате предпринятого мною расследования мне стала известна печальная статистика, предоставленная Организацией Объединенных Наций, Государственным департаментом США, ведомством лорда-канцлера Великобритании и многочисленными агентствами и общественными организациями, занимающимися проблемой незаконного перемещения детей, а также сотни трагических историй о детях, лишенных одного из главных человеческих прав – права общаться с обоими родителями. Со всех концов земного шара мне звонили несчастные родители и, иногда со слезами, рассказывали о своей беде. А еще я узнала, что по аналогии с «оставленным супругом» я теперь официально называюсь «оставленный родитель».

После похищения Аддина и Шах меня неоднократно обвиняли в использовании средств массовой информации в собственных целях, и я не собираюсь просить за это прощения. Неужели хоть один врач после аварии, в которой пострадали его дети, будет стоять и праздно ждать прибытия «скорой помощи»? Я тоже использовала свою единственную профессию, для того чтобы помочь Аддину и Шах, а сейчас собиралась использовать ее, чтобы помочь другим детям и их родителям. Я хотела снять большой документальный фильм и рассказать в нем о том, как отцы и матери по всему миру крадут собственных детей, и о том, как реагируют на это правительства разных государств. Мне казалось важным показать социальные, эмоциональные и политические последствия таких поступков и объяснить людям, что нельзя использовать собственных детей как дубины, для того чтобы бить друг друга по голове.

Мне не хотелось, чтобы «Пустые объятия – разбитые сердца» стал просто голословным обвинением, снятым любительской камерой, поэтому я написала сценарий, включавший множество интервью и выездных съемок. Для его осуществления мне требовались хотя бы пара помощников, недели три времени, неиссякаемый запас энергии, а кроме того, не помешали бы пара

отмычек и дополнительный источник душевных сил. Мы снимали фильм четыре недели в двадцати шести разных местах от Мельбурна до Марокко, от Парижа до Нью-Йорка: от Англии до Швейцарии. Я стала экспертом международного класса по уклонению от оплаты излишков багажа и по спасению самой себя из иностранных тюрем (меня арестовывали дважды, в Монако и Марокко, в тот момент, когда я преследовала похитителей детей и их сообщников). Кроме того, я овладела бесценным искусством молчать и слушать, даже когда слушать приходилось демагогов из Комитета ООН по правам ребенка.

Председательствующий судья Семейного суда Австралии достопочтенный Алистер Николсон помог мне открыть немало дверей по всему миру и прежде всего двери британского судебного ведомства. Я буду всегда благодарна ему за ту поддержку, которую он оказал мне в моем стремлении помочь главной жертве преступлений такого рода – детям. Подозреваю, что при этом в глубине души его честь питал надежду направить хотя бы часть моей маниакальной энергии в созидательное русло.

Работа над фильмом «Пустые объятия – разбитые сердца» оказалась не самым эффективным способом забыть о тоске по Шах и Аддину. Куда бы я ни ехала, мои мысли возвращались к ним, а в кармане всегда лежала их фотография как талисман, сохраняющий веру. Я помню, как однажды вечером впервые увидела Эйфелеву башню из окна своего отеля, причудливого здания на улице Риволи с миниатюрными балкончиками и скрипучими полами. Небо было того глубокого синего цвета, который встречается только в европейских сумерках, и на его фоне Париж мерцал как золотой слиток. Он был таким прекрасным, что у меня на минуту перехватило дыхание, и сразу же вслед за этим я особенно остро, будто физическую пустоту в груди, ощутила отсутствие детей. И все-таки они всегда были рядом со мной и придавали мне силы в самые трудные минуты, когда на меня наваливались усталость и отчаяние после очередных бесплодных споров с бюрократами или долгих, мучительных бесед с другими родителями, так же как и я лишенными счастья видеть, как растут и взрослеют их дети.

Сколько давления может выдержать брак, прежде чем в его фундаменте появятся трещины? Нам с Яном приходилось сталкиваться с миллионом трудностей, пока я писала эту книгу и одновременно снимала документальный фильм. Я стала резкой, упрямой и жесткой – совсем непохожей на ту женщину, на которой он когда-то женился. Я очень устала и мечтала только об одном – заснуть длинным воскресным утром рядом со своими малышами. Повторится ли это когда-нибудь в моей жизни?

* * *

В октябре фильм был закончен, а скоро я получила и первую боевую награду – во всяком случае, так я расценила приглашение выступить на Международной конференции по семейному законодательству с докладом о международном похищении детей. За это приглашение я тоже должна была благодарить судью Николсона, подсказавшего мою кандидатуру оргкомитету конференции. Приглашение, вероятно, означало, что отныне я перестала считаться просто жертвой и перешла в разряд экспертов. Перед своим первым публичным выступлением я так нервничала, что целые сутки ничего не ела. В тщательно выбранном красном костюме и черных замшевых туфлях я, дрожа от волнения, поднялась на трибуну и прочитала доклад о социологических аспектах похищения детей родителями, еще не зная того, что это лишь первая из многочисленных конференций и семинаров, которые мне придется посещать в будущем.

Пришло еще одно пустое и грустное Рождество. Я опять поставила под елку портреты детей и сфотографировала, чтобы отметить течение времени. Уже годы, а не месяцы прошли с тех пор, как я последний раз виделась и разговаривала с Аддином и Шах. Я пропустила все их дни рождения, я не знаю, когда выпал первый молочный зуб Шах, не знаю, о чем они сейчас мечтают и как смеются. Боль не стала меньше, но я научилась с ней жить. Я чувствую себя так, будто очень острым ножом кто-то вырезал большой кусок из самой середины моей души, и я так и живу с этой зияющей пустотой внутри, прикрытой только очень тонкой мембраной. Я слышала, что люди часто чувствуют боль в ампутированных конечностях. Наверное, именно это происходит и со мной.

Мою жизнь нельзя назвать ни спокойной, ни счастливой – я так и не сумела смириться с тем, что у меня отняли детей. Горе иногда накатывает на меня, наподобие прилива, а иногда отступает. В каком-то смысле я и сейчас справляюсь с ним не лучше, чем в первый год после похищения Аддина и Шах.

Эпилог

Это странно, но и после стольких лет, проведенных в разлуке, мне иногда все еще кажется, что вот сейчас я перестану писать, обернусь и увижу, что Аддин и Шах сидят на диване у меня за спиной. Наверное, в этом сущность родительской любви. И спустя годы она остается такой же пронзительной и свежей, как в тот день, когда ты впервые взяла ребенка на руки, и не важно, что сейчас он далеко от тебя или его больше нет.

Я часто просыпаюсь оттого, что слышу голоса детей, зовущие меня, и тогда встаю и хожу по дому, разыскивая их. Конечно, я понимаю, что эти голоса доносятся из моих ночных кошмаров, но всем телом я чувствую такое желание обнять их, так остро ощущаю пустоту у себя в животе, что знаю: связь между нами не нарушена.

Я никогда не думала и не утверждала, что Аддин и Шах принадлежат мне. Они не принадлежат никому – только самим себе. Иногда я думаю, что они были драгоценным даром, доверенным моей любви и заботе только на время – до тех пор, пока судьба не забрала их у меня. Каждый из них – это особенный мир, не похожий на другие миры, как не похожи друг на друга снежинки, и такой же прекрасный и чистый, как они. Я не могу справиться со своей тоской по ним, не могу привыкнуть к боли, которая захлестывает меня каждый раз, когда мне кажется, что я слышу их голоса. Но я точно знаю – никто не в силах отнять у этих детей, рожденных мною, их душу. Как бы долго им ни пришлось скрывать свои истинные чувства и мысли, я верю, что однажды Аддин и Шахира вспомнят дорогу домой и вернутся ко мне.

Я помню, как любовалась на своих малышей, когда они еще лежали в колыбели, и высчитывала, сколько мне будет лет, когда они начнут говорить, пойдут в школу, впервые влюбятся, когда произойдет тысяча маленьких перемен, знаменующих переход из детства в отрочество и в юность. Я не сомневалась, что первая замечу тот момент, когда они оба перерастут меня; я верила, что буду свидетелем всех главных событий их жизни. Как же я ошибалась.

За эти ужасные годы я поняла две важные вещи. Первая – это то, что никого и ничто в этой жизни нельзя принимать как должное – в любую минуту это могут отнять у тебя. А вторая – это то, что никогда нельзя сдаваться.

В углу моего кабинета стоят два сундука с сокровищами. В них хранятся все мои воспоминания и надежды, все пропущенные

праздники и дни рождения. Я складываю туда подарки, открытки, фотографии и письма, присланные Аддину и Шах. Я верю, что однажды смогу открыть эти сундуки и предъявить моим детям неопровержимые свидетельства того, что все эти годы их продолжали любить и ждать в Австралии.

Не так давно произошли перемены, позволившие мне найти немного смысла в том хаосе, в который превратилась моя жизнь. Я поверила в то, что могу писать, и решила продолжить это занятие. Мне не важно, добьюсь ли я успеха, главное – теперь я могу дать выход словам, переполняющим мой мозг по ночам, когда я борюсь с бессонницей.

За эти долгие и в то же время короткие годы я успела узнать лучшее и худшее в людях, столкнуться с жестокостью и состраданием. Теперь я твердо знаю, что по всему миру люди чувствуют одинаково, а это дает мне надежду, что когда-нибудь они перестанут красть друг у друга детей. Для этого надо всего лишь понять, что родительская любовь не зависит от расы, национальности и вероисповедания и что она сильнее эгоизма и жажды мести.

Аддин и Шахира сейчас гораздо старше, чем были в тот день, когда в последний раз вышли из дома. Я не оставляю попыток увидеться с ними, но пока они не принесли никакого результата. У меня нет возможности узнать, доходят ли до них мои письма и подарки. Мне ни разу не позволили поговорить с ними. Мое горе не стало меньше, но я привыкла к нему, как привыкают к хронической боли, и научилась считать его просто частью своей жизни.

До тех пор, пока я снова не увижу своих детей, я буду жить надеждой.

Жаклин Паскарль

От автора

Я знаю, что мне необыкновенно повезло – я встретила множество чудесных, добрых и самоотверженных людей. Своей любовью они спасали и поддерживали меня в самые тяжелые, безнадежные и горькие моменты, и я всегда знала, что найду в их сердцах безопасный приют.

Спасибо тебе, бабушка, за то, что научила меня высоко держать голову. Я люблю тебя и очень скучаю.

Мои дорогие крестные, тетя Конни и дядя Кевин Кавердейл, вы всегда щедро делились со мной своей любовью и опытом. Если бы не вы, я так и осталась бы несчастным городским ребенком, не знающим ничего, кроме асфальта и запаха бензина.

Дебора Гриббл, Сью и Роб Макартуры, Мэри Мор, Майк Фезерстоун, Джули Джоунс и Джун Канн заслуживают не только благодарности, но и награды за то, как часто они принимали на себя мою тяжелую ношу и давали мне возможность передохнуть.

Любовь и благодарность моим блестящим, упорным юристам и добрым друзьям, Лилиан Уэбб и Джону Удоровичу, которые были рядом со мной с самого начала. Особая благодарность Джошуа и Надин Удорович.

Спасибо тебе, Валери «Мы Пробьемся» Харди.

Огромная признательность Марку Мадерну, Джеку Брауну, Нику и Бену Макартурам и Джессике Уотсон-Мунро – о лучших друзьях Аддин и Шах не могли и мечтать.

Спасибо Хитер и Грэхему Браунам, питавшим меня своей энергией, и Элизабет Лью, благодаря которой у меня появилась возможность сесть и написать эту книгу.

Не могу не выразить отдельной благодарности другим своим поверенным, советчикам и друзьям: Николасу Пуллену из юридической фирмы «Холдинг Редлих», сэру Руперту и леди Эприл Хэймер, судье Биллу Джилларду (бывшему королевскому адвокату), адвокату Джону Кантуэллу, королевскому адвокату Ноэлю Акману, Мюррей и Фрэнки Николл, доктору Майклу Джонсу, Нейлу Миллеру, дяде Эрику (крестному Аддина и Шахиры и моему доброму другу), Майклу Крэмину, Энди и Ким Таварес, Майклу Уилэсси, Робу и Николсу Гелл, Дэвиду и Дебби Хиршфельдер, Джефу Голдштейну, сенатору Роду Кемпу, Бронуин Бишоп, Малколму Фрэйзеру, Роберту Гамилтону, Торранс Мендез, Уэйну Миллеру, Ховарду Сатлеру, Сюзанне Монкс, Майку Мунро, Берту и Пэтти Ньютон, Сьюзан Дункан, Джону О'Лоану, Дэвиду Бробенту, Грэхему Орру, Гэвину Макдугласу, Ричарду и Джоан Уоллерам, Джефу Барнсу, Линде Чемберлен-Крэйтон, Рамоне

Ковал, Джулии Кларк и Ричарду Невиллу, Ри Фрэнсису и Саймону Бинксу. И отдельно – Нэн Кинг.

Спасибо Джеймсу Фрейзеру за веру в то, что я смогу написать эту книгу.

Только благодаря поддержке и бесконечному терпению Деборы Каллахан эта автобиография смогла появиться на свет. Мне необыкновенно повезло – всего за одну жизнь я встретилась с двумя изумительными литературными агентами, которые стали друзьями. Мне всегда будет не хватать вас, мистер Энтони Уильямс.

Не могу не поблагодарить Билла Кэмпбела и всех чудесных людей, работающих в издательском доме «Мэйнстрим паблишинг», поверивших в то, что история одной австралийки может оказаться полезной кому-нибудь в этом мире, и в то, что надежда и упорство способны преодолеть все. Спасибо Питеру Макензи за его деликатную помощь и особенно Фионе Браунли за веру в меня и за нашу дружбу.

Моя вечная и неизменная благодарность сотням добрых людей, которые писали мне письма, звонили и молились за моих детей, и десяткам тысяч австралийцев, подписавшихся под воззванием в их защиту, и тем, что подходили ко мне на улице и выражали сочувствие и поддержку. Спасибо вам всем за Аддина и Шахиру и за вашу доброту, всегда придававшую мне силы.

Глоссарий

Абанг – почтительное обращение, означающее «старший брат».

Абах – отец.

Аллах – мусульманский бог.

Анкат сумпах – приветствие: сложенные ладони подносятся ко лбу в знак почтения.

Баджу-кебая – традиционный женский костюм, состоящий из длинного жакета с отложным воротником и запахивающейся юбки.

Баджу-курунг – традиционный женский костюм – «клетка из ткани» в буквальном переводе.

Баджу-мелаю – традиционный мужской костюм, состоящий из брюк и свободной рубашки с длинным рукавом и без воротника.

Бекенг – яростный, бешеный.

Бомох – колдун, знахарь.

Бунга-гоянг – искусственный золотой цветок на маленькой пружинке – украшение для волос.

Бунга-теллур – традиционный подарок гостям на свадьбе; в буквальном переводе – «яичный цветок».

Гурии – полураздетые секс-ангелы.

Дапур – кухня, находящаяся вне дома.

Датук – придворный высокого ранга.

Даулат туанку – да здравствует король.

Джихад – мусульманская священная война.

Дозар – грех.

Истана Бадария – дворец Бадария.

Истана Мазия – дворец Мазия.

Истиадат беринай – королевская «хенная» церемония.

Калонг – драгоценное ожерелье.

Кедукут – жадный, скупой.

Келинг – оскорбление, относящееся к проживающим в Малайзии индусам.

Кенанг – заколдованный, проклятый.

Коран – святая книга мусульман.

Крис – церемониальный кинжал.

Мак – мать.

Мат саллех – белый человек.

Насыб Тухан – Божья воля.

Нобат – традиционный королевский оркестр в Тренгану.

Оранг дарат, оранг кампунг – деревенские жители.

Пантан – правила поведения и питания для женщины, недавно родившей ребенка.

Парлар – мусульманская система баллов, получаемых за добрые дела.

Раджа – принц или принцесса, правитель.

Рамадан – месяц мусульманского календаря, в который верующие должны поститься от рассвета до заката.

Ротан – розги.

Сайа терима – «я принимаю» – фраза, которую невеста произносит на свадьбе.

Сампин – мужской саронг, который завязывают на талии поверх *баджу-кераю.*

Сонкет – сотканная вручную шелковая ткань с золотой нитью.

Сонкок – овальный мужской головной убор, напоминающий феску.

Суннат – женское обрезание, не обязательное по исламским законам; иногда этот термин используется и для обозначения мужского обрезания.

Талил – мусульманский обряд, во время которого поминают умерших.

Танджок – парадный тюрбан из *сонкета.*

Тенку – титул принца или принцессы.

Тудум-саджи – плетеный навес для защиты от насекомых.

Хантар-беланджар – обмен подарками между женихом и невестой.

Хари-Рая – конец поста и месяца рамадан.

notes

Сноски

1

Знаменитый детектив, американец китайского происхождения, герой популярных романов Э. Д. Биггерса.